This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

WID-LC
HP
50
.M55
1:1.1904
[Pt.6]

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

A
WID+C
AP
50
.M55
vol. 1904
[pt. 6]

Мирный Трудъ

XVIII 3/2

HARVARD UNIVERSITY
LIBRARY
OCT 13 1982
FAS 130 Photo

№ 6.

1904.

Въ редакціи журнала Мирный Трудъ (Харьковъ. Дѣвичь
№ 14-й) и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени
продаются слѣдующія изданія Харьковскаго Отдѣ
Русскаго Собранія.

Альбицкій В. И. проф. „Объ устройствѣ судоходства на Днѣпро
скихъ порогахъ". Цѣна 20 коп. съ пер. 25 к.

Бородкинъ М. М. Памяти В. Л. Величко (о его поэзіи). Цѣна 20
съ пер. 25 к.

Бородкинъ М. М. „О поэзіи Ѳ. И. Тютчева". Цѣна 20 коп.
пер., 25 коп.

Буцинскій П. Н. проф. „Предпріимчивость русскаго человѣка". Цѣ
20 коп. съ пер. 25 коп.

Вицинскій В. П. „Санитарныя нужды нашей арміи на Манчжу
скомъ театрѣ военныхъ дѣйствій". Цѣна 25 к. съ пер. 30

Забитневичъ В. З. проф. „Мѣсто Алексѣя Степановича Хомяко
въ исторіи русскаго самосознанія". Цѣна 25 коп. съ пе
30 коп.

Праздникъ русскаго самосознанія (открытіе Харьковскаго Отдѣ
Русскаго Собранія). Цѣна 20 к. съ пер. 25 к.

Савиновъ. „О замѣнѣ иностранныхъ словъ русскими". Цѣна 20
съ пер. 25 коп.

Стефанъ, епископъ Сумскій. „Памяти В. Л. Величко". Цѣна 10
съ пер. 15 коп.

Страховъ. „Кантъ, какъ учитель нравственности". Цѣна 20 к
съ пер. 25 коп.

Шаховской М. Л. князь. „Мелкая земская единица". Цѣна 20 к
съ пер. 25 коп.

Ф. В. „Мечты русскаго патріота". Цѣна 20 коп.

Выручка отъ продажи изданій Отдѣла жертвуется
на военныя нужды.

Кромѣ вышеупомянутыхъ изданій Харьковскаго Отдѣла Русска
Собранія въ редакціи продается книжка: **Таубе М. Ф. баро**
„Всеславянское значеніе Руслана и Людмилы". Цѣна 20 к
Чистый доходъ предназначается на усиленіе русскаго флота

XVIII 3/2

ГОДЪ ВТОРОЙ.

МИРНЫЙ ТРУДЪ.

(Повременное научно-литературное и общественное изданіе).

№ 6.

(Іюнь).

ХАРЬКОВЪ.
Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., домъ № 17-й.
1904.

Дозволено цензурою. г. Харьковъ. 2 Іюля 1904 года.

№135-56
Государственная ордена Ленина БИБЛИОТЕКА СССР им. В. И. ЛЕНИНА

ОГЛАВЛЕНІЕ

іюньской книжки журнала „Мирный Трудъ".

	Стр.
„На Руси" III—IX (продолженіе). Романъ кн. Д. П. Галицына (Муравлина)	1—36
„Таинства и обряды православной церкви" Епископа Могилевскаго и Мстиславскаго Стефана	37—73
„Зачѣмъ?" стих. о. Филиппа Пестрякова	73
„Замѣтки націоналиста" М. Павловскаго	74—77
„Изъ записной книжки русскаго монархиста" LXV—LXXIV. Н. Черняева	78—93
Славянскія извѣстія І. Микшъ	94—102
„Мечта" стих. о. Филиппа Пестрякова	102
„Новые отдѣлы „Русскаго Собранія" П. Хорсова	103—109
„Картинки изъ жизни бывшаго гимназиста" XI—XIV. М. Кайсарова	110—125
„О необходимости измѣненія принятой системы образованія и воспитанія медиковъ" д-ра Е. Дюкова	126—147
„Отъ Севастополя до Портъ-Артура" (изъ писемъ покойнаго инженеръ-механика В. В Звѣрева)	148—166
„Значеніе М. И. Глинки въ исторіи русской музыки" В. Липина	167—179

„Обновленіе“ А. Каута . . . . . 180—193
„Дѣятельность Обществъ“. В. Сѣлкова. . . . . 194—204
„Обзоръ дѣятельности Русскаго кружка въ Варшавѣ“ Д. В. . . . . 204—207
„Впечатлѣнія народника“ П. Оленича-Гнененко. . . . 208—212
„Военное обозрѣніе“ Н. Черникова . . . . . 213—233
Библіографія: „Военный русско-японскій Толмачъ и краткій систематическій словарь“. Н. Ч. . . . . 234—235
Н. Родзевичъ. „Изъ за чего началась русско-японская война“ Н Ч--овъ. . . . . 236—237
Объявленія . . . . . 238—240

НА РУСИ.*)

Романъ кн. Д. П. Голицына (Муравлина).

III.

Князь Антонъ Александровичъ писалъ письмо тѣмъ блестяще каллиграфическимъ почеркомъ, который приводилъ въ восторгъ его знакомыхъ. Слова плавно выливались изъ-подъ его пера, а онъ самъ съ особеннымъ удовольствіемъ любовался выведенными красивыми строчками. Дописавъ вторую страничку, онъ задумался на минуту, потомъ быстро вывелъ заключительную фразу:

„En dehors des considérations que j'ai l'honneur de soumettre à la très haute appréciation de Votre Excellence, je tiens à Vous dire que la question dont il s'agit, tout en n'étant pas de ma compétence directe, ne peut m'être completement étrangère, car tout ce qui touche, même de loin, au bien-être de notre sainte patrie doit suggerer à ses fils dévoués le désir de contribuer au succès de ses destinées. En même temps que l'assurance de mon trés profond respect, agreez, Exellence, l'expression de mon inaltérable devouement. Prince Antoine Vratyntzef".

Онъ запечаталъ письмо, написалъ адресъ, и съ видомъ человѣка, очень довольнаго собой, откинулся на спинку кресла.

Это былъ человѣкъ средняго роста, лѣтъ за пятьдесятъ, той сытой и гладенькой наружности, какая бываетъ у католическихъ священниковъ въ богатыхъ приходахъ. Сходство съ патеромъ довершалось у него тѣмъ, что онъ не носилъ ни усовъ, ни бороды, и что его жирная лысина производила впечатлѣніе тонзуры. Видно было,

*) Продолженіе См. Мирный Трудъ № 5.

что онъ любитъ заниматься своей внѣшностью, старательно выхоленъ и пользуется превосходнымъ здоровьемъ.

Взглянувъ на часы, онъ слегка нахмурился. Пять минутъ одиннадцатаго, а Вандвурма еще нѣтъ. Сказано было явиться въ десять часовъ утра. Впрочемъ, сегодня некуда спѣшить.

Антонъ Александровичъ всталъ, прошелся по кабинету мягкой и увѣренной походкой. Ему нравилось, что онъ умѣетъ ходить совсѣмъ безъ шума.

Въ дверяхъ показался камердинеръ, доложивъ:

— Господинъ Вандвурмъ.

Князь направился къ письменному столу, сѣлъ, въ ожиданіи появленія гостя. Лицу своему онъ придалъ величественно разсѣянное выраженіе.

Вошелъ Исаакъ Рафаиловичъ Вандвурмъ, рослый брюнетъ лѣтъ тридцати четырехъ, изящно одѣтый, съ острымъ взглядомъ и быстрыми движеніями. Въ наружности его почти совсѣмъ не сказывалось еврейское происхожденіе, развѣ только въ особенной посадкѣ бороды, широкой, густой и волнообразной. Его всего легче было принять за итальянца или испанца.

— Здравствуйте, князь,—сказалъ онъ на ходу,—я рѣшительно не знаю, зачѣмъ вы пожелали меня видѣть, но я постарался быть аккуратнымъ.

Его произношеніе было вполнѣ правильно. Онъ рѣзко отчеканивалъ слова. Князю онъ ткнулъ руку первый, самъ придвинулъ себѣ кресло и сѣлъ.

Антонъ Александровичъ безстрастно произнесъ:

— Я аккуратность цѣню.

Вандвурмъ усмѣхнулся.

— Я тоже. Въ чемъ же дѣло?

— Въ васъ. Дѣло, о которомъ мы будемъ бесѣдовать,—ваше,—отвѣтилъ князь, стараясь не показать, насколько его возмущаетъ тонъ собесѣдника.

Насторожился Исаакъ Рафаиловичъ.

— Мое? Не ожидалъ... Я одинъ знаю свои дѣла.

— Вы, очевидно, разумѣете тѣ интимныя дѣла, относительно которыхъ вы ни съ кѣмъ въ разговоры не вступаете. Но, можетъ быть, вы вспомните, что недавно со-

общили мнѣ о своихъ планахъ, касающихся устройства новаго дачнаго мѣста на балтійскомъ побережьѣ.

— На берегу Финскаго залива, по эту сторону Наровы,—сказалъ Вандвурмъ.

Замѣтно было, что онъ сразу успокоился.

— Совершенно вѣрно. Вы задумали акціонерное предпріятіе и высказали мнѣ, что нуждались бы въ поддержкѣ Кроха.

— И что же?—съ явно оскорбительной усмѣшкой спросилъ Исаакъ Рафаиловичъ,—вы хотите мнѣ помочь? Положимъ, я въ Крохѣ особенно не нуждаюсь. Я вообще ни въ комъ не нуждаюсь, а слѣдовательно и въ васъ. Нуждаться въ комъ-нибудь, это значитъ содержать въ себѣ минусъ. А у меня не такой характеръ, чтобы согласиться на пребываніе въ моей душѣ подобнаго ариѳметическаго знака. Что же касается Кроха, то я вамъ не говорилъ, что мнѣ нужна его поддержка. Я высказалъ и повторяю, что онъ принадлежитъ къ числу лицъ, чье участіе въ финансовыхъ комбинаціяхъ всегда желательно. Это аксіома, а не вопль.

Антону Александровичу было очень непріятно все это слушать. Разговоръ принималъ оборотъ, нимало не отвѣчавшій тому, что онъ ожидалъ. Конечно, онъ понималъ, что у него имѣется возможность „осадить“ посѣтителя, но это не входило въ его соображенія.

Онъ сказалъ совершенно безстрастнымъ голосомъ:

— Вы очень удачно разъясняете мнѣ то, что вамъ представлялось бы нисколько не нуждающимся въ объясненіяхъ, еслибы вы произвольно не усилили смысла одного изъ моихъ выраженій. Во всякомъ случаѣ въ нѣкоторой опытности мнѣ отказать нельзя, и вы могли бы заранѣе быть убѣждены въ томъ, что я не сдѣлаю той ошибки, на которую, повидимому, вы меня считаете способнымъ. Когда говоришь съ такими людьми, какъ Крохъ, являться просителемъ безполезно. Это всякому ясно. Для того, чтобы онъ исполнилъ чье-нибудь желаніе, надо, чтобы это желаніе представилось ему выгоднымъ. Именно въ такой формѣ я предлагаю къ нему обратиться по вашему дѣлу. Надо, чтобы онъ понялъ, что ваша афера принесетъ ему наживу и что...

— Онъ уже это понялъ,— перебилъ Вандвурмъ,—я съ нимъ говорилъ вчера, чрезвычайно подробно...

— Уже?—удивился князь, причемъ въ его голосѣ прозвучало неудовольствіе,—я думалъ, что вы съ нимъ не знакомы.

— Вчера же познакомились.

— Гдѣ?—спросилъ Антонъ Александровичъ, немного разстроенный.

— У него, въ его кабинетѣ главнаго директора Вексельнаго банка. Но развѣ не все равно гдѣ?

— Что-жъ, я очень радъ тому, что мое вмѣшательство въ дѣло было бы излишне. У меня на столѣ лежитъ письмо къ Крюху, и въ этомъ письмѣ я ему говорю о васъ. Вотъ оно. Будьте добры познакомиться съ его содержаніемъ. Вы увидите, что я васъ въ неловкое положеніе не поставилъ бы.

Онъ передалъ запечатанное письмо Исааку Рафаиловичу. Тотъ все съ тѣмъ же непоколебимо самоувѣреннымъ видомъ вскрылъ конвертъ и, взглянувъ на первую строку, со смѣхомъ возвратилъ письмо князю.

— Очень можетъ быть, что вы меня не поставили бы въ неловкое положеніе, а вотъ Крюха ваше письмо не порадовало бы, мнѣ же вышла бы не польза, а только вредъ.

Князь нахмурился.

— Почему?

— Вы пишите по-французски, а Крохъ этого языка не знаетъ. Воображаю его физіономію. Нечего сказать!

Покраснѣвъ, Вратынцевъ бросилъ письмо на столъ.

— Очевидно, мнѣ не суждено было быть вамъ полезнымъ.

Вандвурмъ пожалъ плечами.

— Я думаю, не въ этомъ лежитъ центръ вашего неудовольствія. Вамъ нужно, чтобы польза исходила отъ меня къ вашему сіятельству. Иначе бы вы не стали безпокоиться, а тѣмъ болѣе безпокоить меня. Считаю нужнымъ пояснить, что я пришелъ сюда не потому, что вы меня пригласили, а для того, чтобы оказать вамъ особенную любезность и сообщить, что дѣло ваше улаживается.

— Мое дѣло?—высоко поднявъ брови, переспросилъ Антонъ Александровичъ.

— Вотъ именно. Я сразу понялъ причину вашего вниманія къ моему плану. Рядомъ съ намѣченнымъ мною мѣстомъ лежитъ ваше имѣніе, которымъ вы не умѣете пользоваться и которое не приноситъ вамъ дохода. Вы желаете, чтобы акціонерная компанія его пріобрѣла. Я обсудилъ этотъ вопросъ, сообразилъ, что ваше имѣніе намъ весьма пригодится, объяснилъ это Крохy и онъ сегодня будетъ у васъ. Не говорите съ нимъ по-французски.

Антонъ Александровичъ не зналъ, какое чувство въ немъ сильнѣе радость или гнѣвъ. Ему было очень пріятно, что осуществляется его желаніе сбыть имѣніе, лишенное всякой хозяйственной цѣнности, но тонъ Исаака Рафаиловича его глубоко возмущалъ: „il faudrait le remettre à sa place“,—подумалъ онъ, но тутъ же понялъ, что Вандвурмъ, если захочетъ, испортитъ все дѣло съ Крохомъ. И съ тоской посмотрѣвъ на письмо, заготовленное было къ отсылкѣ Степану Николаевичу, князь произнесъ нерѣшительно:

— Оказывается, что я долженъ васъ благодарить.

— Нимало. Въ вашихъ рукахъ имѣніе ваше стоитъ грошъ, никто его у васъ не купитъ для сельско-хозяйственныхъ цѣлей, потому что у васъ одни пески да сосны, но для курорта оно годится, тѣмъ, болѣе, что примыкаетъ къ другимъ удобнымъ участкамъ и находится на берегу моря. Я посовѣтовалъ его купить, находя это выгоднымъ. Я не имѣю ни малѣйшаго основанія быть вамъ пріятнымъ. Я финансистъ.

Князь едва замѣтно улыбнулся.

— Согласитесь, что вамъ случай помогъ. Васъ внезапно поставила на ноги случайная операція съ Корытовскими акціями. Всему Петербургу извѣстно, какъ вы нажились. Счастливый вы человѣкъ. И если вы такъ же счастливы въ частномъ быту, какъ въ дѣловомъ, то я готовъ вамъ завидовать.

Послѣднія слова Антона Александровича произвели на Вандвурма особенное впечатлѣніе. Злость блеснула въ его глазахъ. Съ язвительной улыбкой онъ проговорилъ:

— Я нисколько не огорченъ тѣмъ, что всему Петербургу извѣстенъ первоисточникъ моего богатства. Весьма возможно, что не всѣ были бы одинаково равнодушны къ

такой освѣдомленности публики по вопросу о томъ, откуда взялось ихъ состояніе. Къ тому же, мало ли что говорятъ. Иные, напримѣръ, утверждаютъ, что вамъ небезвыгодно было управлять дѣлами бывшаго у васъ подъ опекой племянника.

— Господинъ Вандвурмъ! — вскрикнулъ Антонъ Александровичъ, густо покраснѣвъ, и выпрямился

— Дайте договорить. Я ссориться съ вами не хочу. Я продолжаю. Что же касается до моей семейной жизни, то она принадлежитъ мнѣ. Когда меня спрашиваютъ, правда-ли, что вы сохранили особенно добрыя связи съ родственниками вашей покойной матери, живущими въ Пруссіи, я всегда отвѣчаю, что это неправда. Въ самомъ дѣлѣ, достаточно уже поводовъ къ злословію содержитъ въ себѣ то обстоятельство, что вашъ батюшка погибъ на баррикадѣ.

Теперь князь былъ блѣденъ. Неожиданное упоминаніе о родственникахъ, пребывающихъ въ Пруссіи, подѣйствовало на него угнетающе.

— Странно,— пробормоталъ онъ,—моя мать была полька и католичка... я самъ католикъ... естественно, что я не порвалъ съ родными.

Съ безсильной злобой онъ подумалъ: „Съ какой стати намекнулъ я ему на его семейныя неурядицы".

— Ну, вотъ видите, ваше сіятельство,—съ явной радостью произнесъ Исаакъ Рафаиловичъ.— Стоитъ только коснуться семейныхъ дѣлъ, какъ немедленно обрисовывается хотя бы легкое недоразумѣніе. Оставимте разъ на всегда всякія частности. Мы сошлись не для того, чтобы другъ на друга произвести впечатлѣніе, другъ друга поразить своимъ величіемъ, а чтобы доставить себѣ взаимно выгоду. Будемъ думать о будущемъ

— Совершенно вѣрно,— согласился Антонъ Александровичъ, который понялъ, что всѣ позиціи имъ утеряны, что надо оставить борьбу. Онъ снова обрѣлъ наружное спокойствіе, но на этотъ разъ съ придаткомъ любезности.

Желая показать, что онъ чувствуетъ себя прекрасно, князь продолжалъ:

— Я позволю себѣ не смотрѣть на наше дѣло исключительно со стороны нашихъ обоюдныхъ выгодъ. По-

нятно, что безъ выгодъ ни одно дѣло прочно не творится, но кто же станетъ отрицать, что вами и мною руководятъ и соображенія болѣе высокаго характера. Мы затѣваемъ предпріятіе, призванное отвѣтить широкимъ потребностямъ, призванное служить обществу. Слѣдовательно, это предпріятіе входитъ въ составъ той обширной отечественной работы, которая неустанно исполняется на пользу нашей родины. Я думаю, что мы, такимъ образомъ, участники большого русскаго дѣла, что отечество намъ скажетъ спасибо.

Увидѣвъ на лицѣ Вандвурма невыносимо-насмѣшливую улыбку, онъ остановился, непріятно смущенный. Тотъ весело спросилъ.

— Виноватъ, князь, вы, очевидно, подсказываете мнѣ текстъ нашего обращенія къ будущимъ акціонерамъ.

— Послушайте..

— Ну, да, это вы говорите для публики, я полагаю, а не для меня. Если думать о Россіи, то я бы отнесъ свои деньги въ главное казначество, а вы бы подарили свое имѣніе на устройство въ немъ какого-либо заведенія для бѣдныхъ. Дѣло—всегда дѣло. Мечтанія ему вредятъ. Мы о себѣ думаемъ, а не о Россіи. И что такое Россія? Понятіе собирательное и крайне условное. Если сложить насъ обоихъ вмѣстѣ, русской крови получится только на полчеловѣка, а между тѣмъ мы считаемся русскими. Я долженъ вамъ сказать, что считаю патріотизмъ отжившимъ понятіемъ.

Мысль Исаака Рафаиловича не оскорбила князя, но выраженія показались слишкомъ опредѣленными.

— Такъ-то такъ,—сказалъ онъ,—я вполнѣ согласенъ съ вами... Разумѣется, патріотизмъ имѣетъ свои хорошія стороны, но онъ не долженъ выражаться въ шовинизмѣ, въ нетерпимости. Мы живемъ въ эпоху расцвѣта цивилизаціи и никогда не должны забывать, что просвѣщеніе космополитично... Вообще...

Онъ сталъ искать словъ и не находилъ ихъ.

— Ладно! - оборвалъ Вандвурмъ,—мы другъ друга и безъ словъ понимаемъ. Я полагаю, что мы столковались. О подробностяхъ съ вами потолкуетъ Крохъ, который у васъ сейчасъ будетъ, а пока я убѣгаю съ сознаніемъ того,

что очень пріятно провелъ у васъ время. Аферу мы сдѣлаемъ блестящую, и если Россія будетъ ей радоваться. это докажетъ, что она умѣетъ цѣнить умныхъ людей. До свиданья.

Снова ткнувъ руку Антону Александровичу, Исаакъ Рафаиловичъ быстро вышелъ.

Князь подумалъ: „Au fond, c'est un animal qu'il faut prendre dans son jeu avec la manière de s'en servir".

Настроеніе его было смутно. Онъ понималъ, что не сумѣлъ себя поставить и что Вандвурмъ занялъ преобладающее положеніе. Что и говорить, пріятно нажить деньги. А все-таки неловко насчетъ патріотизма... On pense ces choses là, mais on ne les dit pas, que diable!

IV.

Вошелъ камердинеръ и подалъ Антону Александровичу визитную карточку Степана Николаевича Кроха. Князь быстро пошелъ на встрѣчу гостю.

— Степанъ Николаевичъ, пожалуйте... Я очень радъ васъ видѣть у себя... Представьте, я только что о васъ думалъ.

— Вѣроятно, потому, что вы меня ожидали. У васъ былъ Вандвурмъ, отвѣтилъ Крохъ такимъ ровнымъ и внушительнымъ тономъ, который ясно говорилъ: „тише, не волнуйся, не нарушай моего спокойствія".

Ему минуло сорокъ два года, но онъ казался тридцатипятилѣтнимъ. О немъ говорили, что онъ сохранился въ собственной важности. Дѣйствительно, въ его взглядѣ и движеніяхъ сказывалось желаніе быть величественнымъ, и ему это удавалось, не смотря на то, что онъ былъ немного ниже средняго роста. Также какъ князь Антонъ Александровичъ, онъ не носилъ ни бороды, ни усовъ, но не походилъ, подобно князю, на католическаго священника, а поражалъ своимъ сходствомъ съ Юліемъ Цезаремъ. Что-то безстрастное, повелительное было въ его лицѣ. Его еврейское происхожденіе ни въ чемъ на видъ не выражалось.

— Садитесь, дорогой, сюда, сюда, будетъ удобнѣе,— хлопоталъ князь,—мы съ вами обо всемъ потолкуемъ. Я знаю, вы не любите терять время.

— И потому толковать будемъ какъ можно менѣе,— сказалъ Крохъ, садясь,—я къ вамъ прислалъ Вандвурма именно для того, чтобы избавиться отъ прелиминарныхъ разговоровъ. Вы въ принципѣ согласны?

— Да, конечно...

— Превосходно. Подробныя условія изложены на этомъ листкѣ. Будьте добры ихъ просмотрѣть и дать мнѣ завтра отвѣтъ.

Онъ передалъ Антону Александровичу листъ бумаги, сложенный вчетверо

Князю показалось, что происходитъ нѣчто неладное. Вандвурмъ былъ сегодня съ нимъ наглъ, а Крохъ до крайности сухъ. Сговорились они, что ли? Въ чемъ дѣло? Какъ бы то ни было, надо притвориться, будто ничего не замѣтилъ

— Въ такомъ случаѣ,—съ напускной веселостью произнесъ Антонъ Александровичъ, —я могу приписать доказательству вашей любезности то обстоятельство, что вы пожаловали ко мнѣ...

Степанъ Николаевичъ провелъ передъ собою рукою, словно отметалъ что-то лишнее.

— Припишите это той минимальной любезности, которая въ дѣлахъ необходима. Затѣмъ свиданіе отнимаетъ часто меньше времени, чѣмъ переписка, въ особенности, когда требуется выяснить настроеніе того, съ кѣмъ имѣешь дѣло.

— Мое настроеніе—самое дѣловое и хорошее,—пошутилъ князь.

— И даже игривое,—закончилъ Крохъ.

„Décidément, tu m'embêtes!—подумалъ Антонъ Александровичъ.—Постой, я тебя сейчасъ подведу подъ легкую непріятность“.

— Итакъ, многоуважаемый Степанъ Николаевичъ, мы можемъ считать исчерпаннымъ тотъ вопросъ, ради котораго вы меня почтили своимъ посѣщеніемъ. На вашъ минимумъ любезности я постараюсь отвѣтить максимумомъ вниманія, когда буду читать условія нашей сдѣлки. Завтра я вамъ сообщу свое рѣшеніе, заранѣе скажу—утвердительное. Но позвольте воспользоваться вашимъ пребываніемъ у меня, чтобы обратить ваше вниманіе на Исаака

Рафаиловича Вандвурма. Вы, конечно, его знаете, и я не предполагаю васъ съ нимъ знакомить, но считаю долгомъ подчеркнуть, что это субъектъ изворотливый, энергичный, могущій быть очень полезнымъ въ финансовыхъ дѣлахъ

— Да. Онъ жидъ,-- отвѣтилъ Крохъ.

„Однако, а ты самъ?— мелькнуло въ умѣ князя.— Кто изъ васъ обоихъ больше нахалъ".

— Ну, знаете ли, въ наше время, кто же обращаетъ вниманіе на національность! Жизнь раздвинула эти искусственныя племенныя рамки Я лично отношусь къ евреямъ съ большимъ уваженіемъ и долженъ признать, что они—самый талантливый народъ. Но вернемся къ Вандвурму Въ немъ дремлетъ будущая громадная сила Дайте ей развиться. Впрочемъ, всего лучше будетъ, если вы прочитаете письмо. которое я было заготовилъ для васъ. Прочитайте, пожалуйста

Степанъ Николаевичъ взялъ письмо, увидѣлъ что оно написано на языкѣ, ему мало знакомомъ. однако, провелъ глазами по всѣмъ строкамъ., а потомъ сказалъ:

— Вы, дяденька. шутникъ.

Князь вздрогнулъ

— Позвольте...

— Васъ удивляетъ слово „дяденька", или слово„шутникъ"? И то, и другое, вѣрно! Вы мой дядя хотя бы и не родной, потому что я внукъ сестры вашего отца. Ея бракъ съ моимъ дѣдомъ порвалъ ея связь съ семьей: князья Вратынцевы отъ нея отвернулись и я очень этому радъ. Я никакимъ родствомъ не дорожу. Назвалъ я васъ сейчасъ „дяденька", потому что неудобно было бы сказать: „ваше сіятельство, вы шутникъ" .. А шутникомъ я васъ назвалъ вотъ по какой причинѣ. На вашемъ столѣ я вижу разорванный конвертъ на мое имя и въ этомъ конвертѣ было то письмо, которое я держу въ рукахъ. Мнѣ извѣстно, что у Васъ былъ Вандвурмъ, посланный къ вамъ мною. И мнѣ легко воспроизвести всю исторію вашего письма Вы его написали сегодня утромъ. предполагая направить ко мнѣ съ нимъ Исаака Рафаиловича и желая тѣмъ самымъ пріобрѣсти вѣчную благодарность этого геніальнаго, по вашему мнѣнію, финансиста. Но изъ разговора съ Вандвурмомъ выяснилось, что онъ въ вашей

протекціи не нуждается. Тогда, чтобы ваши старанія не пропали даромъ и чтобы доказать Исааку Рафаиловичу свое желаніе быть ему полезнымъ, вы вскрыли письмо и дали ему прочитать. Вотъ тутъ вы неизбѣжно должны были услышать отъ Вандвурма, что я не говорю по-французски Иначе не можетъ быть, ибо не дальше, какъ вчера вечеромъ, Вандвурмъ былъ вынужденъ подробно объяснить мнѣ на русскомъ языкѣ письменное предложеніе, полученное имъ для передачи мнѣ отъ одного французскаго инженера. Слѣдовательно, вы мнѣ отдали это письмо, по существу утерявшее всякій смыслъ, исключительно для того, чтобы меня колынуть, воображая, что я сконфужусь. А я—ничуть не бывало Я не говорю по-французски. Вопросъ исчерпанъ и я на васъ не въ претензіи.

Пока Степанъ Николаевичъ говорилъ, Антонъ Александровичъ старался поскорѣе сообразить, какъ бы ему вывернуться, но такъ и не сумѣлъ ничего придумать и оказался бы въ нѣсколько затруднительномъ положеніи, если бы неожиданное обстоятельство не пришло ему на помощь

— Можно войти?—раздался звонкій голосъ Алексѣя Павловича, и молодой Вратынцевъ, не ожидая отвѣта, вошелъ въ кабинетъ.

— Здравствуйте, дядя... Я пріѣхалъ сегодня утромъ и вынужденъ сразу васъ безпокоить, попросить у васъ обратно мои бумаги, которыя вы взялись сохранить. Здравствуйте. Не ожидали?

Онъ поцѣловался съ дядей и поздоровался съ Крохомъ.

— Я помѣшалъ? Простите.

— Мы свою бесѣду довели до конца,—сказалъ Степанъ Николаевичъ, а Антонъ Александровичъ выразилъ желаніе поцѣловать своего племянника еще разъ, что немало удивило Алексѣя Павловича.

— Какъ ты окрѣпъ! Молодецъ! Похожъ поразительно на своего отца Я тебѣ сейчасъ достану твои бумаги, а потомъ позавтракаемъ вмѣстѣ Степанъ Николаевичъ, вы не откажетесь отъ завтрака холостяка?

„Съ чего это онъ радуется?—задалъ себѣ вопросъ

его племянникъ.— Полюбилъ ли онъ меня за время моего отсутствія, или Крохъ ему надоѣлъ?"

— Я очень занятъ, прошу извинить,—холодно объяснилъ Степанъ Николаевичъ,—я удаляюсь. Не буду мѣшать родственнымъ чувствамъ.

— Сейчасъ, сейчасъ, минутку погодите,—захлопоталъ старикъ,—я ему достану бумаги.

И вышелъ въ сосѣднюю комнату

Крохъ всталъ, величественно произнесъ:

— Вы путешествовали?

Его тонъ до крайности не понравился Алексѣю Павловичу. Не передать ли ему поклонъ отъ двоюроднаго дяди его, Айзика Фейерверка? Нѣтъ все будетъ въ свое время.

— Да, странствовалъ. Больше всего по славянскимъ землямъ.

— Пора увлеченія нашего общества этими странами прошла,—снисходительно сказалъ Степанъ Николаевичъ.

— Авось вернется.

Крохъ улыбнулся

— Намъ надо думать о себѣ, а не о славянахъ.

— О себѣ, то есть о русскихъ, и главнымъ образомъ думать по-русски. Отъ этого наше общество отвыкаетъ.

— Князь, если вы захотите проводить такіе взгляды въ жизнь, то вамъ придется много поработать въ семейномъ кругу.

— Вы намекаете на моего дядю? Я его оставлю въ покоѣ. Впрочемъ, я не собираюсь читать публикѣ проповѣди.

Въ голосѣ собесѣдника Степанъ Николаевичъ замѣтилъ раздраженіе. Онъ рѣшилъ, что ему нѣтъ никакой надобности сердить этого молодого человѣка. Онъ проговорилъ съ большей привѣтливостью:

— Во всякомъ случаѣ, вы могли бы подѣлиться со своими знакомыми многими интересными деталями... Да, кстати, я познакомился съ однимъ изъ вашихъ товарищей, съ Вандвурмомъ. Дѣльный малый.

При имени Вандвурма, князь заволновался. Сердце его сжалось.

— Да, какъ же, помню...

— Если вамъ будетъ пріятно его встрѣтить у меня, не откажите у меня послѣ завтра откушать. Разумѣется,

я не имѣю никакихъ правъ на такую вашу любезность, такъ какъ мы всего второй или третій разъ встрѣчаемся. но я надѣюсь на ваше согласіе.

„И она будетъ?—подумалъ Вратынцевъ.—Не судьба ли?"

— Благодарю васъ, я пріѣду.

— Куда пріѣдешь?—спросилъ Антонъ Александровичъ входя.—Вотъ твои бумаги.

Онъ вручилъ племяннику туго набитый конвертъ.

— Я позволилъ себѣ пригласить князя у меня откушать послѣ завтра,—объяснилъ Крохъ.—До свиданья. Слѣдовательно, князь, вы завтра дадите окончательный отвѣтъ. Имѣю честь кланяться.

Старшій Вратынцевъ пошелъ его провожать. Вернувшись, онъ сказалъ:

— Въ сущности это feiner Kanditer, человѣкъ безъ страха, но съ упреками. Но я радъ, что ты у него обѣдаешь. Этого господина надо имѣть въ числѣ своихъ пріятелей.

— Это, дядя, вѣрно только для тѣхъ, которымъ приходится дѣлать денежныя дѣла. Но я, впрочемъ, считаю, что съ человѣкомъ, котораго не особенно уважаешь, лучше быть въ хорошихъ отношеніяхъ, нежели въ дурныхъ, потому что въ дурныхъ отношеніяхъ словно больше интимности. На мой взглядъ, быть съ негодяемъ въ ссорѣ чрезвычайно унизительно. Это значитъ ставить себя съ нимъ на одну доску. Если ужъ нельзя прекратить съ нимъ всякое знакомство, то лучше всего установить между нимъ и собой цѣлый буферъ ничего не значащихъ любезностей и строгой вѣжливости. Ссорятся только съ равными, съ тѣми, съ которыми не постыдно помириться.

Старшій Вратынцевъ понялъ эти слова въ томъ смыслѣ, къ которому наиболѣе располагало его воспитаніе, данное ему іезуитами.

— Совершенно вѣрно, надо скрывать свои чувства. Не всегда выгодно ихъ показывать, я тебя понимаю.

— Нѣтъ. Вы меня вовсе не понимаете. Дѣло не въ томъ, чтобы скрываться, а чтобы обезпечить себя отъ грязи. Негодяй долженъ знать, что я считаю его негодяемъ, но называть его негодяемъ я не хочу, потому что это меня уронитъ.

— Des subtilités... идемъ завтракать. Ты мнѣ кстати разскажешь о своихъ намѣреніяхъ.

Алексѣю Павловичу даже смѣшно стало при мысли, что онъ посвятитъ дядю въ тѣ настроенія, съ которыми вернулся изъ за границы. Идя за нимъ въ столовую, онъ сказалъ:

— Хочу сдѣлаться публицистомъ... Хочу писать...

— Писать?—безучастно повторилъ Антонъ Александровичъ.—Садись... Кушай... О чемъ писать?

Завтракъ у него всегда состоялъ изъ холодныхъ блюдъ и проходилъ безъ присутствія прислуги. Это давало возможность говорить безъ стѣсненія.

— О современныхъ вопросахъ.

— Какіе же теперь вопросы? Никакихъ вопросовъ нѣтъ. Кто ихъ задаетъ? Кто призванъ на нихъ отвѣчать.

— Да, вотъ вы, дядя, сейчасъ задали три вопроса, и всѣ они имѣютъ общественное значеніе. Я хочу писать о томъ, что Россія должна быть русской. Къ этому вопросу всѣ вопросы приложатся.

— Vive l'armée!—насмѣшливо произнесъ старикъ.—Патріотизмъ, націонализмъ, шовинизмъ... Возьми-ка лучше осетрины.

— Совершенно справедливо. Я возьму осетрины. Это будетъ лучше, чѣмъ говорить съ вами о томъ, чего вы не хотите понять. Вы, вѣроятно, читаете съ любовью „Столичный Вѣстникъ", а я-то въ немъ писать не буду.

Антонъ Александровичъ нахмурился.

— Я вижу, что съ тобой надо потолковать серьезно. Не дѣлай глупостей. Не суйся въ дѣла, которыя въ тебѣ не нуждаются. Ты создашь себѣ враговъ, наживешь непріятности.

— Потому что я буду отстаивать русское на Руси?

Неожиданно старый Вратынцевъ засмѣялся.

— Что за чепуха! Какая тамъ Русь?! Никакой Руси нѣтъ. Кого ты хочешь обмануть? Мы должны служить Россіи, той Россіи, которую мы теперь видимъ. Она состоитъ изъ всѣхъ тѣхъ, кто къ ней примкнулъ. Никто не имѣетъ права передѣлывать ее по своему.

— Это и мое мнѣніе. Я и хочу сказать другимъ: перестаньте ее передѣлывать, не суйтесь къ намъ съ за-

падомъ, предоставьте намъ мыслить и чувствовать по своему. Но какъ буду я съ вами спорить, когда вы даже не православный?

Обидѣлся Антонъ Александровичъ.

— Я князь Вратынцевъ. Я на всѣ торжественныя богослуженія ѣзжу въ православный храмъ и молюсь за святѣйшій синодъ. Чего же тебѣ еще?

— Я возьму еще осетрины, — угрюмо сказалъ Алексѣй Павловичъ.

V.

Коля вошелъ къ отцу и спросилъ:

— Папа, нѣтъ ли у тебя какой нибудь книги почитать?.. Я приготовилъ уроки.

Сергѣй Федоровичъ Ушкуевъ оторвался отъ груды корректурныхъ гранокъ, посмотрѣлъ на сына съ такимъ видомъ, словно къ нему пришелъ самый бездарный и скучный изъ его сотрудниковъ. Онъ проговорилъ, очевидно, думая о другомъ:

— Ты приготовилъ уроки?

И продолжалъ смотрѣть на мальчика тяжелымъ разсѣяннымъ взглядомъ.

Они совсѣмъ не походили другъ на друга. Мальчикъ, четырнадцатилѣтній худощавый брюнетъ, съ ласково-грустнымъ выраженіемъ лица, казался болѣзненнымъ и хрупкимъ. Онъ производилъ впечатлѣніе такого существа, преобладающимъ свойствомъ котораго является нѣжность.

А Сергѣй Федоровичъ, сутуловатый, некрасивый, съ всклокоченными рыжими волосами и торчащей во всѣ стороны бородою, вызывалъ въ каждомъ своемъ собесѣдникѣ такое ощущеніе, какъ будто передъ нимъ находится сердитый ежъ. Самодовольства въ его глазахъ было столько, что его можно было принять за вдохновеніе.

— Какую книгу?—проговорилъ онъ крикливо, точно внезапно проснувшись.

Коля вздрогнулъ.

— Все равно... Нѣтъ ли у тебя чего-нибудь про Минина и Пожарскаго?

— Что-нибудь про Минина и Пожарскаго,—съ озлобленіемъ повторилъ Ушкуевъ.—Соловьева тебѣ? Карамзина?

Энциклопедическій словарь? Или Загоскина? Безтолочь! Самъ не знаешь, чего просишь. Да, не знаешь... Тебя подучили.

По мѣрѣ того, какъ онъ произносилъ слова, раздраженіе въ немъ разросталось. Лицо его приняло то тупое и злое выраженіе, которое бываетъ у очень глупыхъ и сердитыхъ людей.

— Кто тебя подучилъ? Какъ ты смѣешь?

Дрожащимъ голосомъ мальчикъ отвѣтилъ:

— Папа, я самъ хочу знать подробно про Минина и Пожарскаго.

— Дуракъ! Ты и такъ глупъ, а тутъ еще я стану пичкать тебя глупыми баснями. Пошелъ вонъ...

Коля отшатнулся, словно крикъ отца толкнулъ его въ грудь. Блѣдный, прикусивъ нижнюю губу, онъ не могъ оторвать взгляда отъ Сергѣя Федоровича. Больно ему было смотрѣть на искаженное злобой лицо отца, хотѣлось его не видѣть, а отвести глазъ нельзя... словно столбнякъ нашелъ... а самъ онъ чувствуетъ, что къ глазамъ подкатили слезы, что слезъ много въ горлѣ, въ сердцѣ, во всей груди... Плакать нельзя. Заплачешь, будетъ хуже. Плакать запрещено.

— Вонъ!—повторилъ Ушкуевъ,—иди къ своей старой дурѣ.

„Старая дура—это няня!“—понялъ мальчикъ; къ его скорби примѣшивался гнѣвъ, который помогъ ему справиться со слезами. Онъ повернулся и вышелъ, медленно, съ дрожью въ тоненькихъ ножкахъ.

У себя въ комнатѣ онъ засталъ няню, старуху, выходившую еще его покойную мать.

— Досталъ книжку-то?—спросила она, сморщивъ добродушное круглое лицо въ улыбку.

— Нѣтъ. Папа не далъ. Онъ меня выбранилъ. Онъ и тебя выбранилъ... Онъ сказалъ, что это все глупыя басни... Онъ меня терпѣть не можетъ.

Начавъ довольно спокойнымъ голосомъ, Коля произнесъ послѣднія слова со слезами. Выдержки у него больше не хватило, онъ заплакалъ громко, всей душей измученнаго ребенка. Онъ самъ слышалъ свой плачъ, съ такимъ чувствомъ, какъ будто этотъ плачъ постепенно

его окружаетъ, обматываетъ горемъ. Состояніе бреда охватило его. Ему казалось, что онъ куда-то уходитъ въ глубь, въ темноту, прикрывается стонами, и что эти стоны красные, теплые, мучительные. Смутно ощущалъ онъ, что старушка его обняла и цѣлуетъ, говоритъ ему привычныя слова утѣшенья. Знаетъ онъ эти слова, такъ хорошо знаетъ, что для нихъ въ его душѣ какъ бы образовалось постоянно готовое мѣсто. Когда онъ ихъ слышитъ, ему хочется крикнуть: „мама! мама", потому что ему кажется, что это мамины слова, оставшіяся послѣ ея смерти... Давно умерла мама, когда ему было три года, но онъ помнитъ ее, видитъ... Онъ постоянно думаетъ о ней и молится: „мама, не отходи отъ меня"... Онъ теперь плачетъ, а она слышитъ, слышитъ и заставляетъ няню говорить... И у него вырывается стономъ:

— Мама, мама! Я несчастный. Мама, приди ко мнѣ, тронь меня. . Мама, я хочу тебя чувствовать. Мама, неужели тебѣ меня не жалко...

— Ну, полно, полно, болѣзный мой!—шепчетъ няня,— перестань... не надо... Боженька разсердится, будь паинька...

Она говоритъ съ нимъ такъ, словно ему пять лѣтъ, и онъ понимаетъ эту рѣчь лучше, чѣмъ всякую другую.

— Еслибы мама была жива, я не былъ бы несчастенъ... Отчего Богъ взялъ у меня маму... Отчего, няня?

— Не взялъ Онъ ее у тебя... Она за тебя молится... а взялъ Онъ ее отъ злыхъ людей, чтобы они перестали ее мучить. Ей теперь хорошо...

„Злые люди"... Колѣ ясно представляются, въ его полубреду, эти злые люди... Онъ ихъ видитъ ясно, и всѣ они похожи на его отца. Навѣрно, папа тоже кричалъ на маму... А можетъ быть, онъ ее билъ... Развѣ легче быть сердитымъ, чѣмъ добрымъ?..

Наконецъ, Коля успокоился, припадокъ миновалъ, онъ выпилъ воды.

— Такъ-то лучше,— сказала няня,—было и прошло. Не стоитъ вспоминать.

— Не стоитъ, няня, да, не стоитъ.

Коля словно вернулся къ своему четырнадцатилѣтнему возрасту. Спокойнымъ, разсудительнымъ голосомъ онъ спросилъ:

— Какъ ты думаешь, няня, почему папа не любитъ русскихъ?

— Господь съ тобой... да онъ самъ русскій...

— Мама была русская... я русскій... а онъ всѣхъ любитъ, только не русскихъ... Всѣ это говорятъ про его газету, да и я самъ вижу.

— Эхъ, милочка, не нашего ума это дѣло...

— Вотъ это за Минина и Пожарскаго онъ разсердился... Няня... я хотѣлъ тебѣ почитать, но все равно я тебѣ разскажу про нихъ.

— Разскажи, милый... а я послушаю...

Мальчикъ оправился.

— Видишь ли, было такое время, когда поляки совсѣмъ притѣснили русскихъ... Мининъ былъ изъ народа, а Пожарскій былъ князь... Они прогнали поляковъ, спасли Русь... Понимаешь, няня, соединились человѣкъ изъ народа и человѣкъ родовитый, пошли вмѣстѣ, потому, что ихъ соединила любовь къ отечеству... Видишь ли?.. понимаешь ли?..

Замялся, Коля, не находилъ словъ. Ему было обидно, что онъ не умѣетъ разсказывать.

— Какъ не понять?—сказала няня,—вотъ какъ подъ француза въ Севастополь шли, такъ что баринъ, что мужикъ, всѣ одинаковы, потому что для всѣхъ родина одна...

— Вотъ, вотъ, няня, ты вѣрно говоришь, родина одна.

— И за вѣру свою, значитъ...

— И за вѣру, няня.

— Всѣ одной молитвой молимся.

— Всѣ, няня, всѣ... Вотъ, ты все понимаешь...

— И мальчикъ примолкъ, довольный. Онъ улыбнулся, забывъ свои недавнія слезы.

„Вылитая мать!“—думала няня.

VI.

Послѣ ухода сына, Сергѣй Федоровичъ удержалъ въ себѣ на нѣкоторое время злость Онъ вообще находилъ въ гнѣвѣ нѣкоторое удовольствіе. Ему нравилось, что онъ можетъ кричать на тѣхъ, которые отъ него зависятъ. Какъ будто искали отмщенія всѣ его предки съ материнской стороны, подвергавшіеся преслѣдованіямъ и униженіямъ.

Онъ считалъ, что нѣтъ лучше способа проявить свою власть, какъ оскорблять подвластныхъ. И на сына онъ смотрѣлъ, какъ на подчиненнаго.

„Скверный мальчикъ!—подумалъ онъ.—Скрытный, всегда недовольный... Совсѣмъ, какъ мать".

О своей покойной женѣ, Ольгѣ Константиновнѣ, онъ не могъ вспомнить безъ ощущенія большой досады. Такое было въ немъ чувство, словно она умерла раньше, нежели онъ успѣлъ причинить ей всѣ непріятности, какія считалъ справедливыми. Дуракъ, погнался за красотой! Первые же дни совмѣстной жизни показали, что имъ даже просто знакомымъ быть нѣтъ возможности Всѣ его мысли ей не нравились, и каждое ея слово звучало скрытымъ противорѣчіемъ. Ея отецъ, старикъ Кускинъ, вздумалъ было вмѣшаться. Ну, быстро отъѣхалъ онъ, понялъ, что не туда сунулся. Она сразу поставила себя жертвой. На лицѣ ея было написано: „я страдаю". Это было невыносимо. До разрыва не доходило, но все время были они на краю разрыва. Такъ длилось четыре года. Она умерла, но жива въ его сынѣ. Она умерла въ первый годъ изданія „Столичнаго Вѣстника"... Съ какимъ презрѣніемъ она относилась къ этой газетѣ. Да, именно съ презрѣніемъ, и не скрывала этого чувства. А онъ на зло ей подчеркивалъ ненавистное ей направленіе, поднималъ на смѣхъ всякое русское начинаніе, искалъ популярности среди инородцевъ. Ему нравилась всякая строка, которая могла показаться ей оскорбительной. Одно время онъ велъ газету такъ, точно у него не было другой цѣли, какъ полемизировать съ женой. Онъ выработалъ въ себѣ слогъ особо горячей наглости, и подписчиковъ стало у него сразу много. Явились и средства. Многимъ оказалось выгодно его поддерживать. А чѣмъ еврейскія деньги хуже другихъ? О нихъ даже можно сказать, что это деньги по преимуществу, самыя напряженныя деньги.

— Побесѣдовалъ самъ съ собой и довольно!—вслухъ подумалъ Ушкуевъ и вернулся къ работѣ. Занимался онъ вобще много, почти не зналъ усталости.

Передъ нимъ въ гранкахъ лежала пространная корреспонденція изъ Привислинскаго края, въ которой сообщались подробности сенсаціоннаго процесса.

Изложена была корреспонденція живо, съ „разговорами", съ недурными бытовыми сценками. Сергѣй Федоровичъ въ общемъ остался доволенъ, но нѣсколько словъ вставилъ, пару строкъ вычеркнулъ и придалъ всему сообщенію ту окраску, которая отвѣчала его цѣлямъ. Достаточно было нѣсколькихъ штриховъ, чтобы въ читателѣ создалось смутное убѣжденіе въ томъ, что въ данномъ случаѣ поляки пострадали отъ русскихъ и что власти проявили крайнее пристрастіе... И вмѣстѣ съ тѣмъ ни къ чему придраться нельзя. Тонъ не вызывающій, а подготовительный. Послѣ десяти такихъ статей подписчикъ будетъ самъ требовать, чтобы ему опредѣленно сказали, что безъ русскаго элемента было бы подчасъ во многихъ мѣстностяхъ гораздо лучше. Въ этомъ отношеніи Ушкуевъ никогда не упускалъ случая дѣйствовать. Даже въ театральныхъ рецензіяхъ проводилъ онъ свои взгляды. Не будь это невозможно, онъ поставилъ бы открыто своимъ девизомъ: le patriotisme c'est l'ennemi.

— Я къ вамъ безъ доклада,—услышалъ онъ въ дверяхъ голосъ Вандвурма,—некогда ждать.

Съ обычной развязностью, Исаакъ Рафаиловичъ вошелъ въ редакторскій кабинетъ, не ожидая отвѣта.

Ушкуевъ не поморщился.

— А! здравствуйте! Очень пріятно. Садитесь. Новости есть?

— Какъ не быть!

— Сейчасъ, позвольте мнѣ распорядиться.

Онъ позвонилъ.

— Метранпажа!—отрывисто приказалъ онъ появившемуся разсыльному,—скорѣй!

И сталъ рыться въ бумагахъ. Передъ посѣтителемъ ему хотѣлось показаться очень занятымъ и властнымъ.

Вошелъ метранпажъ. Сергѣй Федоровичъ сунулъ ему кипу гранокъ.

— Чтобы черезъ часъ вторая полоса была у меня. Слышите? Ивана Петровича предупредите о томъ, что небрежнаго отношенія къ дѣлу я не потерплю. Онъ не корректоръ, а чортъ знаетъ что. Пусть не попадается мнѣ на глаза. Идите... Разсыльный! Никого не принимать. Всѣхъ гнать въ шею. Я занятъ.

Когда метранпажъ вышелъ, Ушкуевъ обратился къ Вандвурму.

— Ну-съ?

Исаакъ Рафаиловичъ закурилъ папиросу, поудобнѣе развалился въ креслѣ и сказалъ:

— Вы тоже чортъ знаетъ что.

— А?!

— Очень просто. Я хочу нарушить ваше грубое настроеніе и самъ начинаю грубить. Вы, очевидно, принимаете меня за наборщика. А теперь будемъ толковать по-пріятельски.

Ушкуевъ пожалъ плечами.

— Съ вами всегда исторіи... Не хочу съ вами ссориться... Не сердитесь... Очевидно, у васъ ко мнѣ дѣло.

— Похоже на то. Съ Крохомъ вопросъ улаженъ. Вексельный банкъ пустилъ наши акціи на биржу. Вратынцевъ продаетъ намъ свое имѣніе. Слѣдовательно, все въ порядкѣ.

— Ну, не особенно... Вы забываете утвержденіе устава, всѣ формальности и ..

— Я ничего не забываю, даже того, что не нуждаюсь въ напоминаніяхъ. Все придетъ по очереди. А теперь мнѣ нуженъ „Столичный Вѣстникъ“. Нужна статья...

Ушкуевъ, оскорбленный, рѣшился скрыть обиду, но усмотрѣлъ возможность поломаться. Онъ принялъ удивленный видъ.

— Статья? Вамъ нужна статья? Вы желаете, чтобы я написалъ о вашемъ финансовомъ предпріятіи?

— Вы имѣли бы полное основаніе удивляться, если бы я къ вамъ обратился съ подобной просьбой,—съ усмѣшкой прервалъ Вандвурмъ.—Зачѣмъ буду я васъ просить о томъ что могу сдѣлать самъ? Статья уже написана, а вы ее только помѣстите.

— Странно. Я не понимаю. Общество еще даже не учреждено. Слѣдовательно, о чемъ же мы теперь будемъ говорить?

— Опять таки объ этомъ я подумаю самъ, не возлагая на васъ легкомысленно этой заботы. Будьте покойны.

— Послушайте, Исаакъ Рафаиловичъ, ваши колкости хоть кому надоѣдятъ,—нервно проговорилъ Сергѣй

Федоровичъ,—можно вообразить, что не вы во мнѣ нуждаетесь, а я въ васъ. Будьте хоть вѣжливы.

— А вы не ломайтесь. Вотъ статья. Строкъ двѣсти. О необходимости устроить роскошный курортъ на берегу Финскаго залива. Статья подготовительнаго свойства. А дальше пойдутъ другія.

Съ ехидствомъ, Ушкуевъ спросилъ:

— Вы мнѣ позволите познакомиться съ тѣмъ, что вы написали.

— Всякій авторъ долженъ дорожить тѣмъ, чтобы его произведеніе было прочитано. Прошу васъ.

Сергѣй Федоровичъ быстро просмотрѣлъ двѣ страницы, отстуканныя на пишущей машинѣ.

Вандвурмъ весело пояснилъ:

— Гонорара я не требую. Даже наоборотъ...

Притворившись, что послѣднія слова онъ не разслышалъ, Ушкуевъ сказалъ:

— Напечатать можно. Хотите—въ завтрашнемъ нумерѣ. Онъ больше всѣхъ идетъ въ розницу. На второй страницѣ.

— Великолѣпно. Я радъ, что мы столковались.

— Я бы даже просилъ позволенія кое-что прибавить. Недурно бы припустить нѣсколько фразъ о томъ, что русскій капиталъ страдаетъ непростительной косностью и что предпріятія...

— Патріотическую нотку?—перебилъ Исаакъ Рафаиловичъ.—Не думаю, чтобы она нашла откликъ въ вашихъ постоянныхъ подписчикахъ... Впрочемъ, я ничего противъ не имѣю. Иногда полезно играть и на балалайкѣ. Ну, до свиданія... Мнѣ пора. Мы столковались.

„До перваго случая!“ мысленно возразилъ Сергѣй Федоровичъ.

Спрятавъ статью въ столъ, онъ медленно произнесъ:

— Разумѣется, я долженъ имѣть въ виду, что эта статья меня свяжетъ, такъ какъ за ней появятся другія.

Вандвурмъ понялъ и одобрилъ, подумавъ: тебѣ хочется знать, сколько окажется у тебя въ приходѣ Это дѣло.

— Непремѣнно,— сказалъ онъ,—это начало кампаніи.

— По чужому дѣлу?

Исаакъ Рафаиловичъ почувствовалъ себя въ родной еврейской средѣ. Это доставило ему большое удовольствіе.

Онъ хлопнулъ собесѣдника по плечу.

— По чужому? Вовсе нѣтъ. Мы хотимъ, чтобы вы смотрѣли на это дѣло, какъ на свое. За вами уже записано сто акцій Вопросъ рѣшенный. Сегодня утромъ я видѣлъ вашу фамилію въ спискѣ.

Ушкуевъ счелъ долгомъ удивиться.

— Сто акцій? Съ какой стати? Если это подарокъ, я подарковъ не беру.

— Зачѣмъ подарокъ! Мы не сошли съ ума, чтобы отдавать свою собственность даромъ. Но съ другой стороны, намъ нельзя же на васъ наживаться. Эти акціи будутъ вамъ переданы по номинальной цѣнѣ, за сто рублей каждая.

— Съ тѣмъ, чтобы я ихъ потомъ продалъ съ барышомъ?

— Очевидно.

— Я акціи покупаю, понимаете, а себя на продаю.

— Ясно.

— Могу я эту операцію не держать въ тайнѣ?

— Да.

„Западни тутъ нѣтъ“,—сообразилъ Сергѣй Федоровичъ.

Онъ кивнулъ.

— Хорошо. Я согласенъ. Я ничего не понимаю въ этихъ дѣлахъ... коль скоро вы ручаетесь, что я не понесу убытка... А барышъ...

— Барышъ вы считайте платой за объявленія, а объявленіями считайте наши статьи. Будемъ американцами. Намъ такъ же легко быть ими, какъ русскими.

И Вандвурмъ засмѣялся.

Сергѣй Федоровичъ терпѣть не могъ, чтобы ему намекали на его нерусское происхожденіе. Слова Вандвурма показались ему циничными. Онъ ничего не отвѣтилъ и угрюмо простился съ Исаакомъ Рафаиловичемъ.

Оставшись одинъ, онъ посмотрѣлъ на часы. Десять ровно. Не начать ли вечерній пріемъ? Въ редакціи навѣрное накопилось нѣсколько человѣкъ...

Вдругъ, точно вспомнивъ важное дѣло, онъ быстро вышелъ изъ кабинета, прошелъ черезъ столовую и, пріоткрывъ дверь въ комнату сына, съ озлобленіемъ крикнулъ:

— Если ты, дрянный мальчишка, сейчасъ не ляжешь спать, я тебя выпорю!

VII.

Князь Алексѣй Павловичъ не радъ былъ, что попалъ въ театръ. Шла тяжелая, мучительная драма начинающаго автора, признавшаго необходимымъ какъ можно скорѣе доказать публикѣ, что онъ постигъ всѣ ужасы жизни и хоть кого доведетъ до разстройства нервовъ. Дѣйствіе происходило въ захолустномъ русскомъ городкѣ, но всѣ дѣйствующія лица производили такое впечатлѣніе, точно рѣшили внушить, что всѣ герои Ибсена и Метерлинка, въ сравненіи съ ними, превеселые люди Сразу ощущался гнетъ невѣроятной тоски, готовность къ повальному безумію. По сценѣ ходили мрачныя тѣни, говорящія шопотомъ, толкующія о самоубійствахъ. Не было никакого сомнѣнія въ томъ, что авторъ поставилъ себѣ задачей написать пьесу съ настроеніемъ, т. е. такую, которая всякое настроеніе можетъ испортить. И большинство публики слушало съ глубокимъ вниманіемъ, какъ бы говоря автору: мучь насъ, мы это любимъ.

Постепенно Вратынцевъ чувствовалъ, какъ его охватываетъ тоска, начинающая переходить въ отвращеніе и желаніе уйти. Онъ вспомнилъ, что совершенно такое же ощущеніе испытывалъ въ Санъ-Себастіанѣ, попавъ на бой быковъ. Но тамъ онъ понималъ настроеніе окружающихъ, вдохновленныхъ подобнымъ зрѣлищемъ. Тамъ вокругъ него волновалась толпа, наслѣдственно пріученная къ виду издыхающихъ лошадей съ волочащимися по песку внутренностями, лужъ крови и подробностей грубой бойни. Тамъ люди увлекались молодечествомъ и красотою тореадоровъ, опьяненные прелестью борьбы. А здѣсь? Кому нужны и кому пріятны эти нравственные ужасы скандинавскаго и фламандскаго происхожденія? Гдѣ художественная сторона душевныхъ уродствъ? Бредъ понятенъ только больнымъ.

Онъ отвернулся отъ сцены, посмотрѣлъ на залу. Въ полутьмѣ, рядами бѣлыхъ пятенъ виднѣлись лица зрителей. Вглядѣвшись, Алексѣй Павловичъ разсмотрѣлъ, что это были нахмуренныя, напряженныя лица. Такъ смотрятъ

люди, обязанныя присутствовать при мучительной операціи. Каждый изъ нихъ унесетъ домой расшатанную душу, и на всей дѣятельности его завтрашняго дня отразится это. Къ самоубійству и къ мрачнымъ рѣшеніямъ они будутъ ближе, нежели сегодня утромъ. И Вратынцевъ не зналъ, на кого ему сердиться больше: на автора или на публику.

Вдругъ онъ вздрогнулъ. Въ четвертомъ ряду креселъ сидѣла Надя Клинцова, смотрѣла на него. Больно кольнуло его въ сердце, волненье охватило его, когда она ему кивнула. Онъ едва не всталъ, чтобы кинуться къ ней, но съ озлобленіемъ понялъ, что надо дожидаться конца акта. „Надя Клинцова. Не Клинцова, а Вандвурмъ, не Надя, а Надежда Константиновна!“—подумалъ онъ съ болѣзненнымъ чувствомъ и сталъ искать, нѣтъ ли рядомъ съ нею ея мужа. Нѣтъ, повидимому, она одна. Рядомъ съ ней сидитъ съ одной стороны толстая дама, а съ другой студентъ бѣлесовато-финляндской наружности. Въ антрактѣ авось студентъ встанетъ, и тогда можно будетъ подсѣсть къ ней, все высказать. Надо чтобы она знала...

Что знала? Что онъ ей скажетъ? Вѣдь все будетъ слишкомъ ново, слишкомъ непохоже на то, что было раньше. И зачѣмъ говорить, когда она теперь чужая?

Къ Вандвурму онъ почувствовалъ ненависть.

На сценѣ намѣренія автора обрисовывались. Послѣ того, какъ первыя явленія могли внушить зрителямъ мысль, что мать героини постарается отравить мужа своей дочери, мало-по-малу стало выясняться, что она къ концу пьесы повѣсится, чтобы всѣмъ причинить непріятность. И какъ только опредѣлилось свойство предстоящихъ ужасовъ, занавѣсъ опустился. Захлопали громко, рѣшительно.

Князь направился къ Надеждѣ Константиновнѣ, но быстро идти не могъ, потому что въ проходѣ стало тѣсно.

Передъ нимъ толстый господинъ говорилъ:

— Да, я вамъ доложу, наша русская жизнь... Безрадостная.

Сосѣдъ ему отвѣтилъ:

— Громадная наблюдательность. Психологія замѣчательная. Une pièce russe.

— Et une pièce rosse...

Двоимъ другимъ острота понравилась. Они засмѣялись нервно.

Когда Вратынцевъ подошелъ къ четвертому ряду, бѣлокураго студента около Надежды Константиновны уже не было И она смотрѣла на князя пристально, открыто.

Онъ подумалъ: „Ей ничто не мѣшаетъ на меня смотрѣть. Слѣдовательно, она не знаетъ, что я къ ней чувствую, и сама она видитъ во мнѣ только друга".

Быстро протянула она ему руку, едва онъ подошелъ къ ней, и вполголоса проговорила:

— Вы не можете себѣ представить, какъ я обрадовалась, когда увидѣла васъ... Господи! Какъ давно!

Голосъ ея смутилъ Алексѣя Павловича. Послышалось ему въ немъ что-то, заставившее его взволноваться.

— А я-то!—вырвалось у него,—я-то какъ обрадовался!

Онъ сѣлъ, не выпуская ея руки и тотчасъ же подумалъ: „Не надо. Зачѣмъ эта сантиментальность?"

— Я васъ увидѣла, какъ только вы вошли... Знаете, вы очень поправились... Ну, разскажите, гдѣ вы были все это время, что съ вами случилось интереснаго, когда вернулись?

— Не мнѣ разсказывать, а вамъ,—сказалъ Вратынцевъ.—Я все тотъ же.

Онъ ожидалъ, что послѣ этихъ словъ она смутится. Но она улыбнулась

— Ахъ, да, мое замужество...

Взглядъ ея не дрогнулъ, спокойно слился съ его взглядомъ. „Никогда не любила меня и никогда не воображала даже, что я могу ее любить!"—съ чувствомъ обиды подумалъ князь. И ему непріятно было, что она похорошѣла. Ея голубые глаза словно сдѣлались глубже, бѣлокурые волосы золотистѣй. Сколько ей лѣтъ? Двадцать второй годъ...

— Вотъ именно, ваше замужество,— подтвердилъ онъ,—это такъ неожиданно...

— Неожиданно?

Она засмѣялась.

— Представьте себѣ, мнѣ это многіе ставятъ въ упрекъ. Для меня тоже было неожиданно...

— И вы тоже себя упрекаете?—болѣе остроумія ради,

нежели по убѣжденію, сказалъ Вратынцевъ, и сразу понялъ, что его слова причинили Надеждѣ Константиновнѣ боль. Глаза ея перестали смотрѣть увѣренно.

— Я этого не знаю,—поспѣшилъ онъ прибавить.

— Мы не о томъ говоримъ, о чемъ слѣдуетъ, – быстро произнесла она,– что за разговоръ послѣ двухъ лѣтъ..

Тѣмъ голосомъ, которымъ на допросахъ говоритъ слѣдователь, онъ спросилъ:

— Почему вы вышли за Вандвурма?

— Странный вопросъ. Онъ мнѣ понравился. Онъ умный человѣкъ. Вы же его хорошо знаете.

Ея лицо снова стало совершенно спокойно. Видно было, что она вновь овладѣла собой и уже не дастъ себя смутить.

„Сегодня ничего не выйдетъ“,—рѣшилъ Алексѣй Павловичъ.

— Да, я его знаю... Вы знакомы съ Крохомъ?

Она удивилась.

— Нѣтъ. Почему?

— Вашъ мужъ и я завтра у Кроха обѣдаемъ. Если-бы вы тоже тамъ были, мы бы встрѣтились...

— Милости просимъ къ намъ. Я скажу мужу, чтобы онъ васъ пригласилъ.

— А онъ не знаетъ, что я васъ любилъ?—едва слышно произнесъ Вратынцевъ, охваченный желаніемъ во что бы то ни стало побѣдить ея равнодушіе. Но она точно ждала этихъ словъ.

— Откуда же ему знать, когда я сама этого не знаю!

Рѣзко, покраснѣвъ, она произнесла:

— И знать не хочу... До свиданья, вы видите, дѣйствіе начинается.

Алексѣй Павловичъ всталъ, поклонился и вернулся къ своему мѣсту. Онъ смотрѣлъ на сцену, но совершенно не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, что передъ его глазами происходило. Онъ мысленно твердилъ: „Что за пошлость! Какъ все пошло складывается!“

Гнѣвъ на всѣхъ и недовольство собой мѣшали ему разсмотрѣть собственныя мысли. Явилось совершенно новое настроеніе, вызванное откровеннымъ и мучительно-безсодержательнымъ разговоромъ. Тревожитъ состояніе

собственнаго безумія, сердитъ нарастаніе ошибокъ. Успокоившись немного, онъ подумалъ: „я ее люблю“.

И тотчасъ же онъ почувствовалъ, что дѣйствительно любитъ Надежду Константиновну. Обыкновенно, когда говорятъ „любовь“, представляется нѣжное чувство. У него не такъ. Ему мучительно нужно, чтобы она его любила, чтобы она сказала ему: , я тебя люблю“. Пока этого не случится, въ немъ будетъ такое чувство, которое болѣе похоже на злобу, чѣмъ на любовь. Сейчасъ она лгала, каждымъ своимъ словомъ и каждымъ своимъ движеніемъ лгала... Она подозвала его для того, чтобы объявить: „ты посторонній“. Она въ теченіе всего перваго дѣйствія готовилась къ этому разговору и все сообразила. Она хитрила. Слѣдовательно, ей необходимо было хитрить. Слѣдовательно, она чувствуетъ себя виновной. Она его любитъ. Она со своимъ мужемъ несчастна. Но почему же она вышла замужъ? Ради денегъ?

„Пустяки!—разсуждалъ Вратынцевъ.— Я богаче Вандвурма... Не по любви же...“

И ему сдѣлалось очень больно, когда ему показалось, что онъ угадалъ причину: „потому что она любила меня, потому что я, не сознавая своего чувства къ ней и не угадавъ ея любви, уѣхалъ... Она бросилась въ этотъ бракъ такъ-же, какъ могла бы броситься въ воду. Зачѣмъ же превращать ошибку въ обманъ... Надо объясниться открыто.“

„А потомъ?— задалъ онъ себѣ вопросъ.—Любовница? Дрянной адюльтеръ? Парижскій романъ съ тайными свиданіями? Нѣтъ, ни за что! Надо добиться развода. Непремѣнно. Женюсь на ней“.

Взволнованный, онъ повернулся въ ея сторону. Она смотрѣла на сцену съ неподвижнымъ лицомъ, но онъ чувствовалъ, что она его видитъ... Господи, какъ она хороша... Сколько жизни таится подъ ея притворнымъ равнодушіемъ! Въ слѣдующемъ антрактѣ я къ ней подойду снова, заставлю ее высказаться.

На сценѣ раздался выстрѣлъ. Князь вздрогнулъ, посмотрѣлъ на актеровъ, увидѣлъ, что одинъ изъ нихъ валяется на коврѣ. изображая предсмертныя страданія. Занавѣсъ медленно опустился.

„Нѣтъ, все не такъ, надо приготовиться!—подумалъ Вратынцевъ.—Я къ ней не пойду".

Когда онъ прошелъ мимо четвертаго ряда, она на него не смотрѣла.

— А! Такъ? Хорошо. И я буду притворяться. Не подойду. Но ходъ за мной.

Онъ покинулъ театръ въ смутномъ настроеніи. Далека была мысль о задуманной дѣятельности.

VIII.

— Вѣра Степановна, Сарра Борисовна просятъ васъ къ себѣ,—сказала горничная.

— Хорошо, сейчасъ,—съ досадой проговорила Вѣра, откинувъ книгу, и подумала: „а я-то надѣялась, что сегодня бабушка оставитъ меня въ покоѣ".

Она подошла къ зеркалу, провѣряя, нѣтъ ли на ней чего-либо слишкомъ наряднаго. Нѣтъ, кажется. Нельзя быть проще одѣтой. Но вѣдь бабушка какъ будто сердится на то, что она хорошенькая. А что тутъ подѣлаешь? Подурнѣть прикажете? Вамъ угодно, чтобы въ Вѣру Крохъ всѣ влюблялись исключительно ради ея денегъ?

— Милочка, вы недурненькая,—вслухъ заявила она своему отраженію.

Двадцатилѣтняя блондинка, съ сѣрыми глазами, она была очень хороша. Смотрѣть на нее было пріятно и весело, потому что въ ней преобладало жизнерадостное настроеніе. Съ перваго взгляда видно было, что она добра, привѣтлива.

— Бабушка тебя зоветъ, что же ты, милая, не идешь.—услышала она голосъ матери.

И въ комнату вошла Марья Ивановна Крохъ, довольно толстая, добродушная на видъ женщина лѣтъ тридцати семи, бывшая когда то очень красивой. Подурнѣла она, главнымъ образомъ, отъ того, что на ея лицѣ глубоко залегли тѣ морщины, которыя обрисовываются, когда человѣкъ жмурится отъ страха. Недаромъ о ней говорили, что мужъ ее терроризируетъ.

— Къ докладу? - засмѣялась Вѣра.—А ты, мама, не знаешь, въ чемъ дѣло?

Марья Ивановна торопливо отвѣтила:

— Не знаю...

— Ой, такъ ли? Мамочка, скажи... Я должна же приготовиться. Можетъ быть, она сердится за то, что я вчера прошла въ банкъ и сказала одному чиновнику, что я буду за него просить папу? Я люблю ходить въ банкъ... тамъ смѣшно... Люди сидятъ за рѣшеткой, какъ звѣри, и публикѣ приказано ихъ не дразнить. Они, тѣ, которые за рѣшеткой, гораздо больше любятъ меня, чѣмъ папу, который на нихъ кричитъ... Или потому, что я долго читала въ кровати?.. Все она узнаетъ... Это невыносимо.

— Нѣтъ, нѣтъ, браниться она не будетъ,—успокоила дочь Марья Ивановна.

— А! Значитъ, ты знаешь, въ чемъ дѣло! Ты выдала себя...

Испугъ выразился въ лицѣ матери.

— Ничего я не знаю... Ты не должна говорить, что я знаю... Отецъ не хочетъ...

— Stephane, tyran de Padoue!—пошутила Вѣра, но тотчасъ же ласково прибавила:—Ну, хорошо, хорошо, маменька... все равно сейчасъ отъ бабушки узнаю... Но почему это всѣ не умѣютъ не бояться папы. Я вотъ его совсѣмъ не боюсь. Итакъ, иду къ бабушкѣ.

Она поцѣловала мать и пошла черезъ длинный рядъ богато убранныхъ комнатъ. По дорогѣ она остановилась у окна, посмотрѣла черезъ дворъ на второй этажъ, гдѣ помѣщались залы Вексельнаго банка. Скоро пять часовъ... Служащіе отправятся домой. Весь день считали они чужія деньги, а своихъ то у нихъ, конечно, не хватаетъ... Это, должно быть, очень тяжело.

Вздохнула она, всегда готовая по-дѣтски всякаго пожалѣть, и пошла дальше. По мѣрѣ того, какъ она приближалась къ бабушкиной половинѣ, Вѣра старалась принять серьезный видъ. Бабушка не любитъ, чтобы около нея улыбались. Должно быть, ей очень скучно жить. Такъ ей и надо.

„А впрочемъ, я бабушку люблю,—подумала она,—Такъ легко всѣхъ любить. Другіе этого не понимаютъ".

Вошла она къ бабушкѣ тихо, почти совсѣмъ беззвучно. Въ большой комнатѣ, гдѣ горѣла всего одна элек-

трическая лампа, пахло очень непріятно лекарствами. Этотъ запахъ дѣйствовалъ на Вѣру угнетающе.

Бабушка Сарра Борисовна, дочь Баруха Фейерверкъ, сидѣла въ большомъ креслѣ, лицомъ къ двери. Толстая, блѣдная, съ малоподвижными заплывшими черными глазами, она была некрасива до крайности. Она смотрѣла злобно. Черный паликъ прикрывалъ ей виски гладкими блестящими прядями и придавалъ ея наружности зловѣщее выраженіе.

„Въ сущности, это хорошо, что она никому не показывается, подумала Вѣра.—Она смущала бы папиныхъ гостей".

Увидѣвъ внучку, Сарра Борисовна приказала ей:

— Остановись. Не подходи. У меня насморкъ, я могу тебя заразить.

„Это значитъ, что она не расположена со мною цѣловаться", - угадала Вѣра.

Она остановилась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ старухи.

— Здравствуйте, бабушка.

Та посмотрѣла на нее внимательно.

— Мнѣ съ тобой нужно говорить. Слушай хорошенько. Во-первыхъ, ты должна одѣться поизящнѣе.

— Поизящнѣе?—съ изумленіемъ повторила Вѣра — Это совсѣмъ невѣроятныя слова... Что это значитъ?

— Не перебивай. Молчи. Сегодня у твоего отца будутъ гости. Я хочу, чтобы ты понравилась одному изъ нихъ.

Вѣра подумала: „я и такъ всѣмъ нравлюсь... но теперь хотятъ меня выдать замужъ. За кого? За еврея не пойду".

Старуха продолжала:

— Я такъ приказываю. Понимаешь?

— Да, бабушка.

Будетъ князь Алексѣй Павловичъ Вратынцевъ. Все зависитъ отъ тебя. Я хочу, чтобы ты вышла за него замужъ. Слышишь?

Внучка почувствовала себя глубоко обиженной. Задорно она отвѣтила:

— Слышу. Но вы, пожалуйста, прикажите и ему, чтобы онъ мнѣ понравился Онъ, можетъ быть, похожъ на мопса. Или это господинъ, которому нужно мое приданое.

Сарра Борисовна обдала ее холоднымъ взглядомъ,

который съ несомнѣнною выразительностью означалъ: „ты передо мною такъ ничтожна, что я презираю твою дерзость".

Она сердито произнесла:

— Ты мнѣ глупостей не говори. Говори глупости своему отцу, такъ какъ онъ ихъ слушаетъ. Я хочу, чтобы ты вышла замужъ за князя Вратынцева. Такъ надо. Такъ хочется твоему отцу, и я ему сказала, что первая буду говорить съ тобой. Я старшая. Я приказываю.

Надоѣло Вѣрѣ стоять передъ бабушкой. Она сѣла. Конечно, ее сердило, что ею распоряжаются, но, не будучи ни въ кого влюблена и никого въ качествѣ мужа въ виду не имѣя, она рѣшила, что можетъ слушать равнодушно.

— А можно узнать, что это за Вратынцевъ?—спросила она.—Вы говорите, Александръ Павловичъ...

— Алексѣй... Вратынцевъ съ нами въ отдаленномъ свойствѣ. Впрочемъ, объ этомъ въ другой разъ. Онъ молодъ, красивъ и богатъ...

Вѣра засмѣялась.

— Богатъ? Надо сочинить для него бабушку, которая приказала бы ему на мнѣ жениться... Иначе ничего не выйдетъ...

— Ты красива,—холодно отвѣчала старуха.

— Что-жъ, и онъ, вы разсказываете, красивъ, да можетъ мнѣ опротивѣть, потому что его навязываютъ... А я ему навязываться не хочу.. Посмотрю, каковъ онъ. А знаете бабушка вы меня удивляете... Я всегда думала, что вы меня будете выдавать замужъ за еврея...

— Иди. Я устала,—сказала Сара Борисовна.

Увидѣвъ, что внучка, по привычкѣ, собирается поцѣловать у нея руку, она крикнула:

— У меня насморкъ. Не подходи!

„Боится, что у меня сдѣлается красный носъ!"—смѣшливо подумала Вѣра, уходя.

Разговоръ съ бабушкой не оставилъ въ ней никакого впечатлѣнія. Не можетъ же она волноваться по поводу какого то князя Вратынцева, котораго никогда не видѣла. Что бы старуха ни говорила, насильно замужъ не выдадутъ О чемъ же безпокоиться? Скорѣе всего, начинается смѣшная исторія. Что-то въ родѣ смотринъ. Этотъ

князь будетъ, пожалуй, передъ ней извиваться... Подурачить его можно. Весело.

— Ну, что!—съ тревожнымъ лицомъ спросила Марья Ивановна.

— Ахъ, мамочка, ты опять волнуешься. Бояться нечего. Бабушка рѣшила выдать меня замужъ и обратить въ княгиню.

Мать кивнула.

— Знаю. Степанъ Николаевичъ сказалъ.

Со смѣхомъ, Вѣра ее поцѣловала.

— Не могу я, мама, привыкнуть къ тому, что ты папу называешь по имени и отчеству.. Точно онъ какой-то знакомый. Вотъ ты что скажи... Хочешь ты, чтобъ я вышла замужъ за Вратынцева?

— Твой отецъ такъ хочетъ.. а я что...

Вѣра самодовольно улыбнулась.

— Папа хочетъ и расхочетъ, какъ я захочу.

Марья Ивановна испуганно посмотрѣла на дверь.

— Тише.. Если онъ узнаетъ, что я тебѣ позволяю такъ выражаться... Ты пріодѣнься.. А я пойду, похлопочу... Я за все вѣдь отвѣчаю.

Оставшись одна, Вѣра притихла совсѣмъ. Грустно ей сдѣлалось. Замужъ... Уйти... Жизнь сложилась у нея такъ, что ей ничего не хочется. Все безразлично. Смѣешься потому, что для смѣха много пустого мѣста. Въ сущности, жизни нѣтъ, пока ничего не желаешь. Отецъ живетъ: онъ хочетъ денегъ и власти. Мать живетъ: она хочетъ, чтобы ей жилось лучше.

Но печальное настроеніе не могло удержаться въ Вѣрѣ надолго. Она подумала: „почему бы не постараться, чтобы Вратынцевъ въ меня влюбился? Это будетъ забавно".

IX.

Степанъ Николаевичъ вернулся домой къ шести часамъ, прошелъ къ себѣ въ кабинетъ и приказалъ позвать Марью Ивановну.

— Ну, что!— спросилъ онъ сурово,— у бабушки былъ разговоръ съ Вѣрой?

Несчастье Марьи Ивановны заключалось въ томъ, что она всегда чувствовала себя передъ мужемъ винова-

той. Ей казалось, что она рѣшительно во всемъ имъ обвинялется и что оправдаться у нея нѣтъ никакой возможности Смутилась она и теперь.

— Былъ разговоръ, былъ,—пробормотала она, холодѣя подъ неподвижнымъ взглядомъ мужа.

— И что же?

Этотъ вопросъ засталъ ее врасплохъ.

— Не знаю..

Ледянымъ и мѣрнымъ голосомъ, который явно старался быть невыносимо оскорбительнымъ, Крохъ спросилъ:

— Ты не изволила поинтересоваться?

— Вѣрочка согласна. Она ничего...

— Какъ же ты говорила, что не знаешь... Слѣдовательно ты знаешь... Или ты врешь?

Марья Ивановна заплакала. Мужу ея только это и нужно было.

— Иди, сказалъ онъ,—пришли ко мнѣ Вѣру.

— Она еще не готова,—всхлипнула несчастная.

— Когда будетъ готова.

„Не гожусь я ему! Не гожусь!—мысленно вопила Марья Ивановна, уходя.—Ему нужна умная жена, потому что онъ великій человѣкъ".

Отпустивъ ее, Степанъ Николаевичъ подошелъ къ письменному столу, посмотрѣлъ на кипу писемъ и бумагъ, хотѣлъ было приняться за чтеніе, но вдругъ, нахмурившись, позвонилъ.

— Иванъ, посмотри на столъ! -приказалъ онъ вошедшему лакею. Голосъ его звучалъ такою злобой, какъ будто передъ нимъ стоялъ ненавистный человѣкъ, причинившій ему рядъ несчастій.

Иванъ побѣднѣлъ, заметался, подошелъ къ столу, съ широко раскрытыми глазами и ничего не видя отъ страха.

— Смотришь?

— Смотрю-съ.

Крохъ наслаждался его страхомъ. Онъ чувствовалъ себя властнымъ. Онъ находилъ, что тотъ лишь властенъ, котораго боятся. Когда его боялись, онъ забывалъ о томъ, что онъ маленькаго роста.

— Все въ порядкѣ?--спросилъ онъ все болѣе и болѣе гнѣвнымъ голосомъ,—все въ порядкѣ, мерзавецъ?

Лакей безпомощно трепеталъ, сознавая, что погибаетъ по неизвѣстной причинѣ.

— Карандаши!—внезапно закричалъ Степанъ Николаевичъ.—Всѣ они очинены? А?

Онъ произнесъ рядъ грубыхъ бранныхъ словъ, надвигаясь на Ивана съ такимъ видомъ, словно собирался его ударить.

— Можно войти?—услышалъ онъ голосъ дочери.

Мгновенно лицо его измѣнилось, стало безстрастнымъ. Жестомъ онъ приказалъ лакею выйти

— Иди, милая,—ласково проговорилъ онъ,—я тебя ждалъ

Вѣра кинулась его цѣловать. Она была одного роста съ нимъ, но казалась выше.

— Итакъ, папа, ты хочешь изъ меня сдѣлать княгиню?

Онъ засмѣялся.

— Хочу... Бабушка тебѣ сказала?..

— Сказала... Знаешь, ты ей больше не поручай ничего такого. Она едва всего дѣла не испортила. Скажетъ такъ, что всякую охоту отобьетъ..

— А охота есть?

Крохъ былъ теперь веселъ, шутилъ, радостно любовался дочерью.

— Никакой. Зачѣмъ мнѣ замужъ? И съ какой стати буду я стремиться замужъ за человѣка, котораго я никогда не видѣла.. Хоть бы показали мнѣ его сперва, безъ предупрежденій.

Погладивъ дочь по головѣ, Степанъ Николаевичъ объяснилъ:

— Всегда лучше быть предупрежденнымъ. Впрочемъ, такъ захотѣла твоя бабушка. Сегодня утромъ я съ ней подѣлился своими мыслями о томъ, что Вратынцевъ былъ бы для тебя подходящимъ, и она пожелала съ тобою потолковать. Ты понимаешь, милая, что я желаю тебѣ только добра. Ты самое дорогое мое сокровище.

Голосъ его дрогнулъ. Вздохнувъ, онъ продолжалъ:

— Дороже тебя у меня никого нѣтъ. Третьяго дня, встрѣтившись съ Вратынцевымъ, я былъ пораженъ его симпатичностью. Это блестящій человѣкъ, и я сразу подумалъ, что онъ, изъ всѣхъ, кого я знаю, одинъ, пожа-

луй, достоинъ тебя. Не принуждаю тебя, но надѣюсь, что онъ тебѣ понравится.

— А я ему?—лукаво спросила Вѣра.

— Шутница.

Онъ поцѣловалъ ее въ лобъ.

— Я счастливъ,—сказалъ онъ,—я счастливъ потому, что предвижу твое счастье.

— Какъ все ты быстро рѣшаешь. Еще увидимъ.. Однако седьмой часъ .. Сейчасъ придутъ, а ты растрепалъ мнѣ прическу.

Чмокнувъ отца въ щеку, она выпорхнула.

Крохъ поглядѣлъ ей вслѣдъ съ восхищеніемъ. Болѣе совершеннаго существа для него не было.

— Господинъ Малинъ,—доложилъ лакей.

Крохъ сразу нахмурился.

— Кто?

— Малинъ... Они говорятъ, что дежурный... съ бумагой...

— Просить.

Вошелъ блондинъ лѣтъ тридцати, небольшого роста, совсѣмъ незначительной наружности.

— Что случилось?—враждебно встрѣтилъ его Степанъ Николаевичъ.—Могли сказать по телефону.

Вошедшій не смутился, кратко объяснилъ:

— Бумагу подписать. Вы забыли.

— Забылъ? Почемъ вы знаете, что я забылъ? Можетъ быть, я не хотѣлъ... Давайте.

Онъ почти вырвалъ бумагу изъ рукъ Малина, посмотрѣлъ на нее и сразу увидѣлъ, что она спѣшная. Это его разсердило, потому что онъ терпѣть не могъ, чтобы его уличали въ оплошности. Злобнымъ взглядомъ окинулъ онъ служащаго, потомъ подошелъ къ столу, стоя подписалъ бумагу, отдалъ ее съ небрежнымъ кивкомъ. Онъ находилъ, что подчиненныхъ можно держать только страхомъ.

Малинъ взялъ подписанный листъ, кивнулъ еще болѣе небрежно и вышелъ.

„Скотина!—подумалъ Крохъ.—Должно быть, изъ дворянъ, съ гонорамъ. За глаза, навѣрно, называетъ жидомъ. Я говорилъ, чтобы русскихъ не брали на службу къ намъ въ банкъ.

Князь Д. Голицынъ.

(Продолженіе слѣдуетъ). *(Муравлинъ).*

Таинства и обряды Православной Церкви.

На сколько сильно интересы и литература нашихъ предковъ въ до-Петровскую Русь были направлены въ сторону религіи и религіозныхъ вопросовъ, настолько же далеко отошли они въ противоположную сторону въ послѣдующее время. Если въ усиленной погонѣ за европейскою культурою мы не потеряли еще религіи своей совсѣмъ, если еще совсѣмъ не позабыли о душѣ и ея *культурѣ* для царствія Божія, то все же религіозные вопросы насъ интересуютъ меньше всего, все же общество наше, даже и образованное, дошло до поразительнаго невѣжества въ области своей религіи. Невѣжество это касается самыхъ основныхъ догматовъ православія, самыхъ существенныхъ сторонъ исповѣдуемой нами религіи. Жалкіе обрывки свѣдѣній по Закону Божію, когда-то давно и коекакъ изучавшагося на школьной скамьѣ, не доказательство противнаго. Когда Св. Синодъ объявилъ графа Льва Толстого не принадлежащимъ къ Православной Церкви, какъ многіе (не считая уже супруги графа), искренно считающіе себя и образованными людьми и православными христіанами, возмутились этимъ актомъ! Изъ посланія Св. Синода, подробно указывающаго на „ниспроверженіе всѣхъ догматовъ Православной Церкви и самой сущности вѣры христіанской", они ничего не усмотрѣли, кромѣ того, что Толстой отвергаетъ якобы лишь *нѣкоторые обряды*, а это де не доказываетъ отреченія его отъ Церкви, не даетъ еще права Св. Синоду отлучать отъ Церкви кого бы то ни было. Вѣроятно они и остались бы при этомъ своемъ невѣжественномъ убѣжденіи, если бы самъ графъ торжественно urbi et orbi не заявилъ, что онъ не только отрекся отъ Церкви, не только отвергаетъ *обряды* ея, молитвы, иконы, свѣчи, обѣдни, считая ихъ различными пріемами колдовства, не только отвергаетъ самыя таинства, начиная съ крещенія, считая ихъ таковымъ же грубымъ, несоотвѣтствующимъ по-

нятію о Богѣ и христіанскому ученію колдовствомъ, но что онъ отвергаетъ даже всѣ самые существенные догматы христіанства, какъ-то догматы о Троичности Лицъ въ Божествѣ, о грѣхопаденіи людей, о воплощеніи Христа Спасителя и Его второмъ пришествіи, о самомъ Божествѣ Его, и что самую молитву къ Нему онъ считаетъ величайшимъ кощунствомъ. Такимъ образомъ гр. Л. Толстой въ своемъ отрицаніи не только православія, но и вообще христіанства, въ какомъ бы то видѣ его ни было, превзошелъ всѣхъ ересіарховъ, почему если къ послѣднимъ слово Божіе прилагаетъ нарицательное названіе *антихристовъ* (1 Іоанн. II, 18—9), то таковое названіе въ особенности должно относиться къ графу Льву Толстому. Въ виду того, что ни со стороны кого либо изъ бывшихъ до сихъ поръ ересіарховъ не проявлялось еще такой яростной вражды противъ Христа и Церкви Его (при страшномъ злоупотребленіи имени Христова), то совершенно справедливо еще Вл. Соловьевъ называлъ Толстого предтечею Антихриста, понимаемаго въ собственномъ значеніи этого слова. Дѣйствительно, что можетъ новаго сказать сей грядущій Антихристъ—человѣкъ грѣха и сынъ погибели—противъ своего предтечи, графа Л. Толстого? Совершенно ничего! Всѣмъ несчастнымъ единомышленникамъ Толстого, погибающимъ *за то, что они не приняли любви для своего спасенія*, уже послалъ Богъ *дѣйствіе заблужденія*, такъ что они повѣрили лжи Толстовской. Грядущему Антихристу остается лишь объявить себя выше всего, называемаго Богомъ или святынею, сѣсть въ храмѣ подобно Богу, выдать себя за Бога и обольщать людей не только обманчивымъ блескомъ ложно направленныхъ ума и таланта, но и знаменіями и чудесами ложными, а также и принуждать людей всякимъ насиліемъ къ исповѣданію его богохульнаго ученія (2 Сол. II 3—12). И вотъ въ то время, какъ самъ Толстой въ завѣщаніи своемъ пишетъ, чтобы, когда онъ будетъ умирать, не допускали къ нему церковныхъ служителей, и мертвое тѣло убрали поскорѣе безъ всякихъ заклинаній (?) и *молитвъ*, какъ убираютъ всякую противную и ненужную вещь,—графиня собирается хотя бы „большими деньгами“ и хотя бы „непорядочнаго“ священника подкупить, чтобы онъ отпѣлъ ея мужа и согласился бы возносить за него церковныя молитвы! Въ то время, когда Толстой старается ниспровергнуть самыя основы Христовой Церкви, когда онъ отвергаетъ или богохульно извращаетъ все ветхозавѣтное и новозавѣтное Богооткровенное ученіе, когда въ безсильной злобѣ своей обрушивается не только на Православную Церковь, какъ извѣст-

ную вѣроисповѣдную систему, но заразъ на все христіанство въ совокупности его вѣроисповѣданій, признавая все его „грубымъ колдовствомъ",—находятся люди образованные и интеллигентные, *вѣрующіе* во Христа и въ Церковь Его, принадлежащіе къ этой Церкви, которые утверждаютъ, что Толстой истинный христіанинъ и что Св. Синодъ напрасно отлучилъ его отъ Церкви изъ за какихъ-то обрядовъ и что будетъ несправедливою жестокостью лишить его христіанскаго погребенія. Можетъ ли быть религіозное невѣжество больше и печальнѣе?!

Теперь, когда наше интеллигентное образованное общество, утомленное погоней за одною матеріалистическою культурою, не удовлетворяемое одними матеріальными благами, стало обращать взоръ свой къ небу въ мучительномъ раздумьи, „кто надъ звѣздами живетъ", когда религіозные вопросы вновь выдвигаются на подобающее имъ мѣсто,—оно оказалось неподготовленнымъ къ тому, чтобы хоть сколько нибудь разбираться въ нихъ. Принять на вѣру церковное ученіе оно не хочетъ, само дойти до той интуитивной *ясности* въ религіозныхъ понятіяхъ, какая, благодаря вѣковымъ усиліямъ, преемственно выработана въ себѣ пастырями Церкви, представителями богословской науки и истинно вѣрующими людьми, оно не можетъ. Да и самый языкъ свѣтской и богословской литературы значительно разошлись между собою, а вмѣстѣ съ тѣмъ самыя понятія, передаваемыя на языкѣ богословскомъ, ясныя для всякаго богослова, неясны, туманны для свѣтскаго интеллигента, воспитаннаго на языкѣ легкой беллетристики и и въ понятіяхъ матеріалистической науки. Естественно явилось взаимное непониманіе. Въ результатѣ, съ одной стороны, мы видимъ печальное блужданіе религіозной мысли, страшную путаницу и сумбуръ въ религіозныхъ понятіяхъ, но вмѣстѣ—и страстные поиски религіозной истины. Къ сожалѣнію, въ этихъ поискахъ мы видимъ явный уклонъ къ *эклектизму* изъ всѣхъ религій,—къ выбору въ каждой изъ нихъ того, что доступно уму, отвыкшему отъ работы надъ религіозными вопросами, что въ каждой изъ нихъ нравится чувству, развивавшемуся подъ вліяніемъ языческихъ идеаловъ поработившаго насъ классицизма, къ чему въ каждой изъ нихъ склонна воля, воспитанная внѣ церковной дисциплины, внѣ фактическаго подчиненія заповѣдямъ Христовымъ. Явилось, такимъ образомъ, язычествующее христіанство *новопутейцевъ*, въ которомъ слабый единичный разумъ ставитъ себя на мѣсто вселенскаго разума Церкви, въ которомъ изъ богооткровеннаго,

хранящагося въ Церкви, ученія берется только то, отъ чего не особенно отвращаются гордый умъ и грѣховное сердце человѣка, а все прочее дополняется изъ язычества. Въ темныхъ необразованныхъ классахъ народа это современное броженіе отразилось всякаго рода сектантствомъ, часто съ такими нелѣпыми религіозными понятіями, какія только способенъ создавать невѣжественный умъ, освободившійся отъ дисциплины вѣры, во что бы то ни было, кромѣ созданія своей дикой фантазіи. Мы не говоримъ уже о такомъ противоестественномъ религіозномъ ученіи, каковое проповѣдуютъ уста гр. Л. Толстого, *говорящія гордо и богохульно* (Апок. XIII, 4—8):—оно не есть плодъ слабой, колеблющейся, но все же ищущей истины, человѣческой мысли,— оно явно есть *дымъ изъ кладезя* адской бездны (Апок. IX, 1—3), на немъ явно положено начертаніе Антихриста—(ibid. XIV, 9—11).

Съ другой стороны, богословы, за неимѣніемъ спроса на свое печатное слово, два вѣка думавшіе и писавшіе почти лишь сами для себя, своимъ особымъ языкомъ, оказались въ великомъ затрудненіи, когда обращающееся теперь къ религіознымъ вопросамъ общество пригласило ихъ дать ему на его современномъ языкѣ, его именно понятіями, отвѣтъ на мучащіе его недоумѣнные вопросы въ религіи, разъяснить ему оказавшіяся неудобопріемлемыми теперь для него стороны христіанскаго ученія, хранящагося въ Православной Церкви. Добиваясь же понятности для свѣтскаго общества и успѣха среди него, нѣкоторые изъ нашихъ богослововъ, быть можетъ неожиданно для себя самихъ, впадаютъ то въ раціонализмъ, то въ антиномизмъ и автономизмъ, то въ большія или меньшія крайности антидогматизма и безцерковности. Не будемъ называть имена: они болѣе или менѣе извѣстны. Но это уклоненіе съ строго православной точки зрѣнія наиболѣе обнаружилось въ вопросахъ о Церкви, въ частности о таинствахъ, особенно же по вопросу о таинствѣ брака, возбужденному сначала въ свѣтской прессѣ, а потомъ горячо, но вкривь и вкось обсуждавшемуся новопутейцами.

Не вдаваясь въ полемику съ кѣмъ бы то ни было, мы желали бы познакомить интересующееся религіозными вопросами свѣтское общество съ чрезвычайно важнымъ и въ настоящее время столь пререкаемымъ пунктомъ въ системѣ православнаго христіанскаго ученія—о таинствахъ Православной Церкви, ихъ внутреннемъ смыслѣ, ихъ вліяніи на психо-физическую природу человѣка, ихъ значеніи для нашего спасенія и, наконецъ, ихъ отличіи отъ обрядовъ церковныхъ и, сообразно

съ этимъ, ихъ мѣстѣ среди всѣхъ другихъ установленій внѣшняго культа Церкви.

Обрядовъ въ Православной Церкви весьма много. Одни изъ нихъ имѣютъ религіозно-богослужебный характеръ, другіе—религіозно-житейскій и третьи—религіозно-символическій. Къ первому роду обрядовъ относится: освященіе хлѣбовъ, вина и елея на литіи и помазаніе вѣрующихъ освященнымъ елеемъ на утрени, освященіе воды наканунѣ и въ день Крещенія Господня, въ преполовеніе Пасхи и 1-го августа, освященіе артоса въ 1-й день Пасхи и колива въ Пятницу 1-й недѣли великаго поста, выносъ креста для особаго поклоненія въ крестопоклонную недѣлю великаго поста и въ день Воздвиженія, выносъ св. плащаницы въ Великую пятницу, крестный ходъ на утрени Великой субботы съ плащаницею вокругъ храма, крестный ходъ на утрени въ 1-й день св. Пасхи. Всѣ указанные обряды имѣютъ вмѣстѣ съ религіозно-богослужебнымъ и церковно-общественный характеръ, а потому и участіе въ нихъ столько же обязательно для всякаго православнаго христіанина, сколько и участіе въ общественномъ Богослуженіи.—Но есть обряды религіозно богослужебнаго характера, которые имѣютъ лишь личное значеніе, а потому и совершаются только для извѣстнаго лица, при чемъ участіе въ нихъ другихъ вѣрующихъ лицъ обусловливается исключительно тѣми или другими отношеніями ихъ къ лицу, надъ которымъ обрядъ совершается. Сюда относятся обряды освященія молитвою двухъ важнѣйшихъ моментовъ въ жизни каждаго члена Церкви—вступленія въ этотъ міръ и исхожденія изъ него, т. е. рожденія и смерти, а именно: нареченіе христіанскаго имени младенцу въ первые дни по рожденіи и воцерковленіе его въ 40-й день, съ соотвѣтствующими молитвами о матери младенца, послѣдованіе на исходъ души и погребеніе. Моменты рожденія и смерти настолько важны, что освященіе указанными обрядовыми молитвословіями совершается обязательно надъ каждымъ членомъ Церкви.—Среднее мѣсто въ этихъ знаменательныхъ обрядахъ занимаетъ обрядъ, совершаемый надъ лицами, отрекающимися отъ міра для новой жизни въ особыхъ подвигахъ покаянія и молитвы, т. е. обрядъ постриженія въ монашество. Постригаемый чрезъ торжественные клятвенные обѣты цѣломудрія, нестяжательности, послушанія и непрестанной молитвы какъ бы умираетъ для земли и ея радостей и рождается для горняго міра и радостей духовныхъ, почему и нарекается ему новое имя. Этотъ обрядъ совершается надъ лицами возрастными и лишь въ виду ихъ усерднаго стремленія къ аскетическимъ подвигамъ, послѣ про-

должительнаго испытанія искренности ихъ намѣренія и силъ къ его осуществленію. Такъ какъ сущность этого обряда заключается лишь въ принесеніи постригаемымъ вышеуказанныхъ клятвенныхъ обѣтовъ и въ вступленіи его въ число какого-либо монашескаго братства, то онъ можетъ быть совершенъ всякимъ монашествующимъ уполномоченнымъ на то лицомъ, хотя бы оно и не имѣло священной степени.

Ко второй группѣ обрядовъ принадлежитъ многочисленный рядъ молитвословій, вызываемыхъ религіозно-житейскими потребностями какъ отдѣльныхъ личностей, такъ и цѣлыхъ общественныхъ группъ. Таковы молитвословія Церкви по случаю радостныхъ и печальныхъ случаевъ въ жизни того или другого ея члена—молебствія благодарственныя, просительныя, заупокойныя по близкимъ ему лицамъ; таковы молитвословія на освященіе его жилища, его пищевыхъ продуктовъ (сѣмянъ, овощей, меду, мясъ и сыра на Пасху и т. д.), его благихъ предпріятій (поста, ученія, путешествія, построекъ и проч.). Равно таковы же молитвословія Церкви, имѣющія общественное значеніе—отъ цѣлой семьи, извѣстной корпораціи, селенія, города и наконецъ цѣлаго народа или даже всѣхъ православныхъ народовъ, какъ-то: помяновеніе каждою семьею своихъ праотцевъ, отцевъ, братій и чадъ въ такъ называемые поминальные дни (вторникъ Ѳоминой недѣли, въ Троицкую и Мясопустную субботы), молебствія по случаю освященія общественныхъ зданій, молебствія и крестные ходы по случаю перенесенія чудотворныхъ иконъ, по случаю общественныхъ бѣдствій: засухи, голода, мора и нашествія непріятелей, или избавленія отъ нихъ, по случаю особыхъ историческихъ воспоминаній (нашествія шведовъ (въ 1709 г.) и французовъ (въ 1812 г.), помяновеніе воиновъ, павшихъ въ Куликовскую битву (Дмитр. суббота), вообще всѣхъ воиновъ, положившихъ жизнь свою за вѣру, царя и отечество (29 августа), просительныя молебствія о дарованіи побѣды надъ врагами и благодарственныя за побѣду надъ ними и т. д. Какъ безчисленны житейскія потребности отдѣльнаго человѣка и общественныхъ группъ, такъ же могутъ быть разнообразны обряды Церкви, которую вѣрующія чада ея призываютъ, когда желаютъ придать своимъ потребностямъ религіозный характеръ.

Къ третьей группѣ обрядовъ относятся такъ называемыя символическія дѣйствія, принятыя Церковью для выраженія разныхъ идей религіознаго характера, какъ-то: крестное знаменіе, совершаемое въ воспоминаніе крестныхъ страданій Христовыхъ, съ преданіемъ себя подъ ихъ спасительный покровъ,

и въ ограждение отъ вліянія злыхъ духовныхъ силъ; благословеніе крестнымъ знаменіемъ, совершаемое надъ вѣрующими архіереемъ или священникомъ въ воспоминаніе благословенія Спасителемъ Своихъ учениковъ (Лк. XXIV, 50) и дѣтей, приносимыхъ къ Нему (Мрк. X, 16); принятіе этого благословенія отъ служителя Христова съ мысленнымъ поставленіемъ себя подъ благословеніе Христа Спасителя; цѣлованіе благословляющей руки священно-служителя въ воспоминаніе того, какъ всѣ старались прикоснуться къ Спасителю, дабы поставить себя подъ вліяніе благодатной силы, исходившей отъ Него (Лк. VIII 42—8), и съ вѣрою, что эта сила Его и доселѣ источается отъ Него чрезъ уполномоченныхъ Имъ на продолженіе Его служенія лицъ (Мѳ. X, 1—13). Цѣлованіе иконъ Спасителя, Его Пречистой Митери и святыхъ съ тѣми же мыслями, а также съ тою вѣрою, какую имѣли первенствующіе христіане когда стремились, *дабы хотя тѣнь проходящаго Петра осѣнила кого изъ нихъ* (Дѣян. V, 15)); вожженіе предъ иконами свѣчей въ знаменіе нашей пламенной любви къ Богу и готовности нашей самихъ себя и другъ друга принести Ему въ жертву, а также и въ знаменіе нашей любви и почтенія къ старшимъ братіямъ нашимъ, на небесахъ торжествующимъ; воскуреніе предъ ними ѳиміама и кажденіе имъ вѣрующихъ въ знаменіе благодати Св. Духа, все исполняющаго и особенно присущаго храмамъ христіанскимъ и всѣмъ освященнымъ въ немъ вещамъ, тѣмъ болѣе св. иконамъ. Воздѣяніе рукъ на молитвѣ въ выраженіе особаго усерднаго возношенія души нашей къ Богу; болѣе или менѣе полное преклоненіе тѣла въ молитвѣ въ выраженіе нашего смиренія, благоговѣнія, покорности предъ Богомъ и святыми Его и въ знакъ усердной просьбы духовныхъ и тѣлесныхъ благъ, а если это преклоненіе дѣлается предъ иконами, то и въ цѣляхъ наибольшаго оживленія въ себѣ памяти о Богѣ, о Церкви, на небесахъ торжествующей, ради наибольшаго оживленія въ себѣ религіозныхъ чувствъ, соединяемыхъ съ поклоненіемъ Господу и прославленнымъ братіямъ нашимъ, а также и съ мыслію, что они ближе всего къ намъ тамъ, гдѣ усердіе вѣрующихъ создало ихъ честныя изображенія. Чествованіе мощей и останковъ угодниковъ Божіихъ, какъ преимущественно бывшихъ храмами Св. Духа (1 Кор III, 16; VI, 19), а потому святыхъ (1 Кор. III, 17) и освящающихъ, какъ все святое; чествованіе различныхъ предметовъ, освященныхъ употребленіемъ ихъ Самимъ Господомъ въ теченіе Его земной жизни (Его хитонъ и др. вещи). или же святыми людьми, въ выраженіе тѣхъ же

чувствъ, какія одушевляли первенствующихъ христіанъ, которые *возлагали* на себя *платки и опоясанія съ тѣла* апостола Павла (Дѣян. XIX, 12)[1]); принесеніе просфоръ для изъятія изъ нихъ частицъ и вложеніе въ Кровь Христову въ знаменіе ходатайства живыхъ и усопшихъ близкихъ намъ лицъ и по вѣрѣ нашей въ всеосвящающее значеніе Христовой Крови, пролитой за грѣхи людскіе.

Такъ велико число обрядовъ въ Православной нашей Церкви! Но *таинствъ* только семь: крещеніе, мvропомазаніе, причащеніе, покаяніе, елеосвященіе, бракъ и священство. Такое число таинствъ церковныхъ признается не только Православною Церковью, но и единогласно признается всѣми другими вѣтвями Христовой Церкви, отпавшими отъ нея съ самыхъ древнихъ временъ: католики, армяно-тригоріане, несторіане, копты, абиссинцы совершенно согласно между собою признаютъ одни и тѣже таинства въ одинаковомъ ихъ числѣ. Лишь протестантскія общины отвергли большую часть таинствъ и оставили только два (крещеніе и причащеніе) или три (англикане склонны признавать и священство). На тѣхъ же основаніяхъ, какъ и протестанты, то есть, благодаря вкривь и вкось толкованію слова Божія, каковое толкованіе неизбѣжно получается, когда высшимъ критеріемъ его пониманія ставится единоличный разумъ каждаго, когда этотъ разумъ горделиво возносится надъ общимъ сознаніемъ Церкви, въ послѣдующихъ сектантскихъ развѣтвленіяхъ протестантизма отвергаются и всѣ таинства, какъ отвергаются или искажаются и другія самыя существенныя и самыя дорогія вѣрованія Церкви [2]). Наконецъ, графъ Левъ Толстой, въ сатанинской гордости своего ума, не только отвергъ всю совокупность христіанскихъ вѣрованій, но и богохульно назвалъ таинства Церкви—колдовствомъ, а самую Церковь—произведеніемъ діавола. Дальше сего не можетъ идти и умъ сатанинскій. Было бы, конечно, совер-

[1]) Сомнѣвающимся въ дѣйствительности благодати Божіей, присутствующей въ этихъ предметахъ, можно указать на дѣйствіе радія: прикосновеніе къ этому металлу другихъ тѣлъ дѣлаетъ радіотивными эти послѣднія и сообщаетъ имъ удивительныя свойства радія. Когда ученые сообщаютъ намъ что-либо подобное, мы вѣримъ имъ, а когда слово Божіе или Церковь говорятъ намъ, что святая душа сообщаетъ свое свойство святости тѣлу и вещамъ, соприкасавшимся съ этимъ тѣломъ, то многіе находятъ это суевѣріемъ.

[2]) Къ сожалѣнію и въ нашей богословской литературѣ появляются quasi—научныя статьи, гдѣ авторы (какъ напр. іером. Тарасій—см. Мисс. Обозр. № 11, 1903 г. „разборъ ученій о таинствахъ") силятся доказать, что Церковь не всегда признавала семь таинствъ и не всегда въ число

шенно безполезно вступать въ какой-либо споръ съ сатаною въ цѣляхъ склонить его къ истинѣ. Также безполезно доказывать истину и всѣмъ тѣмъ, которые впали въ гордыню діавольскую (Мѳ. VII, 6). Поэтому мы въ своей рѣчи о таинствахъ и будемъ имѣть въ виду лишь вѣрующихъ и послушныхъ чадъ Христовой Церкви.

Въ порядкѣ совершенія надъ каждымъ членомъ Церкви первое таинство есть **крещеніе**, которое служитъ какъ бы дверью въ Церковь и безъ котораго ни для кого недоступны прочія таинства. Это таинство называется таинствомъ новаго рожденія. Послѣ грѣхопаденія прародителей всѣ люди рождаются отъ крови родителей, *отъ хотѣнія плоти, отъ хотѣнія мужа* (Іоан. I, 13). Но *рожденное отъ плоти,* по слову Спасителя, *есть плоть,* а потому и *не можетъ войти въ Царствіе Божіе* (Ibid. III, 5—6). Чтобы имѣть возможность войти въ это царство и сдѣлаться причастникомъ вѣчной жизни, *должно родиться свыше* (Ibid. ст. 3 и 7-й), безъ какового рожденія человѣкъ, какъ мертвый *во грѣхахъ* (Колос. II, 13) и подверженный власти діавола, есть только какъ бы animal sapiens. Это-то рожденіе свыше и происходитъ таинственнымъ и неизреченнымъ путемъ въ таинствѣ крещенія. При погруженіи крещаемаго въ воду со словами: „во имя Отца и Сына и св. Духа“ крещаемый наитіемъ Св. Духа, по вѣрѣ въ Іисуса Христа, Сына Божія, крестомъ Своимъ искупившаго насъ отъ древней клятвы, избавляясь отъ власти и рабства діавола (Евр. II, 14—5), становится рожденнымъ *отъ Бога* (Іоан. I, 13; I Іоан. III, 1—2; V, 1). Какъ Самъ Іисусъ Христосъ по человѣчеству Своему произошелъ чрезъ наитіе и осѣненіе творческою силою Св. Духа Пресвятой Дѣвы Маріи, при чемъ съ Его человѣчествомъ таинственнымъ и тѣснѣйшимъ образомъ соединилось и Его Божество, почему, и какъ человѣкъ, Онъ сталъ возлюбленнымъ Сыномъ Божіимъ (Мѳ. III, 17 и др.) и засвидѣтельствованъ таковымъ при крещеніи на Іорданѣ,—такъ и мы, въ купели крещенія—нашемъ Іорданѣ—становимся, въ силу вѣры своей во Христа, подобно Ему, возлюбленными сынами Божіими (Галат. III, 26), дѣтьми Отца

признаваемыхъ таинствъ входили тѣ священодѣйствія, которымъ теперь мы придаемъ сакраментальный характеръ. Очевидная цѣль указанной статьи—ввести въ число таинствъ постриженіе въ монашество и исключить изъ нихъ бракъ. Цѣль явно тенденціозная, обусловливаемая узко монашескою точкою зрѣнія. Источникъ же подобныхъ воззрѣній, искусственно подводимыхъ подъ научныя, тотъ же сектантствующій, непокоряющійся обще-церковному сознанію разумъ.

небеснаго (Галат. IV, 6—7; Рим. VIII, 14—16), братьями Самому Христу (Евр. II, 11—12), а потому и сонаслѣдниками Ему въ Божественной славѣ, наслѣдниками Божіими (Рим. VIII, 17—8), имѣющими право на свободный входъ въ вѣчное царство Господа нашего и Спасителя Іисуса Христа (2 Петр. 1, 11).

Какъ это можетъ быть? Этотъ вопросъ Самому Христу Спасителю задавалъ еще Никодимъ, недоумѣвавшій, какъ можетъ человѣкъ родиться безъ того, чтобы снова не войти въ утробу матери, т. е. помимо наблюдаемыхъ опытомъ естественныхъ условій и законовъ жизни? И тогда еще Христосъ отвѣтилъ на этотъ вопросъ, что здѣсь совершаются законы небесной жизни, постигаемой не чувственнымъ воспріятіемъ, а *вѣрою*, что лишь Ему, какъ сшедшему съ небесъ, вѣдомы эти законы, въ основѣ которыхъ лежитъ неизреченная любовь Бога Отца къ міру, не остановившагося предъ тѣмъ, чтобы вознести на крестъ *Сына Своего Единороднаго, дабы всякій вѣрующій въ Него не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную* (Іоан. III, 1—16). Такимъ образомъ, наша вѣра въ рожденіе свыше со всѣми его послѣдствіями основывается на нашемъ довѣріи Христу, какъ Богу Спасителю нашему. Кто не признаетъ во Христѣ Бога, пришедшаго во плоти нашего ради спасенія, тотъ, конечно, долженъ отвергнуть и крещеніе, какъ таинство новаго рожденія, а отсюда уже само собою остается одинъ шагъ до всякаго кощунства надъ нимъ, до признанія его колдовствомъ. Для таковыхъ напрасны всѣ попытки психологическихъ обоснованій таинствъ, напрасны тѣ уступки разуму изъ общецерковной вѣры о таинствахъ, каковыя уступки, къ сожалѣнію, дѣлаются при этихъ попыткахъ...

Итакъ, человѣкъ въ купели крещенія родится отъ Бога. Если рожденіе естественное—изъ утробы матери—для нашего разума есть непостижимое таинство, то тѣмъ болѣе непостижимымъ является новое рожденіе свыше. Но для вѣрующаго христіанина оно есть такой же непреложный фактъ, какъ и первое естественное рожденіе. Вопросъ для насъ теперь въ томъ, что вноситъ съ собою новое рожденіе въ психо-физическую природу человѣка? На чемъ основываются такіе чрезвычайные результаты крещенія, о которыхъ сказано выше? Крещеніе вноситъ въ человѣческую природу Божественное начало—*сѣмя* Божественной безсмертной жизни (I Іоан. III, 9), которое, подобно всякому сѣмени, вложенному въ надлежащую почву, должно расти. И оно растетъ, пока не выростетъ нѣкогда въ великое дерево совершенствъ Отца небеснаго (Мо.

XIII, 31—2; V, 48). Какъ совершается этотъ ростъ, по какимъ законамъ, мы этого такъ же не можемъ знать, какъ въ сущности не знаемъ тайны возрастанія обыкновеннаго сѣмени въ зелень, колосъ и полное зерно въ колосѣ (Мрк. IV, 26—9). Слово Божіе лишь открываетъ намъ, что это совершается при обѣщаніи Богу съ нашей стороны *доброй совѣсти* (I Петр. III, 21), при условіи смерти нашей для грѣха и жизни для Бога, или какъ еще выражается слово Божіе,—при условіи распятія нами своего ветхаго человѣка, упраздненія тѣла грѣховнаго и рожденія къ обновленной жизни. Если получившій Божественное сѣмя въ крещеніи, почитая себя мертвымъ для грѣха, живымъ для Бога во Христѣ Іисусѣ, не предаетъ членовъ своихъ грѣху въ орудія неправды, но и себя, какъ ожившаго изъ мертвыхъ, и члены свои представляетъ Богу въ орудія праведности такъ, чтобы уже не быть рабомъ грѣху, то онъ можетъ быть увѣреннымъ, что Божественное безсмертное сѣмя всходитъ, растетъ, созрѣваетъ и приноситъ плодъ святости для для вѣчной безсмертной жизни во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ (Рим. VI, 2—23) [1]).

Это воспріятіе человѣкомъ въ себя Божественнаго начала совершенно очищаетъ (ибо Божество есть огонь, поядающій все нечистое) и освящаетъ существо человѣка, очищаетъ отъ всѣхъ грѣховъ какъ личныхъ, такъ и наслѣдственнаго—прародительскаго (Дѣян. II, 38; Кол. II, 12—4) Поэтому человѣкъ пріобрѣтаетъ состояніе блаженства чистоты нравственнаго чувства, которое свойственно было первымъ людямъ въ состояніи невинности и безгрѣшности (Прав. испов. и посл. вост. Патр.). При этомъ вода крещенія, по выраженію св. Иринея Ліонскаго, объединяетъ наши тѣла въ одинъ организмъ—въ одно тѣло Церкви, а Духъ соединяетъ наши души съ Богомъ. Отсюда намъ становится понятнымъ выраженіе свв. отцовъ, что „крещеніе вновь творитъ насъ и образуетъ" (св. Іоаннъ Златоустъ; тоже говорятъ: св. Варнава, св. Иринеи Ліонскій и Тертулліанъ), что въ воду крещенія „сходятъ люди мертвыми, а выходятъ живыми" (св. Ермъ), что „присутствіемъ Божественной силы рожденное въ тѣлесномъ есте-

[1]) Эти обѣты крещенія за младенцевъ даютъ ихъ родители и воспріемники, обязанные воспитывать младенца въ вѣрѣ и жизни христіанской. За ихъ вѣру младенцу дается вся полнота даровъ крещенія, но при достиженіи имъ сознательнаго возраста онъ обязанъ рѣшить для себя вопросъ, быть-ли ему истиннымъ христіаниномъ, или числиться таковымъ лишь по метрическимъ документамъ, и въ первомъ случаѣ возложить на себя данныя за него при купели крещенія обѣты.

ствѣ преобразуется въ нетлѣніе" (св Григорій Нисскій), почему отсюда становятся понятны также названія крещенія свѣтлою одеждою, колесницею на небо, даромъ усыновленія (свв. Кириллъ Іерус. и Василій Великій), банею *возрожденія* или пакибытія (Тит. III, 5), водою жизни вѣчной, источникомъ Божественнымъ, таинствомъ новаго рожденія, возстановленіемъ образа и подобія Божія (Тертулліанъ)[1]).

Хотя въ крещеніи человѣкъ выходитъ изъ воды „чище лучей солнечныхъ", хотя онъ здѣсь становится сыномъ Божіимъ, святымъ (I Кор. VI, 11) и безсмертнымъ, наслѣдникомъ царства небеснаго, но все это является лишь въ конечномъ результатѣ достодолжнаго роста въ человѣкѣ Божественнаго сѣмени, обусловливается, какъ мы видѣли, не только *обѣщаніемъ* Богу доброй совѣсти, но и таковымъ состояніемъ ея *на дѣлѣ*, а это достигается лишь муками добровольнаго распятія нами своего ветхаго человѣка, добровольною смертію къ грѣху и новою свободною жизнію въ добродѣтеляхъ христіанскихъ. Такимъ образомъ, все это является *въ надеждѣ* выполненія нами задачи, предлагаемой намъ въ таинствѣ крещенія (Рим. VIII, 23—7), и съ тою цѣлію, чтобы мы сами были творцами своего совершенства и своей вѣчной судьбы. Въ виду послѣдняго таинство крещенія хотя и снимаетъ съ человѣка первородный и личный грѣхи, но не уничтожаетъ въ грѣховномъ организмѣ человѣка *слѣдовъ* тѣхъ злыхъ качествъ, которыя онъ унаслѣдовалъ отъ предковъ и которыя своими собственными злыми дѣяніями создалъ въ себѣ до обращенія ко Христу (если крестится взрослый), т. е. не уничтожаетъ въ немъ *наклонности ко грѣху* Правда, въ глубинѣ человѣческаго существа—въ центрѣ самосознанія и самоопредѣленія уже занимаетъ мѣсто Божественное начало, но на периферіи этого существа—во всѣхъ остальныхъ частяхъ психическаго организма эта наклонность остается живою (Рим. VII, 13—25), пока *самъ* человѣкъ не умертвитъ ее въ себѣ собственнымъ личнымъ трудомъ. При благопріятныхъ къ тому обстоятельствахъ эта грѣховная наклонность можетъ, помимо даже воли человѣка, съ периферіи его существа проникать въ его сознаніе и съ великою силою влечь его ко злу. Такимъ образомъ, задача, предъявляемая человѣку въ таинствѣ кре-

[1]) Святоотеческія цитаты здѣсь и далѣе заимствуются изъ догматическихъ системъ М Макарія и Преосв. Сильвестра, а также изслѣдованія А. Катанскаго „Догматическое ученіе о семи церковныхъ таинствахъ". Онѣ показаны нами въ изслѣдованіи „Задача, содержаніе и планъ системы прав.-христ. нравоученія", гл. V, стр. 204—38.

щенія, была бы для него невыполнима, если бы онъ не имѣлъ въ себѣ постояннаго могущественнаго противовѣса, который каждый разъ, при всякой борьбѣ человѣка съ искушающимъ зломъ, доводилъ бы разслабленныя грѣхомъ силы человѣка до той степени энергіи, которая могла бы противостоять силѣ искушенія, иначе сказать, который ставилъ бы человѣка на точкѣ равновѣсія между добромъ и зломъ и предоставлялъ бы такимъ образомъ конечный выборъ между ними свободному самоопредѣленію человѣка. Это именно и подается христіанину въ таинствѣ **муропомазанія**. Какъ на Христа Спасителя, по крещеніи Его во Іорданѣ, сошелъ въ видѣ голубя Духъ Святый и, по предреченнымъ пророчествамъ, исполнилъ Его человѣческую природу *премудростію и разумомъ, совѣтомъ и крѣпостію, вѣдѣніемъ, благочестіемъ и страхомъ Божіимъ* (Ис. XI, 2—3), точно также и на насъ вслѣдъ за крещеніемъ сходитъ, по обѣтованію Спасителя (Іоан. VII, 37—9), тотъ же Духъ Святый, только не въ видѣ голубя, а чрезъ крестообразное помазаніе освященнымъ мѵромъ при произнесеніи словъ: „печать дара Духа святаго“, и исполняетъ насъ тѣми же силами (въ извѣстной мѣрѣ), какими исполнилъ человѣческую природу Спасителя [1]). Отселѣ мы дѣлаемся храмами Св. Духа, отселѣ Духъ Святый живетъ въ насъ (1 Кор. III, 16) *и ходатайствуетъ о насъ воздыханіями неизреченными* (Рим. VIII, 26), отселѣ мы становимся носителями Его Божественныхъ силъ. Такимъ образомъ, чрезъ это таинство съ слабыми силами человѣка соединяются воедино Божественныя силы Святаго Духа, чрезъ что первыя дѣлаются вполнѣ достаточными, если только мы употребляемъ ихъ въ дѣло, для искорененія изъ существа нашего зла и для возрастанія нашего въ новой святой добродѣтельной жизни. Живущая отселѣ въ насъ благодать Святаго Духа просвѣщаетъ и вразумляетъ въ истинахъ вѣры (I Іоан. II, 20, 27), ограждаетъ наше сердце отъ дурныхъ чувствованій, каждый разъ вызывая въ немъ при возникновеніи ихъ спасительное чувство страха Божія, укрѣпляетъ нашу волю въ направленіи къ благочестію и чрезъ все это дѣлаетъ насъ *священствомъ святымъ*, способнымъ *приносить духовныя жертвы, благопріятныя Богу, Іисусомъ Хри-*

[1]) „Какъ Христосъ, омывшись въ рѣкѣ Іорданѣ и сообщивъ водамъ благоуханіе Божества, вышелъ изъ воды, и было на Него существенное нашествіе Св. Духа; такъ точно и вамъ, когда вы вышли изъ купели священныхъ водъ, дано мѵропомазаніе, сообразно тому, которымъ Христосъ помазался. А это (помазаніе) есть Духъ Святый“ (св. Кириллъ Іерус.).

стомъ (I Петр. II, 5) и въ чувствѣ сыновства къ Богу взывать къ Нему: *Авва, Отче!* (Рим. VIII, 15).

Св. отцами первыхъ вѣковъ это таинство называется таинственнымъ помазаніемъ (Евсевій), таинствомъ Духа (Иларій), печатію дара Духа Святаго (Кирил. Іерус.), печатію жизни вѣчной (Левъ Великій) [1]).

Въ таинствѣ крещенія человѣкъ дѣлается сыномъ Бога Отца, въ таинствѣ муропомазанія дѣлается причастникомъ, носителемъ Св. Духа. Естественно, что должно быть третье таинство, которое вводило бы насъ въ тѣснѣйшее соединеніе и со вторымъ Лицомъ Св. Троицы—Единороднымъ Сыномъ Божіимъ. Таковое таинство мы и имѣемъ въ **причащеніи**. Такъ какъ второе Лице Пресвятыя Троицы—Предвѣчное Слово—соблаговолило нашего ради спасенія стать вмѣстѣ и человѣкомъ, то въ таинствѣ причащенія мы дѣлаемся причастниками Его Богочеловѣчества въ томъ прославленномъ Его состояніи, каковое настало по воскресеніи и вознесеніи Спасителя нашего на небо, когда Онъ, *совершивъ Собою очищеніе грѣховъ нашихъ, возсѣлъ одесную (престола) величія на высотѣ* (Евр. I, 3) и когда *Богъ далъ Ему имя выше всякаго имени, дабы предъ именемъ Іисуса преклонилось всякое колѣно небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ и всякій языкъ исповѣдалъ, что Господь Іисусъ Христосъ въ славу Бога Отца* (Филип. II, 9—11).

Какъ же происходитъ наше таинственное единеніе съ Христомъ Спасителемъ нашимъ въ таинствѣ причащенія? Онъ Самъ благоволилъ избрать и указать еще за долго до страданій Своихъ способъ этого единенія—чрезъ вкушеніе Его Тѣла и Крови (Іоан. VI, 27—58). Предъ страданіями же на тайной вечери Онъ, благословивъ хлѣбъ и вино, претворивъ ихъ въ Свое Тѣло и Свою Кровь и преподавъ ученикамъ Своимъ, то же самое заповѣдалъ творить имъ и ихъ преемникамъ въ Его воспоминаніе и во оставленіе грѣховъ (Мѳ. XXVI, 26—8; Мрк. XIV, 22—4; Лк. XXII, 19—20; 1 Кор. XI, 23—6).

---

[1]) Таинство крещенія ни надъ кѣмъ и ни въ какомъ случаѣ не повторяется; таинство же муропомазанія также не повторяемо, за исключеніемъ того случая, когда кто либо отречется совсѣмъ отъ имени Христова и снова, по раскаяніи, вздумаетъ вступить въ Церковь Христову. Совершеніе же таинства муропомазанія надъ Государями при вѣнчаніи на царство есть не повтореніе его, но усугубленіе полученныхъ уже общехристіанскихъ даровъ св. Духа новымъ даромъ, потребнымъ для особеннаго, чрезвычайно важнаго, указаннаго самимъ Богомъ, служенія царственнаго, какъ не есть повтореніе таинства священства постепенное возведеніе посвящаемаго на высшія степени.

По заповѣди Христовой, это и творится въ Православной Церкви на каждой литургіи. По молитвѣ священнодѣйствующаго къ Богу Отцу о ниспосланіи Св. Духа и при крестообразномъ благословеніи хлѣба и вина со словами: *„И сотвори убо хлѣбъ сей честное тѣло Христа Твоего, а еже въ чаши сей честную кровь Христа Твоего, преложивъ Духомъ Твоимъ Святымъ*, предложенные хлѣбъ и вино творческою силою Св. Духа таинственнымъ образомъ, невидимо для чувственныхъ очей и сохраняя всѣ свои внѣшнія свойства, прелагаются въ истинныя Тѣло и Кровь нашего Господа Спасителя.—то чистое святое Тѣло Его, которое родилось отъ Пречистой Дѣвы Маріи, крестилось во Іорданѣ, подвизалось въ трудахъ евангельскаго благовѣствованія, которое страдало отъ терній и крестныхъ мукъ; въ ту святую Кровь, которая текла въ Его жилахъ и проливалась на крестѣ во оставленіе грѣховъ нашихъ; въ то Тѣло, которое воскресло потомъ, вознеслось на небо, одухотворилось и прославилось на престолѣ Божества, которое имѣетъ явиться на облакахъ небесныхъ [1]) Пріобщаясь *подъ видами* хлѣба и вина этого таинственнаго, духовнаго, безсмертнаго Божественнаго Тѣла и Крови Спасителя нашего, мы дѣлаемся не только *одинъ духъ съ Господомъ* (I Кор. VI, 17), но и одно съ Нимъ по тѣлу, дѣлаемся плоть отъ плоти Его, кость отъ костей Его, члены отъ тѣла Его, дѣлаемся единокровными и единотѣлесными Ему. Если въ таинствѣ крещенія мы становимся сынами Божіими, принимая Божественное начало въ глубину своего духа; если въ таинствѣ муропомазанія съ нашими слабыми силами соединяются всемощныя силы Божественнаго и Животворящаго Духа,—то въ таинствѣ причащенія мы и душею и тѣломъ тѣснѣйшимъ образомъ соединяемся съ воплотившимся Словомъ, почему дѣлаемся подобными Ему *богочеловѣками*, что и выражаетъ Церковь въ одной изъ сво-

[1]) „Если же ты спросишь, говоритъ Св. Іоаннъ Дамаскинъ, какимъ образомъ сіе бываетъ, то довольно тебѣ услышать, что сіе совершается Св. Духомъ такъ же, какъ и Господь отъ Св. Богородицы составилъ въ Себѣ и Себѣ плоть Духомъ Святымъ. И мы ничего не знаемъ болѣе: знаемъ только, что слово Божіе истинно, дѣйственно и всесильно, но образъ претворенія непослѣдимъ. При семъ можно сказать еще и то, что какъ хлѣбъ чрезъ ядѣніе, а вино и вода чрезъ питіе естественнымъ образомъ прелагаются въ тѣло и кровь ядущаго и піющаго и дѣлаются не другимъ тѣломъ, отличнымъ отъ прежняго его тѣла: такъ и хлѣбъ предложенія, вино и вода, чрезъ призываніе и напитіе Св. Духа, сверхъестественно претворяются въ тѣло и кровь Христову и составляютъ не два тѣла, но одно и тоже" (Точное изложеніе Правосл. Вѣры IV гл. 13).

ихъ пѣсней: *солася древле Адамъ, и Богъ возжелѣвъ быти не бысть. Человѣкъ бываетъ Богъ, да Бога Адама содѣлаетъ* [1]).

Какъ Богочеловѣку Христу по совершеніи Имъ дѣла нашего спасенія отверзлись нѣкогда небеса, и Онъ возсѣлъ на престолѣ Божества; такъ, по обѣтованію Его: *гдѣ Я, тамъ и слуга Мой будетъ* (Іоан XII, 26; XVII, 24) и: *побѣждающему дамъ сѣсть со Мною на престолѣ Моемъ, какъ и Я побѣдилъ и сѣлъ со Отцемъ Моимъ на престолѣ Его* (Апок. 3, 21), такъ и насъ, по вѣрномъ совершеніи нами земного подвига нашего, ожидаетъ не только воскресеніе, безсмертіе и жизнь вѣчная (Іоан. VI, 54—8), но и обоженіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и неизреченное блаженство. Ибо что такое престолъ Божій? У безпредѣльнаго Божества не можетъ быть какого либо чувственнаго престола. Понимаемый же въ духовномъ смыслѣ Божественный престолъ есть состояніе Божественнаго владычества, могущества, славы и всеблаженства, каковое состояніе мы въ условіяхъ настоящей своей жизни и представить не можемъ (I Кор. II, 9).

Само собою разумѣется, что таковыя слѣдствія св. причащенія ожидаютъ лишь тѣхъ, которые приступаютъ къ нему достойно, послѣ надлежащаго испытанія своей совѣсти. Но *кто будетъ пить хлѣбъ сей или пить чашу Господню недостойно, виновенъ будетъ противъ Тѣла и Крови Господней... тотъ пьетъ и пьетъ осужденіе себѣ* (I Кор. XI, 27—9).

Вотъ къ какой неизреченной высотѣ возводитъ насъ безпредѣльная любовь Божія! И эта высота предназначена намъ вслѣдствіе воплощенія Сына Божія. Средствами же къ ея достиженію являются разсмотрѣнныя три таинства, которыя пріобрѣлъ для насъ Господь Спаситель нашъ Кровію Своею. Эти три таинства, составляя дары намъ Св. Троицы, крещеніе—даръ Бога Отца, муропомазаніе—даръ Св. Духа и причащеніе—даръ Сына, сообщая намъ *отъ Божественной силы Его все, потребное для жизни и благочестія* (2 Петр. I, 3), въ извѣстной послѣдовательности вводятъ насъ въ сферу непостижимой жизни Тріединаго Божества, пріобщаютъ насъ къ Божественнымъ совершенствамъ, возводятъ насъ *въ міру полнаго возраста Христова* (Еф. IV, 13), дѣлаютъ насъ *причастниками* самаго *Божескаго естества* (2 Петр. I, 4). Поэтому всѣ они безусловно необходимы для каждаго, ищущаго спасенія и вѣчной жизни во Христѣ Іисусѣ. При этомъ, если кре-

[1]) Обманулся въ древности Адамъ: онъ хотѣлъ стать Богомъ, но не сталъ. Тогда Богъ дѣлается человѣкомъ, дабы содѣлать Адама Богомъ.

щеніе, какъ мы сказали выше, есть первое основное таинство, отверзающее дверь къ прочимъ таинствамъ, то причащеніе —главное средоточное таинство, къ которому крещеніе и муропомазаніе служатъ необходимыми подготовительными ступенями.

Въ виду всего сказаннаго, этихъ *трехъ* таинствъ было бы совершенно достаточно для нашего вѣчнаго спасенія, для достиженія нами и той высокой ступени нравственнаго совершенства, какая дѣлается доступна нашимъ силамъ, получающимъ въ этихъ таинствахъ очищеніе, освященіе, подкрѣпленіе и восполненіе силами Божественными, и того высокаго предназначенія, къ какому мы предуставлены любовію Божественной. Но такъ какъ силы наши въ борьбѣ съ искушающимъ насъ зломъ, хотя и восполняются Божественными силами, однако не влекутся съ необходимостью къ добру, и такъ какъ свобода наша и при Божественной намъ помощи сохраняетъ свое существенное свойство самоопредѣленія,—то вполнѣ понятно, что мы, и ставъ сынами Божіими, по очищеніи, освященіи и соединеніи со Христомъ Спасителемъ въ таинствахъ крещенія, муропомазанія и причащенія, можемъ склониться и дѣйствительно часто склоняемся на сторону зла и впадаемъ въ болѣе или менѣе тяжкіе грѣхи. Въ этомъ случаѣ въ большей или меньшей степени мы теряемъ плоды таинствъ крещенія, муропомазанія и причащенія: чистоту, невинность, освященіе, затемняемъ въ себѣ Божественное начало, ставимъ его, въ неблагопріятныя условія для возрастанія въ насъ, лишаемся благодатныхъ силъ Св. Духа, выступаемъ изъ таинственнаго единенія со Христомъ.

Но безпредѣльная любовь Божія не оставляетъ насъ и въ этомъ случаѣ. Христіанинъ, осквернившійся грѣхами, но ищущій подобно блудному сыну, милости отеческой и прежней чистоты, можетъ сдѣлаться снова такимъ же чистымъ, невиннымъ, освященнымъ, какимъ онъ явился послѣ купели крещенія и запечатлѣнія Св. Духомъ и, слѣдовательно, способнымъ снова вступить въ живое общеніе съ Своимъ Спасителемъ въ таинствѣ причащенія. Съ этою цѣлью милосердіе Божіе даровало намъ два новыхъ таинства—покаяніе и елеосвященіе и чрезъ нихъ возвращаетъ намъ теряемые чрезъ наши грѣхи дары крещенія и муропомазанія и дѣлаетъ насъ снова достойными общенія Христова въ причащеніи Его Тѣла и Крови.

Въ таинствѣ **покаянія**, при искреннемъ и чистосердечномъ раскаяніи предъ священнослужителемъ въ содѣянныхъ грѣхахъ, при новомъ рѣшительномъ обѣщаніи Богу доброй

совѣсти и по вѣрѣ въ Господа Іисуса Христа и Его искупительныя заслуги, кающемуся грѣшнику, чрезъ того же священнослужителя, дается въ имя Отца и Сына и Св. Духа отпущеніе грѣховъ и обновленіе замершей духовной жизни. Ему вновь дается состояніе блаженства чистоты нравственнаго чувства и сыновняго отношенія къ Отцу небесному. Святые отцы первыхъ вѣковъ христіанства, утверждая, что это таинство даетъ жизнь духовно-мертвымъ (св. Ириней, св. Климентъ, Оригенъ, Тертулліанъ), и называя его вторымъ крещеніемъ или крещеніемъ слезами, ясно выражаютъ свой взглядъ на него, какъ на возстановленіе утрачиваемыхъ даровъ крещенія.

Какъ къ таинству крещенія тѣсно примыкаетъ таинство муропомазанія, такъ къ таинству покаянія—**елеосвященіе**. По крайней мѣрѣ, какъ муропомазаніе всегда предваряется крещеніемъ, такъ и елеосвященіе—покаяніемъ. Покаяніе предназначено для исцѣленія недуговъ души. Въ этомъ таинствѣ силою благодати Божіей грѣхи на вѣки изглаждаются изъ души человѣка и изъ книги бытія. Елеосвященіе же предназначено главнымъ образомъ для того, чтобы служить духовнымъ врачевствомъ противъ недуговъ тѣлесныхъ. Такимъ образомъ, врачеваніе тѣла—главная цѣль этого таинства, первый непремѣнный благодатный плодъ его: *болѣнъ ли кто изъ васъ, пусть призоветъ пресвитеровъ Церкви, и пусть помолятся надъ нимъ, помазавши его елеемъ во имя Господне; и молитва вѣры исцѣлитъ болящаго, и возставитъ его Господь;* врачеваніе же души только присоединяется къ таинству, какъ дальнѣйшій условный плодъ его: *и если онъ* (болящій) *сдѣлалъ грѣхи, простятся ему* (Іак. V, 14—5). Слѣдовательно таинство покаянія исцѣляетъ душу, а таинство елеосвященія—тѣло.

Но какія болѣзни тѣла исцѣляются въ таинствѣ елеопомазанія? Изъ вышеприведенныхъ словъ апостола видно, что въ указанномъ имъ случаѣ онъ разумѣлъ болѣзнь въ медицинскомъ смыслѣ слова, какъ нарушеніе въ организмѣ правильныхъ его функцій. Издревле и доселѣ св. Церковь, согласно съ заповѣдію Апостола, всегда совѣтовала чадамъ своимъ въ болѣзняхъ и такого рода, помимо естественнаго врачеванія, обращаться къ врачеванію таинствомъ елея. Но изъ практики Церкви, какъ отчасти въ настоящее время, такъ особенно въ прежнія времена видно, что св. Церковь, допуская въ извѣстныя времена и въ извѣстныхъ случаяхъ совершеніе этого таинства надъ всѣми вѣрующими, хотя бы и вполнѣ здоровыми съ медицинской точки зрѣнія, видитъ въ таинствѣ елеосвященія не столько врачеваніе болѣзней въ медицинскомъ

смыслѣ, сколько врачеваніе недуговъ тѣла, причиняемыхъ ему *грѣхомъ*, хотя бы эти недуги и не всегда выражались въ видимой болѣзни, требующей медицинской помощи. Такъ въ настоящее время у насъ въ Россіи въ четвергъ Страстной седмицы таинство елеосвященія надъ всѣми желающими совершается въ Успенскомъ Московскомъ Соборѣ, въ Троице-Сергіевской и Кіево-Печерской лаврахъ. Въ Одесскомъ каѳедр. соборѣ со времени бомбардированія Одессы въ Крымскую войну оно совершается въ навечеріе Великой субботы. Съ настоящаго 1904 г. Св. Синодъ разрѣшилъ совершать это таинство въ то же время и въ Симферопольскомъ каѳедральномъ соборѣ. Въ Іерусалимѣ въ великій четвергъ во всѣхъ монастыряхъ совершается это таинство надъ всѣми поклонниками. Въ Константинопольскомъ патріархатѣ это таинство совершается *предъ каждою литургіею надъ готовящимися къ причащенію*. Въ Халкинской богословской школѣ воспитанники предъ каждымъ причащеніемъ также принимаютъ таинство елеосвященія. Вообще ни прежде, ни теперь св Церковь не ограничиваетъ этого таинства исключительно больными. Въ древнее время какъ на востокѣ, такъ и у насъ это таинство имѣло самое широкое употребленіе: къ нему прибѣгали не только больные, но и здоровые спѣшили воспользоваться имъ всякій разъ, какъ только оно совершалось въ церкви-ли или на дому у болящаго[1]). Такъ, по свидѣтельству св. Іоанна Дамаскина, при совершеніи въ его время этого таинства совершавшіе его надъ больнымъ помазывали освященнымъ елеемъ сначала самихъ себя, потомъ больного, а затѣмъ и всѣхъ присутствующихъ. Но, какъ относительно таинства причащенія Церковь, во избѣжаніе легкомысленнаго отношенія къ этому таинству, поставила нѣкоторыя ограниченія, состоящія въ извѣстномъ *приготовленіи* себя вѣрующими къ этому таинству, и какъ вслѣдствіе этого, по оскудѣнію усердія въ вѣрующихъ, большинство ихъ съ теченіемъ времени стало приступать къ причащенію лишь однажды въ годъ,—такъ, очевидно, было и съ таинствомъ елеосвященія. Св. Церковь ограничила для здоровыхъ принятіе этого таинства сначала храмомъ, а затѣмъ и извѣстнымъ временемъ, дабы вѣрующіе здоровые могли приступать къ нему лишь послѣ достодолжнаго приготовленія. Въ Новой Скрижали—памятникѣ начала XIX вѣка—читаемъ: „*Въ дому* тяжкою болѣзнію одержимые и о выздоровленіи отчаявающіеся

[1]) Это нужно сказать и о таинствахъ покаянія и причащенія. Въ древности вѣрующіе каялись тотчасъ по совершеніи грѣха и причащались ежедневно, или по крайней мѣрѣ каждый воскресный день.

симъ освященнымъ елеемъ помазуются: а въ церкви сей обрядъ исполняется какъ для таковыхъ болящихъ, которые нѣсколько ходить силы имѣютъ, такъ и *для здоровыхъ*". При этомъ авторъ на основаніи катихизиса св. Димитрія Ростовскаго, добавляетъ, что по обычаю церковному, хотя и не заключенному въ письменное преданіе, совершеніе елеосвященія надъ здоровыми должно происходить только *однажды* въ году, въ послѣдніе дни Страстной седмицы—четвергъ и субботу, ради невѣдѣнія и здоровымъ человѣкомъ „дня и часа своея кончины". Затѣмъ было сдѣлано ограниченіе и въ отношеніи лицъ, имѣющихъ право совершать это таинство надъ здоровыми, съ предоставленіемъ этого права главнымъ образомъ епископамъ, почему оно стало совершаться лишь въ каѳедральныхъ соборахъ. Отъ іереевъ же ставленная іерейская грамота требуетъ: *„надъ здравыми же никакоже* это таинство творити", Постепенно, вѣроятно въ виду чрезвычайнаго уменьшенія въ Россіи съ 18 в. клира, продолжительности Богослуженія въ послѣдніе дни Страстной седмицы и отягощенія имъ все болѣе и болѣе слабѣющаго поколѣнія, вывелось совершеніе этого таинства, къ великому сожалѣнію, и изъ каѳедральныхъ соборовъ, такъ что въ настоящее время и епископы могутъ совершать въ Страстную седмицу это таинство только съ нарочитаго разрѣшенія Св. Синода (каковое недавно и дано Симферопольскимъ епископамъ). Лишь въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, какъ бы въ памятникъ истиннаго взгляда Церкви на это таинство и какъ бы въ знаменіе повсюднаго со временемъ возвращенія къ древней церковной практикѣ, оно совершается невозбранно. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что ограниченіе этого таинства. если не временемъ, то извѣстными немногими мѣстами есть явленіе ненормальное, ибо благодать общехристіанскаго таинства не можетъ обращаться въ привиллегіи извѣстнаго какого либо мѣста и для извѣстныхъ лишь лицъ, имѣющихъ удобство, часто случайное, быть около привиллегированнаго мѣста. Въ виду такихъ постепенныхъ ограниченій въ совершеніи таинства надъ здоровыми, оно въ практикѣ стало ограничиваться и въ совершеніи надъ больными. Въ католической церкви оно совершается теперь лишь надъ умирающими, какъ предсмертное напутствіе въ жизнь вѣчную. укрѣпляющее душу отъ предсмертныхъ ужасовъ. Подъ вліяніемъ католическаго превратнаго взгляда и у насъ въ Россіи распространилось убѣжденіе, что къ таинству елеосвященія можно прибѣгать лишь въ безнадежныхъ случаяхъ болѣзни. А такъ какъ больные рѣдко не имѣютъ надежды на выздоровленіе, то немногія, только

особо благочестивыя лица, приглашаютъ пресвитеровъ Церкви, дабы въ болѣзни ихъ они совершили надъ ними это весьма важное для нашего спасенія таинство. Даже въ самыхъ догматическихъ системахъ взглядъ на это таинство, къ сожалѣнію, сталъ примѣняться къ современной практикѣ: надъ здравыми же никакоже творити, а исключительно надъ больными и при этомъ тяжко. Поэтому авторы ихъ допускаютъ разнаго рода натяжки. Такъ въ виду того, что выздоровленіе отъ болѣзни бываетъ не всегда (да и нельзя было бы требовать этого въ виду непреложности и всеобщности закона о смерти), а таинства, какъ увидимъ ниже, имѣютъ тотъ существенный признакъ, что *всегда* при достойномъ принятіи ихъ, сопровождаются извѣстнымъ дѣйствіемъ благодати Божіей, то выдвигаютъ на первый планъ, какъ плодъ таинства, отпущеніе грѣховъ, исцѣленіе же тѣла ставятъ на второй планъ, какъ бы случайный придатокъ къ первому плоду. На естественное возраженіе, что для отпущенія грѣховъ есть спеціальное и совершенно достаточное таинство покаянія, говорятъ, что елеосвященіе восполняетъ отпущеніе грѣховъ, даруемое въ таинствѣ покаянія не по недостаточности таинства покаянія для разрѣшенія всѣхъ грѣховъ, а по немощи больныхъ воспользоваться этимъ спасительнымъ врачевствомъ во всей его полнотѣ и силѣ. Но это обстоятельство равно можетъ быть отнесено и къ таинству елеосвященія: въ этомъ случаѣ и для восполненія елеосвященія еще должно быть таинство и т. д. Нѣкоторые изъ богослововъ высказываютъ и такой взглядъ, что таинство елеосвященія дѣлаетъ тѣло достойнымъ смерти и разложенія и что кого Господь воздвигаетъ съ одра болѣзни, тотъ значитъ недостоинъ еще умереть. Но подобные взгляды, если и могутъ быть приняты, то во всякомъ случаѣ не къ существу таинства, а къ его побочнымъ дѣйствіямъ.

Такимъ образомъ, въ чемъ же должно видѣть сущность таинства елеосвященія и въ чемъ нужно полагать истинный плодъ его? Какъ въ таинствѣ крещенія мы допускаемъ двоякое очищеніе тѣла: одно видимое (чрезъ воду), другое—невидимое, таинственное, не подлежащее воспріятію нашихъ внѣшнихъ чувствъ (дѣйствіемъ Св. Духа), такъ и въ таинствѣ елеосвященія должно, по нашему мнѣнію, допустить двоякое врачеваніе тѣла: одно видимое—чрезъ исцѣленіе отъ той или другой болѣзни, другое—невидимое, недоступное воспріятію нашихъ внѣшнихъ чувствъ, но столь же дѣйствительное, какъ и невидимое очищеніе крещенія. Для спасенія нашего (которое и есть цѣль всѣхъ таинствъ), первое важно не всегда, а

иной разъ можетъ оказаться не только не важно, но и не полезно, второе же всегда важно, потому что и тѣло наше предназначено участвовать въ будущемъ спасеніи и вѣчной жизни. Поэтому первое можетъ быть и не быть при таинствѣ, смотря по тому, что лучше для больного по цѣлямъ всеблагого Промысла Божія, второе всегда бываетъ (если, конечно, больнымъ выполняются всѣ требуемыя условія), потому что для всякаго христіанина необходимо, особенно же для переходящаго въ жизнь вѣчную. Въ этомъ-то таинственномъ, невидимомъ цѣленіи тѣла, по нашему мнѣнію, и нужно видѣть постоянный, главный и необходимый плодъ елеосвященія. Иначе не было бы смысла въ совершеніи этого таинства надъ здоровыми, которое практикуется въ православной Церкви по мѣстамъ и теперь, а въ прежнее время было, какъ сказано, явленіемъ общимъ и постояннымъ.

Что же это за невидимое врачеваніе тѣла? Въ чемъ состоитъ сущность его? И дѣйствительно ли можно предполагать его существованіе при таинствѣ елеосвященія? На эти вопросы можно отвѣтить лишь по аналогіи съ другими таинствами. Тѣло наше, по тѣсной связи съ душою, принимаетъ участіе какъ въ освященіи души благодатію Божіею, такъ и въ ея осквернѣніи грѣхомъ, а потому оно можетъ стать какъ храмомъ Св. Духа, такъ и жилищемъ духовъ нечистыхъ. Поэтому въ таинствѣ крещенія и муропомазанія, какъ выражается Діонисій Ареопагитъ, не только душа, но и тѣло запечатлѣвается несокрушимою печатію Св. Духа, Господа Животворящаго. Но это очищеніе и освященіе хотя и дѣлаютъ душу и *тѣло* человѣка свѣтлѣе лучей солнечныхъ, по выраженію св. Іоанна Златоуста, однако происходятъ таинственно, недоступно для нашихъ тѣлесныхъ органовъ воспріятія. Для нашихъ внѣшнихъ чувствъ человѣкъ выходитъ изъ купели крещенія и изъ-подъ печати муропомазанія такимъ же, какимъ онъ и былъ: слабымъ, болѣзненнымъ, подверженнымъ тлѣнію и смерти. Грѣхи, допущенные послѣ крещенія и муропомазанія, оскверняя и уязвляя душу, какъ духовный центръ человѣческаго существа—его самосознаніе и самоопредѣленіе, вмѣстѣ съ тѣмъ уязвляютъ, оскверняютъ, оструплятъ и тѣло, какъ совокупность всѣхъ прочихъ психофизическихъ его силъ[1]), что иногда бываетъ видимо даже и для нашихъ очей, невидимо же всегда и во всякомъ случаѣ. Если это имѣетъ мѣсто

[1]) Человѣкъ, растлившій въ себѣ духовный центръ своего существа, очень часто называется въ словѣ Божіемъ—*плотію* во всей именно совокупности оставшихся въ немъ *психо*-физическихъ силъ.

по отношенію къ грѣхамъ *внѣ тѣла*, то тѣмъ болѣе это должно слѣдовать за грѣхами, при которыхъ душа человѣка грѣшитъ вмѣстѣ съ ея тѣломъ (1 Кор. VI, 18). Во всякомъ случаѣ, поэтому, и тѣ и другіе грѣхи въ большей или меньшей степени ослабляютъ плоды принятыхъ таинствъ крещенія и муропомазанія. Милосердіе Божіе благоволило возвращать истинно кающемуся христіанину утрачиваемые имъ плоды этихъ таинствъ, но не чрезъ повтореніе ихъ, а чрезъ новыя таинства. Душа павшаго христіанина, подобно блудному сыну, вновь принимается въ любвеобильныя объятія Отца небеснаго. Но онъ еще въ рубищахъ грѣха, и этимъ рубищемъ является его тѣло, понимаемое въ вышеуказанномъ смыслѣ. Душѣ христіанина должны быть возвращены утраченныя имъ лучшая одежда, перстень на руку и обувь на ноги (Лк. XV, 22). Иначе сказать, въ параллель таинству покаянія должно быть еще таинство, въ которомъ бы не только духовный центръ существа нашего—его самосознаніе и самоопредѣленіе,—но и все существо его, до послѣднихъ границъ его периферіи, проще говоря, не только духъ, но и тѣло исцѣлялось отъ скверны и язвъ грѣховныхъ. Такимъ именно таинствомъ, очевидно, и служитъ таинство елеосвященія. Съ вѣрою приступающій къ нему дѣйствіемъ Св. Духа дѣлается совершенно такимъ же чистымъ и невиннымъ *по тѣлу* своему, во всѣхъ психофизическихъ своихъ силахъ, какимъ онъ вышелъ изъ рукъ Творца, или, лучше и вѣрнѣе сказать, какимъ вышелъ въ этомъ отношеніи изъ воды крещенія и запечатлѣнія Духомъ Святымъ въ таинствѣ муроиомазанія, то есть совершенно чистымъ отъ всякой грѣховной скверны и нечистоты, здравымъ отъ грѣховныхъ язвъ и немощей, съ прежними благодатными силами къ добру. Но это дѣйствіе Св. Духа также таинственно, непостижимо для насъ и невидимо, какъ непостижимо и невидимо таинственное очищеніе и укрѣпленіе тѣла въ крещеніи и муропомазаніи, таинственное претвореніе хлѣба и вина въ истинныя и нетлѣнныя Тѣло и Кровь Христову, подвергающіяся для нашего чувственнаго воспріятія всѣмъ перемѣнамъ обыкновеннаго хлѣба и вина. Это невидимое врачеваніе видимо для Бога, ангеловъ и святыхъ. Его; мы же видимъ принявшаго таинство елеосвященія такимъ же больнымъ и изможденнымъ, какимъ онъ и былъ. Но вмѣстѣ съ этимъ невидимымъ, непостижимымъ и сверхъестественнымъ здравіемъ нерѣдко подается, если то угодно Промыслу Божію, по *молитвѣ вѣры*, и видимое—или совершенное здравіе отъ обдержащей больного физической немощи, или, по крайней мѣрѣ,

временное облегченіе отъ нея. Но это плодъ таинства не постоянный и второстепенный, и не можетъ быть имъ въ виду непреложнаго закона о смерти.

Такое именно заключеніе подтверждается самымъ чиномъ таинства, содержаніемъ молитвословій Церкви при его совершеніи. Правда, что св. Церковь, какъ видно изъ этихъ молитвословій, усердно молится о томъ, чтобы ущедрить болящаго, подать ему исцѣленіе отъ обдержащія его физической именно немощи, освобожденіе отъ недуговъ и горькихъ болѣзней, воздвигнуть отъ одра болѣзненнаго. Но гораздо болѣе св. Церковь молится о томъ, чтобы Господь послалъ болящему благодать Свою свыше (1-й тропарь 3 п. кан.) *во очищеніе и измѣненіе всякія страсти, и всякаго недуга, и язи, и всякія скверны плоти и духа* (мол. 3-го іерея), *въ совершенное избавленіе грѣховъ и въ наслѣдіе царствія небеснаго* (мол. 1-го іерея), и чтобы уста его исполнилъ хваленія и славословія, руки простеръ къ дѣланію заповѣдей, всѣ члены и мысль его укрѣпилъ благодатію (мол. 6-го іерея), чтобы *освятилъ* его (2-я стих.). Уже эти мѣста показываютъ, что видимое исцѣленіе отъ болѣзни не главная цѣль таинства елеосвященія и не главный его плодъ. Другія же мѣста прямо показываютъ, что эта цѣль заключается именно въ возстановленіи даровъ муропомазанія. Такъ во 2-мъ тропарѣ 5-ой п. канона Церковь молится Господу: *Душу наша, Христе, и тѣлеса свыше печати Твоея божественнымъ воображеніемъ освятивъ несказанно, рукою Твоею всѣхъ исцѣли*, т. е. проситъ, чтобы души и тѣла, таинственно освященныя нѣкогда въ таинствѣ муропомазанія, но, очевидно, утратившія часть этого освященія, исцѣлить и вновь содѣлать въ нихъ цѣлымъ прежнее Божественное освященіе. Во 2-мъ тропарѣ 6-ой п. Церковь молится, дабы Спаситель обстѣнилъ покровомъ славы Своей знаменнаго нѣкогда *помазаніемъ божественнымъ*, да не прикоснется къ нему *пріобщеніе отъ горькихъ бѣсовъ*. Въ тропаряхъ 6-й и 9-й пѣсней канона таинство елеосвященія въ параллель съ таинствомъ муропомазанія также называется Божественнымъ помазаніемъ и печатію Божіею. Первый іерей предъ помазаніемъ больного, воспоминая, что Богъ Отецъ ради заслугъ Сына Своего даровалъ намъ чрезъ воду крещенія права сыновства Ему, а чрезъ елей въ муропомазаніи честь быть Христовымъ стадомъ, царскимъ священствомъ и народомъ святымъ, отъ лица Церкви, далѣе молится, чтобы Тотъ, Кто очистилъ насъ водою и освятилъ Духомъ Своимъ Святымъ, ради честной Крови Христа Своего освятилъ и елей предстоящаго помазанія къ совлече-

нію мірскихъ похотей помазывающагося, въ смерть его грѣху, въ жизнь правдѣ и въ облеченіе во Христа помазаніемъ освященія. Второй іерей молится Господу, дабы онъ вселилъ благодать Св. Духа въ раба Своего, познавшаго свои согрѣшенія, присно спребывающую ему, дабы онъ прочее время ходилъ въ оправданіяхъ Божіихъ. Эти выраженія молитвъ церковныхъ о помазаніи елеемъ елеосвященія, какъ о помазаніи Божественномъ, о печати Божественной, объ осіяніи благодатію свыше, о вселеніи Св. Духа и объ облеченіи во Христа въ замѣчательномъ тожествѣ повторяютъ собою выраженія Писанія и св. отцовъ относительно таинства муропомазанія. А такъ какъ и вещество для совершенія того и другого таинства употребляется одинаковое (главная и существенная часть мура—елей, почему оно называется у отцовъ Церкви елеемъ Божіимъ—Θеофанъ антіох. и др.), то все это даетъ вѣсскія основанія ставить елеосвященіе по плодамъ, даваемымъ имъ, въ параллель съ таинствомъ муропомазанія, какъ покаяніе (крещеніе слезами), ставится въ параллель съ таинствомъ крещенія (водою). Что плоды елеосвященія именно возмѣщаютъ, въ извѣстной мѣрѣ, плоды муропомазанія, имѣя съ ними одинъ и тотъ же характеръ, это особенно ясно видно изъ той же молитвы 1 го іерея, которую онъ читаетъ вслѣдъ за освященіемъ елея. *Буди, Господи, елей сей—елей радованія, елей освященія, одежда царская, броня силы, всякаго діавольскаго дѣйства отгнаніе, печать ненавѣтная, радованіе сердца, веселіе вѣчное, да и сими помазуеміи паки рожденія, страшни будутъ сопротивнымъ, и возсіяютъ во свѣтлостяхъ святыхъ Твоихъ, не имуще скверны или враски: и да пріимутся въ вѣчная Твоя упокоенія, и воспріимутъ почести горняго званія*[1]). Замѣчательно, что Симеонъ Солунскій (XV в.) смотритъ на значеніе елеосвященія точно также. Въ гл. 291 онъ говоритъ; „познайте убо сликихъ Божественныхъ даровъ величайшихъ есть подателенъ елей святый: измѣненія недуговъ, оставленія грѣховъ, *освященія, укрѣпленія Божественнаго* и, наконецъ,

[1]) Въ молитвахъ, читаемыхъ по чину совершенія таинства елеосвященія въ Одесскомъ и Симферопольскомъ каѳедр. соборахъ, Церковь проситъ Господа, чтобы елей помазанія былъ въ охраненіе намъ отъ всякія неправды и пути лукаваго, въ возстаніе отъ страстей, въ огражденіе отъ соблазновъ міра, искушеній плоти и духовъ злобы поднебесныхъ, въ укрѣпленіе духа и плоти на бодрственную брань съ ними, а также и во исцѣленіе недуговъ тѣлесныхъ и прощеніе грѣховъ. Вознося молитвы о всемъ этомъ, Церковь, какъ главнаго и существеннаго, проситъ именно того, что даетъ таинство муропомазанія.

царствія небеснаго ходатайственъ... Яко мyро святое жизнь вдуваетъ Божественную, паче же возживляетъ, возновляетъ въ Духѣ, даровъ Того благоволеніемъ насъ наполняетъ, печать и вдохновеніе подаетъ благодати, не яко мyра токмо, но яко совершеніемъ мyро свято, благодать имущее Духа. Тако убо и елей сей священнымъ совершеніемъ святъ и исполненъ Божественныя силы".

Если дѣйствительно таково значеніе таинства елеосвященія и таковы его плоды, то болѣзнь и притомъ тяжкая, даже предсмертная, какъ принято католиками не есть необходимое условіе принятія этого таинства. Болѣзнь только должна быть обязательнымъ поводомъ (болитъ ли кто въ васъ, да призоветъ пресвитеры церковные...), потому что если болѣзнь служитъ вѣстникомъ грядущей смерти, то христіанину при переходѣ въ загробную жизнь болѣе, чѣмъ когда либо, слѣдуетъ позаботиться о чистотѣ и святости не только души своей, но и тѣла; если же болѣзнь служитъ наказаніемъ за грѣхи или естественнымъ слѣдствіемъ ихъ, то наиболѣе всего именно во время нея мы и должны умолить Господа о прощеніи грѣховъ своихъ и просить Его объ изглажденіи ихъ послѣдствій, видимыхъ и невидимыхъ, силою Его всемогущества. Но такъ какъ собственно нѣтъ ни одного человѣка, совершенно здороваго по душѣ и по тѣлу (такимъ былъ только одинъ Богочеловѣкъ Іисусъ Христосъ), то потому Церковь въ древнія времена и допускала къ этому таинству всѣхъ желающихъ всякій разъ, какъ только совершалось это таинство. Потому также это совершеніе практиковалось прежде въ очень широкихъ размѣрахъ—не только въ домахъ надъ тяжкими больными, но и въ храмѣ надъ больными, могущими ходить и стоять, при чемъ каждымъ случаемъ совершенія пользовались и здоровые. Какова была практика совершенія этого таинства во время св. Іоанна Дамаскина, такова она была и у насъ еще въ 17 столѣтіи. Такъ требники этого столѣтія сохранили намъ слѣдующее указаніе относительно завершенія этого таинства: „И начинаютъ священницы мазати другъ друга и *всѣхъ* требующихъ благословенія сего поюще... И посемъ помазавшимся всѣмъ помазуютъ и болящаго". Но не только въ чинахъ 17 в., но и въ современномъ чинѣ елеосвященія сохранились указанія на таковое назначеніе таинства елеосвященія—для всѣхъ присутствующихъ. Выраженія: *вся* печатію Твоею помилуй (3-я стих. 1-й п. канона). рукою Твоею *всѣхъ* (*ны*—въ старыхъ требникахъ) исцѣли (2-я ст. 3-й пѣсни, а также сѣдаленъ), помазатися елеемъ помазанія *всѣмъ* главамъ

(2-я стих. 7-й п.), избави отъ стрѣлъ лукаваго Твоихъ рабовъ души и тѣлеса (3-я стих. 9-й п.), да наведеши милость Твою на *помазующіеся* отъ него и мн. др. При этомъ мы должны замѣтить, что въ старинныхъ требникахъ такихъ мѣстъ было больше, а въ новыхъ подъ вліяніемъ новой практики множественное число въ подобныхъ фразахъ замѣнено большею частію единственнымъ.

Какъ бы то ни было, но во всякомъ случаѣ и теперь въ Православной Церкви таинство елеосвященія доступно не только больнымъ, но и здоровымъ. Только для послѣднихъ оно затруднено и относительно времени и относительно мѣста. Если же таинство это назначается какъ для больныхъ, такъ и для здоровыхъ, то какой смыслъ имѣютъ слова совершительной молитвы: *Отче святый... исцѣли раба Твоего отъ обдержащія его тѣлесныя и душевныя немощи и оживотвори его благодатію Христа Твоего?* Ясно и несомнѣнно, что они относятся не иначе, какъ къ невидимому дѣйствію Божественной силы, утверждающей *ниспадающія* и возводящей *низверженныя*, исцѣляющей *неисцѣльныя* никакимъ человѣческимъ врачествомъ язвы человѣка, очищающей *всякую скверну плоти и духа*, творящей чиста отъ всякаго *грѣха*, укрѣпляющей *вся уды и мысль* къ дѣланію заповѣдей Божіихъ (изъ молитвъ іерейскихъ). То есть, таинство елеосвященія возвращаетъ принимающему его утраченные имъ плоды таинства муропомазанія, освящая всѣ тѣ психо физическія силы пріемлющаго, которыя были уже освящены нѣкогда муропомазаніемъ, чрезъ каковое освященіе и чрезъ молитву вѣры, очень часто подается и исцѣленіе отъ болѣзни, если таинство принимается больнымъ. Поэтому цѣль этого таинства—можетъ быть, наилучшимъ образомъ выражена словами молитвы 4-го іерея: *освяти вся ны* (всѣхъ пріемлющихъ его—больныхъ и здоровыхъ) и *исцѣли раба Твоего*—болящаго.

Такимъ образомъ, покаяніе и елеосвященіе суть условно необходимыя таинства, т. е. они необходимы для христіанина лишь въ томъ случаѣ, когда онъ, вслѣдствіе своихъ грѣховъ, теряетъ (въ большей или меньшей мѣрѣ) благодать крещенія и муропомазанія. Они возвращаютъ христіанину эту потерю и потому снова дѣлаютъ его по душѣ и тѣлу достойнымъ душевно-тѣлеснаго единенія со Христомъ въ таинствѣ причащенія (почему за покаяніемъ и елеосвященіемъ обычно и слѣдуетъ причащеніе). Но такъ какъ нѣтъ человѣка на землѣ безгрѣшнаго и совершеннаго, то и эти таинства, будучи сами по себѣ условно необходимыми, становятся въ силу нашей

немощи безусловно для насъ обязательными. Понятно, что эти таинства не преподаются младенцамъ, какъ неимѣющимъ сознательныхъ грѣховъ, которые могли бы погашать въ нихъ благодать крещенія и муропомазанія.

Кромѣ этихъ пяти таинствъ, необходимыхъ для каждаго христіанина въ дѣлѣ его спасенія, въ Церкви есть еще два таинства, не необходимыя для личнаго спасенія христіанина, а принимаемыя имъ ради блага Церкви въ цѣляхъ продолженія ея земного существованія, доколѣ не войдетъ въ домъ Отца небеснаго, въ которомъ, по слову Спасителя *обителей много*, полное число предуставленныхъ къ вѣчной жизни (Іоан. XIV, 2; Рим. VIII, 29—30; XI, 25; Дѣян. XIII, 48). Продолженіе это обезпечивается, съ одной стороны, тѣлеснымъ чадорожденіемъ, а съ другой—духовнымъ. Поэтому для этой цѣли въ Церкви существуетъ два таинства: *бракъ* и *священство*.

Какъ первая жена, Ева, творческою силою Божіею была произведена отъ плоти и костей Адама, такъ этою же силою творческой благодати Божіей въ таинствѣ **брака** и теперь двое—мужчина и женщина—становятся *одною плотію, такъ что они уже не двое, но одна плоть* (Мѳ. XIX, 5—6), при чемъ жена таинственнымъ (*тайна сія велика* (Ефес. V, 32) и неизреченнымъ образомъ становится плотію и костію мужа, его тѣломъ, а мужъ ея главою: *мужъ есть глава жены*, говоритъ апостолъ, *какъ и Христосъ есть глава Церкви* (Еф. V, 23). И какъ мы, члены Церкви, суть члены тѣла Божественной главы своей, Христа—*отъ плоти Его и отъ костей Его* (Еф. V, 30), подобнымъ образомъ мужъ и жена въ таинствѣ брака становятся однимъ организмомъ, предназначеннымъ къ *благословенному* достиженію цѣлей брачнаго союза. Потому-то жена должна повиноваться мужу, какъ Господу (Еф. V, 22—4), а мужья должны любить своихъ женъ такъ же, какъ Христосъ любитъ Церковь (Еф. V, 25), или иначе, такъ же, *какъ свои тѣла;* потому то *любящій свою жену любитъ самого себя* (Еф. V, 28). Потому также супружеское соединеніе есть не только естественное выраженіе таинственнаго единства плоти супруговъ, полученнаго чрезъ таинство (бракъ честенъ и *ложе непорочно* (Евр. XIII, 4), но взаимный *долгъ* супруговъ (1 Кор. VII. 4—6). И всѣ разсужденія о грѣховности этого соединенія есть праздное и даже нечестивое пустословіе (1 Тим. IV, 1—3), если, разумѣется, въ супружескихъ отношеніяхъ нѣтъ какого-либо злоупотребленія, что, къ сожалѣнію, часто бываетъ и о чемъ, по слову апостола, *стыдно и говорить* (Еф.

V, 12) [1]). Что же касается внѣбрачнаго единенія мужчины и женщины, то оно мерзко и нечисто передъ Богомъ, во первыхъ, какъ насильственное похищеніе правъ, усвоенныхъ Богомъ браку, во 2-хъ, какъ обращающее члены тѣла нашего, назначеннаго къ прославленію Бога, въ орудія скотскаго сластолюбія, которое есть смерть духовная (1 Тим. V, 6) и наконецъ потому, что тѣло христіанина есть храмъ Св. Духа: блудомъ онъ разоряетъ въ себѣ этотъ храмъ Божій, и Духъ Святый не можетъ уже пребывать въ немъ (1 Кор. III, 16—17); оно есть въ то же время *члены Христовы:* чрезъ блудъ онъ эти члены Христа дѣлаетъ *членами блудницы* (1 Кор. VI, 15—20) и такимъ образомъ, дѣлаетъ Самого Христа участникомъ своего сквернодѣйства и тѣмъ какъ бы *снова распинаетъ въ себѣ Сына Божія и ругается Ему* (Евр. VI, 4—8). Поэтому *блудниковъ и прелюбодѣевъ судитъ Богъ* (Евр. XIII, 4): *ни блудники, ни прелюбодѣи, ни малакіи, ни мужеложники царствія Божія не наслѣдуютъ* (1 Кор. VI, 9—10; Еф. V, 5),—они будутъ *внѣ* его и ихъ *участь* во озерѣ горящемъ *огнемъ и сѣрою; это смерть вторая* (Апок. XXI, 8; XXII, 15).

Что мужъ и жена становятся въ бракѣ однимъ организмомъ и при томъ мужъ главою, а жена—плоть отъ плоти его и кость отъ кости его, какъ именно нѣкогда Адамъ и Ева, эти мысли развиваются у св. Іоанна Златоуста: „Изначала, говоритъ онъ, Богъ прилагалъ особое попеченіе объ этомъ (брачномъ) союзѣ, и говоря объ обоихъ, Онъ выражается какъ объ одномъ: *и будутъ два одною плотію, такъ что они уже не двое, а одна плоть* (Мрк. X, 8)". Доказывая, что „мужъ и жена не два тѣла, а одно: онъ—глава, а она тѣло", св. отецъ говоритъ: „Какимъ образомъ жена есть плоть мужа? Послушай: *вотъ*, говоритъ Адамъ, *кость отъ костей моихъ и плоть отъ плоти моея* (Быт. II, 23). И не только это, но сказано еще: *и будутъ одною плотію* (вступающіе въ бракъ)".

Какъ таинство брака назначено для благословеннаго рожденія и воспитанія Церкви чадъ плотскихъ, такъ точно **священство** назначено для рожденія и воспитанія ей чадъ духовныхъ. Въ этомъ таинствѣ благодатію Всесвятаго Духа человѣку усвояется великій даръ Божій (1 Тим. IV, 14),—бренному человѣку дается Божественная власть низводить Духа

[1]) Церковь, согласно съ апост. наставленіемъ ограничиваетъ супружескія права другъ къ другу лишь временемъ поста и усиленной молитвы (1 Кор. VII, 5); правила разумной гигіены должны опредѣлять всякія другія ограниченія.

Святаго и Его благодатные дары въ церковныхъ таинствахъ и другихъ священнодѣйствіяхъ и тѣмъ рождать Церкви чадъ духовныхъ, а затѣмъ съ Божественною же властію учить ихъ, воспитывать въ законѣ Божіемъ, обличать, вязать и разрѣшать ихъ совѣсть, прощать имъ грѣхи или оставлять ихъ на нихъ (Лк. IV, 32; 2 Кор. X, 8; Тит. II, 15; Мѳ. XVIII, 18; Іоан. 20, 23) [1]).

Если кто размыслитъ, говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, сколько важно то, чтобы, будучи еще человѣкомъ, обложеннымъ плотію и кровію, присутствовать близъ блаженнаго и безсмертнаго естества: то увидитъ ясно, какой чести удостоила священниковъ благодать Духа. Ими совершается жертвоприношеніе, совершаются и другія высокія служенія, относящіяся къ достоинству и спасенію нашему. Еще живутъ и обращаются на землѣ, а поставлены распоряжать небеснымъ, и получили власть, которой не далъ Богъ ни ангеламъ, ни архангеламъ". „Ибо не ангеламъ сказано: *елика аще свяжете на земли*... Имѣютъ власть вязать и начальствующіе на землѣ, но только одни тѣла; а сія власть касается самой души, восходитъ до неба, ибо что священники опредѣляютъ долу, то Богъ утверждаетъ горѣ, и Владыка согласуется съ мнѣніемъ своихъ рабовъ". „Сила слова, говоритъ св. Григорій Нисскій, содѣлываетъ (вновь поставленнаго) священника важнымъ и досточтимымъ, отдѣляя его чрезъ новое благословеніе отъ сообщества многихъ. Бывъ вчера и прежде однимъ изъ простого народа, вдругъ является онъ наставникомъ, предстоятелемъ, учителемъ, совершителемъ совершенныхъ таинствъ,—и это дѣлаетъ нимало не измѣнившись по тѣлу или виду. Но, оставаясь, повидимому, тѣмъ же, чѣмъ и былъ, онъ преобразился въ невидимой душѣ къ лучшему невидимою нѣкоторою силою и благодатію". „Сама высокая и страшная мышца, говорится въ 79 правилѣ апостоловъ, снисшедши съ неба чрезъ возложеніе рукъ, даровала намъ Духа Своего, какъ огнь снисшедшаго на апостоловъ. О неизреченная сила, благоволившая вселяться въ насъ чрезъ возложеніе рукъ святыхъ іереевъ!".

Такимъ образомъ, въ этомъ таинствѣ христіанину дается, сравнительно съ таинствомъ мѵропомазанія, такое, по выраженію св. Іоанна Златоуста, *приращеніе Духа*, которое усво-

[1]) Ограниченіе благодатныхъ даровъ священства лишь даромъ сострадательной любви, даромъ принимать въ свою душу и совѣсть души и совѣсть пасомыхъ совершенно произвольно и не имѣетъ для себя основаній въ ученіи Церкви; въ смыслѣ же уступки невѣрующимъ оно безполезно и напрасно.

летъ человѣку, какъ бы онъ ни былъ самъ по себѣ грѣшенъ, Божественныя силу и власть. Чрезъ эти два таинства—муропомазаніе и священство—вѣрующій во Христа дѣлается участникомъ Пятидесятницы, т. е. принимаетъ на себя Св. Духа, Который нѣкогда сошелъ на апостоловъ. И если въ таинствѣ муропомазанія мы становимся родомъ избраннымъ, царственнымъ священствомъ, народомъ святымъ, царями и священниками Богу Отцу и Христу, *дабы возвѣщать совершенства Призвавшаго насъ изъ тьмы въ чудный Свой свѣтъ*, дабы устроять изъ себя *домъ духовный* и приносять въ себѣ *жертвы духовныя* (1 Петр. II, 5, 9; Апок. I, 6; V, 10; XX, 6); то въ таинствѣ священства христіанинъ получаетъ *великое дерзновеніе въ вѣрѣ во Христа Іисуса* и въ совершеніи молитвъ, прошеній, моленій и благодареній *за всѣхъ человѣковъ*, въ проповѣданіи имъ благовѣствованія (1 Тим. II, 1; III, 13; 2 Тим. IV, 1—2), къ устроенію каждаго христіанина отдѣльно *въ жилище Божіе Духомъ* и всѣхъ въ совокупности въ стройное зданіе, *въ святый храмъ въ Господѣ*, къ освященію ихъ въ таинствахъ, въ приношеніе и жертву Богу, въ благоуханіе пріятное (Еф. II, 20—2; V, 2). И какъ въ таинствѣ муропомазанія, дабы совершать свое личное спасеніе, мы становимся царями и священниками лишь чрезъ творческую силу Божію; точно также и въ таинствѣ священства, дабы совершать спасеніе другихъ, сугубые дары Св. Духа усвояются бренному существу человѣка не иначе, какъ творческою же силою благодати Божіей.

Принимая на себя эти дары Св. Духа, человѣкъ принимаетъ великую обязанность достойнымъ служеніемъ и личнымъ совершенствомъ возгрѣвать ихъ (2 Тим. I, 6) и такимъ образомъ усвоить ихъ себѣ въ вѣчное достояніе. У недостойнаго же служителя вмѣстѣ съ земною жизнію погаснутъ эти дары, т. е. отнимутся, и онъ понесетъ великое и страшное возмездіе за нерадѣніе о дарѣ Божіемъ, за уничиженіе Духа Божія. „Если рукоположенные, говоритъ Митроп. Филаретъ, не будутъ возгрѣвать даръ Божій (живущій въ нихъ), то его дѣйствіе можетъ въ нихъ угаснуть или отступить въ таинственную глубину, изъ которой хотя не престанетъ простираться чрезъ нихъ въ совершеніи таинствъ, но не будетъ проливаться собственно на нихъ и на ихъ жизнь“.

Изъ разсмотрѣнія всѣхъ семи таинствъ Православной Церкви мы видимъ, что чрезъ нихъ притекаетъ въ душу и тѣло человѣка *творческая* сила Божія, которая не только укрѣпляетъ и восполняетъ богодарованныя ему наличныя силы

и способности, но и сообщаетъ нѣчто совершенно новое неизвѣстное ему въ естественномъ необлагодатствованномъ таинствами состояніи, именно: прививаетъ душѣ человѣка Божественное начало и Божественныя силы, вводитъ его въ сферу Божественной жизни. Подобно тому, какъ дико растущее дерево, неспособное приносить плодовъ совсѣмъ или плодовъ добрыхъ, садовникъ дѣлаетъ плодовитымъ, прививая къ нему вѣтвь отъ дерева плодоноснаго,—не уничтожая его совсѣмъ, преобразуетъ однакоже всю внутреннюю его жизнь, даетъ возможность первому жить одинаковою жизнью съ послѣднимъ: такъ подобное же привитіе Божественной жизни къ душѣ человѣческой со всѣми благотворными его послѣдствіями для послѣдней совершается при посредствѣ таинствъ. Эта благодатная Божественная жизнь, вливаемая въ человѣка чрезъ таинства, является въ немъ неисчерпаемымъ, неоскудѣваемымъ, нестарѣемымъ и не изживаемымъ началомъ духовной жизни, заключающимъ въ себѣ ручательство постояннаго и не пресѣкаемаго развитія этой жизни, которая и сохраняется, и укрѣпляется, и возрастаетъ, и совершенствуется только подъ условіемъ присутствія въ душѣ человѣка этого начала. А такъ какъ таинства, постепенно подготовляя человѣка къ тѣснѣйшему общенію и единенію съ Іисусомъ Христомъ, приводятъ наконецъ (въ причащеніи) въ это непостижимое умомъ человѣческимъ единеніе, то они, такимъ образомъ, дѣлаютъ человѣка участникомъ страданій, смерти, погребенія и воскресенія нашего Спасителя. Они даютъ каждому человѣку возможность повторять въ себѣ тѣ дѣйствія, которымъ единственно и исключительно принадлежитъ искупительное значеніе, удовлетворяющее правду Божію тѣмъ, что страданіе, смерть и воскресеніе, будучи дѣломъ Единаго за всѣхъ, могутъ въ то же время чрезъ таинства становиться дѣломъ каждаго изъ насъ. Поэтому таинства, служа необходимымъ условіемъ истинной нравственно-христіанской жизни и дѣятельности человѣка на землѣ [1]), въ то же время не только открываютъ и облегчаютъ путь къ достиженію вѣчной жизни, но и служатъ для человѣка въ его настоящей жизни залогомъ раскрытія въ немъ Божественнаго начала до безконечныхъ совершенствъ Божественныхъ [2]).

---

[1]) *Безъ Меня*, т. е безъ единенія со Мною, *не можете дѣлать ничего*, т. е. истинно добраго (Іоан. XV, 5). *Все могу въ укрѣпляющемъ меня Іисусѣ Христѣ* (Филип. IV, 13).

[2]) „О таинствахъ Православной Церкви". Свящ. Воздвиженскаго. Правосл. обозрѣніе 1874 г., № 2-й, стр. 171—85.

Сравнивая теперь съ таинствами обрядовыя священнодѣйствія по ихъ плодамъ или результатамъ, мы не видимъ, чтобы эти послѣднія ставили человѣка подъ непосредственное вліяніе той творческой силы Божіей, которая нисходитъ на него чрезъ таинства. Изъ всѣхъ обрядовыхъ священнодѣйствій, судя по ихъ чинопослѣдованіямъ, наибольшее значеніе приписывается Церковію обряду освященія воды. Освященной водѣ, особенно въ день Крещенія Господня, Церковію для вѣрующихъ испрашиваются у Господа такіе плоды, которые, повидимому, приближаютъ это обрядовое священнодѣйствіе болѣе, чѣмъ какое либо другое, къ таинствамъ. Но Церковь тѣмъ не менѣе никогда не усвояла ему равнаго съ таинствами значенія. Это всего нагляднѣе видно изъ чинопослѣдованія крещенія. Таинство это въ обычномъ своемъ чинопослѣдованіи предваряется обрядомъ освященія воды. Водѣ при этомъ случаѣ освященія, какъ и при всякомъ другомъ, испрашивается Церковію наитіе Св. Духа, очистительное дѣйствіе Св. Троицы, а чрезъ это—*освященія даръ, грѣховъ разрѣшеніе, недуговъ исцѣленіе, демоновъ всегубительство, очищеніе плоти и духа, здравіе и благословеніе.* Однако несмотря на это, главная сила крещенія состоитъ не въ этомъ освященіи воды, а въ актѣ троекратнаго, съ призываніемъ имени Св. Троицы, погруженія крещаемаго въ воду. Въ случаѣ, напримѣръ, слабости крещаемаго, крещеніе совершается и въ простой неосвященной водѣ, отъ чего сила его нисколько не умаляется. Слѣдовательно, обрядъ освященія воды составляетъ въ этомъ случаѣ только важную и назидательную (такъ что по возможности соблюдается и при маломъ крещеніи) *обстановку* таинства, хотя имѣющую нѣкоторое значеніе и въ самой себѣ, но далеко не такое, какъ самое таинство. Если, такимъ образомъ, чрезъ освященную воду намъ и подается благодать Божія (іерей, окропляя вѣрующихъ, говоритъ: *благодать Св. Духа,* а пѣвцы поютъ: *благодать Духа вѣрно почерпающимъ невидимо подается отъ Христа Бога и Спаса душъ нашихъ),* то сила ея, сравнительно съ благодатію въ таинствахъ, очевидно, далеко неодинакова. Эта сила, видимо, заключается не столько во внутреннемъ дѣйствіи на внутренняго человѣка, сколько во внѣшнемъ освященіи внѣшняго человѣка. Оставляя внутреннюю жизнь и дѣятельность человѣка безъ измѣненія, благодать Божія чрезъ обряды освящаетъ лишь его внѣшнюю жизнь и дѣятельность, тогда какъ въ таинствахъ благодать Божія какъ бы вселяется въ человѣка и, прививаясь къ его наличнымъ силамъ, становится внутренно живущею въ немъ силою, да-

ющею властное направленіе собственнымъ силамъ человѣка. Силу благодати Божіей, дѣйствующей въ таинствахъ можно назвать *творческою* силою Божіею, ибо она производитъ коренное измѣненіе въ томъ, на что дѣйствуетъ: душа и тѣло человѣка становятся новою тварію (2 Кор. V, 17), хлѣбъ и вино—Тѣломъ и Кровію Христовою. Такого творческаго дѣйствія силы Божіей никогда не бываетъ при обрядахъ; вода, масло, хлѣбъ, вино, душа и тѣло человѣка не получаютъ никакихъ существенныхъ измѣненій; они только благословляются и освящаются соприкасающеюся съ ними силою Божіею („Самъ *благослови* хлѣбы сія, пшеницу, вино и елей, и вкушающія отъ нихъ вѣрныя *освяти*"). Вода, хлѣбъ, вино и проч. этимъ благословеніемъ Божіимъ освобождаются отъ порчи, отъ того зла, въ которомъ, по выраженію Писанія, *весь міръ лежитъ* (1 Іоан. V, 19), дѣлаются чистыми и святыми и чрезъ это становятся и для человѣка источникомъ нѣкотораго освященія, иногда исцѣленія отъ болѣзней (какъ это было съ платками и опоясаніями съ тѣла апостола Павла—Дѣян. XIX, 12), но въ существѣ своемъ нисколько не измѣняются. Равнымъ образомъ душа и тѣло человѣка при обрядовомъ священнодѣйствіи только внѣшне соприкасаются съ силою Божіею въ большей или меньшей мѣрѣ, смотря по силѣ вѣры и молитвы. Эта сила Божія, соприкасаясь человѣку, какъ огонь, попаляетъ въ немъ (смотря по тому, насколько охватываетъ душу человѣка) нечистоту, очищаетъ отъ скверны и грѣховъ (немощи) и освящаетъ, но только наличныя, дѣйствующія силы въ человѣкѣ. Струи же Божественной жизни, Божественныхъ силъ притекаютъ въ человѣка только чрезъ таинства. Обрядовыя священнодѣйствія оживляютъ, укрѣпляютъ добрыя силы въ человѣкѣ, но сами не даютъ человѣку этихъ силъ. Поэтому таинства необходимы, какъ источники Божественной жизни: отказываясь отъ нихъ, человѣкъ заграждаетъ къ себѣ протоки Божественныхъ силъ, слѣдствіемъ чего является оскудѣніе и изсякновеніе въ немъ жизни духовной. Обряды же не необходимы, но весьма полезны и важны, какъ источники благословенія Божія, возгрѣвающаго Божественные дары въ человѣкѣ. Они увеличиваютъ и усугубляютъ протоки Божественныхъ силъ, притекающихъ въ человѣка чрезъ таинства; они очищаютъ тускнѣющій подъ дыханіемъ житейской суеты образъ въ немъ Божій [1]). Отсюда ясно, какъ заблуждаются не только тѣ, ко-

[1]) Позволимъ себѣ такое сравненіе: человѣкъ есть какъ бы лигатура, таинства приливаютъ къ ней золото Божественной жизни и силъ,

торые низводятъ значеніе таинствъ до значенія обрядовъ и такимъ образомъ умаляютъ первыя, но и тѣ, которые возводятъ значеніе обрядовъ до несвойственной имъ высоты таинствъ. Это мы видимъ не только въ quasi-богословскихъ статьяхъ, но и въ жизни. Какъ многіе, напримѣръ, искренніе христіане съ величайшимъ усердіемъ, иногда даже и неразумнымъ, стараются запастись освященною крещенскою водою, но они же и однажды въ годъ не всегда приступаютъ къ таинствамъ покаянія и причащенія,—стараются какъ можно чаще освятить себя благословеннымъ на литіи или взятымъ отъ иконъ елеемъ, а между тѣмъ нерадятъ въ болѣзняхъ прибѣгать къ таинству елеосвященія.

Къ сказанному о таинствахъ и обрядахъ считаемъ нужнымъ добавить еще и слѣдующее. Въ таинствахъ благодать Божія *необходимо* нисходитъ на человѣка (Посл. вост. Патр. чл. 15), хотя въ случаѣ невѣрія и недостоинства его и производитъ дѣйствіе не очищающее, а опаляющее („огнь недостойныя опаляяй"), не во спасеніе, а въ осужденіе (1 Кор. XI, 29—30). Въ обрядовыхъ же священнодѣйствіяхъ благодать не дѣйствуетъ необходимо. Дѣйствія ея здѣсь стоятъ въ прямой зависимости отъ вѣры человѣка, приступающаго къ Божіему благословенію и освященію: приступающіе къ нему съ сомнѣніемъ или невѣріемъ не получаютъ его, но не несутъ на себѣ того страшнаго осужденія, которому подлежатъ недостойные причастники таинствъ. Таинства, производя въ существѣ человѣка глубокія, коренныя измѣненія, слѣдствія которыхъ идутъ въ безконечность, требуютъ въ силу этого болѣе или менѣе продолжительнаго приготовленія (оглашеніе предъ крещеніемъ, постъ предъ исповѣдью и причащеніемъ) и напряженія всѣхъ силъ человѣка. Обряды, низводя Божіе благословеніе главнымъ образомъ на внѣшнюю дѣятельность человѣка и даже внѣшніе предметы, относящіеся къ этой дѣятельности, требуютъ только извѣстнаго настроенія и благоговѣнія, но не требуютъ напряженія всѣхъ психо-физическихъ силъ человѣка. Таинства, объединяя людей въ одно великое тѣло Церкви подъ главою—Христомъ, могутъ быть преподаваемы только или вступающимъ въ число членовъ этого тѣла—Церкви, или же наличнымъ членамъ ея; къ обрядамъ же могутъ быть допускаемы и иновѣрцы. Въ таинствахъ сила благодати не зависитъ отъ достоинства совершающаго: послѣдній есть лишь доброе или

обряды—средства, внѣшне очищающія эту смѣсь, возстановляющія свойственный ей блескъ. Это сравненіе имѣетъ основаніе въ Малах. III, 2—3.

худое орудіе творческой силы Божіей; въ обрядовыхъ же священнодѣйствіяхъ сила вѣры и глубина молитвеннаго настроенія совершителя много способствуетъ большему обнаруженію силы Божіей (Іак. V, 16—8).

Изъ всего сказаннаго о таинствахъ и обрядахъ мы видимъ, что чрезъ нихъ на основѣ и подъ покровомъ *стараго* растлѣннаго грѣхомъ, міра, творится *новый* міръ (Апок. XXI. 1—5): мертвое по преступленіямъ и грѣхамъ человѣчество по великой любви Бога, богатаго милостію, оживотворяется со Христомъ, воскресаетъ для новой добродѣтельной жизни, для *святости* и непорочности въ любви, еще здѣсь на землѣ пріобщается къ Божественной жизни, пока не придетъ *въ мѣру полнаго возраста Христова*, пока не преобразится по самому тѣлу своему въ образъ славнаго тѣла Господа нашего Іисуса Христа и окажется достойнымъ сѣсть *на небесахъ* во Христѣ Іисусѣ, на Его Божественномъ престолѣ славы и блаженства (Еф. 1, 4; 2, 1—10, IV, 13; Филип. III, 20—1; Колос. I, 22; II, 13; III, 1—4; Апок. 3, 21). Какъ стройно растетъ новое зданіе подъ трудолюбивыми руками рачительныхъ строителей, такъ и спасаемое благодатію Божіею человѣчество, *имѣя Самого Іисуса Христа краеугольнымъ камнемъ*, постепенно подъ трудами апостоловъ, пророковъ, евангелистовъ, пастырей и учителей, возрастаетъ въ святый храмъ въ Господѣ и устрояется въ жилище Божіе Духомъ, дабы, укоренившись и утвердившись въ любви, исполниться всею полнотою Божіею (Еф. II, 19—22; III, 18—9; IV, 11 – 2). Какъ при твореніи древняго міра Духъ Божій носился надъ землею, вызывая ее изъ хаотическаго состоянія, вливая въ нее жизнь и способствуя ея развитію, такъ Тотъ же Духъ Святый и при твореніи новаго міра—въ таинствахъ и обрядовыхъ священнодѣйствіяхъ Церкви носится надъ нимъ, вливаетъ въ него струи Божественной безсмертной жизни, способствуетъ возрастанію этой жизни до совершенствъ Отца нашего небеснаго, *да будетъ Богъ все во всемъ* (1 Кор. XV, 28).

Можно сомнѣваться въ твореніи этого новаго невидимаго міра, сомнѣваться въ ученіи о томъ Слова Божія и Церкви, можно глумиться и кощунствовать надъ этимъ ученіемъ,—но вѣдь можно сомнѣваться и въ твореніи видимаго міра, глумиться надъ сказаніемъ Слова Божія объ этомъ твореніи Но надъ тѣми и другими сбывается повторенное Христомъ Спасителемъ пророчество Исаіи: *слухомъ услышите, и не уразумѣете; и глазами смотрѣть будете и не увидите; ибо огру-*

было сердце людей сихъ, и ушами съ трудомъ слышатъ, и глаза свои сомкнули, да не увидятъ глазами и не услышатъ ушами, и не уразумѣютъ сердцемъ, и да не обратятся, чтобы Я исцѣлилъ ихъ (Мѳ. XIII, 14—5). Все ученіе Православной Церкви о таинствахъ связано съ ученіемъ о крестѣ, т. е. объ искупительной смерти Христа Спасителя—Бога, пришедшаго во плоти,—но *слово о крестѣ для погибающихъ юродство есть, а для насъ спасаемыхъ сила Божія* (1 Кор. I, 18), *ибо душевный человѣкъ не принимаетъ того, что отъ Духа Божія, потому что онъ почитаетъ это безуміемъ, и не можетъ разумѣть, потому что о семъ надобно судить духовно* (Ibid. II, 14).

Епископъ Стефанъ.

Зачѣмъ?

Зачѣмъ сирень такъ быстро отцвѣтаетъ,
Зачѣмъ до времени тоска.
Какъ ржавчина, мечты души снѣдаетъ,
Зачѣмъ такъ юность коротка?

Шумитъ вокругъ холодный и безстрастный
Потокъ житейской суеты,
Губя и унося весны прекрасной,
Счастливой юности цвѣты;

Что часъ,—все крѣпче жизнь тиски сжимаетъ,
А къ сердцу крадется тоска...
Зачѣмъ сирень такъ быстро отцвѣтаетъ?..
Зачѣмъ такъ юность коротка?

о. Ѳ. Пастряковъ.

Замѣтки націоналиста.

Пускай меня отъявятъ старовѣромъ,
Но хуже для меня нашъ Сѣверъ во сто кратъ,
Съ тѣхъ поръ какъ отдалъ все въ обмѣнъ на новый ладъ —
И нравы, и языкъ, и старину святую
И величавую одежду на другую
По шутовскому образцу.

„Горе отъ Ума". Грибоѣдовъ.

I.

XIX вѣкъ по справедливости можно назвать временемъ восхода націонализма, яркимъ лучемъ освѣтившаго пеструю картину событій минувшаго столѣтія. Искусство, науки, политика, всѣ эти проявленія творческаго духа человѣка носятъ на себѣ неизгладимую печать націонализма, одушевлявшаго до настоящаго времени культурные народы всѣхъ странъ.

Національное движеніе въ началѣ прошлаго вѣка, словно могучая волна прилива, подхватило сначала народа Западной, а затѣмъ остальной Европы и сорвала ихъ съ мели космополитизма, на которую занесъ ихъ раціонализмъ, властно царившій въ XVII-мъ и XVIII-мъ вѣкахъ надъ умами даже передовыхъ людей.

Вліяніе націонализма чувствуется теперь вездѣ: въ Европѣ, Азіи, Америкѣ. О немъ повсюду пишутъ и говорятъ, по этому вполнѣ естественно остановиться надъ вопросами, что такое нація, народъ, чѣмъ первая отличается отъ послѣдняго и т. д.

Эти вопросы—дѣло не какой-нибудь узкой спеціальности и частнаго интереса, вовсе нѣтъ, они касаются области народовѣденія, народной статистики, такъ называемой Антропогеографіи. Мало этого, политическая экономія, соціологія, наука права не только не чужды затронутыхъ нами вопросовъ, но, напротивъ, очень тѣсно съ ними связаны. Съ тѣхъ поръ какъ историческая школа Савиньи-Пухта разъяснила значеніе соціальнаго явленія, называемаго народомъ, національный принципъ пріобрѣтаетъ все большее и большее значеніе въ особенности въ ученіи о суверенитетѣ народа. Однако съ прогрессивнымъ ростомъ значенія національнаго принципа возникаютъ и большія теоретическія затрудненія, изъ которыхъ вовсе не такъ просто выбраться, какъ это нѣкоторые утвер-

ждаютъ. Въ самомъ дѣлѣ, если во времена блаженной памяти Шмольца, Клюбера, Мауренбрехера ученые довольствовались опредѣленіями понятій о народѣ и государствѣ, народѣ и правительствѣ, народѣ и подданныхъ, то теперь требуютъ опредѣленія такихъ понятій, какъ понятіе о націи и національности, народѣ и народности, народѣ и племени. Въ настоящее время ищутъ моментъ, въ который осуществляется наличность условій, требуемыхъ для того, чтобы племя, переставши быть таковымъ, сдѣлалось націей или народомъ.

Теперь желаютъ знать, когда племя или народъ получаетъ право предъявлять „національныя“ претензіи, и добиваются разъясненія и опредѣленія сущности происшедшихъ тогда перемѣнъ. Въ самомъ дѣлѣ, что произошло съ такого рода племенемъ? Превратилось-ли оно въ народъ, націю и т. д.? Не только этнографія, статистика, но и другія науки живо интересуются этими вопросами, рѣшить которые такъ или иначе является настоятельной необходимостью.

II.

Чтобы показать, какія затрудненія могутъ возникать при различеніи населенія по національностямъ, возьмемъ, напр. населеніе Восточной Пруссіи и Познани, состоящее изъ нѣмцевъ, поляковъ и евреевъ. Считать-ли ихъ за нѣмцевъ или за отдѣльныя національности и чѣмъ руководствоваться при такого рода дѣленіи? Съ другой стороны, если считать нѣмцевъ и поляковъ за основныя группы населенія, то къ какой изъ этихъ группъ отнести евреевъ?..

Вѣдь нельзя же упускать изъ виду соображенія, что евреи обладаютъ такой совокупностью національныхъ особенностей, которая не даетъ возможности рѣшить окончательно, куда причислить ихъ. Вслѣдствіе такихъ соображеній получился интересный фактъ: въ Галиціи евреи причисляются къ полякамъ, а германскіе статистики разсматриваютъ ихъ подъ угломъ особой національности, живущей при нѣмцахъ.

Послѣдняго мнѣнія придерживается оффиціальная статистика многихъ европейскихъ государствъ. Однако и при такомъ взглядѣ на дѣло, все-таки являются разныя сомнѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, какъ быть съ евреями, живущими впѣ польской области германской имперіи, напр. съ евреями Парижа, Лондона, Гамбурга, Страсбурга, Амстердама, считать-ли ихъ также особой національностью или приложить тогда иную точку зрѣнія?

Совершенно аналогичныя сомнѣнія являются по поводу національности швейцарцевъ, голландцевъ, фризовъ и т. д.

Довольно трудно разобраться, почему, какъ этого требуютъ нѣкоторые статистики, жители Берна, Цюриха и т. д. должны считаться швейцарцами, а не нѣмцами, почему жители Женевы и Невшателя не должны быть причисляемы къ французамъ, также какъ населеніе по равнинѣ между Тичино и Маджіоре, по соображеніямъ этихъ статистиковъ, должно считаться швейцарцами (въ смыслѣ національности), а не итальянцами.

Обратимся къ населенію Европейскаго Востока, а именно къ славянамъ Восточной Венгріи, Балканскаго полуострова. Здѣсь разобраться еще труднѣе, а между тѣмъ эти вопросы— практическаго значенія, политическій смыслъ которыхъ едвали можетъ быть подвергнутъ сомнѣнію. Особенно для насъ, русскихъ людей, весьма точно установить, считать-ли Болгаръ и Кроатовъ за особую національность, или нѣтъ. Далѣе:— Словаки, Чехи, Рутены, Руссы, отдѣльныя ли націи или, какъ говорятъ панслависты, всѣ эти народы—члены одной великой славянской націи?

Такимъ образомъ уже изъ этихъ примѣровъ видно, что для статистики далеко не безразлично, какъ смотрѣть на тотъ или другой народъ, считать-ли его націей, или нѣтъ. Едва-ли нужно говорить, что критеріемъ того или другого рѣшенія должно быть точное и ясное представленіе о народѣ, націи, чего къ сожалѣнію, нѣтъ не только у публики, но очень часто и у людей, считающихся профессіональными учеными.

III.

Въ такомъ же положеніи находится затронутый нами вопросъ и въ политической экономіи. Теперь политико-экономы уже понимаютъ, что не совсѣмъ удобно говорить о народномъ, національномъ хозяйствахъ, не зная точно, что такое народъ и нація. Послѣднее обстоятельство не совсѣмъ ясно русскому читателю, такъ какъ экономическая терминологія въ русскомъ языкѣ нѣсколько скрываетъ подъ общимъ названіемъ „политической экономіи то, что, напр. у нѣмцевъ называется Volkwirtschaft, Nationalökonomie и т. п. Въ русской терминологіи недостаточно выработано различіе между понятіями „національный“ и „народный“, а между тѣмъ большая разпица между понятіями, напр. „народнаго банка“ и „національнаго банка“. Нельзя не замѣтить, что даже на первый взглядъ въ въ словахъ національный и народный заключается особый оттѣнокъ, который сплошь и рядомъ упускается изъ виду. Далеко не одно и то же „народный“ и „національный“ театръ,

журналъ, библіотека. Употребленіе того или другого слова вызывается совершенно различными соображеніями. Когда мы имѣемъ въ виду культурное единство, мы говоримъ о націи, если же нами выдвигается на первый планъ политическое единство, то мы употребляемъ слово народъ Въ самомъ дѣлѣ возьмемъ. напр. евреевъ. Не имѣя своего отдѣльнаго государства они не представляютъ политическаго единства и потому употребленіе слова народъ по отношенію къ нынѣшнимъ евреямъ можно признать вполнѣ не научнымъ. Однако, тѣ же евреи, не смотря на свою разбросанность, связаны многочисленными культурными началами и потому образуютъ націю. Впрочемъ, какъ вполнѣ основательно, доказали Mamiani [1]) и Mancini [2]) еще помимо культурныхъ узъ, для признанія національности чрезвычайно важно *сознаніе* въ соціальной группѣ принадлежности къ той или другой національности. Въ этомъ отношеніи наша исторія служитъ весьма поучительнымъ примѣромъ. Въ самомъ дѣлѣ, уже въ X и XI вѣкахъ, мы видимъ, помимо яснаго пониманія родства съ чехами, ляхами и другими „единаго корня“ народами, что среди славянъ, обитавшихъ на югѣ нынѣшней Россіи, а впослѣдствіи и на сѣверѣ, жило сознаніе общаго культурнаго единства, выразившееся не только въ законодательныхъ памятникахъ (Русская Правда), но и въ чисто литературныхъ. „Русь“, „Русская Земля“ эти два термина были тѣмъ стягомъ, вокругъ котораго сложилось на основаніи культурнаго единства и русское политическое единство. Уже въ XIV-мъ столѣтіи московскіе великіе князья называютъ себя правителями „всея Руси“, и затѣмъ шагъ за шагомъ, вслѣдствіе сознанной національной потребности, сложилось политическое единство уже не идеальной, а реальной „всея Руси“.

Итакъ, возвращаясь къ основному вопросу, мы видимъ что далеко не безразлично для цѣлаго ряда наукъ точное пониманіе такихъ соціальныхъ явленій какъ народъ и нація.

Нѣтъ нужды говорить, что точное знаніе этихъ явленій излѣчило-бы космополитическое недомоганіе, которому подвержены извѣстные слои нашего общества, поддающіеся постепенно обезличиванію въ интересахъ всевозможныхъ инородцевъ, остающихся чужеядными въ отношеніи нашей Родины.

М. Павловскій.

---

[1]) Mamiani. (Dell'oltima congregacione umana e del principio di Nazionalita предисловіе къ работѣ: D'un nuovo diritto Europeo libro. Torino. 1859.

[2]) Mancini. Della Nazionalita come fondamento dell diritto delle genti. Torino. 1851.

Изъ записной книжки русскаго монархиста.

(Продолженіе).

LXV.

Тостъ Пушкина за здоровье Императора Александра I

Пушкина, эпохи подневольнаго пребыванія въ Михайловскомъ, принято считать непріязненно или, по крайней мѣрѣ, не сочувственно настроеннымъ противъ Императора Александра I.

Пушкинъ, дѣйствительно, тяготился тогда своимъ положеніемъ и роптalъ на Государя, но онъ чтилъ его, какъ и въ лицейскіе годы, что и сказалось въ стихотвореніи „19 октября“ (1825 г.), 21 строфа этого стихотворенія—важный документъ для сужденія о монархизмѣ Пушкина временъ, предшествовавшихъ воцаренію Николая Павловича.

Полнѣй, полнѣй—и сердцемъ возгоря
Опять до дна, до капли выпивайте!..
Но за кого-жъ?.. О, други! угадайте...
Ура, нашъ Царь!—такъ выпьемъ за Царя!
Онъ человѣкъ: имъ властвуетъ мгновенье,
Онъ рабъ молвы, сомнѣнья и страстей.—
Но такъ и быть, простимъ ему неправое гоненье:
Онъ взялъ Парижъ и создалъ нашъ лицей.

LXVI.

О мнимомъ антагонизмѣ власти церковной и власти государственной въ православномъ мірѣ.

Не многимъ, вѣроятно, извѣстно, что на Руси были нѣкогда такіе ревнители Самодержавія, которые усматривали нѣчто антимонархическое въ кое-какихъ принадлежностяхъ епископскаго сана и въ обрядахъ архіерейскаго служенія.

Весною 1903 года „Московскія Вѣдомости“ (№ 2-го апрѣля), въ дни пребыванія Императорской Четы въ нашей древней столицѣ, вспоминая былыя проявленія неумѣстной, нерусской заботливости объ увеличеніи Государственной Власти насчетъ Церковной, привели нѣсколько весьма яркихъ примѣровъ этой заботливости:

„Такъ, напримѣръ, у насъ близорукіе „ревнители“ одно время преслѣдовали епископскіе „орлецы“ и даже посохи. Довольно долго у насъ не дозволяли епископамъ въ присутствіи Государей на божественной службѣ употреблять орлецы, потому что „нельзя де епископу становиться ногами на орла, являющагося символомъ Императорской Власти“... Излишне объяснять, что символъ нашей Государственной Власти—нашъ Византійскій двуглавый орелъ—ни по смыслу, ни по внѣшности не имѣетъ ничего общаго съ изображеніемъ орла, одноглаваго и летающаго, на епископскихъ коврикахъ, какъ символъ обязанности епископа пребывать въ стремленіи къ небу. Выходило, что въ присутствіи Высшей Власти этого стремленія не должно быть!.. Еще неразумнѣе было отобраніе у епископовъ ихъ посоховъ въ присутствіи государей, такъ какъ де посохъ является будто бы „символомъ власти“! А между тѣмъ изо всѣхъ принадлежностей епископскаго служенія именно посохъ наиболѣе чуждъ всякой идеи свѣтской власти. Въ одѣяніи епископовъ есть много „царственнаго“, ибо Византійскіе императоры, не боявшіеся возвышать епископскій санъ, даровали имъ, для большей торжественности божественныхъ службъ, много одѣяній, въ подражаніе царскимъ. Есть у духовнаго чина принадлежности, которые могли бы возбудить ревность нашихъ неразумныхъ зилотовъ, какъ *набедренникъ*, ибо онъ обозначаетъ,—страшно сказать—мечъ... Ужъ чего ужаснѣе! Но они почему-то особенно обрушивались на посохъ, символъ не власти, а *пастырства*. Это подобіе пастушескихъ посоховъ имѣетъ символическій смыслъ *учительства пастырскаго*, которое не отнимается ни у одного христіанина: на это учительство Носитель Царскаго Вѣнца, конечно, имѣетъ особое, примущественное право, въ виду важности и трудностей своего Державнаго труда. И вотъ именно въ присутствіи Государей у епископовъ отбирались посохи... Но что же это знаменовало бы, еслибы язычествующіе ревнители понимали смыслъ своего поступка? Вѣдь это выходило бы нѣчто вродѣ отлученія...

Но въ настоящія радостныя минуты,—замѣчаетъ въ заключеніе авторъ статьи,—не будемъ длить тягостныхъ воспоминаній о прискорбныхъ заблужденіяхъ неосмысленнаго ученичества у невѣрующей Европы. Времена эти прошли, и если не всѣ язвы, ими порожденныя, уже излѣчены, то уже всѣ онѣ обличились въ національномъ Русскомъ сознаніи, котораго средоточіемъ всегда были и остаются Самодержавные Вѣнценосцы Русскіе“.

LXVII.

Политическія воззрѣнія Байрона.

Байронъ написалъ двѣ трагедіи, въ которыхъ бичуетъ тиранію. Дѣйствіе этихъ двухъ трагедій („Марино Фальеро“ и „Двое Фоскари“) происходитъ въ Венеціанской республикѣ и наглядно показываетъ, что злѣйшая тиранія можетъ прикрываться республиканскими формами, и что въ иныхъ республикахъ народъ и самые доблестные сыны государства являются беззащитными жертвами ничтожныхъ и своекорыстныхъ олигарховъ, не знающихъ ни любви къ родинѣ, ни чувства долга. Марино Фальеро, донъ Фоскари и его сынъ, Анджіолина и Марина.—всѣ эти лица привлекали къ себѣ живѣйшія симпатіи Байрона, и всѣ они страдаютъ и гибнутъ отъ венеціанской знати. Байрона возмущало и безвластіе венеціанскихъ дожей, и произволъ венеціанской аристократіи, сдѣлавшей изъ Совѣта Десяти и Совѣта Сорока послушное орудіе своихъ цѣлей. Предсмертный монологъ Марино Фальеро, думавшаго превратить Венецію въ монархію и предрекавшаго передъ плахой своей родинѣ гибель, доказываетъ, что Байронъ объяснялъ паденіе Венеціи, которую онъ называлъ самымъ необыкновеннымъ государствомъ новѣйшей исторіи, венеціанскою формою правленія. „Сарданапалъ“ же доказываетъ, что монархизмъ Древняго Востока, внушалъ Байрону чувство почтенія и привлекалъ его къ себѣ своимъ широкимъ размахомъ, своей грандіозностью, своимъ нравственнымъ закаломъ.

Въ „Сарданапалѣ“ проявляется во всемъ блескѣ свободный умъ Байрона. Въ этой трагедіи нѣтъ и тѣни антимонархическихъ и англійскихъ политическихъ предразсудковъ. Такую трагедію, какъ „Сарданапалъ“ (мы говоримъ въ данномъ случаѣ объ ея идеѣ, а не о художественныхъ достоинствахъ) могъ бы написать и убѣжденный поклонникъ неограниченной монархіи. Байронъ не вдавался въ споры и во всѣ тонкости вопроса о достоинствахъ или недостаткахъ тѣхъ или другихъ формъ правленія, но, не смотря на свое племенное происхожденіе и на свой титулъ лорда, онъ умѣлъ отрѣшиться отъ предвзятой и общепринятой точки зрѣнія на ассирійскій царизмъ и рельефно выставитъ его достоинства, историческія заслуги и культурное значеніе. „Сарданапалъ“, поэтому, заслуживаетъ внимательнаго изученія не только, какъ одно изъ лучшихъ поэтическихъ созданій Байрона, но и какъ замѣчательный памятникъ политической мысли первой четверти XIX вѣка, какъ блестящая историческая гипотеза, представляющая весьма

своеобразное освѣщеніе гигантовъ миѳическихъ временъ и историческаго сумрака.

„Сарданапалъ“ выставляется обыкновенно изнѣженнымъ сластолюбцемъ, сущимъ порожденіемъ необузданнаго деспотизма и крайняго разврата,—безвольнымъ и ничтожнымъ тираномъ, полагавшимъ цѣль жизни въ безобразныхъ оргіяхъ и малодушно наложившимъ на себя руки въ минуту опасности,—чѣмъ-то вродѣ Роллы Альфреда де Виньи или азартнаго игрока, пускающаго себѣ пулю въ лобъ послѣ отчаянной ставки на рулеткѣ Монте-Карло.

Не таковъ Сарданапалъ Байрона.

Сарданапалъ Байрона ненавидитъ насиліе и гнетъ не меньше самого поэта. Онъ съ отвращеніемъ говоритъ о кровопролитіи, о войнахъ, о нападеніяхъ на сосѣдніе народы. Онъ гнушается политическаго коварства, ни мало не плѣняется славою, созидаемой страданіями и лишеніями своихъ и чужихъ подданныхъ. Онъ считаетъ задачею власти сохраненіе мира и блага народа и съ презрѣніемъ отзывается о несправедливости и корыстолюбіи сатраповъ. Его жизнь порочна, но онъ не обратился въ животное, онъ эпикуреецъ по наклонностямъ, но онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и поэтъ, и философъ, и герой. Его рѣчи и сны обличаютъ въ немъ художественную организацію. Они же доказываютъ, что его мысль неустанно работала надъ коренными вопросами бытія и этики и создала цѣлую теорію человѣческаго счастія. Не смотря на свой гаремъ и на изнѣженную жизнь, Сарданапалъ былъ и оставался достойнымъ потомкомъ Семирамиды, и это проявляется въ его послѣдніе часы. Байронъ, видимо, любовался своимъ Сарданапаломъ, и его Сарданапалъ внушаетъ чувство преданности и беззавѣтной любви такимъ различнымъ лицамъ, какъ благородная Зарина и іонянка Мирра, суровый и доблестный Солименъ и честный Панія. Даже мятежный Арбакъ поддается на нѣкоторое время обаянію, внушаемому Сарданапаломъ и проникается къ нему благоговѣніемъ. Своимъ „Сарданапаломъ“ Байронъ какъ бы хотѣлъ сказать: „не относитесь къ Древнему Востоку съ высоты величія. Помните, что ассиріяне были такіе же люди, какъ и мы съ вами; и между ними были великія дарованія и великіе характеры. Нужно всмотрѣться во мракъ глубокой древности, и вы найдете въ ней много предметовъ, достойныхъ удивленія и уваженія. Люди всегда и вездѣ были людьми. Откажитесь, поэтому, разъ на всегда отъ шаблоннаго отождествленія древне-восточныхъ монарховъ съ деспотами, ни во что не ставившими своихъ под-

данныхъ. И у ассиріянъ были свои политическіе идеалы, тотъ же выдуманный и небывалый деспотизмъ, который навязывается всему Древнему Востоку, не могъ имѣть никакихъ идеаловъ, такъ какъ онъ составляетъ ихъ рѣшительное отрицаніе".

Байронъ хотѣлъ сказать своимъ „Сарданапаломъ", что монархизмъ Древняго Востока имѣлъ свои индивидуальныя черты, и что не слѣдуетъ его принижать и забывать, что ассирійскіе цари имѣли, по сознанію народа, не только широкія права, но и высокія и трудныя обязанности, исполнять которыя было не такъ-то легко.

„Сарданапалъ" Байрона изобилуетъ разсужденіями и изреченіями, обличающими въ поэтѣ политическаго мыслителя, глубоко проникшаго въ психологію монархизма. Укажемъ, въ видѣ примѣра, на слова Солимена о гибельномъ вліяніи порочной жизни государей (I, 2), на слова Мирры о невозможности управлять государствомъ, никому не внушая страха (I. 2) и т. д. Много прекрасныхъ политическихъ и нравственныхъ истинъ высказываетъ и самъ Сарданапалъ (хотя бы, напримѣръ, въ монологѣ, слѣдующемъ за сценой съ Зариной).

Байронъ, несомнѣнно, имѣлъ въ виду серьезныя политическія и нравственныя задачи, когда писалъ свою трагедію. Сарданапалъ говоритъ въ предсмертномъ монологѣ, что его жизнь и смерть послужитъ урокомъ для царей, пресытившихся жизнью, и для народовъ, возстающихъ противъ своихъ государей. Сарданапалъ Байрона выражаетъ передъ смертью надежду, что костеръ, на которомъ онъ сжегъ себя, отвратитъ не одного властелина отъ изнѣженной и чувственной жизни. Съ этой точки зрѣнія смотрѣлъ поэтъ и на смыслъ жизни Сарданапала.

Эта идея выражается въ тѣхъ сценахъ, въ которыхъ Солименъ, Зарина и Мирра говорятъ о призваніи и обязанностяхъ Сарданапала, какъ о наслѣдникѣ цѣлаго ряда ассирійскихъ царей, ведущихъ происхожденіе отъ боговъ и отъ такихъ гигантовъ, какъ Немвродъ и Семирамида. Нельзя, конечно, настаивать, что Байронъ угадалъ историческаго Сарданапала. Нѣтъ, однако, сомнѣнія, что онъ угадалъ весьма многое въ характерѣ этого загадочнаго властелина. Многое угадалъ Байронъ и въ тѣхъ легендахъ, которыми окружены миѳическіе образы „великаго ловца передъ Господомъ" и жены Нина. Разсказъ Сарданапала въ первой сценѣ 4-го акта о снѣ, въ которомъ онъ видѣлъ Немврода и Семирамиду, исполненный мистическаго ужаса и грандіознаго величія, даетъ болѣе ясное представленіе объ ассирійскомъ монархизмѣ, чѣмъ ученые фо-

ліанты. Байронъ такъ же, какъ и Мирра, преклонялся передъ дѣлами, трудами и подвигами знаменитѣйшихъ ассирійскихъ царей и считалъ ихъ героями, которые всегда и вездѣ внушали бы восторгъ и поклоненіе.

LXVIII.

Монархизмъ Крылова, какъ взглядъ и чувство.

Были ли у И. А. Крылова опредѣленныя политическія убѣжденія?

Несомнѣнно были. Крыловъ, какъ и всѣ великіе русскіе писатели, исповѣдывалъ монархическій образъ мыслей. Несмотря на то, а, можетъ быть, именно потому, въ его произведеніяхъ можно найти цѣлый рядъ указаній на опасности, угрожающія монархіи отъ ошибокъ государей. Не одно указаніе найдется у Крылова и для подданныхъ. Вообще, политическій элементъ весьма замѣтенъ и въ басняхъ Крылова, и въ другихъ произведеніяхъ его. Какъ политическій мыслитель, Крыловъ отличался тѣмъ самымъ здравымъ смысломъ, который лежитъ въ основаніи всей его философіи.

Крыловъ чуждался всякой идеализаціи.

Въ баснѣ „Василекъ" поэтъ уподобляетъ себя въ глуши расцвѣтшему и вдругъ захирѣвшему простенькому цвѣточку, а императрицу Марію Ѳеодоровну—красному солнышку, оживляющему своей теплотой не только огромные дубы и кедры и роскошные душистые цвѣты, но и всю поднебесную. Жукъ совѣтуетъ васильку не возлагать никакихъ надеждъ на солнце и молча увядать; но солнце восходитъ и оживляетъ своимъ взоромъ бѣдный василекъ. Окончаніе басни выражаетъ точку зрѣнія, съ которой смотрѣлъ Крыловъ на меценатство царей и царицъ.

О, вы, кому въ удѣлъ судьбою данъ высокій санъ!
Вы съ солнца моего примѣръ берите!
Смотрите:
Куда лишь лучъ его достанетъ, тамъ оно,
Былинкѣ-ль, кедру-ли, благотворитъ равно,
И радость по себѣ, и счастье оставляетъ:
Зато и видъ его горитъ во всѣхъ сердцахъ,
Какъ чистый лучъ въ восточныхъ хрусталяхъ,
И все его благословляетъ.

Такова была монархія, передъ которой преклонялся Крыловъ.

Остановимся еще на нѣсколькихъ басняхъ его.

Въ баснѣ „Конь и всадникъ“ Крыловъ высказалъ свой взглядъ на французскую революцію 1789 г. и, вообще, на свободу. Всадникъ снимаетъ съ вышколеннаго коня узду и дѣло кончается тѣмъ, что конь не только сбрасываетъ съ себя неосторожнаго ѣздока, но и самъ погибаетъ, разлетѣвшись со всѣхъ ногъ въ оврагъ. Великолѣпная по живости картина бѣшенной скачки коня, почуявшаго, что надъ нимъ нѣтъ управы, завершается раскаяніемъ сѣдока и политическою сентенціею поэта:

Тутъ въ горести сѣдокъ,
„Мой бѣдный конь!“ сказалъ: „я сталъ виною
Твоей бѣды!
Когда бы я не снялъ съ тебя узды,
Управилъ бы навѣрно я тобою;
И ты бы ни меня не сшибъ,
Ни смертью-бъ самъ столь жалкой не погибъ!“

Какъ ни приманчива свобода;
Но для народа
Не меньше гибельна она,
Когда разумная ей мѣра не дана.

Въ этой баснѣ Крыловъ является психологомъ власти и повиновенія. Онъ думалъ, что монархи, отрекающіеся отъ своихъ правъ, оказываютъ плохую услугу подданнымъ и нравственно отвѣтственны за гибельныя послѣдствія революцій.

Въ баснѣ „Котъ и поваръ“ Крыловъ иронически относится къ тѣмъ правителямъ, которые стѣсняются пользоваться въ нужныхъ случаяхъ всею полнотою своихъ правъ и стараются дѣйствовать силою убѣжденія тамъ, гдѣ ею ничего нельзя сдѣлать.

А я бы повару иному
Велѣлъ на стѣнкѣ зарубить:
Чтобъ тамъ рѣчей не тратить по-пустому,
Гдѣ нужно власть употребить.

Басня „Лягушки, просящія царя“ служитъ какъ бы дополненіемъ басни „Конь и всадникъ“. Она показываетъ въ образахъ, какъ происходитъ обыкновенно постепенный упадокъ монархическихъ инстинктовъ и обаянія монархической власти. Та часть басни, гдѣ идетъ рѣчь о томъ, какъ лягушки, относившіяся сначала со страхомъ и почтеніемъ къ осиновому чурбану, мало-по-малу осваиваются съ нимъ и начинаютъ третировать его за-панибрата, принадлежитъ къ лучшимъ образцамъ крыловскаго стиха и крыловской изобразительности и можетъ быть поставлена наряду съ картиной бѣшенной скачки коня,

избавленнаго отъ узды. Въ чемъ же заключается идея басни „Лягушки, просящія царя“?—Въ заключительныхъ словахъ Юпитера, давшаго лягушкамъ въ цари сначала колоду, а затѣмъ журавля, безпощадно глотающаго своихъ неугомонныхъ подданныхъ:

„Не мнѣ-ль, безумныя“, вѣщалъ имъ съ неба гласъ,
„Покоя не было отъ васъ?
Не вы ли о царѣ мнѣ уши прошумѣли?
Вамъ данъ былъ царь, такъ тотъ былъ слишкомъ тихъ,
Вы взбунтовались въ своей лужѣ;
Другой вамъ данъ, такъ этотъ очень лихъ.
Живите-жъ съ нимъ, чтобъ не было вамъ хуже!“

Басня ничего не теряетъ въ своемъ значеніи оттого, что она есть передѣлка басни Лафонтена, составляющей, въ свою очередь, передѣлку басни Эзопа. Кого бы ни разумѣлъ Крыловъ подъ чурбаномъ и журавлемъ—Людовика ли XVI и Наполеона I, или кого-нибудь другого,—его басня, помимо частнаго смысла, имѣетъ и общій смыслъ. Въ чемъ же онъ заключается?—Въ томъ, что народъ долженъ довольствоваться тѣми монархами, которыхъ ему посылаетъ Провидѣніе. Въ баснѣ „Лягушки, просящія царя“ во всякомъ случаѣ нѣтъ и тѣни отрицанія монархическихъ началъ. Крыловъ хотѣлъ сказать только, что народы, не умѣющіе мириться съ недостатками своихъ государей, рискуютъ попасть изъ огня въ полымя.

Въ баснѣ „Воспитаніе льва“ Крыловъ касается вопроса о подготовкѣ наслѣдниковъ престола; дѣлаетъ рядъ мѣткихъ замѣчаній о непригодности крота и барса быть питомцами будущихъ царей. Печальныя послѣдствія отъ воспитанія молодого льва орломъ даютъ поводъ баснописцу осудить устами стараго царя звѣрей ту систему, въ силу которой у насъ въ XVIII в. считалось необходимымъ воспитывать наслѣдниковъ престола на иноземный ладъ.

Тутъ ахнулъ царь и весь звѣриный свѣтъ!
Повѣсилъ головы совѣтъ,
А Левъ-старикъ поздненько спохватился,
Что львенокъ пустякамъ учился,
И не добро онъ говоритъ;
Что пользы нѣтъ тому большой знать птичій бытъ,
Кого звѣрьми поставила владѣть природа,
И что важнѣйшая наука для царей:
Знать свойство своего народа
И выгоды земли своей.

Басня „Орелъ и котъ“ устанавливаетъ такое правило для правительственной дѣятельности монарховъ:

Не презирай совѣта ничьего,
Но прежде разсмотри его.

Орелъ, не внявъ предостереженіямъ кота, свилъ гнѣздо на подгнившемъ дубѣ и тѣмъ погубилъ орлицу и дѣтей.

Тонкимъ юморомъ проникнута басня „Кукушка и орелъ“, указывающая естественные предѣлы власти неограниченныхъ монарховъ. Когда кукушка, возведенная орломъ въ соловьи, жалуется ему, что всѣ смѣются надъ ея пѣніемъ, царь птицъ объясняетъ ей, что онъ царь, а не Богъ и не можетъ избавить кукушку отъ ея бѣды.

Кукушку соловьемъ честить я могъ заставить;
Но сдѣлать соловьемъ кукушку я не могъ.

Есть и другія басни, въ которыхъ сказался политическій образъ мыслей Крылова. Такова, напримѣръ, „Чижъ и Ежъ“, „Левъ и Комаръ“, „Левъ“ и т. д. Обильный матеріялъ для изученія монархическихъ взглядовъ Крылова даютъ, между прочимъ, всѣ басни его, заключающія какіе-либо политическіе намеки: „Левъ состарившійся“, „Квартетъ“, „Парнасъ“, „Мірская сходка“ и т. д. „Мірская сходка“ любопытна, какъ басня, выражающая взглядъ Крылова на совѣщанія съ народомъ. Онъ понималъ что и мірскую сходку можно такъ подобрать, что волкъ окажется самымъ подходящимъ блюстителемъ овчарни.

Да что же овцы говорили?
На сходкѣ вѣдь онѣ, ужъ, вѣрно, были?—
Вотъ то-то нѣтъ! Овецъ то и забыли!
А ихъ-то бы всего нужнѣй спросить.

* * *

Крыловъ былъ монархистъ, но немногіе антимонархисты выставляли такъ безпощадно слабыя стороны монархическаго правленія тамъ, гдѣ оно находилось въ рукахъ недостойныхъ государей, какъ знаменитый русскій баснописецъ. Нигдѣ то свойство его, которое Пушкинъ называлъ веселымъ лукавствомъ ума, не проявилось такъ ярко, какъ въ „шуто-трагедіи“ „Подщипа“, написанной въ 1789 г. Объ этой загадочной пьесѣ существуетъ нѣсколько мнѣній. Одни думаютъ, что „Подщипа“ составляетъ сатиру на времена Павла Петровича, но В. Ѳ. Кіневичъ совершенно основательно отвергаетъ такую точку зрѣнія. Нѣтъ положительно ничего общаго между событіями 1796—1801 г. и содержаніемъ „шуто-трагедіи“. Дѣятели временъ императора Павла Петровича нимало не напоминаютъ

героевъ и героинь „Подщипы“ да и нравы петербургскаго двора конца XVIII и начала XIX столѣтія нимало не похожи на грубый и простой бытъ дворца царя Вакулы. Трудно также согласиться, что Крыловъ хотѣлъ изобразить подъ видомъ Вакулы австрійскаго императора Франца I, въ лицѣ Подщипы—его дочь, Марію-Луизу, а въ лицѣ Слюняя—нѣмецкаго принца, которому была обѣщана ея рука прежде, чѣмъ Наполеону. Согласно такому толкованію совѣтъ царя Вакулы—карикатура на знаменитый вѣнскій Гофъ-кригсъ-ратъ, а Трумфъ—карикатура на Наполеона. „Но и это объясненіе, какъ замѣчаетъ В. Ѳ. Кипевичъ, нельзя почесть достойнымъ вѣроятія, потому что, какъ извѣстно, событія, на которыя оно намекаетъ, совершились позже сочиненія пьесы, да и самая ея развязка не согласуется съ нимъ. Не правильнѣе ли будетъ предположить, что Трумфъ („Подщипа“) есть просто пародія на классическую трагедію, господствовавшую на нашей сценѣ въ эпоху его появленія“? Что Крыловъ, дѣйствительно, хотѣлъ подшутить въ своей пьесѣ надъ ходульностью и напыщенностью царей, героевъ, героинь и наперстницъ нашихъ дубовыхъ подражателей Корнеля и Расина, въ томъ не можетъ быть сомнѣнія. Но не безъ основанія же его „шуто-трагедія“ считалась долго запретною вещью и могла появиться въ Россіи въ печати лишь въ 1871 г. („Русская Старина“, февраль). За границею, а именно въ Берлинѣ, шуто-трагедія была напечатана раньше, въ 1859 г. и, очевидно, въ качествѣ пьесы, объ изданіи которой тогда нельзя было и думать въ Россіи. Біографъ и критикъ Крылова, Лобановъ, называетъ „Подщипу“ шалостью, проказами таланта великаго русскаго баснописца. Онъ восхищается характерами Вакулы, Подщипы и Слюняя, какъ созданіями карикатурно-геніальными („Жизнь и сочиненія И. А. Крылова“, С.П.Б. 1847 г., стр. 24—30). Нельзя, однако, отрицать, что антимонархисты могутъ съ удовольствіемъ ссылаться на многія мѣста „Подщипы“. Въ шуто-трагедіи монархическій принципъ перенесенъ въ грубую, вульгарную и сказочную страну какихъ-то полуидіотовъ и нравственныхъ недоносковъ. Поэтому-то онъ и производитъ въ царствѣ Вакулы такое странное и комичное впечатлѣніе. Крыловъ былъ далекъ отъ мысли отрицать монархическія начала, но подъ вліяніемъ „веселаго лукавства ума“ онъ спросилъ себя: „А что выйдетъ, если изобразить по всѣмъ правиламъ псевдо-классической трагедіи тотъ до-историческій бытъ, который нашелъ свое отраженіе въ русскихъ сказкахъ, и отнестись къ нему съ чисто народнымъ юморомъ, нетерпящимъ никакихъ ходуль“? Въ результатѣ полу-

чилась „Подщипа“. Царь Вакула говоритъ языкомъ простодушнаго недалекаго крестьянина, онъ играетъ въ кубарь, а его гофмаршалъ самъ покупаетъ каплуна и самъ относитъ его на кухню. Аpисія[1]) шуто-трагедіи, перемѣшивая стиль французской классической сцены съ вульгарною рѣчью, восклицаетъ:

„О царскій санъ! ты мнѣ противнѣй горькой рѣдьки!
Почто, увы! не дочь конюшеннаго я Федьки!

Совѣтъ царя Вакулы состоитъ изъ глухихъ, слѣпыхъ, нѣмыхъ и отъ старости еле дышащихъ сановниковъ. Собранные для рѣшенія вопроса о войнѣ съ Трумфомъ, они зѣваютъ, дремлютъ, а въ заключеніе засыпаютъ и храпятъ. Въ концѣ перваго дѣйствія занавѣсъ опускается подъ ихъ дружный храпъ. Въ это самое время царь Вакула играетъ за сценою въ кубарь. Мудреный государственный вопросъ рѣшается по совѣту цыганки, которая гадаетъ на мосту. О томъ, какъ Вакула управляетъ своимъ крошечнымъ царствомъ, можно судить, хотя бы по слѣдующему отрывку изъ его разговора съ царевною Подщипою

Подщипа.

Какое же насъ горе одолѣло?
Не хлѣба-ль недородъ?

Вакула.

А мнѣ, слышь, что за дѣло?
Я развѣ даромъ царь? Слышь, лежа на печи,
Я и въ голодный годъ ѣсть буду калачи.

Лобановъ былъ правъ, называя „шуто-трагедію“ шалостью таланта, но въ этой шалости скрывается и серьезная политическая мысль. Она показываетъ, что Крыловъ не хуже завзятыхъ республиканцевъ понималъ, что монархическій принципъ не всегда и не вездѣ пригоденъ и что, пересаженный въ деревушку Вакулы, онъ могъ проявляться только въ каррикатурныхъ формахъ. „Шуто-трагедія“ показываетъ, что политическая мысль Крылова была чужда всякой односторонности.

„Подщипа“ не каррикатура на монархическій принципъ, а насмѣшка надъ его искаженіемъ и смѣшеніемъ съ вотчиннымъ началомъ. Крыловскій Вакула не страдалъ бюрократическими увлеченіями гоголевскаго Кашкарева, но царство Вакулы во многомъ смахиваетъ на усадьбу и на помѣстья Кашкарева. Вакула не царь, а захолустный домовладыка и хозяинъ,—его степенство, вообразившій себя монархомъ, своихъ ку-

[1]) Аpисія—дочь Тезея—одного изъ дѣйствующихъ лицъ трагедіи Расина.

черовъ и работниковъ—министрами, а свою дворню—дворомъ. Такія аберраціи ума бывали не только въ старинныхъ помѣщичьихъ усадьбахъ, но и въ миніатюрныхъ германскихъ княжествахъ XVIII вѣка.

LXIX.

Григоровичъ, какъ народный печальникъ при дворѣ Императора Николая I.

Существуетъ предразсудокъ, что въ неограниченныхъ монархіяхъ лучшіе люди страны не могутъ имѣть благотворнаго вліянія на государственныя дѣла.

Но развѣ самодержавный Государь не испытываетъ на себѣ вліянія даровитѣйшихъ мыслителей, ученыхъ, поэтовъ, композиторовъ, художниковъ и другихъ представителей и выразителей народнаго генія и упованій родины? Конечно, испытываетъ. А вотъ и наглядный примѣръ такого вліянія:

31-го октября 1893 года, на юбилейномъ обѣдѣ въ честь Григоровича, была произнесена В. А. Панаевымъ интересная рѣчь, напечатанная въ „Русской Старинѣ“ (мартъ 1903 года), изъ которой оказывается, что литературная дѣятельность автора „Рыбаковъ“ и „Переселенцевъ“ не прошла безслѣдно для крестьянъ.

„Въ сороковыхъ и въ началѣ пятидесятыхъ годовъ былъ извѣстный литераторъ графъ Сологубъ, человѣкъ очень талантливый и образованный. Служа при дворѣ, онъ, какъ извѣстный литераторъ и превосходный чтецъ, приглашался къ покойной императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ для чтенія литературныхъ произведеній.

Вотъ что передавалъ графъ Сологубъ всюду въ обществѣ,—и я слыхалъ это отъ него лично нѣсколько разъ, а именно, „что при чтеніи имъ романовъ и повѣстей Д. В. императрицѣ, она нерѣдко проливала слезы“.

Понятно, сегодня графъ Сологубъ прочтетъ императрицѣ что-либо изъ произведеній Григоровича, а завтра знаетъ объ этомъ весь высшій кругъ, и знаетъ тоже, какъ именно отнеслась императрица къ этому чтенію.

Поэтому, если кто-нибудь почему-либо не читалъ твореній Д. В., то конечно спѣшилъ немедленно прочесть ихъ.

Такимъ-то путемъ, а равно и разными другими путями распространялись во вліятельномъ обществѣ вѣрныя понятія о крестьянскомъ бытѣ.

Въ настоящее время болѣе или менѣе тоже не секретъ, что покойный императоръ Николай Павловичъ завѣщалъ сво-

ему державному преемнику исполнить то, что, по разнымъ обстоятельствамъ, онъ не успѣлъ исполнить самъ при жизни, т. е. совершить освобожденіе крестьянъ, о житьѣ-бытьѣ которыхъ проливала слезы его царственная супруга".

LXX.

Джагатайскій сноголкователь.

Вырѣзка изъ библіографической замѣтки, напечатанной въ августѣ 1901 года въ одной изъ нашихъ газетъ:

„Катановъ Н. Ѳ. *Сноголкователь, приписываемый мусульманами ветхозавѣтному патріарху Іосифу, сыну Іакова.*

Это—первый, явившійся въ печати, *Сноголкователь*, писанный на средне-азіатскомъ нарѣчіи тюркскаго языка, называемаго джагатайскимъ, или, правильнѣе, чагатайскимъ. Этотъ сонникъ въ большомъ ходу въ Туркестанскомъ краѣ среди мусульманъ. Онъ представляетъ немалый интересъ.

Джагатайскій сонникъ заявляетъ: „Знай, что толкованіе сновъ есть чудесный даръ Святаго Іосифа,—миръ ему! Всѣ пророки трудились ради пользы народа, и эта книга есть книга сновъ пророка Іосифа. Всюду бываетъ много сонниковъ, но этотъ—самый лучшій".

Дальше идетъ самое толкованіе сновъ. Вотъ одинъ изъ примѣровъ этихъ толкованій: Кто увидитъ во снѣ царя, тотъ получитъ радость".

Это толкованіе проливаетъ свѣтъ на политическое настроеніе и политическіе взгляды средне-азіатскихъ мусульманъ. Они—прирожденные монархисты и привыкли смотрѣть на Царя, какъ на обладателя плодотворной власти и источникъ общаго благополучія.

LXXI.

По поводу предстоящаго 300-лѣтія воцаренія Дома Романовыхъ.

Въ 1913 году исполнится 300 лѣтъ со дня вступленія на Престолъ перваго царя изъ Дома Романовыхъ. Россія находится, слѣдовательно, въ ожиданіи великой, общегосударственной годовщины. Чѣмъ же ознаменуется всероссійское торжество? Неужели лишь открытіемъ памятника Михаилу Ѳеодоровичу въ Костромѣ?.. Развѣ память о немъ дорога одной Костромѣ?

Развѣ столицы Имперіи не должны имѣть монументовъ перваго вѣнценоснаго родоначальника нашей Императорской Фамиліи? Къ сожалѣнію, этотъ вопросъ, судя по газетамъ, еще

не возбуждался ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ. Неужели Москва даже послѣ 1913 года не будетъ имѣть памятника Михаилу Ѳеодоровичу? Отсутствіе его и теперь коробитъ глаза каждому, кто имѣетъ ясное понятіе объ историческомъ значеніи первопрестольной столицы.

LXXII.

Отсутствіе монархической литературы въ Россіи.

Почему антимонархическія теоріи получили у насъ въ послѣднее время такое широкое распространеніе, а сознательныхъ монархистовъ, которые могли бы не только съ убѣжденіемъ, но и вполнѣ отчетливо разоблачить всѣ извороты антимонархической пропаганды, встрѣчается такъ мало? *Между прочимъ, потому что у насъ не существуетъ монархической литературы.* Пять-шесть книгъ, пять-шесть брошюръ, нѣсколько десятковъ статей—вотъ и весь ея перечень. Учащейся молодежи не изъ чего заимствовать монархическихъ понятій. Ее заваливаютъ „оригинальными“ и переводными произведеніями, восхваляющими антигосударственные идеалы или, по крайней мѣрѣ представительное правленье. Голоса же, раздающіеся въ пользу нашей исторически сложившейся формы правленія, единичны и едва слышны. Что-жъ удивительнаго, что въ русскомъ обществѣ господствуетъ самое близорукое, самое грубое и самое невѣжественное представленіе о Русскомъ Самодержавіи, объ его особенностяхъ, историческомъ значеніи и призваніи? *Одна изъ главныхъ задачъ русской политической мысли заключается въ томъ, чтобы понять его.*

LXXIII.

Дизраэли о представительномъ правленіи.

Одинъ изъ героевъ какого то романа Дизраэли, уѣзжая на Востокъ, замѣчаетъ: „я ѣду въ страну, которую небо не подарило *роковымъ шутовствомъ* именуемымъ представительнымъ правленіемъ“.

LXXIV.

По поводу толковъ о возможности возрожденія земскихъ соборовъ.

Славянофилы говорили и говорятъ о необходимости созванія земскихъ соборовъ. Имъ охотно поддакиваютъ конституціоналисты разныхъ оттѣнковъ въ томъ убѣжденіи, что, хотя земскіе соборы и не составляютъ вѣнца всѣхъ желаній, но

могутъ сыграть роль переходной ступени къ парламентаризму, къ республиканскому правленію и ужъ во всякомъ случаѣ дадутъ возможность произвести рядъ трескучихъ демонстрацій противъ Самодержавія. Оставимъ въ сторонѣ неискреннихъ сторонниковъ возстановленія земскихъ соборовъ, будемъ говорить лишь о тѣхъ писателяхъ, которые совершенно искренно указываютъ на созваніе соборовъ, какъ на опору Русскаго Самодержавія, какъ на вѣрнѣйшій способъ освѣщенія нуждъ и желаній народа.

Можно ли созвать земскій соборъ въ XX вѣкѣ? Конечно нѣтъ. Земскіе соборы существовали въ до-петровскій періодъ и отошли вмѣстѣ съ нимъ въ область преданій. Они слагались изъ патріарха, „освященнаго собора", боярской думы и выборныхъ людей отъ разныхъ чиновъ служилыхъ людей, отъ гостей, гостинныхъ сотенъ и посадскихъ, словомъ, изъ такихъ элементовъ, которыхъ теперь не существуетъ. Возстановить названіе земскихъ соборовъ не значило бы воскресить ихъ самихъ: воскресить ихъ невозможно. Какъ бы ни было сформировано общегосударственное совѣщательное начало, какъ бы ни подгонялась его организація къ организаціи земскихъ соборовъ, земскаго собора мы все таки не получимъ, а получимъ нѣчто въ родѣ екатерининской Коммиссіи 1767 г. о сочиненіи проекта Новаго Уложенія или копіи съ одного изъ западно-европейскихъ парламентовъ безъ права рѣшающаго голоса.

Но, допустимъ, что Коммиссія 1767 года можетъ приравниваться къ земскому собору, и что земскіе соборы могутъ возродиться. Что же нужно для того, чтобы они возродились?

Нужно, чтобъ тѣ люди, которые вѣрятъ въ возможность и плодотворность земскихъ соборовъ усвоили себѣ такой же взглядъ на отношенія народа къ Верховной власти, какимъ были проникнуты наши предки.

А каковъ же былъ ихъ взглядъ?

Отвѣтимъ на этотъ вопросъ словами покойнаго проф. И. Д. Бѣляева, который принадлежалъ къ ученымъ славянофильской школы и придавалъ громадное значеніе земскимъ соборамъ. Его очеркъ: „Земскіе соборы на Руси" заканчивается слѣдующимъ обобщеніемъ:

„Исторія земскихъ соборовъ ясно говоритъ, что самъ народъ, что земля Русская никогда не требовали земскихъ соборовъ, что земля никогда не присваивала себѣ права созывать соборы, а всегда считала только своею повинностію выслать представителей на соборъ, когда царь потребуетъ этой повинности. Это завѣтъ нашихъ предковъ потомкамъ, посто-

явно повторяемый въ продолженіе слишкомъ 300 лѣтъ, именно съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ только собралась Русская земля".

Народъ никогда не требовалъ созванія земскихъ соборовъ. Если онъ считалъ только своею повинностью высылать представителей на соборъ, то значитъ и теперешнимъ сторонникамъ земскихъ соборовъ, не желающимъ сходить съ почвы историческихъ преданій, нѣтъ основанія проповѣдывать необходимость созванія соборовъ. Ихъ созваніе никогда не узаконялось и никогда не отмѣнялось въ Россіи. Они созывались тогда, когда Самодержавная власть чувствовала въ нихъ потребность. Она никогда не обращалась бы къ нимъ, если-бъ они ей навязывались. Сторонникамъ земскихъ соборовъ можно дать, поэтому, такой совѣтъ: „Перестаньте пропагандировать земскіе соборы и мечтать о нихъ, постарайтесь утвердить въ обществѣ строго-монархическіе взгляды и инстинкты, возложите всѣ свои упованія въ дѣлахъ государственныхъ на Верховную власть, предоставьте Ей самой судить о томъ, нужны ли Россіи земскіе соборы, и вы, быть можетъ, сдѣлаете возможнымъ совѣщаніе Власти съ Землею".

До тѣхъ же поръ, пока будетъ основаніе опасаться, что земскіе соборы могутъ сдѣлаться орудіемъ или удобнымъ предлогомъ антимонархическихъ манифестацій, они ужъ, конечно, не будутъ созываться.

Вопросъ о возрожденіи „земскихъ соборовъ" стоитъ въ неразрывной связи съ вопросомъ о политическомъ оздоровленіи русскаго общества въ монархическомъ смыслѣ слова.

Въ данномъ случаѣ вопросъ сводится не къ тому: совмѣстимы ли земскіе соборы съ Самодержавіемъ? Если земскіе соборы будутъ отвѣчать лишь на запросы Верховной власти; если они не будутъ добиваться для себя никакихъ правъ; если они не будутъ стараться производить нравственное давленіе на Верховную власть и сомнѣваться, что она въ правѣ дѣйствовать совершенно свободно,—они будутъ совмѣстимы съ Самодержавіемъ. Но шутить съ огнемъ опасно. Весь вопросъ, поэтому, сводится къ вопросу о своевременности и умѣстности созванія земскаго собора при наличности тѣхъ или другихъ условій, при наличности того или другого политическаго и психологическаго настроенія народа и общества.

Н. И. Чернявъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СЛАВЯНСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Изъ Хорватской земли. Католицизмъ—врагъ славянъ.

Грустныя вѣсти получаются изъ хорватской земли. Эта страна служитъ нагляднымъ доказательствомъ того, какъ пагубно подѣйствовалъ католицизмъ на славянство. Недаромъ краковскій профессоръ Здѣховскій признаетъ хорватовъ за единственныхъ славянъ, конечно, кромѣ поляковъ. Онъ въ этомъ имѣлъ предшественника въ лицѣ развратителя собственнаго народа, Старчевича, которому недавно его приверженцы съ такимъ торжествомъ открыли памятникъ въ Загребѣ, что послужило для одной части хорватскаго общества поводомъ къ избіенію своихъ братьевъ—сербовъ. Еще хорошо сохранилось у всѣхъ въ памяти, какъ лѣтомъ 1902 г. загребскіе хорваты поступили съ сербами, разорвавъ ихъ въ конецъ. Лучшія торговыя фирмы до этого погрома принадлежали сербамъ, народу очень дѣльному, но свирѣпая ненависть хорватовъ не успокоилась до тѣхъ поръ, пока на главной улицѣ загребской, Илицѣ, вмѣсто ненавистныхъ сербовъ не очутились еврейскія фирмы. Въ настоящее время въ Загребѣ господствуетъ еврей, какъ вообще во всей Венгріи и онъ такимъ образомъ уготовляетъ почву для нѣмецкаго Drang nach Süden. Австрія этому походу нѣмцевъ не помѣшаетъ, такъ какъ она и дипломатически—трудами гр. Голуховскаго—и въ внутреннемъ управленіи, благодаря интригамъ пресловутаго „кола польскаго“ съ Яворскимъ во главѣ, собственно говоря, исполняетъ работу для прусскаго короля. Въ прошедшемъ году лѣтомъ, наконецъ, долженъ былъ уйти изъ Загреба графъ Куэнъ-Хедервари, который въ качествѣ бана въ теченіи двадцати лѣтъ экономически разорялъ и политически развращалъ хорватскій народъ. Стоитъ только прочитать книгу Іосифа Голечка (Въ Черногоріи и Черная Гора концемъ вѣка. Прага. 1899 г.), чтобы убѣдиться, къ какимъ подлымъ сред-

ствамъ прибѣгаютъ политики въ свободной(?) конституціонной странѣ, чтобы въ конецъ поработить и разорить народъ. Венгерскіе выборы въ парламентъ въ этомъ отношеніи превосходятъ все намъ извѣстное: вѣдь болѣе двухъ милліоновъ славянъ (а можетъ быть, ихъ цѣлыхъ три милліона) за все время „политической свободы", за все время существованія пештскаго парламента только въ прошедшемъ году какимъ то чудомъ дождались избранія четырехъ своихъ депутатовъ; русскіе въ сѣверной Венгріи о такой роскоши, конечно, даже думать не смѣютъ. Но это народы прямо и откровенно порабощены и присуждены къ истребленію (какъ поляки въ Германіи), но что сказать о самостоятельной Хорватіи, которая соединена съ Венгріей по особому договору (1868 г.)? Хорваты надѣялись получить благодаря этому соглашенію политическую самостоятельность, но, собственно говоря, были такимъ образомъ оторваны отъ остальныхъ славянъ Венгріи и подчинены всесильному вліянію мадьяризма, который въ свою очередь усиленъ послѣ прусско-австрійской войны съ цѣлью обузданія славянства въ австрійской имперіи. Австрійскіе политики съ Бейстомъ, саксонскимъ нѣмцемъ, во главѣ, начали тогда ту работу pour le roi prusse, которая должна была сдѣлать изъ Австріи и Венгріи золотой мостъ на балканскій полуостровъ. Впрочемъ, сами хорваты уже давно, много вѣковъ тому назадъ, закабалились мадьярамъ при главномъ содѣйствіи римскаго папы. Хорваты издревле, какъ и ихъ единокровные братья сербы, льнули къ восточной вѣрѣ: ихъ король Држиславъ, сынъ Крешимира Великаго, отдался подъ покровительство византійскаго царя Василія II, который Држиславу въ 994 г. прислалъ знаки королевскаго достоинства. Это событіе немало встревожило Римъ—папы не признавали хорватскихъ королей и запрещали славянское богослуженіе. Очень жаль, что въ 1076 г. умный папа Григорій VII призналъ хорватскаго бана Димитрія Звонимира и послалъ ему изъ Рима корону, скипетръ, мечъ и знамя. Звонимиръ былъ коронованъ въ церкви св. Петра въ Солины и хорватская земля оторвана отъ остальнаго славянства Папа-политикъ взялся за хорватовъ и первымъ послѣдствіемъ его политики было то, что Звонимиръ женился на сестрѣ венгерскаго короля, Еленѣ Прекрасной, а съ Венгріей заключенъ договоръ, согласно которому мадьярскій королевскій родъ Арпадовъ въ случаѣ смерти Звонимира безъ наслѣдниковъ пріобрѣтаетъ хорватскую корону. Вышло все по желанію враговъ славянства: Звонимиръ погибъ въ 1088 г. вѣ-

роятно во время мятежа, не оставивъ потомства и такимъ образомъ въ 1091 г. впервые появилось въ Хорватіи мадьярское войско и хорватскій народъ присоединенъ къ венгерской коронѣ, правда только, въ теченіе долгаго времени, посредствомъ „персональной уніи", съ сохраненіемъ политической самостоятельности хорватской земли. Папскій престолъ сдѣлалъ себѣ изъ Хорватіи главную твердыню противъ православныхъ единоплеменниковъ, съ которыми борется съ тѣхъ поръ за папизмъ и германизмъ. Папа римскій въ этомъ отношеніи имѣлъ вѣрныхъ союзниковъ и самъ былъ вѣрнымъ союзникомъ противъ славянъ, для разныхъ династій, управлявшихъ Австріей, Венгріей, Польшею. Въ настоящее время продолжаютъ это дѣло австро-венгерскіе дипломаты и габсбургская династія. Съ теченіемъ времени, вслѣдствіе союза съ Венгріей (до XVI вѣка только „персональная унія") постепенно уменьшались права и сила хорватовъ, вліяніе мадьяръ въ странѣ росло и крѣпло. Католицизмъ въ Хорватіи дѣлалъ свое дѣло, прибѣгнувъ впослѣдствіи къ содѣйствію іезуитовъ. Соглашеніе съ мадьярами, заключенное 35 лѣтъ тому назадъ, мало помогло народу и совсѣмъ возстановило хорватовъ противъ сербовъ, живущихъ съ ними въ одной странѣ, но сохранившихъ вѣру предковъ и славянское письмо. Начинается травля сербовъ, при чемъ хорваты являются отличными учениками мадьяровъ. Самую грустную и гнусную роль въ этой борьбѣ игралъ Анте Старчевичъ, основатель великохорватской партіи или страны „права", превратившейся постепенно въ „чистую партію права". О „правѣ" въ этой партіи, конечно, не можетъ быть и рѣчи, она всецѣло основана на самомъ грубомъ насиліи моммсеновскаго пошиба. Анте Старчевичъ—воспитанникъ мадьярской столицы Пешта и проникнутъ былъ истинно католическимъ фанатизмомъ. Въ немъ, такимъ образомъ, сосредоточились самыя худшія качества враговъ славянства. Онъ всю свою жизнь пылалъ ненавистью къ славянству, особенно же нападалъ на сербовъ, живущихъ съ хорватами въ одной странѣ, говорящихъ однимъ языкомъ. До Старчевича народъ хорватскій жилъ въ мирѣ съ сербами; но католическимъ епископамъ, австрійскимъ бюрократамъ, и, главнымъ образомъ, Старчевичу наконецъ удалось достичь того, что имя серба стало презрѣнной кличкою Въ 1873 году баномъ былъ назначенъ Иванъ Мажураничъ, затѣмъ Ладиславъ Псячевичъ;—во время ихъ управленія вплоть до 1884 г. имя „Сербъ" было изгнано изъ хорватскаго сейма, только въ 1887 году сербы завоевали себѣ такъ

называемый „сербскій законъ", но и въ его текстѣ не встрѣчается нигдѣ слово „сербъ" и говорится всегда только о кириллицѣ и греко-восточной церкви. Самъ Старчевичъ изложилъ свое ученіе, проникнутое человѣконенавистничествомъ, въ особомъ трудѣ „Пасмина славосербска". „Пасмина" значитъ негодный, презрѣнный народъ, отбросъ человѣчества. Въ этомъ сочиненіи, чудовищномъ по своимъ выводамъ, Старчевичъ старался доказать, что хорваты не славяне или „славяносербы", какъ онъ ихъ презрительно называетъ. „Сербъ" по его мнѣнію сродно съ латинскимъ servus и, какъ славянинъ отъ нѣмецкаго Sklave, значитъ рабъ. Изъ славянъ только поляки могутъ по своему происхожденію и чистотѣ сравниваться съ хорватами, русскіе и чехи—презрѣнные „славосербы". Хорваты собственно не славяне. а потомки римлянъ, которые съ теченіемъ времени позабыли свой языкъ и приняли какой то другой (Старчевичъ не рѣшается даже по имени назвать этотъ языкъ, до того онъ сторонится всего славянскаго). Римляне вообще были для него идеаломъ народа, наоборотъ греки—презрѣнный сбродъ,—одаренный худшими качествами человѣческими. Хорваты унаслѣдовали качества римлянъ, „славосербы"—грековъ. Старчевичъ высоко цѣнилъ заслуги іезуитовъ, задача которыхъ была „высокая, достойная удивленія, къ сожалѣнію, они не довели своего дѣла до конца". Вслѣдствіе подобныхъ воззрѣній Старчевичъ, наконецъ, совсѣмъ одичалъ и пересталъ понимать все окружающее его. Старчевичъ давно умеръ; Куэнъ-Хедервари долженъ былъ удалиться изъ Хорватіи, но старчевщина и хедерварщина все живутъ. Съ удаленіемъ гр. Куэнъ-Хедервари многіе ликовали, ожидая перемѣну къ лучшему уже потому, что стало очевидно, какъ гибельна была вражда хорватовъ къ сербамъ для небольшой страны, находящейся въ экономическомъ упадкѣ. Устраивались съѣзды, было произнесено много рѣчей о братствѣ сербо-хорватскомъ, но, къ сожалѣнію, приверженцы „чистой партіи права", наслѣдники идей Старчевича, снова дали почувствовать свою ненависть къ славянству. Вотъ что объ этомъ сообщаетъ др. Поточнянъ въ *Славянскомъ Вѣкѣ*: Въ Загребѣ, какъ повсюду въ славянскихъ городахъ, рѣшили отслужить въ православной (значитъ сербской) церкви молебенъ о побѣдѣ русскаго оружія; особенно академическая загребская молодежь хлопотала объ этомъ Еще до этого лучшая хорватская газета „Обзоръ" напечатала прекрасную статью о искреннемъ сочувствіи хорватовъ къ Россіи въ ея борьбѣ съ Японіей. Все это взбѣсило „чистую партію права" и ея вождя

и вдохновителя Франка, виновника избіенія сербовъ въ 1902 г. Неизвѣстно, какія махинаціи были пущены въ ходъ, но за часъ до начала богослуженія получена была телеграмма настоятелемъ мѣстной православной церкви отъ Пакрацкаго епископа Мирона о запрещеніи молебна Масса народа изъ всѣхъ слоевъ населенія должна была уйти съ негодованіемъ „противъ той противо-народной антиславянской гидры, которая по рецепту Вѣны, Пешта и Ватикана—сѣетъ вражду и раздоръ между нашей единокровной и единоязычной братіей—сербами и хорватами". Но всего этого для франковцевъ было мало—ватага академической молодежи при помощи разнаго уличнаго сброда, дерзнула въ загребскомъ университетѣ разрубить топоромъ въ куски ту доску, на которой сербское студенчество объявило кириллицей о предстоящемъ молебствіи. Справедливо Поточнякъ этихъ студентовъ-франковцевъ сравниваетъ съ „манджурскими боксерами". Но нѣтъ худа безъ добра. Хорватская земля уже имѣетъ людей, особенно среди молодежи, которые понимаютъ и беззавѣтно преданы славянской идеѣ. Кромѣ Поточняка, безпощадно раскрывшаго въ особой брошюрѣ, изданной въ Пештѣ, всѣ преступныя продѣлки Куэна-Хедервари и его „мамелюковъ", среди хорватовъ, особенно выдается своей дѣятельностью Степанъ Радичъ, редакторъ журнала „Хорватска Мисао". Около нихъ сплотилась вся передовая, самостоятельно мыслящая академическая сербская и хорватская молодежь. Къ ней послѣ разгрома въ университетѣ примкнуло большинство студентовъ далматинцевъ, которые до той поры пока причислялись къ политической кликѣ „чистыхъ" (франковцевъ); они то послали въ газету „Обзоръ" заявленіе, въ которомъ „открещиваются отъ всякаго сношенія съ этой противународной кликой". Къ сожалѣнію, хорватскіе политическіе дѣятели слишкомъ развращены продолжительнымъ управленіемъ Куэнъ-Хедервари, а новый банъ Пеячевичъ и его партія пока не исполнили тѣ надежды, которыя всѣ возымѣли въ Загребѣ послѣ паденія графа Куэнъ-Хедервари. Графъ Тото Пеячевичъ, сынъ бана Ладислава Пеячевича, можетъ быть, имѣетъ лучшія намѣренія, но онъ фанатикъ-католикъ и всѣ дѣятели, подобные ему, продолжаютъ политику римскихъ папъ, непримиримыхъ враговъ славянства. Правда, во многихъ отрасляхъ земскаго управленія новый банъ сдѣлалъ полезныя реформы, устранивъ не одного чиновника, награжденнаго прежнимъ банамъ за его зловредную для страны дѣятельность, и стараясь упорядочить растроенные финансы страны, вы-

хлопоталъ нѣкоторыя уступки у венгерскаго правительства, но всего этого очень мало и все это никакимъ образомъ не можетъ удовлетворить хорватскій народъ, крайне обездоленный и возбужденный. Тонъ даетъ Вѣна: оттуда получаетъ свои инструкціи гр. Куэнъ-Хедервари, министръ въ Пештѣ, съ которымъ не можетъ распрощаться правительство, несмотря на всѣ тѣ безобразія и нечестные поступки, которые были обнаружены въ Пештѣ во время его непродолжительнаго управленія страною въ качествѣ министра-президента лѣтомъ прошедшаго года. Куэнъ-Хедервари человѣкъ очень ловкій, не стѣсняющійся въ средствахъ и ему не трудно вліять на гр. Пьячевича въ смыслѣ желательномъ для Вѣны. — Въ мадьярскомъ парламентѣ засѣдаетъ 40 депутатовъ-хорватовъ — они то должны быть оплотомъ новой католической партіи, столбами „черной реакціи“ въ Загребѣ противъ „духа времени“ т. е. противъ пробужденія народнаго и славянскаго чувства. Въ Хорватіи всегда духовенство руководило дѣлами народа; нерѣдко оно выдавалось своимъ славянскимъ патріотизмомъ, но также нерѣдко служило цѣлямъ чужой, враждебной славянству политики Это духовенство очень многочисленно и особенно въ Загребѣ („каноники капитула“) страшно богато; въ его рукахъ все, даже литература и наука. Въ настоящее время опять наступилъ моментъ, когда нужно сокрушить пробуждающееся славянское чувство, и эту задачу должна исполнить новая католическая партія. Католическая Хорватія должна стать не только лучшимъ оплотомъ противъ славянства на Балканахъ, но и прекраснымъ орудіемъ противъ радикальной мадьярской партіи въ рукахъ вѣнскаго правительства Первый католическій конгрессъ въ Загребѣ выработалъ программу дѣйствій, согласно которой вся политика, управленіе народомъ должно перейти въ руки епископовъ. Послѣдствія уже налицо: самый лучшій и почти что единственный хорватскій журналъ „Вѣнацъ“ (Vienac) погибъ, потому что, по мнѣнію клерикаловъ, слишкомъ либеральничалъ (выходилъ еженедѣльно и обращалъ особое вниманіе на славянскія дѣла)

Главные архіепископы, Посиловичъ изъ Загреба, Егличъ (Ieglic) изъ словенской Любляны, Штадловъ изъ Сараева устроили тайную конференцію, чтобы выработать планъ окатоличенія славянскихъ земель. Извѣстно, что сараевскій епископъ Штадловъ въ прошедшемъ году даже не стѣснялся похищать боснійскихъ дѣвочекъ-магометанокъ съ цѣлью окатоличенія ввѣренной ему Босніи и Герцоговины.

Загребскій архіепископъ Посиловичъ строго слѣдитъ за своими подчиненными, запрещая имъ вмѣшиваться въ политику, но особенною ловкостью отличался епископъ Махничъ (Mahnic) на островѣ Кркъ. Этотъ сановникъ достаточно извѣстенъ своей дѣятельностью среди словаковъ, теперь онъ вздумалъ на островѣ Кркъ основать „старославянскую академію“ будто для укрѣпленія и распространенія славянской литургіи, но на самомъ дѣлѣ съ тѣмъ, чтобы воспитать самыхъ фанатическихъ защитниковъ папизма. Доказательствомъ этому служитъ журналъ „Хрватска Стража“, издаваемый профессорами той же академіи. Въ Далмаціи сплѣтскій епископъ основалъ католическій журналъ „Данъ“ и въ Загребѣ клерикальная „Просвѣта“ заняла мѣсто погибшаго Вѣнаца, которому клерикальная Академія отказала въ пособіи за „безнравственность“. Болѣе всѣхъ стараются загребскій „Католички Листъ“ и сараевская „Врхбосна“ (Vrhbosna). Въ среднихъ и даже высшихъ школахъ повѣяло тѣмъ же духомъ узкаго католицизма и положеніе для порядочныхъ людей стало почти невыносимымъ.

Наконецъ выступила католическая партія открыто—мѣсяца два тому назадъ учреждено „первое хорватское католическое общество печати“; выпущено 2000 акцій по 50 коронъ; общество будетъ имѣть свою типографію, издательство, и посредствомъ газетъ, журналовъ, книгъ, брошюръ намѣрено бороться съ „духомъ времени“ т. е. съ славянской идеей. Во имя Христа это „черное“ общество, рабски подчиняющееся Вѣнѣ и Риму, готовитъ хорватскому народу новое, окончательное порабощеніе. Сила вещей (скорѣе сказать вліяніе бана Псячевича и его вдохновителя графа Куэнъ-Хедерварн) такъ велика, что даже Штроссмайеръ подписалъ это обращеніе къ народу. Менѣе удивительно, что также далъ на это свое согласіе умершій на двяхъ политикъ, Александръ Брештыенскій (Bresztyenszky). Поучительна жизнь этого человѣка, такъ какъ лучше всякихъ комментаріевъ она освѣщаетъ хорватскія дѣла. А. Брештыенскій, по происхожденію русскій изъ сѣверной Венгріи, въ юности сдѣлался секретаремъ мадьяронскаго бана Рауха, съ которымъ въ 1868 г. выработалъ пресловутое соглашеніе мадьяровъ съ хорватами, благодаря которому хорваты совсѣмъ лишились своей финансовой и экономической самостоятельности. Въ 1869 г. былъ назначенъ профессоромъ юридическихъ наукъ въ Загребѣ, гдѣ вскорѣ близко сошелся съ гр. Куэнъ-Хедерварн. Къ чести Брештыенскаго нужно сказать, что посте-

пенно произошелъ переворотъ въ его воззрѣніяхъ на хорватскія дѣла. Изъ „уніониста“ онъ сталъ убѣжденнымъ защитникомъ хорватской самостоятельности, изъ мадьярона сдѣлался хорошимъ хорватомъ. Брештыенскій, именно, вслѣдствіе того становился у бана Куэнъ-Хедервари persona ingrata, а въ 1894 г. дана ему отставка. Тогда онъ начинаетъ бороться еще усиленнѣе съ пагубной системой гр. Куэнъ-Хедервари, его избираютъ въ Великой Горицѣ въ депутаты загребскаго сейма и онъ съ тѣхъ поръ старается соединить раздробленныя силы оппозиціи. Въ Хорватіи три главныхъ партіи—„обзораты“, такъ названные по своему органу, газетѣ „Обзоръ“ „партія права“ и „чистая партія права“. Честнѣе всѣхъ—„обзораты“, они преслѣдуютъ народную и славянскую политики, правда не съ такой настойчивостью, какъ было бы желательно. Слiяніе первыхъ двухъ партій удалось, третья не примкнула къ нимъ даже послѣ ухода гр. Куэнъ-Хедервари. Брештыенскій, видя, что тщетно его стараніе соединить оппозицію, отказался весною прошедшаго года отъ предсѣдательства въ хорватской партіи права и удалился въ свое имѣніе Плесъ у Великой Горицы. Такъ онъ заболѣлъ болѣзнью сердца, что помѣшало плану клерикаловъ, которые хотѣли избрать его предсѣдателемъ новой католической партіи. Онъ столь-же усердный католикъ, какъ гр. Псячевичъ, что доказалъ послѣ своей отставки въ своей газетѣ „Балканъ“, гдѣ подъ видомъ примиренія православія съ католицизмомъ отстаивалъ интересы Рима и такимъ образомъ прямо содѣйствовалъ онѣмеченію балканскаго полуострова. Но особеннымъ врагомъ славянства на Балканскомъ полуостровѣ является нѣмецъ Сейгергшмидъ, настоятель ордена сестеръ милосердія. Эти „сестры“ и „братья“ повсюду въ славянскихъ земляхъ являются злѣйшими врагами славянства и весьма удачно германизуютъ или по крайней мѣрѣ притупляютъ народное чувство своихъ юныхъ питомцевъ. О. Сейгершмидъ завѣдываетъ всѣми католическими школами и монастырями на Балканахъ. А что сказать о госп. Франкѣ состоящемъ „величайшимъ хорватомъ“ послѣ Старчевича, вождемъ „чистой странки права“ Этотъ „чистый“ господинъ іудейскаго происхожденія, адвокатъ по профессіи, во время засѣданій католическаго конгресса громилъ клерикаловъ, ратовалъ за православныхъ и магометанскихъ хорватовъ, но стоило только уйти либералу Куэнъ Хедервари и явиться клерикалу Псячевичу, какъ г. Франкъ сразу повернулся въ другую сторону и сталъ горою за крайнихъ клерикаловъ во имя „всехохорватской идеи“.

Вотъ главныя причины грустнаго состоянія хорватскаго народа; онъ очень низко палъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, о чемъ свидѣтельствуетъ его скудная литература новѣйшаго времени, полнѣйшее равнодушіе къ идейной народной жизни, угодливость интеллигенціи, слишкомъ поддающейся чужеземному вліянію и пр.

Экономическое положеніе народа не лучше, но объ этомъ нужно поговорить особо.

Э. Микшъ.

Мечта.

Заря вечерняя, пылая, догорала,
Вершины горъ и лѣса золотя,
И ты, незримая, вокругъ меня витала,
И сны волшебные мнѣ тихо навѣвала,
Моей души любимое дитя..

И вотъ ты въ формы облеклась, какъ изваянье,
Какъ греза дѣтскаго святого сна,
Какъ робкое невинныхъ милыхъ устъ лобзанье,
Какъ вечера сіяющаго догоранье,
Задумчива, прекрасна и нѣжна.

Земною стала ты, казалось, неземная;
И какъ въ зарѣ мерцающей вдали,
Слились въ тебѣ вся красота небесъ и рая,
Все лучшее,—о чемъ я думать могъ, мечтая,
Все лучшее заплаканной земли.

Очамъ не вѣрилъ я, что стала ты живою;
Восторженно, какъ древній Пигмальонъ,
Предъ воплощенною завѣтною мечтою
Склонился я съ тоской, съ безумною мольбою,
Несбыточной надеждой окрыленъ:

«Постой, не уходи, души моей отрада,
О, будь со мной, закатъ мой золотя,
Будь ангеломъ моимъ во тьмѣ земного ада,
За скорбь мою, за трудъ, за жизнь мою награда,
Моей души любимое дитя!»

Ф. Пестряковъ.

Новые отдѣлы „Русскаго Собранія".

Потребность въ тѣсномъ единеніи всѣхъ русскихъ людей, не преклонившихъ колѣнъ передъ современнымъ Вааломъ и остающихся вѣрными исконнымъ началамъ нашимъ, явственно обнаруживается на сказочно-быстромъ ростѣ „Русскаго Собранія" въ Петербургѣ, каждое общее собраніе котораго увеличиваетъ на цѣлыя сотни число его членовъ, разсѣянныхъ не только по всему лицу святой Руси, но и по зарубежнымъ странамъ. Этотъ непрерывный приливъ знаменуетъ собой усиленіе сознанія необходимости дружнаго общественнаго отпора дерзко-настойчивымъ стремленіямъ ниспровергнуть самые устои жизнеспособности нашего обширнаго отечества и упорнымъ попыткамъ перестроить его на иноземный ладъ, подъ диктовку узкихъ теоретиковъ и озлобленныхъ фанатиковъ. Всякій сколько нибудь наблюдательный человѣкъ долженъ подмѣтить, что мы стоимъ на распутьи: инымопередовая часть нашего общества, покинувъ старую исторически предназначенную Россіи дорогу, хочетъ увлечь за собою весь народъ, внушая ему, что избранный ею путь единственно правильный, но болѣе зоркіе люди у насъ и на западѣ уже давно указывали на разсѣянныя по немъ преграды и на пропасть, которою онъ заканчивается. Инстинктивно и стихійно нашъ народъ не поддается на заманчивыя зазыванія и придерживается въ подавляющемъ большинствѣ своей, вѣками намѣченной, тропы. Однако, справедливость требуетъ отмѣтить, что не только учащаяся молодежь, плохо подготовленная школой и, по самому возрасту, мало самостоятельная, поддается на посулы самозванныхъ проводниковъ, обѣщающихъ достиженіе всеобщаго благополучія, разъ будетъ избранъ излюбленный ими путь: мы видимъ во всѣхъ слояхъ общства, начиная съ первыхъ сановниковъ государства и кончая рабочими и крестьянами, людей, отшатнувшихся отъ св. православной Церкви, пренебрегающихъ народными, вѣковыми воззрѣніями и считающихъ измѣненіе нашего государственнаго строя на западно-европейскій образецъ единствен-

нымъ выходомъ изъ переживаемыхъ нами нестроеній. Болѣзнь преклоненія передъ инозе́мнымъ глубоко вкоренилась въ нашу общественную среду, по своему развитію весьма низко стоящую. Наивная вѣра въ спасительность учрежденій, въ возможность однимъ почеркомъ пера измѣнить созданное цѣлыми столѣтіями, въ цѣлесообразность бумажныхъ преобразованій, разныхъ „усовершенствованныхъ конституцій", упорно держится у многихъ россійскихъ „общечеловѣковъ", несмотря на краснорѣчивое свидѣтельство итоговъ т. н. „великой французской революціи" и всѣхъ революціонныхъ броженій въ другихъ западно-европейскихъ странахъ. Вѣдь всюду сохранились національныя особенности; „свобода, равенство и братство" оказались лишь красивымъ боевымъ кличемъ, а народы попали въ еще худшую зависимость, сдѣлавшись рабами безсердечной и безжалостной плутократіи, прикрывшей свое господство мнимымъ народовластіемъ, посѣявшей всюду классовую ненависть и всеобщее недовольство. Надъ всѣмъ Западомъ носятся зловѣщіе призраки анархизма и соціализма, угрожая погребеніемъ, въ ужасахъ „мірового переворота", всѣхъ добытыхъ человѣчествомъ благъ культуры, убійствомъ личности и водвореніемъ стаднаго благополучія, цѣною „грядущаго рабства", по мѣткому выраженію покойнаго Спенсера. Лишенное религіи, національныхъ отличій, даже собственности и семьи „человѣчество" неминуемо обратится въ звѣроподобныхъ дикарей, опустится до животности и утратитъ все то, что служитъ залогомъ вѣчнаго движенія впередъ къ недосягаемому идеалу всесовершенства, указанному Евангеліемъ.

Естественно, что подобное будущее не представляется желательнымъ для каждаго вдумчиваго человѣка и въ его груди зарождается стремленіе предотвратить надвигающуюся опасность, а для этого надо сохранить животворящую вѣру въ Бога, преданность народнымъ святынямъ и домашнему укладу. Чѣмъ сильнѣе ощущается напоръ враждебныхъ вѣяній, тѣмъ настойчивѣе сказывается необходимость дѣятельнаго имъ противодѣйствія, а потому въ мѣстностяхъ, гдѣ русская стихія испытываетъ особенно назойливыя посягательства на наши исконныя начала, замѣчается объединеніе любящихъ Родину вѣрныхъ сыновъ ея. Примѣромъ могутъ послужить Варшава и Одесса: въ бывшей столицѣ польскаго государства и въ сосредоточіи, культурномъ и торговомъ, обширнаго Новороссійскаго края поборники русскихъ идеаловъ протягиваютъ руки своимъ единомышленникамъ въ Петербургѣ и возбуждаютъ ходатайства объ учрежденіи варшавскаго и одесскаго отдѣловъ

Русскаго Собранія. Временное разрѣшеніе генералъ-губернатора позволило образовать въ Варшавѣ „Русскій кружокъ“ подъ предсѣдательствомъ генералъ-лейтенанта, А. А. Боголюбова; временный совѣтъ первоначально образовали профессора: Азаревичъ, И. П. Филевичъ и Д. В. Цвѣтаевъ. генералъ В. П. Малыгинъ, д. с. совѣтникъ Зиловъ, А. А. Сидоровъ, А. В. Назаревскій и В. П. Тяжельниковъ, несшій обязанности дѣлопроизводителя и недавно передавшій ихъ Д. С. Всеволожскому. Общее число членовъ превышаетъ 100 чел.; тутъ мы находимъ представителей духовенства, профессоровъ, судебныхъ дѣятелей, военныхъ, инженеровъ, учителей, чиновниковъ различныхъ вѣдомствъ и дамъ. Часто устраиваются бесѣды и читаются доклады по разнообразнымъ вопросамъ, напр. полк. Штегельманъ сдѣлалъ сообщеніе о китайской войнѣ, въ которой принималъ участіе, Н. А. Логановъ—„о Холмщинѣ и Подляшьѣ“, Л. Н. Явдыкъ—„о славянофильствѣ“, А. А. Сидоровъ—„о польскихъ партіяхъ“, знатокъ дѣла, проф. Д. В. Цвѣтаевъ—„объ обрусѣніи западно-европейцевъ въ Московской Руси“, г. Липинъ—„о значеніи М. И. Глинки въ исторіи русской музыки“, г. Рождественскій—о „графѣ Станиславѣ Тарновскомъ, его дѣятельности и ученыхъ взглядахъ на Россію и русскихъ“ [1]) и т. д.

Успѣшная дѣятельность „кружка“, явное сочувствіе къ нему русскихъ людей и желаніе ихъ поработать съ еще большей пользой родному дѣлу породили мысль объ открытіи варшавскаго отдѣла „Русскаго Собранія“, въ Совѣтъ котораго и было внесено соотвѣтствующее ходатайство. Въ основу устава нового Отдѣла положены Уставъ „Русскаго Собранія“ и дополнительныя правила, выработанныя для Харьковскаго Отдѣла. Въ силу же мѣстныхъ особенностей допущены и нѣкоторыя отступленія отъ этихъ образцовъ: такъ въ первой статьѣ Устава „Русскаго Собранія“, ради уточненія основныхъ руководящихъ воззрѣній на цѣль дѣятельности Отдѣла, прибавлены слова: „на основѣ Православія, Самодержавія и Народности“. Это добавленіе весьма существенно и желательно, ибо нельзя не отмѣтить, что, безъ поясненій, первая статья Устава, благодаря нѣсколько туманному изложенію, открываетъ просторъ для недоумѣній и личныхъ толкованій, порождающихъ недоразумѣнія, для устраненія которыхъ и въ Харьковскомъ Отдѣлѣ

[1]) Оба послѣднихъ доклада будутъ напечатаны въ журналѣ „Мирный Трудъ“. Ср. также замѣтку о варшавскомъ Отдѣлѣ, въ отдѣлѣ Дѣятельность обществъ.

принята печатная формула заявленія о вступленіи въ число его членовъ, прямо указующая, что „творческими исконными началами“ признаются именно „Православіе, Самодержавіе и Народность“. Это добавленіе названо и Предсѣдателемъ Совѣта „Русскаго Собранія“ въ Петербургѣ „весьма желательнымъ“ [1]).

Затѣмъ проэктъ Устава варшавскаго Отдѣла ограничиваетъ право быть членами Отдѣла принадлежностью къ православному исповѣданію, тогда какъ въ Русскомъ Собраніи и Харьковскомъ Отдѣлѣ есть и протестанты и католики. Ихъ принятіе обусловлено лишь признаніемъ ими значенія для Россіи Православія. Самодержавія и Народности. Мирное единеніе въ нѣдрахъ Русскаго Собранія представителей всѣхъ исповѣданій, пользующихся, по россійскимъ законамъ, полной вѣротерпимостью представляется дѣломъ первостепенной важности, ибо „Русское Собраніе“ должно быть Россіей въ маломъ размѣрѣ, а потому инославные и даже иновѣрцы не могутъ быть исключаемы отъ общенія съ православными: вѣдь отъ протестанта и католика, вступающихъ въ ряды членовъ Русскаго Собранія и тѣмъ обнаруживающихъ уваженіе къ нашимъ святынямъ, легко могутъ отвернуться фанатичные исповѣдники лютеранства или папизма, слѣдовательно, это вступленіе само по себѣ заслуживаетъ нарочитой поддержки, такъ какъ ослабляетъ вѣроисповѣдную вражду, которая отнюдь не является благопріятной для мирнаго преуспѣянія обширной державы Царей. Закрывать двери въ Русское Собраніе передъ человѣкомъ другого *христіанскаго* исповѣданія нецѣлесообразно, разъ онъ самъ идетъ на встрѣчу къ сближенію съ Православіемъ, и нужно очень обоснованное сомнѣніе въ искренности его побужденій, чтобъ отклонить его ходатайство. Варшавскій же Отдѣлъ прямо отрицаетъ самую возможность сближенія съ мѣстнымъ обществомъ на „основѣ Православія, Самодержавія и Народности“. Введеніе желанной для него оговорки, смѣемъ думать, излишне подчеркиваетъ отчужденность русскихъ отъ поляковъ и едва-ли вызывается необходимостью: отдѣлъ всегда имѣетъ возможность *не принять* то или иное лицо въ свой составъ, даже *исключить* члена, обнаружившаго склонность къ противодѣйствію основнымъ задачамъ, но огульно допускать *только* православныхъ едва ли будетъ полезно; иной „православный“ по метрикѣ стоитъ неизмѣримо дальше отъ православія, чѣмъ вѣрующій католикъ или протестантъ. Если мѣстное общество такъ враждебно настроено къ православію,

[1]) Извѣстія Русскаго Собранія 1904 г. т. I. Записи Совѣта стр. 9.

то никто изъ католиковъ и не сдѣлается членомъ „Русскаго кружка", стало быть прибавка борется съ воображаемой опасностью и оказывается ненужной, но если среди варшавскихъ обывателей есть лица, готовыя совмѣстить вѣрность исповѣданію своихъ предковъ съ служеніемъ исконнымъ творческимъ началамъ, начертаннымъ на знамени Русскаго Собранія, то она вредна, а потому опять излишня.

Мы не сомнѣваемся, что Варшавскій Отдѣлъ имѣлъ свои вѣсскія соображенія для внесенія такой оговорки, такъ какъ Петербургскій Совѣтъ большинствомъ голосовъ постановилъ: „въ виду мѣстной обстановки согласиться на желаніе ограничить пріемъ членовъ лишь лицами православнаго исповѣданія" [1]). Но въ интересахъ дѣла печатное раскрытіе особенностей этой „мѣстной обстановки" было бы весьма желательнымъ для уясненія побужденій, заставившихъ сдѣлать такое наводящее на раздумье и сомнѣнія добавленіе.

Дальнѣйшія уклоненія отъ Устава „Русскаго Собранія" и „Правилъ Харьковскаго Отдѣла" не имѣютъ такого существеннаго значенія и касаются второстепенныхъ подробностей, которыя были приняты во вниманіе Петербургскимъ Совѣтомъ, нижеслѣдующія постановленія коего могутъ пригодиться для руководства лицамъ, желающимъ открыть Отдѣлы въ другихъ городахъ:

а) Непремѣнно предоставить членамъ Русскаго Собранія пользоваться въ Отдѣлахъ полнымъ правомъ дѣйствительныхъ членовъ, но, такъ какъ Варшавскій Отдѣлъ ограничивается пріемомъ лицъ православнаго исповѣданія, то, по отношенію къ нему, это право должно принадлежать лишь православнымъ членамъ Русскаго Собранія. б) Если размѣръ денежнаго взноса (10 руб. ежегодно) затруднитъ членовъ Совѣта Варшавскаго Отдѣла стать предварительно членами Русскаго Собранія, какъ это указано для Харьковскаго Отдѣла, то, съ цѣлью большаго единства ихъ съ „Русскимъ Собраніемъ", желательно предоставить имъ это право—по должности ихъ въ Варшавскомъ Отдѣлѣ, т. е. постановить, что члены Совѣта Варшавскаго Отдѣла пользуются правами дѣйствительныхъ членовъ Русскаго Собранія. в) Предоставить Варшавскому Отдѣлу самостоятельное назначеніе Дѣлопроизводителя Совѣта и право входить по мѣстнымъ вопросамъ съ ходатайствами къ представителямъ мѣстныхъ властей помимо Совѣта Русскаго Собранія, что же касается до права закрытія Отдѣла, то оно должно быть предоставлено, какъ и по отношенію Харьковскаго Отдѣла, не Русскому Собранію, а Совѣту Русскаго Собранія. г) Выразить единогласно пожеланіе, чтобы съ цѣлью поддержанія возможно большаго единства между Русскимъ Собраніемъ и его Отдѣлами во всѣхъ статьяхъ проекта, гдѣ

[1]) Извѣстія Русскаго Собранія 1904 г. томъ I, стр. 10.

нѣтъ существенныхъ отличій отъ соотвѣтственныхъ статей Устава, было доподлинно принято изложеніе послѣдняго" [1]).

По всей вѣроятности, открытіе Варшавскаго Отдѣла, на изложенныхъ выше основаніяхъ, произойдетъ въ недалекомъ будущемъ. Что же касается Одесскаго Отдѣла, то положеніе дѣлъ таково: минувшею весною, подъ живымъ воздѣйствіемъ примѣра Харькова, многіе одесситы, принадлежащіе къ различнымъ общественнымъ кругамъ задумали учредить въ Одессѣ общество, объединяющее русскихъ людей, пребывающихъ въ этомъ городѣ. Первое собраніе состоялось въ помѣщеніи 16-го стрѣлковаго полка и было весьма многолюднымъ и состояло изъ профессоровъ, представителей военнаго вѣдомства, дамъ, учителей, общественныхъ дѣятелей и проч. *Единогласно* было постановлено образовать не самостоятельное общество, а отдѣлъ, по образцу Харьковскаго; была избрана коммиссія для подробнаго ознакомленія съ Уставомъ „Русскаго Собранія" и Харьковскаго Отдѣла и выработки тѣхъ измѣненій, которыя желательны въ виду мѣстныхъ условій. Въ составъ коммиссіи вошли: ректоръ Новороссійскаго университета, проф. А. Н. Деревицкій, генералъ-майоры Полковниковъ и Кардиналовскій, проф. Батцевъ, полковники Кореневъ и Цыбульскій, преподаватели: Спасскій, Лебедевъ, Каменскій, Родзевичъ и законоучитель кадетскаго корпуса, священникъ Петровскій. Коммиссія взяла за образецъ правила Харьковскаго Отдѣла и съ незначительными отъ нихъ отступленіями составила свой проектъ, который и былъ принятъ вторымъ общимъ собраніемъ г.г. учредителей, постановившимъ возбудить ходатайство передъ Совѣтомъ Русскаго Собранія въ Петербургѣ объ открытіи Отдѣла и одновременно обратиться къ градоначальнику съ просьбой о поддержкѣ этого ходатайства. Оно подписано 75 членами учредителями, въ томъ числѣ, помимо вышеназванныхъ лицъ: преосвященнымъ Ѳеодосіемъ (викарій), ректоромъ семинаріи архим. о. Анатоліемъ, проф. Кишенскимъ и Тизенгаузеномъ, начальникомъ окружнаго штаба генер. Безродецкимъ, корпуснымъ командиромъ Мыловымъ, директоромъ кадетскаго корпуса Дерюгинымъ, начальникомъ юнкерскаго училища полк. Микулинымъ, одесскимъ предводителемъ дворянства Якунинымъ, многими преподавателями, дамами, военными и представителями мѣстнаго купечества (М. М. Ближенскимъ, А. И. Пташниковымъ, Е. И. Фесенко) и др. Ходатайство было вручено присутствовавшему на собраніи члену

[1]) Извѣстія Русскаго Собранія 1904 г. т. I стр. 10—11.

Русскаго Собранія, проф. Петербургскаго университета, В. М. Грибовскому для передачи кн. Д. П. Голицыну. Въ виду отъѣзда послѣдняго изъ Петербурга на все лѣто, разрѣшеніе дѣла отложено до осени, когда оно и будетъ разсмотрѣно Совѣтомъ.

Помимо Варшавы и Одессы, по нашимъ свѣдѣніямъ, подготовляется открытіе отдѣловъ въ Вильнѣ, гдѣ ядромъ послужитъ русскій кружокъ, взявшій на свой присмотръ исправленіе православной часовни, пострадавшей недавно отъ взрыва, въ Кіевѣ, гдѣ душею дѣла является проф. В. З. Завитневичъ, въ Воронежѣ, Саратовѣ и другихъ городахъ. Стало быть, нѣтъ никакихъ основаній считать дѣятельность „Русскаго Собранія“ безплодной: оно несомнѣнно объединяетъ и стягиваетъ въ одно идейное цѣлое многочисленную рать прежде разрозненныхъ русскихъ людей, готовыхъ бороться за Вѣру, Царя и Отечество съ многочисленными врагами русскаго народа, губителями неопытной молодежи, сѣющими смуту, прибѣгающими къ наглой лжи, забрызганными кровью столькихъ вѣрныхъ слугъ Престола. Подъ громъ пушекъ на Далекомъ Востокѣ Русь просыпается, озирается пытливымъ окомъ вокругъ и скоро воспрянетъ во всей своей мощи, стряхнувъ своихъ непримиримыхъ внутреннихъ недруговъ. Близокъ часъ, когда всякій долженъ будетъ бросить „уклоняющіеся глаголы“ и прямо сказать, кому онъ служитъ, Самодержавной, Православной Россіи, или международнымъ плутократамъ. Трусливому сидѣнью между двумя стульями нѣтъ мѣста въ такія великія годины историческихъ испытаній, каково переживаемое нами время.

П. Корсовъ.

Картинки

(изъ жизни бывшаго гимназиста) *).

XI.

Въ коридорѣ раздался звонокъ.

Учителя вышли изъ классовъ и потянулись въ преподавательскую. Ученики загудѣли, какъ пчелы въ ульяхъ. Приготовишки и гимназисты первыхъ четырехъ классовъ могли ходить и бѣгать только въ темномъ коридорѣ. Во время перемѣнъ наблюдали за гимназистами „гувернеры", т. е. помощники классныхъ наставниковъ. Этихъ господъ за мое пребываніе въ гимназіи перебывало до полдюжины. Помню очень хорошо одного изъ нихъ—Карла Карловича Гильденштубе, нѣмецкая фамилія котораго превратилась въ русское прозвище: „Дылда въ шубѣ!"

Карлъ Карловичъ былъ дѣйствительно высокаго роста бѣлобрысый господинъ, безъ признаковъ растительности на лицѣ, напоминающемъ лошадиную морду. Единственнымъ украшеніемъ его головы былъ вихоръ изъ волосъ, который постоянно налѣзалъ на лобъ, но порывистымъ движеніемъ правой руки съ такимъ же постоянствомъ водворяемъ былъ на отведенное ему мѣстожительство.

„Дылда въ шубѣ" очень плохо выражался по-русски.

— Не шумляйте, не кричайте, не бѣгайте... Первій клясъ—въ клясъ! вторій клясъ—въ клясъ! пятій клясъ—въ клясъ!.. Лѣнтей, шалюнъ и обольтюсъ (оболтусъ)!..

Карлъ Карловичъ очень часто раздражался и находилъ удовольствіе ставить учениковъ на колѣни въ свѣтломъ коридорѣ, при чемъ соблюдалъ порядокъ: около

*) Продолженіе. См. „Мирный Трудъ" № 3, 4 и 5.

каждаго окна должны были отбывать это наказаніе по два малолѣтнихъ преступника, а оконъ было чуть-ли не до пятнадцати; приходилось иногда „Дылдѣ въ шубѣ" заглядывать и въ темный коридоръ, чтобы извлечь оттуда трехъ или четырехъ приготовишекъ, лишь бы не гуляли оставшіяся свободными окна. Увлекаясь этимъ важнымъ дѣломъ, онъ не замѣчалъ, какъ сзади его вицмундирнаго фрака на пуговицы незамѣтно привѣшивались изъ бумаги два длинныхъ хвоста, а на спинѣ мѣломъ рисовалась какая-нибудь рожа съ длинными ушами. Нельзя было безъ улыбки смотрѣть на „Дылду въ шубѣ" при подобныхъ украшеніяхъ, въ особенности, когда проходилъ по коридору директоръ, а Карлъ Карловичъ скромно прижимался къ стѣнѣ и, прикладывая руку къ сердцу, отвѣшивалъ почтительный поклонъ.

Пятиминутная перемѣна прошла незамѣтно.

XII.

Въ восьмой классъ пришелъ Ѳеодосій Петровичъ Херувимскій—учитель математики.

Это былъ мужчина среднихъ лѣтъ, не ладно скроенъ, да крѣпко сшитъ.

На головѣ у него росли непослушные, во всѣ стороны порывающіеся волосы; усы топорщились, какъ у кота, который только что съѣлъ мышь; бакенбарды росли клочьями совсѣмъ такъ, какъ всходитъ на грядкахъ укропъ; жиденькая бородка напоминала истрепанную мочалку; густыя брови походили на двѣ мохнатыхъ гусеницы. Среди этой тощей поросли возвышался умѣренный носъ съ горбинкой, между двумя черными, какъ смородина глазами,—и виднѣлись сочныя губы. Двигался онъ медленно, насупившись и осклабившись въ одно и то же время; но отъ его понурой, сутуловатой фигуры, вообще напоминавшей медвѣдя среднихъ размѣровъ, вѣяло неутомимой энергіей, твердымъ характеромъ, непобѣдимымъ упрямствомъ; съ кажущейся простотой соединялась неумолимая иронія, нерѣдко переходящая въ злобный сарказмъ.

Ѳеодосій Петровичъ Херувимскій, онъ же Архимедовъ рычагъ, при всѣхъ этихъ внѣшнихъ и внутреннихъ

качествахъ былъ очень умный, очень знающій, дѣльный и дѣловой педагогъ.

Вотъ онъ отмѣчаетъ въ журналѣ отсутствующихъ.

— Иванова нѣтъ,—говоритъ дежурный.

— Лѣнивая лихорадка у него.

— Петровъ не пришелъ.

— Любовными бактеріями заразился и теперь мечется въ жару стихоплетенія.

— Смирновъ отсутствуетъ.

— Вчера, навѣрное, до глубокой полночи на бильліардѣ игралъ, все время трепеталъ, чтобъ его кто-нибудь въ гостинницѣ не накрылъ, понятно: нервный и впечатлительный мальчикъ утомился и теперь покоится въ объятіяхъ Морфея.

— Остальные всѣ на лицо.

— Всѣ? и Иванъ Ивановичъ, и Дмитрій Павловичъ, и Алексѣй Васильевичъ?

Ѳеодосій Петровичъ зналъ имена и отчества почти всѣхъ восьмиклассниковъ, и ему нравилось вызывать своихъ учениковъ не по фамиліямъ, а *величан*, какъ онъ самъ выражался.

— Ну, граждане, займитесь-ка задачками, а мы кой-кого привлечемъ къ доскѣ и изъ кой-кого извлечемъ квадратный корень.

„Архимедовъ рычагъ“ любилъ острить самъ и выслушивать остроты учениковъ. На поляхъ одной работы, гдѣ было написано слово „ужъ“ съ еромъ на концѣ, а Ѳеодосій Петровичъ требовалъ ерика, т. е., какъ говорятъ теперь, мягкаго знака,—Херувимскій начерталъ вопросъ: „Почему *ужъ*, а не *змѣя?*“ и очень былъ доволенъ, когда ученикъ подъ его замѣчаніемъ отвѣтилъ: „Потому что не *ящерица!*“

Херувимскій одно время преподавалъ въ женской гимназіи физику. Какъ-то онъ поставилъ красивой и пользовавшейся покровительствомъ начальницы дѣвицѣ по этому предмету двойку, и на всѣ просьбы классной дамы повысить отмѣтку отвѣчалъ отказомъ; а когда сама начальница привела, по ея мнѣнію, неотразимый доводъ: „Посмотрите, Ѳеодосій Петровичъ, какая хорошенькая ваша ученица!“—то онъ буркнулъ:—„Ну, конечно, какая

же *физика*, коли она *хорошенькая!*"—и къ двойкѣ приписалъ минусъ.

Одинъ изъ восьмиклассниковъ въ работѣ по космографіи „О солнцѣ", по разсѣянности написалъ на концѣ *е*, а не *ъ*.—Ѳеодосій Петровичъ послѣ предлога *О* поставилъ запятую, а послѣ слова *солнце*—знакъ восклицательный; такимъ образомъ вышло у него поэтическое обращеніе: „О, солнце!"

Граждане, которымъ предложилъ Ѳеодосій Петровичъ рѣшать задачи, спросили:

— Изъ какого задачника?

— Изъ хозяйскаго!

— Аршинную или полуаршинную?

— Такъ вершковъ на десять каждая.

Хозяйскимъ назывался сборникъ, изданный Херувимскимъ и заключающій въ себѣ пространныя задачи по геометріи, составленныя такъ, что при рѣшеніи любой изъ нихъ приходилось припоминать почти всѣ формулы и теоремы.

Ученики охотно принялись за эти упражненія, а Ѳеодосій Петровичъ вызвалъ къ доскѣ Яблокина, и между ними завязался разговоръ:

— Вамъ, Сергѣй Яковлевичъ, угрожаетъ въ четверти текущаго учебнаго года по математикѣ двойка.

— Увы, Ѳеодосій Петровичъ!

— Не желаетъ ли ваша милость поправить сію пару на тройку?

— Ахъ, Ѳеодосій Петровичъ, желаніе это есть у меня точно, но...

— Но, ваше благородіе, вѣроятно, очень хорошо знаете условіе, по которому вы должны отвѣтить на всѣ мои вопросы, а если изобразите относительно хоть одного изъ нихъ фигуру умолчанія, то въ четвертномъ выводѣ будете имѣть единицу, а не двойку. Выбирайте...

— Но это условіе жестоко, Ѳеодосій Петровичъ, ибо вы—учитель и всегда можете предложить такой каверзный вопросъ, на который я не въ силахъ буду дать отвѣтъ.

— Это справедливо, Сергѣй Яковлевичъ, но имѣйте въ виду и то важное обстоятельство, что вы ничего не

дѣлаете и почиваете на лаврахъ. Войдите и въ мое положеніе: я вамъ поставлю тройку, а вы подведете меня на экзаменѣ,—такъ по крайности я уже окончательно по вашимъ отвѣтамъ сегодня убѣжусь, что вамъ извѣстно и относительно какихъ пунктовъ въ пройденномъ нами курсѣ вы сравнительно беззаботны... А насчетъ каверзныхъ вопросовъ—это вы, Сергѣй Яковлевичъ, ихъ оставьте! Я не крокодилъ, и не тигра лютая,—тоже совѣсть имѣю!

— Спрашивайте, Ѳеодосій Петровичъ, была не была... aut Caesar, aut nihil...

— Сирѣчь—панъ или пропалъ...

— Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ, Ѳеодосій Петровичъ, какъ гласитъ народная мудрость.

— Гм... вы того, Сергѣй Яковлевичъ, не безпокойтесь за меня: я—крупенъ, и хоть вы желали бы меня слопать, но подавитесь!..

Затѣмъ слѣдовали вопросы и отвѣты. Яблокинъ не зналъ самаго важнаго и существеннаго изъ пройденнаго курса.

— Ну-съ, Сергѣй Яковлевичъ, согласно нашимъ условіямъ, вы получаете на сей разъ единицу.

— Увы, Ѳеодосій Петровичъ, сознаю, что заслуживаю. Только какую же вы единицу мнѣ поставите?

— Маленькую-съ.

— Нельзя ли покрупнѣе?

— Отчего же? весьма и весьма можно.

— И съ плюсомъ?

— За что же крестикъ то желаете получить? за какое отличіе?

— За чистосердечное признаніе въ дѣлахъ моихъ и помышленіяхъ.

— Гм... Намъ крестика не жалко, а вамъ быть кавалеромъ лестно,—такъ извольте! Я искреннихъ людей цѣню.

Дѣйствительно, Ѳеодосій Петровичъ любилъ правдивыхъ учениковъ, но зато впадалъ въ гнѣвъ и ярость, когда нѣкоторые обманывали его, и издѣвался, когда видѣлъ, что обманывали другихъ.

Помню, какъ однажды онъ вышелъ изъ себя, позеленѣлъ отъ злобы, выбранилъ подлецомъ и выгналъ изъ

класса въ коридоръ Лушицкаго, который дома написалъ работу по тригонометріи, а выдалъ ее за исполненную на урокѣ.

Въ другой разъ, когда мы держали экзамены изъ шестого класса, въ седьмой, при чемъ каждому изъ насъ даны были различныя задачи, и Херувимскій странствовалъ между столами, чтобы мы и словечкомъ перемолвиться не могли,—случайно заглянулъ онъ въ стекло двери, ведущей въ коридоръ и замѣтилъ, что въ концѣ его около печки возился Волковъ, державшій въ тотъ годъ экзамены на аттестатъ зрѣлости. „Архимедовъ рычагъ" оборотился къ намъ и сказалъ:

— Ну, тише, граждане... Митенька Волковъ пришелъ на экзаменъ греческаго языка съ запасцемъ: онъ принесъ, по всѣмъ признакамъ, словарь, грамматику и съ полдюжены классиковъ... теперь онъ выгрузилъ все это въ печку, а потомъ попросится выйти, когда освоится съ русскимъ текстомъ,—и направится къ своему багажу. Мнѣ желательно увидѣть, какую рожу скроитъ Митенька, когда въ своей печкѣ не найдетъ книгъ... Я, граждане, отлучусь на минутку, а вы не переставайте быть благонамѣренными.

Съ этими словами Херувимскій вышелъ изъ класса и скоро возвратился съ охапкой пособій. Цѣлый часъ онъ томился, ожидая появленія у печки Волкова, и даже не наблюдалъ за нами, тоже заинтересованными этимъ событіемъ.

— Грядетъ мудрая дѣва, приготовившая масло для свѣтильника!—радостно воскликнулъ Ѳеодосій Петровичъ, когда замѣтилъ выходящимъ изъ залы, гдѣ обыкновенно пытали алчущихъ аттестата зрѣлости, Митеньку Волкова.

Затѣмъ Херувимскій отворилъ дверь и крикнулъ:

— Бѣдный вьюношъ! потомъ можете получить ваши книги, а теперь—разочаруйтесь... Но примите веселый видъ, а то уксусное ваше лицо можетъ разстроитъ вашихъ товарищей,—и идите съ миромъ въ залу... Будьте спокойны: никому не скажу про вашу продѣлку, ибо вы уже теперь наказаны достаточно.

Ѳеодосій Петровичъ никогда не жаловался начальству на учениковъ, а расправлялся съ ними самъ; слѣ-

дуетъ замѣтить, что многое онъ не вмѣнялъ даже въ вину, напримѣръ, выходки, которыя почему либо казались ему остроумными.

Херувимскій жилъ рядомъ съ домомъ Волковыхъ. Когда Митенька кончилъ курсъ, онъ поймалъ козла, принадлежавшаго Ѳеодосію Петровичу и при содѣйствіи такихъ же шелопаевъ, какимъ былъ самъ, обернулъ съ роговъ до хвоста Ваську страницами изъ геометріи, алгебры, тригонометріи и прикрѣпилъ на лобъ дощечку съ надписью: „Я тоже математикъ!“.

Херувимскій потомъ, при встрѣчѣ съ Волковымъ, сказалъ:

— Мой козелъ на дняхъ познакомился съ ослами въ вашемъ домѣ.

Херувимскій не сердился даже на каррикатуры, которыя изображали его въ самыхъ смѣшныхъ положеніяхъ, и на критическія замѣчанія по его адресу, помѣщаемыя въ рукописной газетѣ „Копѣечный листокъ“, издаваемой братьями Виновыми. Названіе свое этотъ выразитель общественнаго мнѣнія и зеркало текущихъ гимназическихъ событій получилъ потому, что каждый читатель долженъ былъ вносить копѣйку въ контору редакціи на необходимые расходы. Содержаніе „Копѣечнаго листка“ было чрезвычайно разнообразно. Въ передовыхъ статьяхъ разрабатывались вопросы о томъ, кого и по какому предмету могутъ спросить въ извѣстные сроки учителя, какъ можно увильнуть отъ уроковъ, какъ шалить и не попадаться; но и поважнѣе были замѣтки: на какой факультетъ слѣдуетъ поступить тѣмъ или другимъ лицамъ, какія читать книги, какъ составлять сочиненія на отвлеченныя темы и т. п.; въ отдѣлѣ „хроника“ помѣщались всѣ выдающіяся событія гимназической жизни; въ фельетонахъ помѣщались стихотворенія доморощенныхъ поэтовъ, разсказы, очерки въ юмористическомъ духѣ; нерѣдко давались краткія, но мѣткія характеристики преподавателей.

Херувимскій Ѳеодосій Петровичъ въ этомъ листкѣ именовался зѣло-кусательнымъ господиномъ, генераломъ отъ математики, заставлявшимъ не только ради страха іудейска, но и изъ любви къ предмету заниматься имъ

внимательно и прилежно,—насмѣшникомъ въ возростающей прогрессіи, врагомъ изнѣженности и другомъ суровой дѣйствительности, въ которой для свѣтлыхъ тружениковъ ума есть много черной работы.

XIII.

Въ первомъ классѣ—урокъ латинскаго языка.

Станиславъ Брониславовичъ Морковскій сидитъ на каѳедрѣ и переводитъ съ учениками изъ руководства Кюнера фразы про то, какъ квакаютъ лягушки, какъ онѣ пожираются аистами, какъ роза цвѣтетъ въ саду, какъ этотъ садъ прекрасенъ, какъ полный животъ не занимается прилежно, т. е. сытое брюхо къ ученью глухо, и т. п. дребедень.

Урокъ идетъ однообразно, скучно.

Мальчишки напоминаютъ квакающихъ лягушекъ, Станиславъ Брониславовичъ—аиста, ихъ поглощающаго, вмѣсто прекраснаго сада—душная комната... Порой слышны поощрительныя выраженія Морковскаго:

— Пшелъ, болванъ!.. Пшелъ въ уголъ, дуракъ!

Раза два-три уже пострадалъ бѣдный Кюнеръ: вспыльчивый Морковскій вырывалъ изъ рукъ учениковъ это руководство и швырялъ его съ каѳедры къ противоположной стѣнѣ.

Было, какъ водится, и развлеченіе, которое заставило проснуться дремавшихъ и очнуться играющихъ подъ столомъ въ крестики и нолики совсѣмъ еще юныхъ классиковъ. Вотъ въ чемъ на этотъ разъ сказалось развлеченіе: Станиславъ Брониславовичъ замѣтилъ на шеѣ близорукаго ученика Васильева, всегда чисто, съ иголочки, одѣтаго мальчика изъ обезпеченной сравнительно семьи, жирную блоху и хотѣлъ снять ее пальцами; но проворное насѣкомое куда-то прыгнуло... Тогда Васильевъ быстро сбѣжалъ съ кафедры за доску и сталъ осматривать полъ своими близорукими глазами, вынимая въ то же время изъ футляра очки; но для того, чтобы ловить блохъ, нужна поспѣшность, а Васильевъ былъ медлителенъ, какъ урокъ латинскаго языка у Станислава Брониславовича,— и только своимъ комическимъ видомъ насмѣшилъ всю честную публику.

— Васильевъ, продолжайте переводить! сказалъ Морковскій.

— Позвольте мнѣ, Станиславъ Брониславовичъ, блоху поймать и казнить, а то она и другихъ покусаетъ; я ее найду... я уже и очки надѣлъ.

— Пшелъ, болванъ, на мѣсто! разсердился Станиславъ Брониславовичъ и поставилъ Васильеву три съ половиной, такъ какъ у этого мальчика предыдушая отмѣтка была четыре съ минусомъ. Морковскій всегда понижалъ и повышалъ отмѣтки въ строгой постепенности: если, напр., у ученика стояло въ журналѣ пять, то хоть онъ слова не пикни изъ урока, все-таки получалъ пять съ минусомъ; а если у какого-нибудь мальчугана была двоечка, то онъ хоть лобъ расколи отъ старанія, отвѣчая безукоризненно, все-таки заработаетъ не болѣе двухъ съ плюсомъ. Такая ужъ была странность у преподавателя. Станиславъ Брониславовичъ обучалъ кромѣ латинскаго еще и русскому. Методъ его, очень простой и широкораспространенный, усвоенный въ то время многими педагогами, состоялъ въ томъ, что ученики сами, безъ помощи преподавателя, конечно, внѣ класса, любыми для нихъ способами, пріобрѣтали необходимыя свѣдѣнія, требуемыя программами и учебными планами.

Едва-ли однако слѣдуетъ всецѣло винить Станислава Брониславовича за то, что онъ не былъ учителемъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова, а исполнялъ лишь обязанности добросовѣстнаго репетитора: во-первыхъ, онъ былъ очень пожилымъ господиномъ, уже утомленнымъ жизнью и дѣятельностью, вѣроятно, живой и плодотворной въ свое время; во-вторыхъ, преподавателемъ латинскаго и русскаго языковъ въ первыхъ двухъ классахъ гимназіи онъ сталъ по независящимъ отъ него обстоятельствамъ, такъ какъ по образованію онъ былъ естественникъ, а когда расцвѣлъ классицизмъ, нельзя же было выбросить за бортъ честнаго труженика только потому, что естествознаніе признано было сорною травою.—

Морковскій безспорно любилъ свой предметъ. Бывало нанесутъ ему мальчики травъ, цвѣтовъ, камней, бабочекъ, жуковъ,—и онъ, если находилъ удобнымъ, въ классѣ же разсматривалъ всю эту благодать, называлъ

ее по имени, ей принадлежащему, увлекался незамѣтно признаками рода и вида, начиналъ сообщать занимательныя подробности, возбуждалъ всеобщее вниманіе и... вдругъ, словно опомнившись, кричалъ:

— Пошли прочь, болваны!.. Приходите съ этой дрянью ко мнѣ на квартиру, а теперь за дѣло!.. Ну-ка, Ивановъ, переводи: въ водѣ и на землѣ обитаютъ лягушки.

Но интересъ былъ возбужденъ. Многія изъ дѣтей отправлялись съ робостью на квартиру Станислава Брониславовича и съ восторгомъ возвращались отъ него домой обласканныя, вдругъ полюбившія и горячо полюбившія холодные камешки, зеленую травку, душистый цвѣтокъ, пеструю бабочку и этаго старичка-поляка съ большой лысиной и плѣшью, съ темными глазами, съ тощей косенькой бородкой... Одни начинали собирать коллекціи птичьихъ яицъ, мотыльковъ, жуковъ. другіе занимались гербаріемъ, третьи устраивали комнатные акваріумы... Конечно, у многихъ подобныя увлеченія скоро проходили, но нѣкоторые пропитывались ими въ такой степени, что. по окончаніи гимназическаго курса, стремились на факультетъ съ естественными науками.

Кто-же пробуждалъ подобныя желанія? Никто другой, какъ Станиславъ Брониславовичъ Морковскій, учитель безъ прозвища - довольно рѣдкое явленіе въ Н-ской гимназіи.

XIV.

Преподавателемъ древнихъ языковъ въ старшихъ классахъ былъ Петръ Ивановичъ Тигровъ. Многіе юноши, конечно, за глаза называли его Чортомъ Ивановичемъ. Онъ изводилъ учениковъ, ученики изводили его. Отношенія обострялись съ каждымъ днемъ. Онъ рѣдко кричалъ и рѣдко бранилъ лѣнтяевъ и всякаго рода оболтусовъ-вѣтрогоновъ, но во всякой его фразѣ сказывалась желчь, ненависть, глубокое презрѣніе, что оскорбляло учениковъ въ большей степени, чѣмъ повышенный тонъ, топанье ногами, нелестные эпитеты. Работать онъ заставлялъ очень много и при этомъ былъ въ высшей мѣрѣ требовательнымъ и несправедливо строгимъ. Бывало задастъ изъ грамматики выучить конструкціи сорока гла-

головъ, и если не скажешь одной изъ нихъ, то навѣрняка получишь единицу, при условіи, коль ты не состоишь въ ограниченномъ количествѣ его любимцевъ. Такой взыскательностью онъ отбивалъ охоту заниматьсѧ. Онъ, кажется, хотѣлъ отъ насъ добиться того, чтобы мы говорили, думали, мечтали и чувствовали на одномъ изъ древнихъ языковъ, а то еще лучше бы и на двухъ. По крайней мѣрѣ Тигровъ заставлялъ насъ писать extemporalia такого свойства, что если о нихъ здѣсь и говоришь, то сомнѣваешься, повѣрятъ-ли теперь, при чемъ и самъ невольно думаешь: свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ. Петръ Ивановичъ иногда диктовалъ по-латыни, а мы, не записывая текста, обязаны были переводить латинскую рѣчь на греческій языкъ,—и наоборотъ. Достаточно было пропустить запятую, чтобы получить за работу двойку, такъ какъ Тигровъ, во-первыхъ подчеркивалъ пропущенный знакъ препинанія и на поляхъ тетради отмѣчалъ этотъ недосмотръ вертикальной палочкой; во-вторыхъ, онъ ставилъ вопросительный знакъ,—почему, молъ, запятая пропущена; въ-третьихъ, рядомъ съ нимъ выписывался знакъ восклицанія,—удивительна, де, небрежность! въ четвертыхъ, всѣ эти палочки и крючки заключались въ скобки; когда же дѣлался механическій подсчетъ ошибокъ, то и выходило по поводу одной пропущенной запятой ихъ очень много: двѣ скобки, вопросительный и восклицательный знаки, вертикальная линія – пять ошибокъ! horribile dictu для ученика восьмого класса!.. скорѣй ему единицу...

Помимо плохой отмѣтки при раздачѣ письменныхъ работъ начиналось издѣвательство.

— Да, господинъ Стрижовъ, у васъ грубѣйшія погрѣшности, напримѣръ, запятая пропущена... и потому она, эта запятая, пропущена, что она, эта самая запятая, пропущена и у вашего сосѣда, господина Бѣляева... Вы глазкомъ, да, глазкомъ метнули налѣво и, метнувши глазкомъ-то, не узрѣли запятой, ибо не было у господина Бѣляева запятой, совсѣмъ ея не было... Господинъ Бѣляевъ презираетъ запятыя, боится ихъ, думаетъ, что опасны эти запятыя; а вы, господинъ Стрижовъ, списы-

вали работу у сосѣда вашего, вашего сосѣда и тоже пропустили запятую...

— Я не заглядывалъ къ Бѣляеву, оправдывался Стрижовъ.

— Я и не говорю, что вы заглядывали, а вы только глазкомъ немножко метнули, глазкомъ то налѣво.

— Даю слово, Петръ Ивановичъ, что я самъ писалъ.

— Да, вы сами писали, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, и я вамъ ничего не говорю на этотъ счетъ, но все-таки сознайтесь, что недурная работа автора испорчена грамматическими ошибками переписчика.

Такое словесное виляцье, постепенно входило въ привычку Тигрова.

Пишущему эти строки живо вспоминается экзаменъ латинскаго языка при переходѣ изъ седьмого класса въ выпускной. Кто-то изъ товарищей случайно узналъ, какія отмѣтки поставилъ Тигровъ за письменныя работы.

— Тебѣ, Кайсаровъ, залѣпилъ онъ двойку.

Это было огорчительно.

Кайсаровъ въ понятномъ волненіи отправился на квартиру Тигрова и былъ принятъ.

— Петръ Ивановичъ, я узналъ, сказалъ онъ, что вы мнѣ поставили два за работу... правда-ли это? Если правда, то мнѣ прійдется остаться на второй годъ; въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же мнѣ продолжать дальнѣйшіе экзамены.

— Не безпокойтесь, господинъ Кайсаровъ: хотя работа ваша исполнена не важно, совсѣмъ не важно, очень не важно, но я вамъ поставилъ три, не полное три, а съ минусомъ, но все-таки три...

— Очень вамъ благодаренъ, Петръ Ивановичъ.

— Не стоитъ меня благодарить, я должное поставилъ, кажется, три съ минусомъ поставилъ я...

— Скажите мнѣ ужъ лучше навѣрное, посмотрите въ вашу книжку... вѣдь для меня знать это необходимо.

— Я уже васъ удовлетворилъ, сказалъ, что три, и есть, отнюдь не четыре, а три, но только, господинъ Кайсаровъ, съ минусомъ три, а не ровно три.

Кайсаровъ ушелъ, мало утѣшенный и ободренный Тигровымъ, а черезъ два дня собственными глазами уви-

дѣлъ двойку, красиво выписанную подъ работой рукой Петра Ивановича.

Иногда на урокахъ достаточно было ничтожнаго повода, чтобы Тигровъ придрался къ кому-нибудь изъ учениковъ.

— Господинъ Дементьевъ, вы плюетесь, харкаетесь и напрасно...

— Извините меня, Петръ Ивановичъ.

— Магистръ философіи, господинъ Дементьевъ плюется и харкается!.. оказывается, что философіи магистру свойственно харкать и плевать...

— Почему вы, Петръ Ивановичъ, называете меня магистромъ философіи?

— А потому что вы харкаетесь и плюетесь.

Иногда классъ, раздраженный и взвинченный подобными замѣчаніями, глухо начиналъ волноваться и потихоньку ворчать.

Тогда Тигровъ по-своему выходилъ изъ себя. Онъ поднимался со стула и, стоя на каѳедрѣ, блѣдный, какъ полотно, съ черными глазами, горящими недобрымъ огонькомъ, грозилъ указательнымъ пальцемъ, на которомъ былъ перстень съ камнемъ лимоннаго цвѣта, и пониженнымъ голосомъ предрекалъ гибельныя послѣдствія такого поведенія...

Передъ нашимъ выпускомъ, незадолго до экзаменовъ, произошла безобразная сцена.

Когда Тигровъ, обѣщая многихъ порѣзать на предстоящихъ испытаніяхъ, уходилъ изъ класса, кто-то освисталъ его.

Петръ Ивановичъ возвратился на каѳедру.

— Не выйду освистаннымъ отсюда, не выйду. Семеновъ, ступайте къ директору и пригласите его отъ моего имени въ этотъ классъ.

Семеновъ былъ однимъ изъ его любимцевъ. Онъ сейчасъ же пошелъ исполнить приказаніе.

Черезъ двѣ-три минуты напряженнаго ожиданія пришли Иванъ Ивановичъ Ивановъ—директоръ нашъ и Павелъ Яковлевичъ Нелединскій—нашъ инспекторъ.

— Меня освисталъ сейчасъ Соколовъ!.. сказалъ имъ Тигровъ и продолжалъ: я не хочу уходить освистаннымъ

и прошу васъ принять мѣры, чтобы этого никогда не повторялось.

— Соколовъ, что съ тобой сдѣлалось? спросилъ Нелединскій.

— Да-да, Соколовъ, тебя мы сейчасъ же вонъ изъ гимназіи за такіе поступки!.. началъ директоръ.

— Я не свисталъ....

— Онъ, онъ, онъ! шепталъ Тигровъ.

— Нѣтъ не онъ, а я свистнулъ вдругъ объявилъ первый ученикъ и выдвинулся впередъ.

— Сейчасъ разберемъ это дѣло,—замѣтилъ Павелъ Яковлевичъ,—и найдемъ виновника... а вы, Петръ Ивановичъ успокойтесь...

Тигровъ удалился изъ класса.

Какъ потомъ ученики узнали, онъ въ этотъ же день подалъ докладъ о болѣзни, а на другой—прошеніе объ отставкѣ.

Какъ ни старалось начальство открыть настоящаго свистуна, но добиться толку не могло, хотя слѣдствіе привело къ убѣжденію, что Соколовъ не свисталъ, да и первый ученикъ взвелъ на себя поклепъ съ задней цѣлью. Не дано было дальнѣйшаго хода и прошенію объ отставкѣ. Директоръ и инспекторъ убѣдили Тигрова взять эту бумагу обратно, а на учениковъ повліяли такъ, что тѣ добровольно извинились и просили забыть дерзкую выходку.

Послѣ этого событія заключено было перемиріе. Петръ Ивановичъ сталъ ровнѣе, спокойнѣе, нѣсколько даже снисходительнѣе, а ученики старались быть вѣжливыми, исполнительными и старательными.

Приблизилось время окончательныхъ экзаменовъ. Письменные прошли благополучно, если не считать одного непредвидѣннаго случая съ Горшковымъ.

Испытанія происходили въ торжественномъ залѣ, очень свѣтломъ и помѣстительномъ: на потолкѣ были росписаны сцены изъ миѳологіи, полъ—паркетный, сверкающій чистотою; въ простѣнкахъ, очень широкихъ, стояли застекленные шкафы съ книгами фундаментальной библіотеки, при чемъ множество ихъ было въ кожаныхъ переплетахъ, что не удивительно, такъ какъ Н—ская гим-

назія одна изъ старѣйшихъ въ Россіи: ей въ настоящее время болѣе ста лѣтъ; у оконъ стояли наличники, тоже подъ стекломъ, съ богатыми коллекціями минераловъ; у глухой стѣны этого зала помѣщены были во весь ростъ написанные портреты Государей; тутъ же ютились мраморныя доски, на которыхъ отмѣчены были золотыми буквами выдающіяся событія изъ жизни гимназіи. На время экзаменовъ въ этотъ залъ приносились парты, по одной на каждаго воспитанника; онѣ отстояли другъ отъ друга во всѣ стороны на сажень, чтобы предупредить возможность сношеній между учениками; съ этою же цѣлью наблюдали за экзаменующимися члены учебно-воспитательной коммиссіи: одинъ полагался на пять воспитанниковъ. Темы письменныхъ работъ, присылаемыя изъ округа, торжественно распечатывались директоромъ на глазахъ учениковъ и потомъ тщательно диктовались преподавателемъ-экзаменаторомъ.—Все это, вмѣстѣ взятое, наводило нѣкоторое трепетаніе на юношей, жаждущихъ получить завѣтный аттестатъ зрѣлости. Принимались кой-какія мѣры, дабы не погибнуть во цвѣтѣ лѣтъ, напримѣръ, труднѣйшія математическія формулы записывались на обшлагахъ сорочекъ, тщательно, на груди, а то и на спинѣ, прятались необходимыя книги, изучалась предварительно азбука глухонѣмыхъ и предвосхищалась идея, теперь уже осуществленная, безпроволочнаго телеграфа.—На письменномъ экзаменѣ по греческому языку Горшковъ между грудью и своимъ потертымъ мундиромъ втиснулъ грамматику и словарь; когда онъ подалъ работу и выходилъ изъ залы, то передъ дверью разсыпался и отъ ужаса окаменѣлъ на секунду... Директоръ, инспекторъ и ассистенты почему-то въ одинъ мигъ отвернулись къ окнамъ, а Петръ Ивановичъ Тигровъ дѣйствительно былъ углубленъ въ разсматриваніе чьей-то работы. Горшковъ воспользовался благопріятными обстоятельствами, подхватилъ свои книги и, какъ ракъ, красный отъ волненія, выскочилъ въ коридоръ.

Но за то на устномъ экзаменѣ по греческому языку, который въ росписаніи стоялъ послѣднимъ и завершалъ наши хожденія по мукамъ, Петръ Ивановичъ подъялъ

на насъ классическую длань свою. Все время слышалось его шипѣнье.

— Не видать вамъ аттестата зрѣлости, какъ ушей своихъ... ничего вы не знаете... Какъ ушей своихъ не видитъ человѣкъ, такъ каждый изъ васъ не увидитъ аттестата!..

Напрасно Петра Ивановича останавливалъ директоръ и упрашивали о чемъ-то ассистенты. Онъ продолжалъ свою воркотню... Онъ былъ прекрасенъ въ своемъ родѣ: блѣдное лицо съ горящими черными глазами, темные волосы, падающіе кудрями на высокій круглый лобъ, изящная бѣлая рука съ грозящимъ указательнымъ пальцемъ, нервное покачиваніе всего туловища изъ стороны въ сторону, быстрые вопросы о частицахъ an и ean и этотъ презрительный тонъ!.. все это создавало такую удручающую обстановку, въ которой оставалось одно—молить Бога о пощадѣ. Пламенны были эти молитвы, и Господь внялъ имъ: никто не провалился и на греческомъ экзаменѣ.

Повидимому Тигровъ былъ за послѣдніе годы своей дѣятельности больной человѣкъ. Раньше о немъ, когда онъ начиналъ преподавать, говорили съ восторгомъ, какъ объ учителѣ-другѣ, который при началѣ урока въ старшихъ классахъ со многими здоровался даже пожимая руку. Потомъ онъ женился и перемѣнился. Дружескія отношенія къ учащимся скоро съ него соскочили; для многихъ онъ сталъ врагомъ, по крайней мѣрѣ такъ кажется и пишущему эти мимолетныя воспоминанія. Кто знаетъ, какъ трудна педагогическая дѣятельность, и кто приметъ во вниманіе болѣзненное состояніе Тигрова. и кто не злопамятенъ,—тотъ проститъ ему вольныя и невольныя погрѣшности.

М. Кайсаровъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

О необходимости изменения принятой системы образованія и воспитанія медиковъ.[1]

Лѣчебная медицина 19-го вѣка и ея экономическое и государственное значеніе.

Воспитаніемъ и образованіемъ, данными медику, опредѣляется не одна личная его участь, его личная судьба, его интересы. Здѣсь тѣсно связаны участь и интересы всего врачебнаго дѣла, медицинскаго знанія, участь и интересы всѣхъ, кто вынужденъ обращаться къ помощи врача, т. е. участь и интересы всего общества, всего государства.

Для общества и государства, слѣдовательно, важно знать, во что обходится имъ и какое значеніе вообще имѣетъ эта общепринятая система медицинскаго воспитанія и образованія.

Если бы мы вздумали дѣлать учетъ этой стоимости ариѳметически, числовыми величинами, во всемъ значеніи ея экономическомъ, моральномъ и общественномъ, то конечно эта задача оказалась-бы невыполненной въ виду чрезвычайной ея трудности и грандіозности. Но представить вполнѣ все положеніе дѣла возможно уже на основаніи однихъ общихъ соображеній.

Незабираясь въ черезчуръ отдаленныя отъ насъ времена, мы ограничимся,—почему—скажемъ потомъ,—только что истекшимъ 19-мъ вѣкомъ, отъ всѣхъ насъ такъ еще близкимъ и знакомымъ.

Вѣкъ этотъ въ лѣчебномъ отношеніи начался господствовавшей системой кровососныхъ пьявокъ, банокъ и вообще кровопусканій. Врачи того времени считали эту кровопускательную медицину до такой степени „научною“, что не примѣнить ее при какомъ-либо заболѣваніи признавалось прямымъ преступленіемъ и грозило такому врачу лишеніемъ чести и диплома,—если бы только право на послѣднее было предоставлено врачебной корпораціи. Въ настоящее время эта система не только оставлена, но и забыта. Современные врачи считаютъ ее и неразумной и вредной, и разумѣется никому изъ нихъ совсѣмъ не приходитъ въ голову брать на себя какую-либо отвѣтственность за этотъ вампирическій періодъ медицины такъ еще недавняго прошлаго. А между тѣмъ имѣется

[1] Продолженіе. См. „Мирный Трудъ“ № 2—5.

полное право учитывать санитарное, экономическое и государственное значеніе этого медицинскаго вампиризма во много разъ большей цѣнностью, чѣмъ вся масса несчастій и опустошеній, произведенныхъ ожесточенными войнами того времени. И это нетрудно понять почему. Военное кровопусканіе производилось только лицамъ мужскаго пола и извѣстнаго возраста, и производилось эпизодически: разъ или два въ извѣстный періодъ времени и только. Медицинское же кровопусканіе не признавало ни пола, ни возраста. Жертвами его одинаково были и мужчины, и женщины; не только средній воинскій возрастъ, но и дѣтскій и старческій; наконецъ эти кровопусканія дѣлались не однократно какъ-нибудь, но, какъ требовала наука, coup sur coup, много разъ подъ рядъ безъ отдыха, по поводу каждаго заболѣванія существующаго и ожидаемаго, и такъ шло дѣло цѣлые десятки лѣтъ. Однако, врачи своихъ жертвъ не признавали. Если гибло много и скоро, то это по той якобы единственной причинѣ, что больному не успѣли сдѣлать еще одно, десятое или двадцатое по счету, кровопусканіе. Все же то, что вопреки всему этому оставалось еще живо, должно было несомнительно свидѣтельствовать во славу и благодѣяніе медицинской „науки“.

Въ настоящее время, конечно, никто изъ врачей не отважится утверждать такія якобы научныя истины того времени. Съ другой же стороны, едва-ли найдется кто изъ врачей, кто сталъ бы отрицать то положеніе, что такія повальныя кровопусканія, производимыя на протяженіи почти половины столѣтія по поводу болѣзней и въ предупрежденіе ихъ, не должны были отразиться на всѣхъ послѣдующихъ поколѣніяхъ „лѣчимыхъ“ вплоть до нашихъ дней хронической малокровностью, упадкомъ питанія, истощеніемъ и захирѣніемъ организмовъ, т. е. вообще вырожденіемъ ихъ, какъ результатъ постоянныхъ и обильныхъ кровопотерь.

Эта поминаемая нынѣ только историками система медицинскаго уничтоженія и вырожденія человѣчества въ первую половину 19-го вѣка была не одинохой, но шла объ руку съ другой, ей подобной по результатамъ, системой рвотныхъ, слабительныхъ, нарывныхъ мазей и мушекъ, моксъ, заволокъ. Всякую почти болѣзнь принято было встрѣчать сначала рвотными и слабительными, чтобы „очистить“ желудокъ и „первыя пути“ отъ „засоренія“; потомъ болѣзнь „оттягивали“ на шею, спину, поясницу, бока нарывной мушкой, обжигающей моксой или заволокой куска тряпки подъ кожею съ цѣлью получить сточный гноящійся каналъ для „испорченной крови“ и „дурныхъ соковъ“ изъ организма; затѣмъ шло „извлеченіе“

болѣзни кровопусканіями или болѣзнь „выгоняли“ слабительными, мочегонными, потогонными и т. д.

Изъ всего этого,—именуемаго конечно также „научнымъ“,—плана лѣченія болѣзней многое въ настоящее время оставлено совсѣмъ или почти совсѣмъ, таковы: рвотныя, заволоки, кровопусканія; кое-что очень упорно держится и въ настоящее время, напримѣръ, система слабительныхъ (все для того-же „очищенія желудка“ или „отвлеченія“ болѣзни на кишечный каналъ), примѣняемыхъ по меньшей мѣрѣ у девяти изъ каждаго десятка заболѣвшихъ. Въ общемъ же значеніе всѣхъ этихъ мѣръ и средствъ можетъ быть опредѣлено какъ мучительное истязаніе нервной системы и жестокое раздраженіе тканей организма—для цѣлей дѣйствительнаго излѣченія совершенно лишнее и напрасное, а въ смыслѣ санитарномъ, въ смыслѣ общей экономіи здоровья больныхъ, играющее роль условій отягчающихъ искуственными болѣзнями естественныя страданія отъ болѣзни, ожесточающихъ эту болѣзнь, затягивающихъ ея продолжительность, надолго послѣ нея ослабляющихъ и истощающихъ больного или дѣлающихъ его навсегда инвалиднымъ, хилымъ, слабосильнымъ. Ходячими примѣрами такой хронической инвалидности для настоящаго времени могутъ служить всѣ тѣ весьма многочисленные, безпрерывно хирѣющіе посѣтители врачебныхъ кабинетовъ и больничныхъ амбулаторій, которые постоянно обращаются за помощью по поводу недѣятельности кишечника и запоровъ. Предшествующая исторія такихъ больныхъ обыкновенно одна: систематическая, чуть-ли не съ грудного возраста, „чистка“ желудка касторкой, ревенемъ, магнезіей, карлсбадской солью, каскарой, апентой и т. д. съ результатомъ послѣдовательной совершенной недѣятельности, атоніи, вслѣдствіе истощенія и ослабленія, органовъ и оболочекъ пищеварительныхъ путей.

Слѣдующимъ господствующимъ направленіемъ лѣчебной медицины 19 вѣка былъ медицинскій нигилизмъ, лѣчебное ничегонедѣланіе. Направленіе это возникло какъ крайняя реакція противъ научной нелѣпости и ужасовъ врачеванія предшествовавшаго времени, ставшихъ наконецъ очевидными и для самихъ врачей. На активную терапію воздвигнуто было гоненіе. Она была упразднена въ лучшихъ клиникахъ Европы и замѣнена такъ называемымъ выжидательнымъ, наблюдательнымъ лѣченіемъ, т. е. больные предоставлялись на волю Провидѣнія. Новыя открытія физіологическія, патолого-анатомическія и т. д. всецѣло увлекли клиницистовъ и профессоровъ въ эту сторону, а собственно терапія, лѣчебная наука, была, по выраженію проф. Н. Студенскаго, „однимъ почеркомъ пера

совсѣмъ изгнана изъ ряда медицинскихъ наукъ". Ее третировали презрѣніемъ, насмѣшками, издѣвательствомъ... Въ результатѣ терапія, наука о лѣченіи болѣзней, стала у врачей дѣломъ пустымъ, маловажнымъ, неинтереснымъ, подлежащимъ совершенному упраздненію, какъ „безцѣльное пичканье латинской кухней" и т. п. Разумѣется, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, въ силу долженъ былъ вступить законъ пустого мѣста, котораго природа, по вульгарному выраженію, не признаетъ и никогда не терпитъ: лишь только лѣчебная медицина оставлена была на произволъ судьбы ея прямыми владѣльцами и хозяевами—врачами, лишь только она оскудѣла ихъ творчествомъ и руководствомъ, мѣсто врачей немедленно заняли аптекаря, химическія фабрики и заводы. Клиникой завладѣла фабричная лабораторія, врачебнымъ дѣломъ—шустрые заводскіе мишуресы и фармацевты. Медицина, по выраженію проф. Манасеина, приняла „фабричное направленіе". Главнымъ клиническимъ методомъ ея стала торговая реклама. Фабрики безустанно вырабатывали и массами выбрасывали на медицинскій рынокъ всевозможныя острыя и сильнодѣйствующія наркотическія, микробоубивающія, жаропонижающія, снотворныя средства—антипирины, антифебрины, эв-хинины, эв-каппы, героины, сульфоналы, салофены,—а „подручные" врачи и фармацевты, спеціально на то нанятые фабриками, сочиняли по всѣмъ формамъ „научныхъ" медицинскихъ работъ хвалебныя аттестаціи о „необычайно вѣрномъ" и „совершенно безвредномъ" дѣйствіи новаго средства „при всѣхъ болѣзняхъ" и засыпали этими „научными" рекламами рядовую толпу практическихъ врачей, обычно плывущую пассивно, безъ думъ и размышленій, по теченію господствующаго медицинскаго направленія. Упроченію и успѣху такого порядка усердно помогала и именующая себя „научною" печать, не смогшая со всѣми своими научными этиками и добродѣтельной моралью устоять передъ открытымъ фабричнымъ кошелькомъ. У того же самаго проф. Манасеина, который въ текстѣ своего *Врача* громилъ шарлатанство фабричной медицины, всѣ многочисленныя обложки газеты были постоянно переполнены торговыми рекламами этихъ шарлатановъ [1]). Врачи практики естественно соблазнялись хвалебной рекламой, постоянно мозолящей глаза съ обложки ихъ авторитетной газеты, съ спокойной душею и самыми розовыми надеждами начинали примѣнять рекомендуемыя средства на больныхъ и примѣняли ихъ до тѣхъ поръ,

[1]) См. *Вѣстникъ гомеоп. медицины* 1900 г., стр. 331 статья „Два слова о кривобокой врачебной этикѣ".

пока 20—40—75% „побочныхъ“ дѣйствій и отравленій не раскрывали дѣйствительныхъ достоинствъ хваленаго „чудеснаго“ фабриката. Тогда средство это оставлялось, а за нимъ бралось другое, третье и т. д.

Въ теченіе одного-двухъ десятковъ лѣтъ такого фабричнаго направленія, которое и въ наши дни еще ни мало не утихаетъ, черезъ руки врачей прошла масса все новыхъ и новыхъ средствъ, которыя всѣ имѣли одну и туже участь, т. е. были оставляемы и выбрасываемы какъ негодныя. Если отъ нихъ осталось что-либо болѣе или менѣе опредѣленное и положительное, такъ это наименованіе этого періода медицины словомъ „токсическій“, отравной. Масса больныхъ съ островоспалительными процессами, съ остро лихорадочными, инфекціонными, въ родѣ легочнаго воспаленія, инфлюэнцы, тифа, скарлатины и т. д. погибали не столько отъ болѣзни, сколько отъ паралича сердца, вызваннаго различными жаропонижающими антифебриномъ, антипиринномъ, салоломъ, дигиталисомъ, или отъ общаго отравленія, причиненнаго разными противомикробными и антисептическими средствами. Остававшіеся въ живыхъ поправлялись медленно, трудно, несовершенно, съ организмомъ сплошь и рядомъ полуразрушеннымъ „противовоспалительными“ каломелемъ и сулемой (меркуріалисты), „успокоительными“ наркотиками (морфинисты, кокаинисты и проч.), „возбудительными“ и „укрѣпляющими“ алкогольными напитками и т. д.

Къ концу 19-го вѣка этотъ періодъ токсическаго врачеванія началъ очень видоизмѣняться и осложняться добавленіемъ къ прежнему фабричному арсеналу изъ острыхъ наркотиковъ растительнаго происхожденія и сильнодѣйствующихъ минеральныхъ препаратовъ еще ядовъ и продуктовъ животнаго происхожденія. На сцену начали выдвигаться „сыворотки“ и „прививки“ животными продуктами, и въ какой-нибудь десятокъ лѣтъ завладѣли всецѣло вниманіемъ врачей, медицинскихъ кабинетовъ, клиникъ и лабораторій. Начало этого новаго прививочнаго направленія ведется съ Дженнеровскаго оспопрививанія, существовавшаго уже къ началу 19 вѣка. Въ 80-хъ годахъ это направленіе быстро начало развиваться благодаря изслѣдованіямъ Пастера надъ собачьимъ бѣшенствомъ, а за симъ трудами Коха, Берринга. Ру и др. выработалась эта нынѣшняя система лѣченія и предупрежденія болѣзней животными ядами и продуктами въ видѣ впрыскиваній и прививокъ различныхъ „вытяжекъ“, „лимфъ“, „сыворотокъ“, „антитоксиновъ“. Изъ всего этого новѣйшаго медицинскаго арсе-

нала—лѣченіе вытяжками изъ тканей и органовъ животныхъ при пораженіи такихъ же тканей и органовъ у больного человѣка (такъ называемыя Броунъ-Секаровскія прививки) какъ-то мало привилось и примѣняется очень рѣдко. Завладѣли же вниманіемъ врачей преимущественно прививки по типу оспопрививанія, т. е. такія, гдѣ для лѣченія и предупрежденія болѣзни, напр. оспы, дифтерита, чумы, тифа, бугорчатки и проч., прививаются видоизмѣненные яды тѣхъ-же болѣзней—оспы, дифтерита, чумы, тифа, бугорчатки и т. д.

Внѣ всякаго сомнѣнія, что въ основаніи этого лѣченія и предупрежденія болѣзней посредствомъ ядовъ ихъ же вызывающихъ кроется идея гомеопатическаго, подобнодѣйствующаго лѣченія и потому современное прививочное направленіе господствующей медицины какъ нельзя лучше показываетъ все инстинктивное ея стремленія выйти на этотъ надлежащій путь единственно правильнаго и разумнаго лѣченія. Однакожъ полное отсутствіе представленія у врачей объ этомъ гомеопатическомъ лѣченіи и упрямое ихъ нежеланіе признавать его обрекаютъ ихъ медицину и „объекты“ ея приложенія—больныхъ оставаться на обычномъ положеніи весьма печальной аллопатической дѣйствительности.

Начать съ того, что практическое примѣненіе ядовъ болѣзней и вообще ядовъ животнаго происхожденія для цѣлей гомеопатическаго лѣченія настолько трудно, что въ результатѣ уже напередъ легче ожидать неизмѣримо болѣе опасностей и вреда, чѣмъ пользы. Трудность эта въ самомъ существѣ животнаго яда. Для гомеопатическаго лѣченія необходимо минимальное, возможно слабѣйшее, возбуждающее вліяніе въ направленіи сходномъ съ данной болѣзнью. Получить такую силу, такую „дозу“ лѣкарственнаго вліянія, сходнаго болѣзнетворной причинѣ не равной и тожественной силой, но лишь слабой степени качественнымъ своимъ дѣйствіемъ, возможно очень легко при лѣчебныхъ средствахъ простыхъ механическихъ или простого химическаго состава. Если, напр. нужное наше лѣкарство какая-нибудь минеральная соль или химически чистый растительный ядъ—атропинъ, стрихнинъ и т. п., то полученіе слабѣйшей дозы свойственнаго имъ вліянія требуетъ только несложной процедуры обыкновеннаго растворенія или разведенія этихъ средствъ въ столь же простой и опредѣленной по своему составу жидкости, какъ вода или спиртъ: чѣмъ больше взято воды или спирта, тѣмъ соотвѣтственно слабѣе получается дѣйствующая сила средства. Такимъ путемъ нужная степень лѣкарственнаго вліянія для цѣлей

подобнодѣйствующаго лѣченія получается и дозируется просто, легко и всегда точно опредѣленной по желанію.

Съ животными ядами дѣло совсѣмъ иное. Простое дѣленіе путемъ растворенія здѣсь негодится, такъ что будетъ-ли, напримѣръ, взята цѣлая капля или одна сотая капли дифтеритнаго или оспеннаго яда, конечный результатъ можетъ получиться одинаковый, т. е. и тѣмъ и другимъ количествомъ можетъ быть вызвано одинаковое тожественное дифтеритное или оспенное заболѣваніе. Для того же, чтобы отъ животнаго яда получить не „тожество“, но лишь „сходность“ дѣйствія требуется перевоспитаніе этого яда, перерожденіе его, измѣненіе его качества, его характера въ болѣе слабую, менѣе зловредную модификацію. Перевоспитаніе же качественное какого-нибудь животнаго продукта возможно лишь путемъ живыхъ силъ животнаго же организма и какъ показалъ опытъ требуетъ затраты массы времени, энергіи, изобрѣтательности, труда, матеріальныхъ средствъ. Исторія Дженнеровскаго оспопрививанія, Пастеровскихъ прививокъ противъ собачьяго бѣшенства, Берингговскихъ и Ру противодифтеритныхъ прививокъ показываетъ сколько труда и опытовъ было продѣлано, пока узнали, что для противооспенныхъ прививокъ болѣе или менѣе пригоденъ тотъ оспоподобный ядъ, который получается съ помощью организма коровы въ видѣ такъ называемой вакцины, коровьей оспы, что для прививокъ противъ собачьяго бѣшенства пригодный продуктъ даетъ организмъ кроликовъ, отравляемыхъ предварительно ядомъ собачьяго бѣшенства, для противодифтеритныхъ—организмъ лошади, отравляемой извѣстное время дифтеритнымъ ядомъ.

Но всѣ трудности эмпирическихъ исканій желаемаго въ такъ мало извѣстной вообще и сложнѣйшей области органической жизни и животныхъ производствъ еще полъ-бѣды. Главная же бѣда при лѣчебномъ примѣненіи получаемыхъ для прививокъ указаннымъ тернистымъ путемъ животныхъ лимфъ, детритовъ, эмульсій, экстрактовъ, сыворотокъ, антитоксиновъ, происходитъ отъ того, что всѣ они имѣютъ абсолютную опасность, опасны сами по себѣ, опасны какъ продукты животнаго происхожденія вообще. Животные соки, вытяжки изъ тканей и органовъ, кровь, взятыя даже отъ совершенно здороваго организма, оказываются для другихъ организмовъ сильными ядами и введеніе ихъ въ посторонній организмъ вызываетъ явленія заразнаго отравленія разныхъ степеней тяжести, начиная съ легкаго недомоганія и кончая смертельнымъ пораженіемъ. Но тѣ сыворотки, лимфы, детриты и проч., кото-

рыя примѣняются для лѣчебныхъ прививокъ, взяты не отъ нормальныхъ даже, здоровыхъ, животныхъ организмовъ, но отъ организмовъ больныхъ и болѣвшихъ, притомъ болѣвшимъ остро-заразнымъ процессомъ подъ вліяніемъ подготовительныхъ впрыскиваній имъ натуральныхъ болѣзнетворныхъ ядовъ. Отсюда очевидна еще большая ихъ вредоносность, и на самомъ дѣлѣ въ результатѣ при прививкахъ, съ предохранительной-ли цѣлью или съ цѣлью лѣченія болѣзни, получается длинный рядъ всевозможныхъ такъ называемыхъ „побочныхъ“ отравныхъ дѣйствій, свойственныхъ, какъ крови и сокамъ животныхъ вообще, такъ и септическимъ, гнило-гноекровнымъ возбудителямъ въ частности.

Другой источникъ бѣдственныхъ результатовъ прививочнаго лѣченія животными продуктами въ томъ, что всѣ употребляемыя прививныя лимфы, детриты и сыворотки, будучи по сущности своего соотношенія къ лѣчимой болѣзни средствами гомеопатическими, т. е. подобно болѣзни дѣйствующими, примѣняются на дѣлѣ не какъ таковыя, но какъ средства аллопатическія. Въ своихъ сывороткахъ и лимфахъ врачи аллопаты хотятъ видѣть опять-таки только свои противодѣйствующія средства, считаютъ ихъ только таковыми, почему и именуютъ ихъ противоядными, анти-токсическими. Поэтому же при лѣченіи они стараются впрыснуть всегда возможно больше, чѣмъ меньше, предполагая на основаніи логики противодѣйствующаго принципа, что вліяніе примѣняемой напр. сыворотки будетъ тѣмъ скорѣе, лучше и полнѣе, чѣмъ въ большемъ количествѣ она примѣнена. Но чѣмъ болѣе будетъ такимъ образомъ введено въ организмъ средства, обладающаго, кромѣ чего то видимо полезнаго въ немъ, вредными качествами, тѣмъ легче, скорѣе и въ большемъ размѣрѣ должны быть проявленія и свойственнаго ему вреднаго его вліянія. Что именно въ лѣчебныхъ сывороткахъ и прививочныхъ животныхъ препаратахъ производитъ эти отравныя, вредныя вліянія, это узнать доподлинно и удалить оттуда наука еще несмогла, равно какъ наукѣ не удалось еще узнать въ точности и выдѣлить отдѣльно и то нѣчто дѣйствительно полезное, которое вліяетъ умѣряющимъ образомъ на лѣчимый процессъ. Наука бродитъ здѣсь еще въ умозрительныхъ потемкахъ и далеко не вышла изъ предѣловъ простого пробнаго эмпиризма.

Подводить окончательный общій итогъ санитарно-экономическаго значенія для государства этой системы пропитыванія человѣческихъ организмовъ животными соками и ядами разныхъ болѣзней еще не настала пора, такъ какъ это на-

правленіе не только не намѣренно заканчиваться, но продолжаетъ все болѣе и болѣе ширится и развиваться. Но что результаты будутъ громадны, за это говоритъ необычайная степень распространенности прививочнаго лѣченія или правильнѣе—увлеченія, захватившаго нынѣ всѣхъ врачей, всѣ больницы, всѣ клиники и академическія лабораторіи. Что результаты будутъ до необычайности серьезны, для того имѣется уже много данныхъ вообще.

Уже сама идея, которою руководятся представители прививочнаго лѣченія и предупрежденія болѣзней, чревата необычайными послѣдствіями, если только она будетъ упорно проводиться и осуществляться въ жизни. Идея эта чисто аллопатическаго, извнѣ насилующаго воздѣйствія и воспитанія организма: снабдить организмъ, больной или могущій только заболѣть, готовыми противоядіями (антитоксинами), способными уничтожать или мѣшать дѣйствію ядовъ (токсиновъ) существующихъ или будущихъ болѣзней. Но осуществленіе этой идеи на оборотной своей сторонѣ имѣетъ результатомъ игнорированіе естественной самодѣятельности организма, пренебреженіе воспитаніемъ въ немъ естественныхъ силъ сопротивленія и реактивнаго защитнаго отпора внѣшнимъ неблагопріятно дѣйствующимъ на него причинамъ и условіямъ, безъ чего организмъ не можетъ сохранять ни своего здоровья, ни вести борьбу за свое существованіе въ болѣзняхъ, ни совершенствоваться въ своемъ развитіи. Ему вообще угрожаетъ какъ-разъ то, что бываетъ съ любымъ органомъ или частью организма, когда они устранены отъ обычной и свойственной имъ дѣятельности и ведутъ праздное существованіе безъ работы: угрожаетъ атрофія, увяданіе, декаденство физическое и жизненно-органическое. Медицина и медицинское воспитаніе на этомъ пути сдѣлали уже не мало вреда человѣчеству. Хотятъ, напримѣръ, чтобы человѣкъ не подвергался простудѣ и для этого защищаютъ его отъ этой простуды шарфами, фуфайками, набрюшниками, валенками, закупориваютъ его тщательно въ помѣщеніи, гдѣ нѣтъ форточекъ и не бываетъ ни малѣйшаго „сквознаго“ вѣтерка,—а въ результатѣ получается какъ-разъ легкая простужаемость вслѣдствіе изнѣженности организма, постоянные катары, воспаленія и доктора. Стремятся къ тому, чтобы человѣкъ во что бы то ни стало ежедневно имѣлъ стулъ и для этого предписывается „слѣдить внимательно за желудкомъ“ посредствомъ касторки, ревеня, каскары, апенты и т. д.,—въ результатѣ же постоянныя вздутія, запоры и проч. вслѣдствіе развившейся, отъ частаго ис-

кусственнаго раздраженія, атоніи и ослабленія естественной жизнедѣятельности пищеварительнаго тракта. Рекомендуютъ питаться лишь „легкой“ и „легковаримой“ пищей и очень рады, если, положимъ, ребенокъ съ первыхъ дней и до трехлѣтняго возраста пьетъ много молока, питается однимъ „молочнымъ“ и относится съ отвращеніемъ ко всякой другой пищѣ,—а въ результатѣ диспепсія при всякомъ уклоненіи отъ привычной „легкой“ пищи, то запоры, то поносы, то касторка, то вяжущія, худоба и захирѣлость.

Такихъ примѣровъ противоестественнаго воспитанія можно привести множество и всѣ они могутъ доказать одно, что примѣненіе извнѣ защищающаго и противодѣйствующаго аллопатическаго принципа къ лѣченію и предупрежденію болѣзней есть вѣрный и прямой путь къ увяданію органической самодѣятельности и вырожденію физическому. И вотъ такую же перспективу для человѣчества готовитъ и идея изгонять и предупреждать разныя болѣзни прививками сыворотокъ, эмульсій и детритовъ, которыми разсчитываютъ производить оздоровленіе организма помимо прямого участія въ этомъ живыхъ усилій и живого сопротивленія самого же организма. Это такая же безусловно вредная химерическая идея, какъ и идея лѣченія и предупрежденія заразныхъ болѣзней микробоубивающими средствами. Эта противомикробная терапія нынѣ закончила уже свою исторію и безчисленными жертвами отравленныхъ и убитыхъ дѣйствіемъ противомикробныхъ средствъ показала лишній разъ всю неразумность и всю тщету попытокъ лѣчить болѣзни путемъ внѣ-органическаго аллопатическаго противодѣйствія. Но терапія сыворотками и прививками у аллопатовъ идетъ по тому же пути, по которому шла и противомикробная терапія. Разница только въ примѣняемыхъ средствахъ. Раньше причину болѣзни объясняли прямымъ вліяніемъ микробовъ и на этомъ основаніи пытались лѣчить ее микробоубивающими средствами, теперь причину болѣзни приписываютъ микробнымъ ядамъ (токсинамъ) и соотвѣтственно этому стремятся лѣчить эти болѣзни противоядами (антитоксинами) животныхъ сыворотокъ и прививокъ. Но если, такимъ образомъ, направленіе дѣла въ томъ и другомъ случаѣ одинаково, а естественная логика природы всегда неизмѣнна, то и конечные результаты должны быть неизмѣнно одни и тѣ же, т. е. терапія „противоядныхъ“ животныхъ сыворотокъ и прививокъ дастъ въ итогѣ то же самое, что дала терапія прежнихъ химическихъ противоядій, микробоубивающихъ средствъ. И что это вѣрно, на то имѣется уже въ настоящее время масса

краснорѣчиво говорящихъ данныхъ, какъ бы ни старались ими пренебрегать и оставлять безъ вниманія.

Наибольшую давность имѣютъ за собою *противооспенныя* прививки. Насколько вначалѣ врачи встрѣтили ихъ энергичнымъ сопротивленіемъ, потребовавшимъ даже правительственнаго вмѣшательства для воздѣйствія на ученую медицину, настолько же энергично онѣ теперь рекомендуются и примѣняются на положеніи безусловно полезной оздоровительной и предупредительной мѣры врачеванія. Однакоже, несмотря на долголѣтнее существованіе этихъ прививокъ, онѣ въ научномъ отношеніи не выведены изъ стадіи простого эмпиризма и аргументируются такой неудовлетворительной въ смыслѣ убѣдительности статистикой, что тѣ же самыя цифровыя данныя, разсмотрѣнныя не черезъ призму предвзятаго желанія, оказываются говорящими въ обратную сторону, т. е. не въ пользу, но противъ оспопрививанія,—противъ и какъ мѣры предупреждающей оспенныя заболѣванія, и какъ условія, способствующаго только возрастанію смертности дѣтской и общей. Имѣющіяся по этому поводу, напримѣръ, брошюры Уоллеса, нашихъ русскихъ докторовъ Бразоля, Ахшарумова даютъ достаточно данныхъ для того, чтобы признать наличность весьма важныхъ возраженій и по существу самаго вопроса, и по существу оспопрививательной статистики, которыя, хотя и игнорируются врачами прививателями, но все же остаются и вполнѣ неопровергнутыми.

Тоже самое можно сказать и относительно *прививокъ противъ собачьяго бѣшенства,* имѣющихъ, какъ извѣстно, тоже довольно уже почтенную давность. Эти прививки у насъ производятся на многихъ спеціальныхъ, такъ называемыхъ Пастеровскихъ станціяхъ и ежегодно многочисленному числу лицъ. Но вотъ недавно выходитъ въ свѣтъ брошюра профессора Зѣнца, въ которой заявляется, что прививки противъ собачьяго бѣшенства одно изъ тѣхъ весьма опасныхъ заблужденій, которыми такъ богата медицина, а прививочные Пастеровскіе институты обвиняются въ томъ, что они не предупреждаютъ заболѣваній бѣшенствомъ, но искуственно прививаютъ его людямъ. Эта брошюра заставила другого профессора петербургскаго университета, Н Н. Мари, задаться вопросомъ: почему оказались возможными эта брошюра и выводы ея автора. И отвѣчаетъ: потому, что „мы и до сихъ поръ не имѣемъ надлежащихъ статистическихъ цифръ, которыя могли бы доказать непреложность благотворнаго вліянія Пастеровскихъ прививокъ", что „мы въ настоящее время далеко не готовы

къ тому, чтобы опровергать или защищать" эти прививки, „что онѣ и до сихъ поръ не выведены изъ границъ прискорбнаго эмпиризма, положеннаго въ ихъ основу", что очевидно въ разрѣшеніи научныхъ вопросовъ у насъ все еще „вліяютъ мода, увлеченіе, порывъ" [1]).

А насколько Пастеровскія прививки, примѣняемыя въ настоящее время такъ широко на людяхъ, на самомъ дѣлѣ требуютъ пребыванія ихъ въ стадіи еще подготовительныхъ лабораторныхъ работъ, объ этомъ можетъ хорошо говорить нижеслѣдующее сообщеніе, сдѣланное въ Обществѣ Харьковскихъ ветеринарныхъ врачей 5-го декабря 1900 года. „Мнѣ приходилось,—пишетъ докладчикъ,—видѣть щенка пойтера 6—7 мѣсяцевъ, который, по словамъ владѣльца, *покусанъ не былъ* и которому *была сдѣлана* Пастеровская прививка съ цѣлью *предохранить его на будущее время* отъ бѣшенства на случай покуса его бѣшеной собакой. Я видѣлъ его въ сараѣ медицинскаго общества съ признаками тихой формы бѣшенства, которое отличалось отъ обыкновеннаго тѣмъ, что параличи шли сзади напередъ (т. е. явилось несомнѣнно отъ прививки). Второй случай былъ наблюдаемъ въ клиникѣ Харьковскаго ветеринарнаго института, въ бытность мою асистентомъ клиники, когда была принята въ клинику собака съ признаками тихой формы бѣшенства и которой за 3 мѣсяца до поступленія въ клинику была произведена Пастеровская прививка. *Эта собака также покусана не была.* Третій случай пришлось наблюдать года 3 назадъ, когда собакѣ, покусанной бѣшеной собакой въ Петербургѣ, была сдѣлана тамъ же предохранительная Пастеровская прививка, а спустя 5 мѣсяцевъ эта собака, тотчасъ по пріѣздѣ въ Харьковъ вмѣстѣ съ своей хозяйкой, обнаружила признаки тихой формы бѣшенства: находящимся совмѣстно съ этой собакой *двумъ* остальнымъ, изъ которыхъ одна была покусана упомянутой бѣшеной, а другая нѣтъ, была произведена уже въ Харьковѣ Пастеровская предохранительная прививка. Спустя 4 мѣсяца послѣ прививки у одной и годъ у другой была наблюдаема картина тихой формы бѣшенства. Четвертый случай наблюдался въ Харьковскомъ ветеринарномъ институтѣ, когда собакѣ сенъ-бернардской породы, съ цѣлью предохранить ее отъ бѣшенства, была сдѣлана предохранительная прививка въ Харьковѣ, а спустя 6 мѣсяцевъ она пала отъ бѣшенства"...

На основаніи этихъ данныхъ авторъ доклада дѣлаетъ заключеніе, „что предохранительная Пастеровская прививка

[1]) *Русскій Врачъ* 1904 г., № 11.

собакамъ, повидимому, удлиняетъ только инкубаціонный (скрытый) періодъ", и что если бы на подобнаго рода факты врачи побольше обращали вниманія, то можетъ быть „*число предохранительныхъ Пастеровскихъ прививокъ какъ людямъ, такъ и собакамъ сократилось бы*" [1]).

Въ послѣдніе годы, какъ извѣстно, особенно широкое распространеніе получили *противодифтеритныя* прививки. И увлеченіе ими считается обыкновенно весьма основательнымъ: до-прививочное время давало 40—50% смертности при лѣченіи дифтерита, со времени прививокъ всего 20—25%, т. е. процентъ смертности понизился на половину. Развѣ это не краснорѣчивое доказательство ихъ благотворности и дѣйствительности? Такъ говорятъ обыкновенно врачи. Однако же, это далеко не такъ вѣрно, какъ кажется. Уменьшеніе процентовъ смертности на половину со времени прививокъ пока доказуетъ только одно: что лѣченіе въ до-прививочное время было вдвое хуже, вреднѣе, убійственнѣе, чѣмъ въ прививочное время. Въ до-прививочное время дифтеритныхъ больныхъ лѣчили настойчивыми прижиганіями и мазаніями во горлѣ и заставляли принимать внутрь сильнодѣйствующія микробоубивающія и жаропонижающія средства, изъ коихъ мазанія и прижиганія только крайне ожесточали и усиливали основной мѣстный процессъ, микробоубивающія средства, нимало не губя микробовъ, убивали всю жизнедѣятельность больного организма, а средства жаропонижающія парализовали его сердце и нервную систему своимъ токсическимъ вліяніемъ. Вотъ причины страшной смертности тѣхъ больныхъ, которые подвергались лѣченію въ до-прививочное время. Съ примѣненіемъ прививокъ весь означенный арсеналъ охото-микробнаго и жаропонижающаго лѣченія сразу былъ оставленъ и моментально же смертность сильно понизилась въ своей цифровой напряженности. Цифры смертности при прививкахъ могли бы говорить объ абсолютной и безусловной „полезности" и „благодѣтельности" прививочнаго лѣченія какъ таковаго, только тогда, если бы онѣ могли оставлять за флагомъ проценты смертности при лѣченіи дифтеритныхъ больныхъ другими средствами и въ томъ числѣ обычными гомеопатическими средствами, при которыхъ, напримѣръ, проценты смертности никогда не поднимались выше 3—7%. Но противъ абсолютной полезности и благотворности противодифтеритныхъ прививокъ имѣются уже многочисленныя отрицательныя свидѣтельства со стороны самихъ же врачей господствующей школы. Для примѣра приведемъ

[1]) *Ветеринарное обозрѣніе*, 1901 г., № 21, 943

хотя бы то, что говоритъ о нихъ д-ръ Серковскій, бывшій ассистентъ гигіенической лабораторіи Харьковскаго университета.

„Въ настоящую минуту“,—говоритъ д-ръ Серковскій [1]),— „необходимо считаться съ *многочисленными* указаніями на *вредное вліяніе* сыворотки и установить извѣстныя показанія и противопоказанія для впрыскиванія этого *сильно дѣйствующаго* средства“!.. „Указанія *многочисленныхъ* авторовъ представляютъ намъ *массу* фактовъ *очень вреднаго* вліянія сыворотки на организмъ человѣка“; „хорошо, если бы это вредное дѣйствіе ограничивалось такъ называемыми сывороточными сыпями, лихорадкой, болями въ суставахъ и разстройствомъ общаго самочувствія; къ сожалѣнію,—наблюдаются *болѣе опасныя явленія и смертельные* случаи. Сюда надо отнести 7 смертельныхъ случаевъ, сопоставленныхъ Rottstein'омъ, далѣе случаи Froelich'a (*носовыя кровотеченія, параличъ* мягкаго неба, *бѣлокъ* въ мочѣ), L. Rosenberg'a (*общее отравленіе*) и друг. Д-ръ Variot видѣлъ въ дифтеритномъ баракѣ Bretonneau въ Парижской больницѣ Trousseau около 15 случаевъ *смерти*, наступившей послѣ впрыскиванія сыворотки“... Сюда же относятся случаи Soltman'a, Gratiol'я, Hoffner'a.. „Кромѣ вышецитированныхъ, наблюдали смертельный исходъ непосредственно въ зависимости отъ сыворотки Kortright, Kerley, Enyon, B. Самгинъ и *много другихъ*... Winters считаетъ сыворотку *опаснымъ* средствомъ, того же мнѣнія и C. Calleja, Gottstein, Hansemann, Kotht, Stintzing, Wolte и др.“. „Еще болѣе убѣдительны *смертельные* случаи, наступающіе послѣ впрыскиванія сыворотки съ предохранительной цѣлью, гдѣ дѣло идетъ съ *здоровыми организмами*, и слѣдовательно смерть можетъ быть обязана *только отравляющему* вліянію самой сыворотки“... „Безъ сомнѣнія, что многократно была прививаема сыворотка съ предохранительной цѣлью многочисленными врачами и безъ всякаго вреда для организма, но съ *пользою-ли?*“

„Еще *далеко не установлена сущность дѣйствія сыворотки* на организмъ человѣка“... Въ то же время, „многіе авторы, изъ которыхъ называемъ Widerhofer'a, Гамалею, Kossel'я, Goebel'я, Шокарева, указываютъ на то, что впрыскиванія сыворотки *не предохраняютъ отъ возвратовъ* дифтерита, а нѣкоторые заявляютъ даже, что при сывороточномъ лѣченіи *возвраты* какъ будто *стали появляться чаще и второе заболѣваніе нерѣдко бываетъ тяжелѣе перваго*“... „Ernst видѣлъ вслѣдствіе примѣненія сыворотки *большую смертность*, чѣмъ при прежнемъ лѣченіи“.

[1]) *Вѣстникъ Общества Гигіены* 1900 г., стр. 1415.

„Въ Филадельфіи умирала цѣлая треть дифтеритныхъ больныхъ"... Опубликованы случаи, когда „пленка оставалась на мѣстѣ нѣсколько недѣль подрядъ, несмотря на *неоднократное* впрыскиваніе сыворотки; въ другомъ случаѣ пленка продолжала разрастаться, въ третьемъ появились новыя на мѣстѣ отставшихъ"... „Emmerich заявляетъ, что животныя, пользованныя противодифтеритнымъ противоядомъ, *легче погибаютъ* отъ зараженія стафилококками и стрептококками" и т. д.

Такихъ отрицательныхъ отзывовъ о „противо"-дифтеритныхъ качествахъ лошадиной сыворотки, можно было бы привести не мало, и всѣ они говорятъ ясно, что въ томъ видѣ, какъ ее примѣняютъ аллопаты, это пока все такое же вредное и отравляющее лѣченіе дифтерита какъ и аллопатическое прежнее, охото-микробное и прижигающее. Если при сывороткѣ наблюдается меньшій процентъ смертности, чѣмъ при прежнемъ лѣченіи, то это результатъ лишь *меньшей* убійственности сывороточнаго яда, чѣмъ ядовъ прежняго лѣченія. Но и только. Толковать же эту меньшую степень отравляющаго дѣйствія сыворотки, какъ дѣйствіе *цѣлебное и благодѣтельное*, возможно только вслѣдствіе увлеченія и слѣпой вѣры въ желательную тенденцію.

Изъ другихъ лѣчебныхъ прививокъ, о *противобугорчатковыхъ* прививкахъ Коха можно теперь говорить какъ о вопросѣ уже вполнѣ выяснившемся. Исторія этихъ прививокъ весьма печальная эпопея, запечатлѣнная сплошь однѣми смертями и потерями.

Практикующіяся еще прививки противъ тифа и чумы точно также мало хорошаго пока говорятъ въ свою пользу.

Противотифозныя прививки дѣлались у насъ въ Россіи проф. Высоковичемъ на солдатахъ въ виду „довольно утѣшительныхъ, хотя и не вполнѣ доказательныхъ результатовъ", сообщенныхъ не нашими докторами Pfeiffer'омъ, Wright'омъ, Hawkin'ымъ. Проф. Высоковичъ для своихъ опытовъ взялъ восемъ полуротъ солдатъ, всего 235 человѣкъ. Въ результатѣ, по его сообщенію [1]), „реакція на прививку (т. е. отравленіе) получалась довольно сильная... черезъ 1—3 часа послѣ впрыскиванія наступалъ ознобъ и жаръ, головная боль и головокруженіе, а у трехъ была рвота; *температура у нѣкоторыхъ достигала до 40°, у большинства была около 38,5° или немного выше.* Наивысшей степени всѣ эти явленія достигали черезъ 8—9 часовъ послѣ прививки, а къ утру слѣдующаго дня они исчезали; послѣ того *еще двое сутокъ* держалось общее недо-

[1]) *Врачъ* 1899 г., № 48; 1425.

моганіе и боль въ области укола, достигавшая *весьма высокой степени (больные дрожали при одномъ приближеніи руки къ мѣсту укола* и проч.) черезъ сутки послѣ прививки, когда подкожная клѣтчатка мѣста укола пропитывалась, подмышечныя и паховыя железы припухали, а въ $^1/_8$ *всѣхъ случаевъ воспалялись и лимфатическіе сосуды*".

Такой же результатъ въ видѣ гнилокровнаго заразнаго пораженія получился отъ противо-тифозныхъ прививокъ сывороткой и въ арміи англичанъ во время ихъ войны съ бурами. У привитыхъ солдатъ возникали: „головныя боли, чувство общей слабости, полный прыгающій пульсъ и покраснѣвшее лицо. Всѣ эти явленія наступали приблизительно спустя 6 часовъ послѣ впрыскиванія... Спустя же 12 часовъ появлялась страшная головная боль, жаръ и стрѣляющія боли на мѣстѣ впрыскиванія (въ паху), отдававшіяся въ спину, грудь и подмышечную впадину. Языкъ становился сухимъ и обложеннымъ. Температура на слѣдующій день достигла 39°. Все это проходило лишь черезъ 36 часовъ послѣ впрыскиванія"[1]).

Другой англійскій докторъ, Marshen, примѣнялъ такія же прививки съ предупредительной цѣлью на служителяхъ и сидѣлкахъ одного больничнаго учрежденія. Противотифозная сыворотка была привита 14 сидѣлкамъ изъ 22. Остальнымъ восьми прививки не дѣлались потому, что четверо уже болѣли брюшнымъ тифомъ, а другихъ четверо не пожелали подвергнуться прививкамъ. Въ результатѣ оказалось, что эти вотъ восемъ сидѣлокъ, не получившихъ прививокъ частью случайно, частью благодаря сказавшемуся у нихъ чувству самосохраненія, выручили изъ бѣды все больничное учрежденіе, очутившееся, благодаря „предохранительному лѣченію", въ теченіе почти двухъ сутокъ безъ больничной прислуги по той простой причинѣ, что „у *всѣхъ* 14 привитыхъ прививки вызвали сильную головную боль, иногда распространявшуюся и по всему тѣлу; въ нѣкоторыхъ случаяхъ были даже и судороги въ икроножныхъ мышцахъ; часто были тошноты, а у двухъ рвота; признаки общаго недомоганія исчезали только черезъ 36 часовъ, оставляя болѣзненность на мѣстѣ впрыскиванія"[2]).

Въ виду неблагопріятнаго результата д-ръ Jameson, главный врачъ англійской арміи, высказался самымъ рѣшительнымъ образомъ о безполезности прививокъ противотифозной сыворотки, такъ какъ изъ числа нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ южно-африканской арміи, подвергавшихся прививкамъ,

[1]) *Врачъ* 1900 г., № 19; 587.

[2]) Тамъ же, 1900 г., стр. 587; 188.

привитые офицеры заболѣвали потомъ брюшнымъ тифомъ, видимо, въ *большемъ* %, чѣмъ не привитые, и, что особенно важно, дали и *большую смертность* отъ этой болѣзни; у привитыхъ же солдатъ заболѣваемость тифомъ, хотя и была, повидимому, нѣсколько меньше, чѣмъ у непривитыхъ, но смертность отъ брюшного тифа у нихъ была *больше* [1]).

Что касается теперь *противочумныхъ* прививокъ, то и это не такое уже вѣрное и безопасное средство, какъ объ этомъ часто пишутъ газеты и говорятъ врачи. Такъ напр. проф. гигіены Фрейбургскаго университета, Schottelius, ѣздившій весною 1900 года въ Бомбей для изученія чумы на мѣстѣ, впрыснулъ себѣ на пути съ цѣлью предохраненія 10 куб. сант. противочумной сыворотки изъ института Pasteur'a. „Само впрыскиваніе,—говоритъ онъ,—не вызвало никакихъ объективныхъ явленій и только вокругъ укола вскочилъ, величиною въ серебряную марку, блѣдный волдырь, который черезъ $1^1/_2$ часа исчезъ. Но на другое утро, ровно черезъ 24 часа послѣ впрыскиванія, почувствовалась большая слабость, перешедшая черезъ $1^1/_2$ часа въ потрясающій ознобъ. Несмотря на господствовавшій зной, лихорадка колотила цѣлыхъ 3 часа при чрезвычайномъ изнеможеніи и жестокихъ головныхъ болях; пульсъ былъ ускоренный, твердый, дыханіе короткое и учащенное; черезъ 30 часовъ послѣ впрыскиванія сразу выступилъ необыкновенно обильный 3-часовой потъ, послѣ котораго д-ръ S. хотя и ослабѣлъ, но чувствовалъ себя очень хорошо. Съ началомъ озноба на мѣстѣ впрыскиванія показалась, величиною съ ладонь, рѣзко ограниченная, не приподнятая и не болящая краснота кожи, которая на слѣдующій день распространилась въ видѣ пояса, шириною въ ладонь, къ лѣвой подмышковой линіи и на такое же пространство вправо на переднюю брюшную стѣнку; двѣ другія красныя полосы тянулись отъ мѣста впрыскиванія въ лѣвую паховую область, какъ при остромъ воспаленіи лимфатическихъ сосудовъ; эта краснота кожи медленно исчезла въ теченіе слѣдующихъ 6 дней"... Однимъ словомъ, проф. S., боязни ради чумы въ будущемъ, претерпѣлъ весьма тяжелое гнилокровное зараженіе, сообщенное „лѣчебнымъ" средствомъ, при чемъ не было и полной гарантіи относительно предохраненія отъ заболѣванія, такъ какъ по словамъ проф. S., бывали случаи, „когда послѣ 2—3 и даже большаго числа прививокъ человѣкъ все же, въ концѣ концовъ, заболѣвалъ чумой" [2]).

---

[1]) *Врачъ*. 1900 г., № 26, 816.

[2]) *Вѣстникъ Обществен. Гигіены*, 1901 г., № 7, 1022.

Если бы отъ прививокъ на людяхъ мы перешли теперь къ прививкамъ на животныхъ, то здѣсь также нашли бы не мало краснорѣчивыхъ доказательствъ весьма большой ихъ опасности и сомнительной пользы. Выше упоминалось уже о Пастеровскихъ прививкахъ противъ собачьяго бѣшенства. Можемъ напомнить затѣмъ извѣстную исторію *сибиреязвенныхъ* прививокъ *на овцахъ* Панкѣева въ Херсонской губерніи, послѣ которыхъ стадо въ нѣсколько тысячъ голозъ все погибло отъ привитой сибирской язвы. Такой же случай былъ въ Днѣпровскомъ уѣздѣ въ имѣніи г-на Невстроева, у котораго среди привитыхъ овецъ, послѣ второй прививки, начался сильный падежъ и за короткое время пало до 500 штукъ [1]). Въ Курской губерніи тоже самое произошло со свиньями послѣ предохранительныхъ противоржистыхъ прививокъ, отъ которыхъ падежъ доходилъ до 46% [2]). Печально окончилась и проба предохранительныхъ прививокъ *сибирской язвы полярнымъ оленямъ* въ Печерскомъ уѣздѣ: изъ 240 головъ оленей на другой же день послѣ прививки пало 230 головъ, а черезъ день погибли и остальные. То же повторилось и при слѣдующихъ попыткахъ, вслѣдствіе чего мѣстные оленеводы окончательно отказались вѣрить въ спасительность подобныхъ прививокъ [3])...

Думаемъ, что довольно фактовъ и что всѣ они достаточно говорятъ, насколько оказывается непормальной лѣчебная медицина и въ концѣ 19-го вѣка—эта современная прививочная терапія, направляемая все той же общей идеей аллопатическаго противодѣйствія. А если принять, затѣмъ, во вниманіе, что такіе печальные прививочные опыты, какъ опыты проф. Высоковича, считаются „поощряющими“, чтобы ихъ продолжать „съ большимъ основаніемъ“ и „съ большой настойчивостью“, что такіе опыты, какъ опыты Marshen'a надъ больничнымъ персоналомъ, по мнѣнію автора виновника ихъ, должны „несомнѣнно“ говорить объ успѣшномъ „предохраненіи“ привитыхъ отъ тифозной заразы, что болѣе чѣмъ печальные результаты съ овцами Панкѣева объяснялись „случайной случайностью“, а падежъ овецъ у Невстроева послѣ прививокъ—заболѣваніемъ „овецъ натуральной сибирской язвой какъ разъ въ моментъ прививокъ“, что наконецъ „свинскіе“ опыты въ Курской губерніи съ немедленной потерей 46% животныхъ найдены даже „въ общемъ имѣвшими благопріятное теченіе“,— т. е., если принять во вниманіе ослѣпленное до умопомраче-

[1]) *Южный Край*, 1900 г., 28 мая и 16 іюня.

[2]) *Ветеринарное Обозрѣніе*, 1901 г. № 23, стр. 1039

[3]) *Южный Край*. 1899 г. 5 сентября.

нія увлеченіе врачей прививочнымъ направленіемъ, то нетрудно представить себѣ всю степень и весь размѣръ возможныхъ бѣдъ и вреда для общества и государства въ перспективѣ даже не особенно далекаго отъ насъ будущаго. Трудно вообразить болѣе могучую причину напрасныхъ болѣзней, смертей и неизбѣжнаго вырожденія людскихъ организмовъ, какъ эта медицина, систематически ихъ отравляющая и пропитывающая всевозможными гнило- и гное-кровными животными заразами и ядами болѣзней! Трудно выдумать лучшій способъ создаванія для общества и государства необычайныхъ и неожиданныхъ критическихъ положеній, когда, напримѣръ, въ военное время какими-нибудь сомнительными „предохранительными" противотифозными, противодизентерическими, противочумными и т. д. прививками по образцу „весьма поощряющихъ" опытовъ проф. Высоковича будутъ парализованы на два-три дня здоровье и боевая готовность цѣлыхъ полковъ и отрядовъ[1]), а въ мирное, но эпидемическое время—населеніе легко можетъ быть вызвано къ вполнѣ основательнымъ волненіямъ и безпорядкамъ противъ медицины и медиковъ [2]).

Подводя теперь общій итогъ всему, чѣмъ была и что дала русскому народу ученая лѣчебная медицина 19-го вѣка, оказывается, что въ общемъ этотъ итогъ отрицательный. Какъ знаніе и искусство медицина все столѣтіе блуждала по пути воображаемой научности аллопатическаго лѣчебнаго направленія, перепробовала на этомъ пути всевозможныя свои средства и способы и, не выпутавшись ни мало изъ пріемовъ чисто знахарскаго, пробующаго то или иное средство въ разсчетѣ на случайную удачу, эмпиризма, дошла въ концѣ концовъ до такого абсурднаго положенія, что перестала понимать

---

[1]) Въ *Южномъ Крат* отъ 21 мая 1904 г. читаемъ лишнее подтвержденіе сказанному: „Предохранительныя прививки. Отправляющимся 21-го мая на Дальній Востокъ пяти московскимъ земскимъ отрядамъ, по словамъ московскихъ газетъ, въ пятницу и въ субботу на прошлой недѣлѣ были сдѣланы предохранительныя прививки противъ брюшного тифа и дизентеріи. Дизентерійныя прививки прошли безболѣзненно; прививка брюшного тифа сопровождалась *довольно тяжелымъ болѣзненнымъ состояніемъ* у нѣкоторыхъ субъектовъ *почти въ теченіе 4-хъ сутокъ, при чемъ температура почти не спускалась ниже 40 градусовъ*. Теперь всѣ перенесшіе прививку уже вполнѣ оправились".

[2]) Выше мы упоминали объ общественномъ возмущеніи въ Германіи противъ врачебныхъ прививокъ, такъ что по требованію въ Рейхстагѣ правительство вынуждено было принять репрессивныя мѣры противъ медиковъ

сама себя: начала отрицать свойственную врачу роль и надлежащее медицинѣ предназначеніе. „Наше дѣло“,—говорятъ нынѣ врачи на своихъ всероссійскихъ съѣздахъ,—врачеваніе не „болѣзней“ и не „человѣка“, но „общества“ и его „общественныхъ золъ и недуговъ“. Лѣченіе болѣзней для врача это „узкая спеціальность“: дѣло врачей разрѣшеніе „сложныхъ“, „общихъ“ и „наболѣвшихъ вопросовъ русской дѣйствительности“, опредѣленіе „что необходимо для прогресса русской жизни“. Роль врача—главнымъ образомъ роль „учителя“, роль „общественнаго трибуна“. Дѣло врачей не въ „научной миссіи“, но въ „вопросахъ жизни государства, общества, семьи“, ихъ обязанность „расширять умственный кругозоръ молодежи и развивать гражданскія чувства“, они должны „поглубже глядѣть въ корень вещей и указывать на общественныя условія, которыя тормозятъ общественную инициативу и самодѣятельность общества“, такъ какъ въ нихъ „кроется весь залогъ успѣха врачебныхъ начинаній“... Безъ разрѣшенія такихъ „общихъ вопросовъ“, безъ „свободнаго развитія общественныхъ учрежденій съ ихъ раздѣленіемъ до самыхъ мелкихъ организацій“, безъ измѣненія „основаній земскаго и городского представительства въ смыслѣ расширенія состава этого представительства и его полномочій“, безъ установленія „мелкой земской единицы на началахъ самоуправленія и самообложенія“, безъ отмѣны „черты осѣдлости“ для іудеевъ, безъ введенія „свѣта, побольше свѣта“!—всеобщаго начальнаго образованія и т. п. „широкихъ“ „здравоохранительныхъ“ мѣръ... „невозможно дальнѣйшее движеніе дѣла раціональной подачи медицинской помощи населенію Россіи“ [1])...

Вотъ какой „лабарданъ“ представляетъ теперь русская лѣчебная „наука“, какъ результатъ вѣкового своего развитія на принципѣ аллопатическаго противодѣйствія... Дѣйствительная наука для „общественнаго“ медика стала презрѣннымъ „узкимъ“ дѣломъ; предметомъ его заботъ оказываются не реальные больные и не насущные интересы медицинскаго знанія, но отвлеченные принципы, химерныя идеи „широкаго дѣла“ (все по свѣту рыщемъ, исполинскаго дѣла ищемъ!)—„всеобщее оздоровленіе“, „всеобщее благо“. Настоящее дѣло подмѣнено, и упразднено пустозвонной фразой, неизмѣннымъ осталось только крѣпкое мертвой традиціей аллопатическое „противодѣйствующее“ направленіе и на его почвѣ эта пустозвонная фраза развилась и выросла до такихъ размѣровъ, что

[1]) *Журналъ Общества Русскихъ Врачей въ память Н. И. Пирогова*, 1904 г., №№ 1—2. „IX Пироговскій съѣздъ и проч.“.

наконецъ ею оказывается поглощеннымъ все представительство „науки“ отъ высшихъ ступеней ея общественнаго служенія вплоть до молокососнаго ея возроста, сидящаго еще на школьной скамейкѣ и обязаннаго заниматься прохожденіемъ лишь первой азбуки медицинскихъ знаній. Здѣсь, въ начальной школѣ, достаточно только профессору потребовать отъ будущихъ медиковъ мало-мальски положительнаго знанія начатокъ химіи или анатоміи, какъ „передовыми“ школьными элементами возбуждаются противодѣйствующія „оппозиціи“, „обструкціи“, „забастовки“, т е. прекращеніе всякихъ занятій наукою, во имя „широкихъ академическихъ реформъ“ или пресловутой „свободы совѣсти“ или „свободы печати“... Въ земствѣ врачи обструируютъ и бастуютъ „коллективной отставкой“, т. е. вдругъ обрекаютъ болѣющее населеніе цѣлаго уѣзда оставаться безъ медицинскаго пособія, во имя „земскаго выборнаго начала“ или „принципа коллегіальности“. На всероссійскихъ съѣздахъ своихъ цѣлые тысячи врачей громогласно, ни мало не стѣсняясь, упраздняютъ свою лѣчебную науку и прямое свое дѣло лѣченія больныхъ во имя „широкихъ“ тенденцій мнимаго либерализма и политической оппозиціи „господствующему режиму“ и т. д.

Кому же и для чего нужна на святой Руси такая „широкая“ медицина? „Общественные“ и „бытовые“ врачи увѣряютъ, что такая широкая медицина была, есть и будетъ нужна русскому народу, нужна для его семейнаго, общественнаго и государственнаго благополучія.

Нелѣпое суевѣріе!

Какъ учрежденіе санитарно-практическое, лѣчебная медицина всего 19 вѣка, съ перваго и до послѣдняго его дня, провела время крайне печально и имѣла безусловно дезорганизующее, разрушительное значеніе въ отношеніи общей экономіи народнаго здоровья и матеріальнаго благосостоянія. Злосчастный 19 вѣкъ безумно обезкровливался кровопусканіями, банками и пьявками, нелѣпо истязался и истощался рвотными, слабительными, моксами и заволоками, его нервная система старательно разрушалась острыми наркотиками, организмъ отравлялся фабричными антисептиками и жаропонижающими, и наконецъ всѣ фибры его органическаго существа стали пропитываться на самыхъ широкихъ якобы „научныхъ“ началахъ животной гнилью и всевозможными животными заразами.

Едва ли русскій народъ согласится когда-нибудь, что все такое было нужно и можетъ быть нужно для его сани-

тарнаго и экономическаго благополучія. Русскій народъ кажется довольно вразумительно выразилъ свое мнѣніе относительно значенія для него ученой медицины въ поговоркахъ и пословицахъ: „доктора лѣчутъ—да въ могилу мечутъ", „доктора не лѣчатъ—колѣчатъ", „не дастъ Богъ здоровья—не дастъ и лѣкарь", „та душа не жива, что по докторамъ попла" и т. д.,—и можетъ только благодарить Бога, что ему предопредѣлено было жить въ нуждѣ и бѣдности, не соблазнявшихъ „науку" удѣлять ему особенное свое вниманіе. Это вниманіе науки всецѣло было посвящено верхнему его слою—русской интеллигенціи, которая благодаря старательному научному надъ нею усердію и оказалась къ началу 20 вѣка сплошь почти малокровной, атонично-дряблой, неврастеничной, психопатичной, со всѣми явными признаками физическаго, умственнаго и нравственнаго вырожденія...

Д-ръ Б. Дюковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Отъ Севастополя до Портъ-Артура

(изъ писемъ покойнаго инженеръ-механика В. В. Звѣрева[1]).

Письмо 1-е.

Китай. *1899 г.*
Портъ-Артуръ. *февр. 13 дня.*

Здравствуйте, ура!

Привѣтъ нашъ горячій шлемъ Вамъ изъ нашего далека, не прекраснаго правда, но сноснаго и по своему хорошаго. Портъ-Артуръ сразу произвелъ на насъ успокоительное впечатлѣніе и потомъ мы такъ устроились, что ни я, ни Катя, до сихъ поръ ни разу не скучали. По крайней мѣрѣ, мы довольны, живы и здоровы.

Пишемъ это письмо въ надеждѣ, что Вы насъ помните и также живы и здоровы и по прежнему, самымъ симпатичнымъ образомъ ухаживаете за своимъ домомъ и садикомъ.

Какъ Вы сами видѣли, намъ очень было грустно разставаться съ Вами, но наступило время и мы ушли. Уѣхали-же мы изъ Севастополя не сейчасъ, а часовъ въ 7½ вечера и большую часть оставшагося времени провели на бульварѣ, въ кругу прочихъ нашихъ друзей. Уѣхали мы одни безъ прово-

[1]) Письма В. В. Звѣрева, павшаго смертью героя 14 марта при отраженіи японскаго ночного нападенія на Портъ-Артуръ, доставлены въ редакцію „Мирнаго Труда“ г-жей Ю. П. Шпажинской при слѣдующемъ письмѣ:

Милостивый Государь, Г. Профессоръ! Имѣя въ рукахъ письма покойнаго инженеръ-механика Василія Васильевича Звѣрева, геройски погибшаго на миноносцѣ „Сильный“ и писанныя ко мнѣ въ 1899 г. считаю себя обязанной ихъ обнародовать въ виду того интереса, какой они представляютъ теперь. Потому пытаюсь пристроить черезъ Ваше посредство столь цѣнные и въ литературномъ отношеніи документы, обращаясь къ Вамъ съ покорнѣйшею просьбою помѣстить прилагаемыя письма въ „Мирномъ Трудѣ“, предпославъ мое это „письмо къ редактору“.

12 Мая. Съ совершеннымъ почтеніемъ *Юлія Шпажинская.*

жатыхъ; было холодно и темно, не свѣтло было и на душѣ. При выходѣ парохода изъ Севастополя мы были все время на палубѣ и прохаживались, вспоминая Васъ и другихъ. Это насъ успокоило и мы поплыли смѣло. Море не хотѣло проводить насъ ласково, а все время бурлило, раскачивало пароходъ, какъ игрушку, и не давало покоя. Катя чувствовала себя плохо и только къ утру забылась коротким сномъ въ каютѣ, а то все была на верху, на свѣжемъ воздухѣ. Въ каютѣ и душно и какой-то острый запахъ, по всей вѣроятности отъ того, что многіе укачались и съ ними было скверно.

Пришли мы въ Одессу около 12 часовъ дня и сейчасъ же перебрались въ гостиницу. Въ Одессѣ мы прожили 8 дней, и очень непріятныхъ, такъ какъ все время были туманы и страшная сырость; бывали у Катиныхъ знакомыхъ.

Двадцатаго числа мы перебрались на пароходъ и въ этотъ же день, въ 5 час. вечера, въ страшный туманъ, послѣ молебна и долгихъ кликовъ „ура“ мы двинулись въ путь. Пароходъ нашъ, Добровольцъ „Владиміръ“, по истинѣ колоссъ, онъ 65 саженъ длины и 4 сажени глубины, онъ не пассажирскій, а товаро-пассажирскій, тѣмъ не менѣе взялъ 50 пассажировъ 1 класса, 100—2-го и 1000 новобранцевъ; грузу же взялъ 200000 пудовъ. Намъ съ Катей отвели отдѣльную каюту и мы провели въ ней совершенно одни 48 дней. Такъ счастливо мы устроились благодаря тому, что, какъ оказалось, контора за мной оставила еще 1 билетъ 1-го класса, но не отвѣчала мнѣ въ Севастополь потому, что думала, авось не оба пріѣдемъ. И то передъ самымъ отходомъ явился было въ нашу каюту одинъ господинъ, но увидѣвъ своими глазами, что она занята, ретировался и остался до слѣдующаго парохода. Мы его немножко пожалѣли. Всѣ семейные пассажиры были помѣщены въ отдѣльныхъ каютахъ, а холостые—въ четверныхъ и тройныхъ, душныхъ и тѣсныхъ до невозможности. Всѣ же дамы и дѣти второго класса были помѣщены въ одной общей каютѣ, а было ихъ 17 человѣкъ. Тѣмъ не менѣе весь путь вынесли всѣ, слава Богу, хорошо. Были 3 или 4 дамы-мученицы: онѣ укачивались даже при почти тихой погодѣ, но при входѣ въ портъ онѣ сразу воскресали, какъ по волшебству. Были и мужчины, которыхъ укачивало, но они чувствовали себя бодрѣе, а потомъ даже привыкли. Одинъ судейскій капитанъ сначала укачался даже въ Одессѣ, стоя у пристани отъ того, что увидѣлъ висящій въ наклонномъ положеніи подсвѣчникъ, а потомъ ничего, только все увѣрялъ, что море „зеленый змій“, а пароходъ „колеблющаяся платформа“.

Первый портъ нашъ былъ Константинополь. До него мы шли три дня, ибо былъ все время такой сильный туманъ, что даже глядя съ кормы, нельзя было видѣть носа; всю дорогу давали тревожные свистки и звонили въ колоколъ. Изрѣдка изъ тумана были слышны такіе же свистки съ другого встрѣчнаго парохода, тогда у насъ замедляли ходъ и свистѣли еще чаще; всѣ настораживались, но потомъ, не слыша болѣе чужихъ свистковъ, успокаивались. Все время было, какъ говорятъ на югѣ, сумно. Изъ за тумана не могли видѣть и полюбоваться входомъ въ Константинополь, а говорятъ, что онъ очень красивъ. Сейчасъ же при входѣ стали на якорь и простояли 6 часовъ. Такъ какъ отъ стоянки до города очень далеко и хотя легкій, но былъ туманъ, то въ городъ никто не поѣхалъ. Ко времени съемки съ якоря исчезъ туманъ, прояснилась погода и стало тепло такъ, что мы совсѣмъ позабыли о холодѣ, туманѣ и тревогахъ нашего пути изъ Одессы, тѣмъ болѣе, что тронувшись далѣе въ путь мимо Константинополя, раскинувшагося по обѣимъ сторонамъ пролива, мы не знали на что надо побольше посмотрѣть: такъ красивъ городъ и такая масса примѣчательныхъ мѣстъ. Кромѣ того, тутъ, въ самомъ центрѣ Константинополя, наши моряки съ посольскаго судна и съ кановерской лодки устроили намъ торжественные проводы: они насъ проводили на своемъ паровомъ катерѣ, то идя вровень съ нами, то обгоняя. „Ура“, то и дѣло перекатывалось, въ особенности же отличались наши новобранцы. Конечно, не обошлось и безъ того, чтобы въ той или другой группѣ пассажировъ не раздалось сожалѣнія о томъ, что медлятъ со взятіемъ Царь-Града, такъ какъ красавица Айя Софія парочно стала такъ высоко и величаво, чтобы русскіе шли прямо на нее, а не мимо, въ непроглядную даль. Послѣ пошли Дарданеллы, Архипелагъ и Средиземное море.

Въ Архипелагѣ, дѣйствительно, много острововъ и видно, что нѣкоторые заселены. Въ древности на нихъ жили еще и боги, но такъ какъ у ѣхавшей съ нами публики свѣдѣнія по этому поводу отсутствовали, то интересъ былъ сильно охлажденъ: горы, какъ горы.

Засимъ пошло Средиземное море. Эти три части мы прошли въ три дня и 24-го вечеромъ, въ 11 часовъ, мы были въ Портъ-Саидѣ; весь этотъ переходъ былъ очень хорошъ: было тихо, тепло и ясно и въ общемъ очень напоминало чудную октябрскую осень въ Севастополѣ, а такъ какъ было и море спокойно, то судовая жизнь потекла своимъ обыкновеннымъ порядкомъ: утромъ въ 8 час. чай, въ 11 час. завтракъ,

въ 3 часа чай, въ 6 ч. обѣдъ и въ 8 ч. вечера опять чай; отъ 12 до 2 или 2½ послѣобѣденный сонъ, а въ промежуткахъ между всѣми этими часами и завтраками, а также до 1 или 2 ч. ночи—карты. Словомъ, вели жизнь растительную; къ концу это даже и надоѣло, тѣмъ болѣе, что рестораторъ всегда угощалъ какими-то вычурными купаньями. Передъ Портъ-Саидомъ, впрочемъ, немного покачало и даже, пожалуй, не немного, а порядочно, такъ какъ всѣ дамы сразу легли костьми

Катя же моя на этотъ разъ, а впрочемъ, и потомъ, показала себя молодцомъ, ее не укачало, а такъ только немного поболѣла голова. Изъ-за качки Портъ-Саида ждали съ нетерпѣніемъ, и вотъ, когда на горизонтѣ кто-то первый увидѣлъ едва замѣтный даже моряку отблескъ или зарево маяка, надо было видѣть общее оживленіе. Всѣ повеселѣли, заговорили и начали собираться на берегъ, и въ моментъ отдачи якоря почти всѣ мужчины, какъ бомбы, бросились на шлюпки. Мы съ Катей остались и поѣхали на другой день. Двадцать четвертаго Катя и еще одна барыня оказались именинницами и по сему случаю былъ пирогъ и много тостовъ: день прошелъ очень весело. На другой день встаемъ или лучше вылетаемъ изъ каюты, такъ какъ слышимъ и музыку, и пѣніе, и шумный говоръ. Оказывается, на пароходъ уже наѣхали и расположились, какъ на ярмаркѣ, торговцы, музыканты и мѣняла: восточный базаръ; потомъ эта исторія повторялась въ каждомъ портѣ. Такъ какъ между продавцами не оказалось „эфіоповъ, видомъ черныхъ, и какъ угліе глаза“, то мы съ небольшой компаніей утромъ же уѣхали на берегъ, въ городъ. Городъ самъ по себѣ не производитъ хорошаго впечатлѣнія: это тотъ же нашъ Батумъ или Ѳеодосія, но онъ замѣчателенъ тѣмъ, что въ немъ встрѣчаются народы всего міра, и по сему онъ самый безнравственный во всѣхъ отношеніяхъ, и жители: туземцы, арабы и феллаки, наглы до чрезвычайности, особенно съ русскими. Должно быть въ насъ есть что-нибудь такое, чего у другихъ нѣтъ, такъ какъ, во-первыхъ, насъ вездѣ, хотя мы и въ штатскомъ, узнаютъ, а во-вторыхъ, вездѣ съ насъ дерутъ и дерутъ безбожно. Здѣсь же прямо грабили. На что кажется вывѣшены таксы на ялики и проводниковъ и на что полиція, турецкая, которая за этимъ смотритъ? Чтобы грабить! такъ какъ чуть дѣло къ расплатѣ, то полицейскаго уже нѣтъ, а эти негодяи начинаютъ на скверномъ англійскомъ языкѣ и своемъ родномъ перетолковывать таксу по своему, да вдобавокъ просятъ бакшишъ, пароходъ же вотъ вотъ уйдетъ; ну и даешь, что нужно ему; на берегу мы купили лонгшезы,

вѣера, бинокль и бѣлое платье (костюмъ) для тропиковъ. Вотъ это здѣсь дешево: бѣлая тройка, лучшая стоитъ 5—7 рублей, а сносная—3 р. 50 к. Наши деньги и здѣсь и далѣе идутъ хорошо, здѣсь за бумажки даже даютъ больше: имъ почтѣ меньше платить.

Въ 2 часа дня 25-го мы уже тронулись и пошли Суэцкимъ каналомъ. Шли имъ два дня и малымъ ходомъ. Заразъ по нему можетъ идти только одно судно, а если случится встрѣчное, то оно ждетъ въ опредѣленномъ мѣстѣ; такихъ мѣстъ два. Намъ встрѣтились два парохода, по одному въ каждомъ мѣстѣ и они насъ поджидали. Хотя они были и иностранные, тѣмъ не менѣе мы обмѣнялись съ ними кликами „ура“. Каналъ весь обставленъ знаками для означенія фарватера и ночью эти знаки съ судна освѣщаются электричествомъ, а берега его засажены кустарникомъ. По бокамъ канала направо пустыня и налѣво пустыня, ровная какъ столъ и безотрадная; только озера какія-то вдали, да надъ ними тучи птицъ. Развлекали же насъ арабчата, бѣжавшіе все время по берегу за пароходомъ въ чаянiи, что кто нибудь броситъ въ воду хлѣбъ или табакъ; тогда эта дѣтвора бросалась въ воду, ныряла, выплывала, схватывала, плыла на берегъ, бросала куда-нибудь въ яму и опять бѣжала и кричала: „русъ, русъ, табакко“, бросались они въ воду и въ платьѣ и безъ платья, а было почему то такъ холодно, что по утрамъ мы видѣли на берегу ипей. Мы все жаждали увидѣть пальмы и, наконецъ, у конца канала ихъ увидѣли, увидѣли и оазисы, эти зеленые острова среди моря пустыни. Тутъ уже было надъ чѣмъ уставиться глазу и бинокли такъ и переходили съ рукъ на руки. Въ концѣ канала стоитъ Портъ-Суэцъ, въ немъ мы простояли всего два часа и пошли Краснымъ моремъ. Недалеко отъ конца канала показываютъ виллу Моисея, мѣсто, гдѣ онъ переправилъ своихъ израильтянъ; при прорытiи канала тутъ нашли массу древне-египетскаго оружiя, колесницъ и проч.

Красное море лежитъ между двухъ печей, Сахары и Аравiи; насъ еще въ Одессѣ пугали обычной въ немъ жарой; говорили, что жара даже нестерпима. Ничуть не бывало! Обыкновенная севастопольская октябрьская погода. Въ этомъ случаѣ мы были очень счастливы. Жары мы не ощущали до самаго острова Цейлона, исключая, впрочемъ, Адена.

На шестой день по выходѣ изъ Портъ-Саида мы пришли въ Аденъ. Весь этотъ путь также прошелъ благополучно и также въ концѣ его, передъ Аденомъ, насъ немного встряхнуло. Потомъ мы уже знали впередъ, гдѣ насъ тряхнетъ: въ каждомъ встрѣчномъ проливѣ.

Въ Аденѣ мы увидѣли уже все оригинальное, не то, что въ Константинополѣ или Портъ-Саидѣ. Одинъ видъ Адена чего стоитъ!

Черная громадная скала, небольшой бѣленькій городъ и жгучее солнце: а въ общемъ мѣсто, которое, какъ говорятъ, проклялъ Богъ и люди.

Здѣсь люди поживутъ три года и уѣзжаютъ домой на 2 или 3 мѣсяца, а потомъ опять сюда... Въ Аденѣ торговцы навезли страусовыхъ перьевъ, яицъ и палочекъ для чистки зубовъ, вмѣсто нашего порошка. Перья дешевле, чѣмъ въ Россіи, какъ говоритъ Катя, разъ въ десять. Я купилъ палочки для зубовъ и попробовалъ было; ничего, палочка сейчасъ же дѣлается на концѣ мягкою, но только я до сихъ поръ еще не могу отвыкнуть отъ того, чтобы при воспоминаніи о нихъ у меня не сводило челюсти. Вотъ и сейчасъ, какъ будто морозъ по челюстямъ...

Кромѣ того, тутъ мы увидѣли настоящихъ негровъ и еще сомалійцевъ; удивительно это красивый и стройный народъ—сомалійцы, и разбойники при этомъ большіе. Говорятъ, что они при случаѣ даже людоѣды. Они живутъ какъ разъ на берегу Африки и Азіи, при выходѣ изъ Адена. Выходъ не безопасенъ въ отношеніи подводныхъ камней и его пробовали обставлять маяками; построятъ англичане маякъ, посадятъ туда людей и думаютъ: теперь суда не будутъ терпѣть крушенія. Но проходитъ немного времени и нѣтъ ни маяка, ни людей. Тогда пошли на компромиссъ: все съ разбившагося судна сомалійцы могутъ брать себѣ, а людей должны спасти и за плату кормить. У насъ на пароходѣ они плясали свой національный танецъ. Негры не красивы и отличались своимъ головнымъ уборомъ: голова какъ у одуванчика покрыта кругомъ мелкими кудрями, заплетенными въ мелкія же косички. Эти тоже танцовали, но нѣтъ и сравненія съ сомалійцами. Какъ особенность: во время танцевъ сомалійцы какъ-то особенно громко хлопаютъ въ тактъ въ ладоши и локтями о тѣло. Всѣ полуодѣты, а мальчишки совсѣмъ безъ всего. Эти все время кричатъ со шлюпки: „à la mer, à la mer!“ Это для того, чтобы имъ съ парохода бросили въ воду монету: тогда они ныряютъ за ней. Рядомъ съ нами стояли два парохода и почти въ одно время мы съ ними пришли въ Аденъ, но у тѣхъ пароходовъ не было ни продавцовъ, ни этого гама мальчишекъ „à la mer, à la mer“.—То были не русскія, очевидно, суда. Простоявъ здѣсь часовъ шесть, мы пошли мимо острова Сокоторы въ Индійскій океанъ.

Его величество океанъ встрѣтилъ и обращался съ нами самымъ добродушнымъ образомъ. Вообще, онъ всегда такой, но если придетъ въ гнѣвъ, то ярость его необычайна. Впрочемъ гнѣвается онъ только въ опредѣленное разъ на всегда время, и мы знали впередъ, что въ эту пору онъ безобиденъ и вполнѣ надеженъ, не то что какіе-нибудь тамъ морешки, вродѣ Чернаго, Чермнаго или Китайскаго. Океаномъ мы плыли 9 дней. Вотъ ужъ поистинѣ кругомъ вода, да небо, да зыбь морская колышется. Ни одного парохода даже не встрѣтили. На шестой день поэтому публика на колеблющейся платформѣ замѣтно пріуныла, многіе впали въ меланхолію и стали поругиваться, а съ дамской стороны вдобавокъ пошли сплетни. Къ счастью, это продолжалось не много времени, такъ какъ черезъ два дня вечеромъ показался огонь единственнаго на всемъ пути маяка, лежащаго на коралловыхъ островахъ, за сутки хода до Цейлона. Маякъ открыли въ заранѣе назначенное время, а это значило, что на протяженіи 2100 миль, которыя между Аденомъ и Цейлономъ, корабль не сбился съ пути и скоро будетъ твердая земля. Сразу настало общее оживленіе и забылись дрязги. А что бы сказала эта публика, если бы ей, вмѣсто медленно, но вѣрно идущаго все впередъ парохода, предложили совершить сей путь на парусномъ суднѣ, на игрушкѣ вѣтра и валовъ? Разсказываютъ, что недавно одинъ пароходъ Добровольнаго флота встрѣтилъ недалеко отъ Адена парусное судно, которое держало сигналъ „очень радъ васъ видѣть“; тогда съ парохода его спросили сигналомъ, предварительно поблагодаривъ, „что случилось?“ Отвѣчаетъ: „сорокъ дней на одномъ мѣстѣ и васъ вижу первымъ“!

Оживленіе достигало своего maximum'а въ 12 час. дня, когда на географической картѣ нашего пути привѣшивали, какъ и каждодневно, число пройденныхъ за сутки миль и число оставшихся; тогда держали пари на то, кто и когда увидитъ берегъ первымъ, и на часъ прихода; тогда переставали ругать пароходъ, а, наоборотъ, даже начинали его называть ласково и хвалить капитана и его офицеровъ.

Тогда все старое прощали ресторатору, такъ какъ онъ также бросалъ свою меланхолію и начиналъ кормить самымъ отличнѣйшимъ образомъ; онъ это зналъ, должно быть, хорошо, потому что и впослѣдствіи: чуть мы изъ порта—онъ кормитъ дурно, чуть мы въ портъ—кормитъ чудесно. Тогда даже прощали новобранцамъ ихъ выкрикиванія, раздававшіяся съ 9 ч. до 10 ч. и съ 3 ч. до 4 или 5 ч. въ родѣ: „Плохо ребята“: „постараемся ваше прев—во!“, „спаснбо молодцы“, „рады

стараться ваше прев—во!" Или же заунывное отсчитываніе: „р-а-а-а-зъ", „д-в-а-а"—при гимнастикѣ и „ррразъ"!!! Дввва! при строевомъ ученіи.

Къ тому же становилось все теплѣе, былъ легкій вѣтерокъ, небо ясное съ рѣдкими облачками дивной окраски; говорятъ, что только здѣсь они такъ чудно окрашены, а больше нигдѣ. На Цейлонъ, въ портъ Коломбо, пришли часовъ въ 8 вечера. Было тепло и влажно, какъ въ банѣ. Масса всякаго рода огней придавала городу очень красивый видъ, а мы съ Катей даже нашли большое сходство съ Севастополемъ и показывали публикѣ Графскую, бекешку, театръ и пр.; утромъ, конечно, не оказалось ничего похожаго; на берегъ мы на ночь не поѣхали, а отправились туда рано утромъ. Въ тотъ день какъ разъ у англичанъ было Рождество. Сначала мы поѣхали за городъ полюбоваться окрестностями, а оттуда проѣхались по городу. При сходѣ со шлюпки насъ встрѣтилъ полисменъ, вѣжливо выслушалъ наше желаніе посмотрѣть окрестности, нанялъ экипажи, разсадилъ, и, сказавъ „allright", отправилъ. По дорогѣ къ намъ, впрочемъ, увязался проводникъ. Какъ городъ, такъ и окрестности, мы объѣхали часа въ четыре и за это время видѣли такъ много невиданнаго, что положительно въ концѣ концовъ устали и у насъ у всѣхъ заболѣла голова. Начать съ того, что какъ городъ, такъ и окрестности всѣ въ зелени, которая какъ въ травѣ, такъ и въ пальмахъ и прочихъ деревьяхъ имѣетъ къ тому же какой-то жирный отблескъ, и, кажется, что дай только ножки какому-нибудь листу, такъ онъ сейчасъ же начнетъ жить; сама земля красная и также жирная и тоже видомъ своимъ какъ бы наталкиваетъ на мысль, что изъ нея не трудно сдѣлать что-либо живое, тѣмъ болѣе, что здѣсь всѣ для этого самыя благопріятныя условія: сильная влага и сильное тепло. Здѣсь все настолько хорошо растетъ, что жителямъ нечего и безпокоиться о пропитаніи: кокосы, бананы, хлѣбное дерево и пр., сами сбрасываютъ съ своихъ недосягаемыхъ верхушекъ нужное людямъ: подбирай только. Посему жители облѣнились, отвыкли отъ борьбы съ природой, опростились и создали даже религію, по которой большой грѣхъ убить таракана или даже вошь. „Будьте кротки и милосердны, не противьтесь злу, все произошло изъ ничего и обратится въ ничто; человѣкъ зловонный (pardon) сосудъ, въ немъ 7 отверстій, черезъ которыя онъ портитъ воздухъ; надо воздержаніемъ стараться очиститься и спастись, тогда можно будетъ избѣжать перерожденія въ какую-нибудь крысу или свинью и достигнуть вѣчной Нирваны; это доступно для всѣхъ

кастъ, для бѣдныхъ и богатыхъ, высокихъ и низкихъ, и рабовъ. Такъ учитъ Будда, великій ихъ учитель; у нихъ есть и боги, и святые, но выше ихъ всѣхъ Ничто. Мы осматривали ихъ храмы; они здѣсь очень простые, одна или двѣ бѣлаго мрамора статуи Будды, живопись изъ его чудесъ[1]) и два или три дьявола при входѣ, но въ глубинѣ Индіи, а особенно, въ Тибетѣ храмы ихъ верхъ роскоши и похожи по обстановкѣ, статуямъ и облаченію духовенства на католическіе (говорятъ, что первые католическіе миссіонеры въ Тибетѣ сначала не хотѣли вѣрить своимъ глазамъ и приписывали навожденію дьявольскому). Буддѣ приносятъ цвѣты, много цвѣтовъ. Теперь, впрочемъ, ихъ религія устарѣла и чахнетъ; при расцвѣтѣ ея здѣсь, на Цейлонѣ, были славныя царства и столицы съ прямыми, какъ стрѣла, улицами, съ купами деревъ на каждомъ углу, съ громаднымъ войскомъ; теперь ничего похожаго: народъ впалъ въ дѣтство и живетъ въ грязнѣйшихъ лачужкахъ, впрочемъ, онъ живетъ всецѣло на улицѣ, а въ домѣ только спитъ; по дорогѣ мы сами видѣли, какъ они и дѣтишекъ моютъ, и готовятъ себѣ обѣдъ, и брѣются на порогѣ своихъ хижинъ.

Они очень привѣтливы, по дорогѣ насъ часто привѣтствовали словомъ „айбо, руссика“—„здравствуйте русскіе“ и дамамъ даже бросали букеты и цвѣты, а мы имъ кричали „мамданбо“—„я васъ люблю“ и научили ихъ слову „малина“, бывало, что они, особенно ихъ мальчишки, гурьбой бѣжали за нами и кричали „малина“. Это я ихъ выучилъ, такъ какъ въ тотъ день у меня почему то, при видѣ всего такого хорошаго, чего тамъ такъ много, это слово такъ и вертѣлось на языкѣ. Проводникъ спросилъ, что значитъ это слово; я сказалъ, онъ былъ радъ и потомъ все время его повторялъ при каждомъ удобномъ случаѣ. Такъ устраивали мы съ ними альянсъ. Англичанъ они боятся, такъ какъ тѣ съ ними не церемонятся и праваго и неправаго одинаково бьютъ; такой способъ обращенія у нихъ выработался вѣками и не даромъ ихъ зовутъ шикарными и умнѣйшими колонизаторами: шикарными потому, что устраиваютъ вездѣ чудныя дороги и казармы, а умными потому, что не признаютъ сантиментальности съ этими полуживотными-людьми: здѣсь у нихъ простой солдатъ выглядитъ какъ нашъ дореформенный городничій, а полковникъ, какъ персидскій шахъ; вдобавокъ, обставлены они въ денежномъ отношеніи превеликолѣпно. За то у нихъ и порядокъ образцовый и доходы льются рѣкой. Съ прогулки мы заѣхали въ

[1]) Живопись какъ въ нашихъ деревенскихъ церквахъ, меня даже разобралъ какой-то страхъ.

англійскую церковь и насладились чуднымъ пѣніемъ, въ которомъ сами приняли горячее участіе, и за сіе были поощрены милыми улыбками англійскихъ дамъ, которыя сейчасъ же какъ мы засѣли, снабдили насъ молитвенниками и предупредительно указали нужный псаломъ; уходя мы книжечки возвратили и тоже состроили по улыбкѣ съ прибавленіемъ „мерси".

Съ нами было двое купцовъ, супруги, оба претолстые, тѣ молились у англичанъ, какъ у себя въ Саратовѣ.

Возвратясь на пароходъ, увидѣли на немъ восточный базаръ и множество кругомъ парохода лодочекъ, пирогъ и просто бревенъ, на которыхъ голые мальчишки лихо напѣвали та-ра-ра-бум-бію и за 10 коп. бросались въ воду, подъ пароходъ; базаръ же состоялъ изъ драгоцѣнныхъ камней и издѣлій изъ чернаго дерева и слоновой кости, а также лонгшезовъ. Чудные слоны, чудныя шкатулки, отмѣнныя пуговицы и перстни: и все гораздо дешевле, чѣмъ въ Россіи. Торговали тѣ-же туземцы, но магометанскаго исповѣданія: народъ красивый, дородный и стройный; туземцы же потоще, но тоже очень красивы и не носи они вокругъ ногъ узкой юбки и не захватывай свои чудные длинные волосы гребенкой, то были бы тѣ-же европейцы, но только не бѣлые, а туземно-коричневые, а пятки и ладони рукъ у нихъ такого же цвѣта, какъ и у насъ. Они свое тѣло намазываютъ какимъ-то масломъ; я попробовалъ было одного мальчугана потрепать за щеку, такъ у меня сразу стали пальцы какъ-то зудѣть: едва отмылъ. Кстати, на счетъ туземцевъ; у насъ была фотографія и вотъ мы во время прогулки, вездѣ, гдѣ только видъ былъ хорошъ, снимались съ нимп; пріѣдемъ, покажемъ.

Въ трехъ дняхъ отъ Коломбо есть мѣстечко Кенди, гдѣ, по преданію, былъ рай и гдѣ, говорятъ, такъ чудно красиво, какъ нигдѣ въ мірѣ, но мы не поѣхали туда, такъ какъ пароходъ стоялъ не болѣе дня.

Изъ Коломбо пошли въ Сингапуръ, самую южную часть нашего пути: всего $1^1/_2$ градуса до экватора, а посему страшная здѣсь жара; потъ лилъ ручьями и у всѣхъ начиналась тропическая сыпь, едва замѣтная, но отъ которой при малѣйшемъ движеніи въ тѣло какъ бы вонзаются тысячи иголокъ; впрочемъ, это только въ каютѣ, на вѣтру же она менѣе чувствительна. Отъ жары и сильный обмѣнъ веществъ: цѣлый день только и дѣлали, что ѣли, да пили и все мало. Особенно досталось апельсинамъ, ихъ даже не ѣли, а сосали; безъ нихъ же было бы очень плохо. Въ Сингапурѣ мы простояли три дня и это потому, что надо же было хоть разъ да спустить

новобранцевъ на берегъ, а то они всѣ порты видѣли только съ палубы; боялось дезертировки ихъ начальство.

На семъ пока прерываю описаніе до слѣдующаго раза, такъ какъ завтра уходитъ въ Россію пароходъ „Екатеринославъ".

Письмо 2-е.

Портъ-Артуръ. *Февраля 18 дня 1899 г.*

Дорогія Софья Михайловна и Юлія Петровна

Еще разъ здравствуйте!

Шлемъ вамъ нашъ горячій привѣтъ, желаемъ добраго здоровья и счастія. Продолжаю письмо.

Коломбо и Сингапуръ взаимно дополняютъ другъ друга и въ общемъ даютъ полную картину того, что можетъ произвести мать природа при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, или лучше, при возможныхъ на нашей землѣ лучшихъ условіяхъ. Здѣсь мы видѣли на свободѣ и въ полномъ расцвѣтѣ силъ все то, что показывается у васъ, въ Россіи, въ звѣринцахъ и ботаническихъ садахъ и на что есть большой намекъ въ сказкахъ: „У лукоморья дубъ зеленый... тамъ чудеса, тамъ лѣшій бродитъ, русалка на вѣтвяхъ сидитъ, тамъ лѣсъ и долъ видѣній полны и о зарѣ нахлынутъ волны... избушка тамъ на курьихъ ножкахъ... въ темницѣ тамъ царевна тужитъ, и бурый волкъ ей вѣрно служитъ".

И въ самомъ дѣлѣ, орангутанги ростомъ болѣе человѣка и очень на него похожи; въ Индіи, на Цейлонѣ, есть племя Веддыили Вегги, не помню, нѣжнаго сложенія и живутъ на деревьяхъ, на которыхъ скачутъ, какъ бѣлки. Каждый день тамъ бываютъ приливы и отливы и разница въ уровнѣ воды мѣстами доходитъ до 70 футъ. А въ Сингапурѣ мы встрѣтили и избушки на курьихъ ножкахъ, въ которыхъ живутъ малайцы и сообщеніе съ которыми производится на лодкахъ; избушка просто состоитъ изъ одного или двухъ чулановъ, расположенныхъ на двухъ или 4 жердочкахъ, воткнутыхъ въ дно болота.

Самъ же городъ Сингапуръ населенъ по преимуществу китайцами и поселки имѣютъ вполнѣ китайскій видъ: маленькіе домики съ коническими черепитчатыми крышами и вездѣ полнымъ полно женъ и дѣтей. Движеніе по улицамъ страшное и смотря по нему можно сказать смѣло, что городъ имѣетъ около 500,000 жителей. Англичане это мѣсто купили лѣтъ 20—25 тому назадъ у одного индійскаго раджи за очень

маленькую сумму: теперь этому мѣсту даже цѣны нѣтъ во всѣхъ отношеніяхъ, а особенно въ военномъ, такъ какъ Сингапуръ лежитъ у пролива изъ Китайскаго моря въ Индійскій океанъ; это у нихъ третій ключъ на міровой дорогѣ: 1) Суэцкій каналъ, 2) Аденъ и 3) Сингапуръ. Если же сюда прибавить Гибралтаръ, Дарданеллы и Ла-Маншъ, то выходитъ, что они фактически почти что полные хозяева всего міра. Впрочемъ и мы не зѣваемъ, по крайней мѣрѣ то, что мы вырываемъ у нихъ изъ зубовъ очень мило и со временемъ будетъ однимъ изъ лучшихъ украшеній короны. Портъ-Артуръ,— портъ хорошій, климатъ зимою чудный, вѣчно ясное небо и попеременно то холодно (2°—3°—5°—8°), то тепло. Зима лучше, чѣмъ въ Севастополѣ; рейдъ не замерзаетъ, да и не можетъ замерзнуть, такъ какъ приливъ доходитъ до 12—16 футъ. Дайте только милліоны и это будетъ второй Севастополь. Будетъ страшно жалко, если почему либо вздумаютъ возвратить его китайцамъ или отдать японцамъ, или-же оставять такъ, какъ достался, а его такъ легко расширить и углубить! Три дня въ Сингапурѣ мы провели такъ: первый день были на народномъ гуляньи и въ ботаническомъ саду, второй день были въ музеѣ и окрестностяхъ, а на третій—дѣлали закупки и осматривали ананасную фабрику и китайскіе храмы. Народное гулянье было устроено по случаю новаго года (новый стиль). Тутъ мы насмотрѣлись на народныя состязанія и на ловкость англійскихъ гимнастическихъ обществъ, а также на само населеніе, которое сильно перемѣшано съ индуссами; кстати попробовали и дароваго англійскаго угощенія, грога. Народу было сотни тысячъ и множество экипажей, но порядокъ вездѣ былъ образцовый. Ботаническій садъ расположенъ, конечно, подъ открытымъ небомъ. Не знаю почему, но при входѣ въ него усажены длинными грядками наши левкои и ночныя красавицы и надпись по *русски*: „просятъ собакъ не водить, деревьевъ не ломать и т. д.“. Даже сія надпись была намъ мила. Въ саду есть цѣлыя озера и въ нихъ дивной красоты утки и лебеди, а также и небольшой зоологическій садъ, полный обезьянъ, боа, аллигаторовъ и казуаровъ; при насъ одна обезьяна вмигъ стащила со шляпы одной барыни шпильку и ну съ ней летать по клѣткѣ; сторожу-же она шпильку отдала сразу.

Боа и аллигаторы вѣчно спятъ, но мы ихъ разбудили, просунувъ въ клѣтки по толстой желѣзной палкѣ; тогда они проснулись, но когда узнали въ насъ русскихъ, то сейчасъ же снова закрыли свои глаза и уснули.

На второй день осматривали музей, на него мы потратили часовъ 5: такъ онъ богатъ и громаденъ; тутъ и звѣри, и гады, и птицы, а также рыбы, кораллы и насѣкомыя и все въ самыхъ различныхъ позахъ и возрастахъ. Однихъ орангутанговъ штукъ 15; каждый отдѣлъ имѣетъ по громадной залѣ и по тысячамъ экземпляровъ. Здѣсь начались народныя ко мнѣ симпатіи. Дѣло въ томъ, что я, ѣдучи во всемъ бѣломъ, носилъ вмѣсто шляпы феску, которая давала мнѣ самый настоящій турецкій видъ, тѣмъ болѣе, что я еще на Цейлонѣ остригся чуть не подъ бритву. Увидѣли мы съ Катей здѣсь въ числѣ посѣтителей одну дѣвушку туземку-индуску и намъ очень захотѣлось хорошенько осмотрѣть весь ея костюмъ и ее самое, такъ какъ она была прехорошенькая и вся въ украшеньяхъ. Къ нашему удивленію, дѣвица сія и ея мать не только не отвернулись отъ насъ, какъ это дѣлали съ другими, а наоборотъ, стали и въ свою очередь разсматривать насъ и на мимическую нашу просьбу дѣвица показала весь свой унизанный кольцами носикъ и уши, а также браслеты на локтяхъ и запястьяхъ ногъ, а мамаша засыпала меня какими-то вопросами, изъ которыхъ я понялъ только то, что они мусульмане-индусы и меня принимаютъ тоже за мусульманина и что онѣ рады видѣть здѣсь на крайнемъ востокѣ турку. „Алла разжанъ“ сказалъ я послѣ долгихъ думъ и надо было видѣть ихъ радость. Дѣло въ томъ, что очень многіе индусы—магометане, и посему сильно тяготѣютъ всѣмъ сердцемъ къ туркамъ, видя и чувствуя въ нихъ защиту отъ англичанъ.

Въ другой разъ вечеромъ меня окружила цѣлая толпа и по русски спросила „твоя мусульманъ?“ Yes, yes, отвѣчалъ я, немного растерявшись. Тогда толпа, немного не вѣря, такъ какъ я сказалъ „да“ по англійски, а не по турецки, просила снять феску и показать голову. Разобравъ въ чемъ дѣло, я снялъ феску и тогда всѣ эти черномазыя бородатыя рожи поклонились мнѣ глубоко и пожелали счастливый путь.

Въ третій разъ мусульманамъ торговцамъ очень не хотѣлось, чтобъ я зашелъ посмотрѣть китайскій храмъ. Они мнѣ кричали „твоя мусульманъ, твоя мусульманъ“ и знаками предостерегали отъ входа туда.

Но мы пошли.

Въ храмѣ очень красиво, не богато, но изящно и ничто не имѣетъ дикаго вида. Три алтаря въ родѣ католическихъ и за жертвенникомъ по небольшому идольчику, а на граняхъ жертвенниковъ фигурныя украшенія изъ жизни боговъ или святыхъ. Осмотрѣвъ храмъ, мы дали служителю по 50 коп., купили по

свѣчкѣ и дали еще на то, чтобъ онъ насъ записалъ на молитву или что другое, не помню. Помню только, что сей жрецъ до того возликовалъ, что началъ во всю мочь бить въ било, въ гонгъ, звонъ котораго раздался сразу очень далеко. Мы отъ неожиданности вздрогнули и подумали, что онъ хочетъ устроить намъ рѣзню. Скорѣе на извозчиковъ, да давай Богъ ноги! А свѣчки потомъ выбросили, такъ какъ онѣ еще дорогой на пароходъ начали таять.

Разъѣзжая по городу, мы заходили во всевозможныя лавки и закупали разнаго рода бездѣлки и фрукты и все это складывали въ наши экипажи. Изъ фруктовъ покупали ананасы, бананы, померанцы и мангустаны. Мангустаны всего вкуснѣе, но до того нѣжны, что не выдерживаютъ нѣсколькихъ дней; съ виду они похожи на несозрѣвшій еще вполнѣ грецкій орѣхъ, только кожица темно-красная и очень маркая, а самый плодъ состоитъ изъ 8—10 отдѣльныхъ бѣлыхъ мясистыхъ зеренъ, тающихъ во рту. Этихъ мангустановъ никакъ не удавалось никому довезти до Европы, но года 3 или 4 тому назадъ одному изъ нашихъ инженеръ-механиковъ это какъ-то удалось и онъ преподнесъ ихъ бывшей тогда проѣздомъ въ Одессѣ Государынѣ Императрицѣ, Маріи Ѳеодоровнѣ.

Ананасы—плодъ особой породы кактусовъ; здѣсь ихъ родина и посему они очень дешевы; но покупать ихъ надо осторожно и не класть въ каюту, такъ какъ въ остаткахъ листьевъ часто встрѣчаются скорпіоны. Пароходное начальство даже запретило пускать ихъ на пароходъ съ необрѣзанными листьями. Впрочемъ, говорятъ, что укусъ обезвреживается, если больное мѣсто смазать раздавленнымъ скорпіономъ. Консервованные ананасы гораздо вкуснѣе, такъ какъ на фабрикѣ ихъ кипятятъ въ особомъ сиропѣ и въ ихъ собственномъ соку. Жители, очевидно, не особенно любятъ ананасы въ консервахъ, но мы изъ-за нихъ обѣгали почти всѣ лавки и магазины и нашли только на фабрикѣ, на которой съ насъ не преминули содрать, хотя и по прейсъ-куранту. По крайней мѣрѣ, мы даже здѣсь, въ Портъ-Артурѣ, платимъ за нихъ дешевле.

Разъѣзжали мы въ Сингапурѣ на рѣзвыхъ и быстрыхъ маленькихъ бычкахъ, на уносливыхъ пони и на человѣкахъ-дженерикши [1]); все это дешево, а дженерикши дешевле всего и нѣсть имъ числа. На дженерикшѣ ѣхать можно только одному, такъ какъ колясочка его маленькая, вродѣ дѣтской, но я видѣлъ матросовъ, которые мало того, что забирались по двое,

[1]) Катя не любитъ ѣздить на дженерикшахъ, такъ какъ ей непріятно видѣть человѣка, обратившагося въ животное.

да еще зонтъ нагружали своими покупками. На дженерикшахъ мы катались по вечерамъ, когда городъ до 9 часовъ имѣетъ замѣчательно красивый видъ потому, что всюду фонарики: вверху, внизу, въ рукахъ людей; прямо иллюминація. Но послѣ 9 часовъ тьма кромѣшная и не смотря на это мы безбоязненно ѣхали на пароходъ, такъ какъ, во первыхъ англичане до того выдрессировали туземцевъ, что европейца пальцемъ не тронутъ и развѣ только стащутъ съ головы шляпу, а во вторыхъ полисменъ уже записалъ № вашего возницы, какъ только вы усѣлись. Впрочемъ, у одного изъ нашихъ мичмановъ шляпу таки стащили. Здѣсь пароходъ стоялъ у пристани, а въ Коломбо на рейдѣ. Тамъ надо непремѣнно требовать, чтобъ полицейскій записалъ № ялика, на которомъ вы возвращаетесь ночью на пароходъ, такъ какъ иначе и ограбятъ и убьютъ: „чики-чики“.

Передъ уходомъ капитанъ получилъ телеграмму, что въ Китайскомъ морѣ вѣтеръ въ 6 балловъ (12 балловъ—ураганъ, 0 балловъ—штиль). Тѣмъ не менѣе мы въ назначенный срокъ снялись и пошли въ Портъ-Артуръ. Путь лежалъ прямо на сѣверъ и это сейчасъ же сказалось пониженіемъ температуры. Капитанъ увѣрялъ, что за два первыхъ дня онъ ручается и говорилъ, что будетъ тихо, но мы не отошли и 10 миль, какъ встрѣтили и сильный вѣтеръ и очень крупную волну, отчего пароходъ сталъ идти еще медленнѣе, а качаться еще больше. На палубѣ оставались только мы—моряки—всѣ остальные закупорились въ каютъ-кампаніи и каютахъ; при томъ же закрыли всѣ люки и двери и начались прелести морского плаванія. Вдобавокъ раза два подозрительныя облачки указывали на возможность тайфуна т. е. циклона или урагана. Циклоны въ описываемое время бываютъ рѣдко; но развѣ можно положиться на Китайское море? это не океанъ. Бѣдныя барыни прямо измучились и капитанъ, видя ихъ страданія, черезъ 6 дней рѣшилъ свернуть съ дороги и зайти въ Гонъ-Конгъ. Мы за весь нашъ путь все недоумѣвали и, пожалуй, даже досадовали, что имѣемъ такой спокойный переходъ и перестали такъ вольнодумствовать только въ Формозскомъ проливѣ, о чемъ рѣчь еще впереди.

Входъ въ Гонъ-Конгъ идетъ мимо длиннаго ряда совершенно голыхъ острововъ, но они показались нашимъ спутникамъ очень интересными; самъ Гонъ-Конгъ тоже лежитъ на островѣ, но зеленомъ и цвѣтущемъ. Мы пришли сюда наканунѣ нашего новаго года и по сему случаю закупили здѣсь къ елкѣ массу подарковъ, украшеній, а также букетовъ изъ розъ и

другихъ цвѣтовъ. Цѣна букету, по сравненью съ цѣнами въ Севастополѣ,—грошъ и поэтому розы появились вездѣ: въ каютъ-кампаніи, въ каютахъ, въ петличкахъ мужчинъ и за поясами у дамъ, а такъ какъ до Портъ-Артура осталось не болѣе 5—6 дней, то розы раздавались и на память.

На рейдѣ застали эскадры англійскую и нѣмецкую съ принцемъ Генрихомъ. Съ англійской стороны мы были встрѣчены еще далеко въ морѣ однимъ миноносцемъ, который потомъ во все время нашего входа все то обгонялъ, то перегонялъ насъ, что не особенно намъ нравилось. Было очень тепло, но туманъ, а потому мы съ Катей на берегъ совсѣмъ не съѣзжали [1]). Городъ состоитъ изъ трехъ частей: англійскаго города и двухъ китайскихъ, изъ которыхъ одинъ на водѣ, т. е. жители его не имѣютъ права жить на берегу, а всю свою жизнь должны проводить на своихъ джонкахъ, подъ навѣсомъ, или же въ крохотныхъ каюткахъ. Мы съ парохода отлично могли видѣть всю ихъ жизнь и хозяйство. Эти джонки отличаются отъ обыкновенныхъ шлюпокъ тѣмъ, что имѣютъ высокую корму и управляются однимъ веслом. Жители ихъ большіе разбойники и безъ записей полисмена нечего и думать переправляться на ихъ шлюпкахъ ночью на берегъ или къ себѣ на пароходъ. Береговые же китайцы народъ очень мирный и добродушный, но крайне странный; они снесутъ побои, обиду, но не снесутъ, если имъ нечаянно наступятъ на ногу: тогда приходятъ въ ярость; Бога у нихъ нѣтъ, но есть культъ предковъ да нравоученія отца Конфуція; вѣруютъ также въ добрыхъ и злыхъ духовъ, а также еще въ какихъ-то желтыхъ, красныхъ, зеленыхъ и другихъ начальниковъ разныхъ болѣзней; здороваются между собой каждый пожимая свои собственныя руки и вѣжливо согнувъ спину. Матеря очень любятъ своихъ дѣтей и маленькихъ носятъ на ремешкахъ за спиной у себя, чѣмъ малыши, кажется, предовольны. Жизнь не цѣнятъ нисколько и за обезпеченіе своей семьи отецъ охотно идетъ за другаго на обезглавленье; а по дорогѣ на казнь не прерываетъ завтрака; могутъ взбунтоваться и даже начать стрѣлять, но одного вида штыка или голой шашки не выносятъ и неудержимо бѣжатъ; почитаютъ старость у людей. Ѣдятъ всякую дрянь и непремѣнно съ чеснокомъ особо

[1]) Здѣсь въ Гонъ-Конгѣ къ одному новобранцу-жидку явились на пароходъ двѣ барыни, его сестры, давно уѣхавшія изъ Россіи, повидаться; онѣ, между прочимъ, насъ напугали, говоря, что въ Портъ-Артурѣ кругомъ ледъ. Ничуть не бывало! Въ Сингапурѣ мы также встрѣтили жидковъ въ образѣ „17 талантовъ“ въ оркестрѣ, въ кафе-шантанѣ.

отвратительнаго запаха, почему въ китайскій городъ лучше не углубляться, а не то стошнитъ.

Простоявъ съ сутки, мы двинулись дальше. Вечеромъ (а здѣсь вечеръ ровно въ 6 часовъ) начали устраивать и устроили на палубѣ елку изъ цвѣтовъ, вродѣ колыбели, развѣсили кругомъ китайскіе фонарики и часамъ къ 9 зажгли ее, собравъ предварительно дѣтишекъ со всего парохода. Подарки же раздавали не только дѣтямъ, но и всѣмъ взрослымъ, каждому по жеребью. Въ 12 же часовъ встрѣтили Новый Годъ и прокричали ура. На утро перваго января служили у насъ молебенъ и обѣдницу; обѣдницу и раньше служили, въ каждое воскресенье, но это было нѣчто особенное, такъ какъ погода съ полночи начала свѣжѣть и ко времени службы разыгралась настолько, что образа качались, какъ маятники, а вода нѣтъ нѣтъ, да и обольетъ молящихся. Сіе значило, что мы приближаемся къ Формозскому проливу, къ трубѣ, по просту говоря. „Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ", такъ и тутъ: чѣмъ мы ближе приближались къ проливу и чѣмъ больше потомъ входили въ него, тѣмъ становилось все хуже и хуже. Вода казалась какъ бы приподнятой, а волны обратились въ горы, въ ряды горъ Корабль качался, какъ коромысло и когда корма парохода ударялась о вершину волны, то происходилъ страшный ударъ, результатомъ чего въ концѣ концовъ были смыты трапы, порвана часть цѣпей, крѣпящихъ шлюпки къ палубѣ, и разбиты два иллюминатора, одинъ въ мужской каютѣ, и другой въ женской, гдѣ обитало 3 барыни и 3 барышни, которыя потомъ дня два или три, пока сушился ихъ гардеробъ, ходили въ чужомъ бѣльѣ; а когда волна подходила подъ корму своей подошвой, то тамъ образовывалась настоящая бездна и винтъ, а также руль оказывались въ воздухѣ; руль глухо стучалъ, а машина начинала бѣшено вертѣться съ сильнымъ стукомъ. Отъ этихъ стуковъ не моряки чувствовали себя не особенно хорошо и приходилось ихъ успокаивать и говорить, что это такъ себѣ, что погода хорошая, а какая тутъ хорошая: было 9 балловъ т. е. на 1 баллъ меньше шторма; съ носу на всю длину парохода до самой середины несло тучи брызгъ, а на мостикъ порой обрушивались цѣлые водопады; нечего было и думать перейти съ кормы хотя бы на середину судна; пароходъ почти совсѣмъ потерялъ ходъ и если мы за сутки успѣвали пройти 120 миль, то это бывало пріятной неожиданностью. Тѣмъ не менѣе параходъ все таки шелъ впередъ и впередъ; въ этомъ случаѣ онъ сильно походилъ на

нашего русскаго мужика, когда тотъ въ большой праздникъ пробирается въ соборѣ приложиться къ образу: его толкаютъ тѣснятъ, онъ весь въ поту, но онъ тѣмъ не менѣе хоть по немногу, но идетъ все впередъ, къ цѣли, пагнувши голову и напрягши всѣ свои силы. И таки дотащилъ насъ, хотя убилъ на это 48 дней и 48 ночей, а посмотрите-ка на карту, даль-то какая, вѣдь даже страшно становится.

Пройдя болѣе половины Формозскаго пролива мы замѣтили, что становится тише, а потомъ совсѣмъ стихло и до самаго Портъ Артура мы шли при полномъ штилѣ и душевномъ спокойствіи, чему за день до прихода въ Портъ-Артуръ позавидовали дрова, сложенныя у печки въ хлѣбопекарнѣ для команды и новобранцевъ: они взяли да и загорѣлись; полетѣли сильныя искры и повалилъ дымъ; изъ первоклассныхъ пассажировъ, бывшихъ въ это время на палубѣ, были 3 или 4 дамы, Катя, я, да полковникъ—начальникъ эшелона новобранцевъ. Завидѣвъ искры, барыни струсили и подослали ко мнѣ Катю узнать „не пожаръ ли это". „Нѣтъ, говорю, сажа загорѣлась"—„смотри, сейчасъ перестанетъ". Тогда дамы послали Катю спросить полковника; тотъ отвѣтилъ „какой пожаръ, уже потушили".

Наконецъ, показались горы съ сіяніемъ на вершинахъ отъ мѣстами лежавшаго на нихъ снѣга, потомъ показалась стоящая на рейдѣ наша эскадра съ красавицей „Россіей" во главѣ и радостное „ура" прокатилось въ каютъ-кампаніи. Быстро уложили вещи, расцѣловались съ большинствомъ остающихся, ѣхавшихъ до Владивостока, и поѣхали на берегъ.

Дня черезъ четыре мы уже приводили свою квартиру въ порядокъ и зажили своимъ хозяйствомъ. А когда привели все въ порядокъ, то намъ наши знакомые устроили новоселье т. е. повторилось тоже, что было и у Васъ, а именно, въ одинъ прекрасный день насъ посѣтило, по очереди, человѣкъ шесть и все съ тортами.

Домикъ нашъ маленькій, особнякъ, на горѣ, въ двѣ комнатки и въ кухнѣ плита; двора нѣтъ, нѣтъ и хозяевъ, которыхъ два: одинъ инж.-мех., а другой лейтенантъ, оба плаваютъ со мной въ эскадрѣ; это уже третьи хозяева: первый купилъ его за грошъ и отремонтировавъ продалъ его второму за 150 р., а второй продалъ настоящимъ нашимъ хозяевамъ за 300 р.; теперь они за него не берутъ и 500 р., а домикъ вродѣ тѣхъ, что въ Бартеньевкѣ, около Братскаго кладбища или на Инженерной у артиллеристовъ. Узнала объ этой квартиркѣ Катя,

а я ее досталъ, что намъ обоимъ стоило большихъ хлопотъ. Взошли въ квартирку со взломомъ,—самъ дѣлалъ отмычки—такъ какъ хозяева были въ морѣ, а уѣхавшіе наканунѣ старые квартиранты заперли ее и ключъ взяли съ собой; обстановку завели китайскую и очень жалѣемъ, что продали свою всю мебель и кухонную посуду; пришлось все закупать снова; у насъ очень уютно и чисто, не въ примѣръ прочимъ Портъ-Артурцамъ, и хорошій деньщикъ. Во всемъ этомъ громадную помощь намъ оказали наши севастопольцы: они насъ встрѣтили и пріютили, безъ нихъ мы бы съ Катей побѣдовали, такъ какъ номеровъ свободныхъ въ гостинницахъ нѣтъ никогда, а меня запрягли въ службу съ мѣста въ карьеръ. Но все хорошо, что кончается хорошо. И то, слава Богу!

Такъ свершился нашъ переѣздъ въ Портъ-Артуръ.

В. Зверевъ.

Значеніе М. И. Глинки въ исторіи русской музыки[1].

I.

Конецъ XVIII вѣка и начало XIX ознаменовались въ Россіи рожденіемъ цѣлаго ряда литературныхъ свѣтилъ, которые обогатили русскую рѣчь, очистили ее отъ иностраннаго вліянія и создали современную русскую литературу. Періодъ съ 1783 до 1828 года далъ намъ Жуковскаго, Грибоѣдова, Пушкина, Кольцова, Гоголя, Лермонтова, Тургенева, Достоевскаго, Л. Толстого. Въ срединѣ этого періода, 20-го мая 1804 г., появился на свѣтѣ геніальный художникъ, которому было предназначено совершить въ области русской музыки тотъ же переворотъ, какой эта плеяда геніальныхъ поэтовъ совершила въ области русскаго слова. Этотъ художникъ— Михаилъ Ивановича Глинка. Онъ освободилъ русскую музыку отъ иноземныхъ формъ и вліяній, обогатилъ ее новыми пріемами, заимствованными имъ изъ русской народной пѣсни, и положилъ начало русской школѣ въ музыкѣ.

Вѣроятно каждый слышалъ, что Глинка создалъ русскую національную музыку, но въ то же время кто не знаетъ, что и до него были русскіе композиторы. Почему же ихъ музыка не русская, а его музыка—русская? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, бросимъ бѣглый взглядъ на состояніе свѣтской музыки въ Россіи до начала прошлаго столѣтія.

Прототипомъ свѣтской музыки въ древнія времена была народная пѣсня, а представителями ея гусляры, гудошники, а впослѣдствіи скоморохи. Подъ вліяніемъ суроваго ученія грековъ, проводниковъ христіанства, пришедшаго въ Россію изъ Византіи, мірскія удовольствія подвергались долгое время гоненію со стороны духовенства. Однако потребность въ музыкальныхъ забавахъ была слишкомъ въ характерѣ русскаго народа, и гоненія эти не могли ее искоренить. Самъ царь Иванъ Васильевичъ Грозный, не смотря на монашескую внѣшность его дворца, въ часы веселья любилъ тѣшить себя ско-

[1] Сообщеніе, прочитанное въ „Русскомъ Кружкѣ“ въ Варшавѣ.

морохами и даже иногда принималъ активное участіе въ пѣсняхъ и пляскѣ. Гоненія достигли особенной силы при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Рядомъ указовъ были возбранены, подъ страхомъ тѣлеснаго наказанія, увеселенія скомороховъ, игрища и пляски. Однако это не помогло, и самъ царь не устоялъ: расширилъ дѣятельность „потѣшной палаты“, ввелъ незнакомыя еще въ Россіи театральныя представленія и построилъ для нихъ „комедійную храмину“. Въ оправданіе такихъ нарушеній указовъ приводилось, что музыканты и прочіе увеселители были не православные, а нѣмцы, однако изъ дворцовыхъ записокъ видно, что въ числѣ исполнителей были и дворовые люди боярина Матвѣева.

Петръ Великій преимущественно любилъ духовное пѣніе, но признавалъ важность музыки, какъ средства оживлять общественную жизнь. У него былъ свой оркестръ, а по примѣру государя оркестры заводили и вельможи. Музыканты приглашались на придворную службу изъ за границы, а отчасти пополнялись изъ числа плѣнныхъ шведовъ. Что касается національной русской музыки, то при немъ она не получила развитія.

При Аннѣ Іоанновнѣ въ Петербургъ была выписана итальянская опера. Капельмейстеромъ былъ итальянецъ Арайра. Впослѣдствіи итальянскія оперы были переведены на русскій языкъ и исполнялись русскими актерами. Въ 1755 году, при Елизаветѣ Петровнѣ, была поставлена опера „Цефалъ и Прокрисъ“, написанная Арайрой на самостоятельный русскій текстъ Сумарокова. Конечно, въ этой первой русской оперѣ, кромѣ текста, не было ничего русскаго. Однако это дало толчекъ національнымъ тенденціямъ въ музыкѣ. Въ моду вошли русскія пѣсни и пляски. Иноземные композиторы начали эксплоатировать эту моду и писать музыкальныя сочиненія на народные мотивы. Въ 1756 г. была дана первая опера „въ русскихъ нравахъ“, „Танюша“ съ музыкой Волкова на текстъ Дмитревскаго. При Екатеринѣ II національная русская опера сдѣлала дальнѣйшіе успѣхи. Нѣсколько композиторовъ, не выключая и вельможъ, работали на этомъ поприщѣ. Между прочимъ, большой интересъ возбудили оперы Матинскаго, крѣпостного человѣка графа Ягужинскаго; этотъ Матинскій получилъ ученое и музыкальное образованіе въ Италіи, писалъ книги по математикѣ, художественной критикѣ, переводилъ басни, сказки, сочинялъ комедіи, пѣсни, оперы.

Національная тенденція въ оперѣ съ особенной силой проявилась въ царствованіе Александра Павловича. Однако

какъ мало еще современная опера была русской, характеризуются тѣмъ, что главнымъ поборникомъ русскаго направленія и наиболѣе видным композиторомъ русскихъ оперъ былъ Катеринъ Альбертовичъ Кавосъ, итальянецъ, уроженецъ Венеціи, переселившійся въ Россію въ зрѣломъ возрастѣ. Въ его операхъ мелодіи русскихъ пѣсенъ, усыщенныя итальянскими фіоритурами, перемѣшивались съ мелодіями въ чисто итальянскомъ стилѣ. Изъ его многочисленныхъ оперъ особымъ успѣхомъ пользовалась, благодаря патріотическому сюжету, опера „Иванъ Сусанинъ". Когда Глинка представилъ въ театральную дирекцію свою „Жизнь за царя", то дирекція поручила разсмотрѣть ее Кавосу въ надеждѣ, что онъ ее забракуетъ, какъ конкурирующую его оперѣ. Къ чести почтеннаго артиста надо сказать, что онъ не только ее не забраковалъ, но снялъ свою оперу съ репертуара, какъ недостойную стоять рядомъ съ такимъ замѣчательнымъ произведеніемъ, и путемъ самоотверженныхъ стараній добился постановки оперы молодого, почти никому неизвѣстнаго Глинки. Такимъ образомъ первая истинно русская опера увидѣла свѣтъ рампы благодаря иностранцу.

Значительный шагъ на пути своего развитія сдѣлала русская опера благодаря Верстовскому. Изъ многочисленныхъ его оперъ дольше всѣхъ держалась въ репертуарѣ „Аскольдова Могила".

Одновременно съ Верстовскимъ надъ развитіемъ русскаго романса трудились Алябьевъ, Варламовъ, Гурилевъ, Вьельгорскій и др. Всѣ эти композиторы, хотя и брали за образецъ для своихъ сочиненій русскую пѣсню, но, не уяснивъ себѣ сущности мелодій и гармоній народной музыки, подражали лишь внѣшней ея формѣ, примѣняя къ ней пріемы музыки иностранной. Поэтому ихъ сочиненія еще далеки отъ самобытной русской музыки.

Глинка, какъ увидимъ, отнесся къ народной музыкѣ совершенно иначе.

II.

Родъ Глинокъ беретъ свое начало въ Польшѣ въ XI вѣкѣ. Фамилія Глинокъ происходитъ отъ мѣстечка Глинки Ломженской губ., Маковскаго уѣзда (между городами Остроленкой и Пултускомъ). Въ 1633 г. Владиславъ Глинка участвовалъ въ походѣ Владислава IV на Смоленскъ и, по взятіи этого города, получилъ отъ короля помѣстья, въ томъ числѣ и село Новоспасское въ „Смоленскомъ округѣ" (губ), въ

„Ельнинскомъ стану“ (уѣздѣ), въ которомъ впослѣдствіи родился композиторъ. Въ 1654 г. Смоленскъ перешелъ снова къ Россіи и послѣ того „выѣзжій изъ короны польской Викторинъ Владиславовъ Глинка“ перешелъ въ православіе, нареченный Яковомъ Яковлевичемъ, и утвержденъ во владѣніи помѣстьями. Пра-правнукомъ Якова Яковлевича былъ Иванъ Николаевичъ, отецъ композитора.

М. И. Глинка родился ребенкомъ слабымъ и золотушнымъ. Въ младенческомъ возрастѣ онъ былъ взятъ на попеченіе бабушкой, которая держала его, какъ тепличное растеніе. Отроческіе годы онъ провелъ въ домашней, преимущественно женской средѣ. Подъ вліяніемъ этихъ условій въ немъ развилась крайняя впечатлительность, нервность и воспріимчивость, изъ-за которыхъ онъ заслужилъ характерное названіе „мимозы“. Склонность къ болѣзнямъ, вызванную негигіеничнымъ воспитаніемъ бабушки, и мнительность онъ сохранилъ на всю жизнь.

Родословная его предковъ не дастъ никакихъ указаній на отличительную музыкальность рода Глинокъ. Равнымъ образомъ ни въ комъ изъ его многочисленныхъ братьевъ и сестеръ,—а ихъ всѣхъ было 15,—не обнаружилось исключительной музыкальности. Такимъ образомъ М. И. былъ въ этомъ отношеніи блестящимъ исключеніемъ

По свидѣтельству самаго Глинки музыкальная чуткость до 10—11 лѣтъ выражалась въ немъ пристрастіемъ къ пѣснямъ няни, Авдотьи Ивановны, да къ колокольному звону. Когда мальчикъ хворалъ, ему приносили въ комнату малые колокола, на которыхъ онъ, съ присоединеніемъ мѣдныхъ тазовъ, устраивалъ перезвонъ.

„У батюшки иногда собиралось много гостей и родственниковъ“—пишетъ онъ въ своихъ запискахъ. „Въ такомъ случаѣ посылали обыкновенно за музыкантами къ дядѣ моему, брату матушки, за 8 верстъ. Музыканты оставались нѣсколько дней, и когда танцы за отъѣздомъ гостей прекращались, играли, бывало, разныя пьесы. Однажды, помнится, что это было въ 1814 или 1815 году, однимъ словомъ, когда я былъ по 10-му или по 11-му году, играли квартетъ Крузеля съ кларнетомъ; эта музыка произвела на меня непостижимое, новое и восхитительное впечатлѣніе; я оставался цѣлый день потомъ въ какомъ то лихорадочномъ состояніи, былъ погруженъ въ неизъяснимое, томительное, сладкое состояніе и на другой день во время урока рисованія былъ разсѣянъ; въ слѣдующій урокъ разсѣянность еще увеличилась, и учитель, замѣтя, что я ри-

совалъ уже слишкомъ небрежно, неоднократно журилъ меня и, наконецъ, однакожъ, догадавшись, въ чемъ было дѣло сказалъ мнѣ однажды, что онъ замѣчаетъ, что я все только думаю о музыкѣ. „Что дѣлать"—отвѣчалъ я.—„Музыка—душа моя". И дѣйствительно, съ той поры я страстно полюбилъ музыку. Оркестръ моего дяди былъ для меня источникомъ самыхъ живыхъ восторговъ... Во время ужина обыкновенно играли русскія пѣсни... Эти грустно-нѣжные, но вполнѣ доступные для меня звуки мнѣ чрезвычайно нравились... и можетъ быть эти пѣсни, слышанныя мною въ ребячествѣ, были первою причиной того, что впослѣдствіи я сталъ преимущественно разрабатывать народную русскую музыку".

13-ти лѣтъ Глинка былъ привезенъ родителями въ Петербургъ и отданъ въ Благородный Пансіонъ, въ которомъ оставался до 18 лѣтъ. Одновременно съ ученьемъ въ пансіонѣ онъ прилежно занимался музыкой: учился игрѣ на скрипкѣ, которую, впрочемъ, скоро бросилъ, игрѣ на фортепіано у лучшихъ въ то время учителей: Фильда, Цейнера и Карла Майера, а также теоріи и пѣнію; у него былъ небольшой, но очень пріятный голосъ. Въ вакаціонное время онъ ѣздилъ къ родителямъ въ Новоспасское и тутъ оркестръ дяди привлекалъ его главное вниманіе. Ко времени окончанія пансіона относятся первыя попытки его въ области композиціи.

По окончаніи пансіона Глинка, по желанію отца, поступилъ на службу въ канцелярію путей сообщенія, но прослужилъ недолго и черезъ 4 года уже всецѣло посвятилъ себя музыкѣ, не переставая серьезно заниматься теоріей, контрапунктомъ и формой. Въ первыхъ опытахъ оркестровыхъ сочиненій оркестръ Новоспасскаго сыгралъ немаловажную роль. Вотъ что объ этомъ пишетъ Глинка въ своихъ запискахъ: „Чтобы добиться болѣе отчетливаго исполненія, всякій разъ, разъ, когда пріѣзжали музыканты, прежде общей пробы, я проходилъ съ каждымъ музыкантомъ его партію... такимъ образомъ я подмѣтилъ способъ инструментовки большей части лучшихъ композиторовъ для оркестра. Потомъ слышалъ общій эффектъ піесы, ибо, производя первыя пробы, вмѣстѣ я самъ управлялъ оркестромъ, играя на скрипкѣ. Когда же піеса шла порядочно, я отходилъ на нѣкоторое разстояніе и слѣдилъ эффектъ изученной уже инструментовки".

Конечно, сочиненія этого періода носятъ еще характеръ совершеннаго диллетантизма, но вліяніе этихъ занятій въ деревенской тиши, въ обстановкѣ обезпеченнаго довольства барской жизни крѣпостного времени, сказалось впослѣдствіи и

дало превосходную почву для развитія въ Глинкѣ національнаго направленія. Первыя дѣтскія впечалѣнія отъ русской пѣсни, среди которой выросъ композиторъ и подъ вліяніемъ которой пробудилась въ немъ музыкальная чуткость, глубоко запали въ его воспріимчивую душу, и вотъ почему для него былъ впослѣдствіи такъ ясенъ и доступенъ тотъ національный характеръ русской пѣсни, который его предшественники искiли такъ усиленно, но безуспѣшно.

III.

Въ чемъ же заключаются эти особенности русской пѣсни, которыя уловилъ и передалъ потомству Глинка? Входить въ подробное ознакомленіе съ теоріей русской пѣсни заняло бы слишкомъ много времени и завлекло бы насъ въ дебри музыкальной терминологіи. Поэтому ограничимся указаніемъ наиболѣе типичныхъ чертъ ея.

Мелодія русской пѣсни построена почти всегда на натуральной мажорной или минорной гаммѣ; въ болѣе древнихъ пѣсняхъ она вращается въ предѣлахъ пятиступенной гаммы (древнѣйшая гамма: ла, до, ре, ми, соль, ля); рамки мелодіи обыкновенно невелики, не болѣе октавы; часто наблюдается діатонизмъ, т. е. шаги мелодіи на сосѣднія ступени гаммы, притомъ преимущественно цѣлыми тонами.

Гармонія состоитъ изъ основнаго мотива и сопровождающихъ голосовъ, или подголосковъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ свой мелодическій рисунокъ. Сопровожденія аккордами не въ характерѣ русскаго пѣнія. Излюбленныя созвучія квинты, терціи, рѣже кварты; очень часто унисоны (октавы), особенно при разграниченіи отдѣловъ пѣсни и при окончаніи; въ послѣднемъ случаѣ они почти обязательны. Каденціи (заключенія) очень своеобразны; нерѣдко пѣсня, построенная въ мажорѣ, заканчивается неожиданной каденціей въ миноръ.

Ритмъ пѣсни всегда неразрывно связанъ съ текстомъ, почему дѣленіе ея на такты иногда очень трудно. Нерѣдко приходится при этомъ прибѣгать къ смѣшаннымъ тактамъ, т. е. вставлять такты другого размѣра.

Конечно это только главнѣйшія особенности русской пѣсни. Разобрать подробно ея теорію въ бѣгломъ очеркѣ нѣтъ возможности: для этого потребовался бы спеціальный трактатъ. Всѣ эти типичныя черты мы встрѣчаемъ въ сочиненіяхъ Глинки: и мелодіи на натуральныхъ гаммахъ и діатонизмы (блестящій примѣръ діатонизма мелодія „Славься“) гармонизацію подголосками (квартетъ молитва III дѣйствія „Жизни за Царя“)

и капризные ритмы (хоръ „Разгулялся, разливался“ въ $^5/_8$ а еще типичнѣе хоръ „Лель таинственный“ въ $^5/_4$, со вставкой по требованію текста нѣсколькихъ тактъ въ $^4/_4$). Къ этому надо прибавить, что если въ настоящее время русская пѣсня изучена и изслѣдована въ мельчайшихъ своихъ проявленіяхъ, то въ то время теорія ея была совершенно неизвѣстна, и Глинкѣ принадлежитъ честь, что онъ своими сочиненіями направилъ спеціалистовъ на ее изученіе. Не надо однако думать что самъ онъ во всѣхъ деталяхъ зналъ эту теорію, напротивъ скорѣе можно предположить, что многими характерными чертами русской пѣсни онъ руководствовался безсознательно, только потому, что его музыкальное міровоззрѣніе такъ сродилось съ духомъ этой пѣсни, что музыкальныя мысли, насколько онъ хотѣлъ придать имъ народный характеръ, невольно складывались въ его умѣ въ формы, присущія русской народной музыкѣ.

Обстоятельство это отнюдь не умаляетъ достоинства Глинки, какъ одного изъ геніальнѣйшихъ композиторовъ въ мірѣ. Напротивъ, именно благодаря тому, что народные пріемы творчества вошли въ его плоть и кровь, а не были плодомъ мозговой работы, онъ и достигъ въ нихъ такой естественности и такого совершенства. Вспомнимъ композитора доктринера, Вагнера: онъ писалъ по заранѣе составленнымъ имъ самимъ законамъ творчества и боялся переступить за границы этихъ законовъ, хотя вдохновеніе и влекло его на свободу. Развѣ не было бы лучше, еслибы онъ далъ ему просторъ? Глинка не стѣснялъ своей свободы, не ограничивалъ своего вдохновенія, а между тѣмъ его творчество, быть можетъ помимо его воли, вылилось въ направленіе, вполнѣ опредѣленное и самобытное и помогло ему осуществить великую историческую задачу основанія новой русской музыкальной школы на началахъ народнаго творчества.

Композиторская дѣятельность Глинки не ограничивалась, однако, русской музыкой. Напротивъ, рѣдкій композиторъ обладалъ такимъ даромъ улавливать стиль національной музыки разныхъ народовъ. Его безподобная восточная музыка въ „Русланѣ“ до сихъ поръ служитъ образцомъ для подражанія; таковы его персидскій хоръ, восточные танцы и лезгинка, хоръ „Погибнетъ“, а особенно Маршъ Черномора, это безсмертное твореніе, своеобразная дикость и плѣнительность котораго сманывала на путь подражанія не одного изъ позднѣйшихъ композиторовъ, хотя всѣ эти подражанія остались далеко ниже оригинала. Его испанскія увертюры необыкновенно колоритны.

Его вальсы: „Фантазія“, вальсъ изъ „Жизни за Царя“, и антрактъ ко II дѣйствію „Князя Холмскаго“ удивительно граціозны и характерны. Наконецъ, нельзя умолчать о его польской музыкѣ въ „Жизни за Царя“, хотя автора и упрекаютъ за то, что онъ слишкомъ узко охарактеризовалъ въ операѣ польскую народность: исключительно мазурками и полонезами, которые далеко не исчерпываютъ музыкальныхъ формъ польской національности. Дѣйствительно странно слышать мерзнущихъ въ лѣсу поляковъ поющими „Устали мы, продрогли мы“ на мотивъ польскаго.

IV.

Значеніе Глинки, какъ родоначальника современной русской музыки, заключается еще въ томъ, что онъ своими сочиненіями во всѣхъ родахъ музыки положилъ основаніе всѣмъ безъ исключенія родамъ русской музыки и что весьма многія изъ его сочиненій до сихъ поръ считаются образцовыми.

Первое мѣсто въ ряду его сочиненій принадлежитъ безспорно его операмъ. Въ нихъ онъ перенесъ на русскую почву разнообразіе и гибкость ритма французовъ, ясность и рельефность мелодій итальянцевъ, богатство гармоніи и контрапункта нѣмцевъ, все это переработалъ въ духѣ народной пѣсни и согрѣлъ жаромъ своего необъятнаго вдохновенія. Въ первой операѣ еще замѣтно вліяніе старыхъ, преимущественно итальянскихъ традицій. Партіи Антониды, Сабинина и отчасти Вани проникнуты итальянскимъ элементомъ. Это какъ бы уступка композитора господствовавшимъ вкусамъ. Онъ какъ бы еще не установился, какъ бы ищетъ еще истинныхъ путей. Въ „Русланѣ“ Глинка является уже вполнѣ созрѣвшимъ и самобытнымъ. Въ немъ каждый номеръ, за весьма немногими лишь исключеніями, представляетъ сокровище творческаго искусства. Это такой гиганскій шагъ впередъ не только сравнительно съ современной музыкой, но и сравнительно съ его прежними сочиненіями, что какъ кажется, онъ самъ не сознавалъ всего его величія; по крайней мѣрѣ, послѣ постигшей оперу при первомъ представленіи неудачи онъ какъ бы самъ усумнился въ своихъ силахъ; у него пропала охота работать въ этомъ направленіи. Послѣ окончанія „Руслана“, въ 1842 году, онъ хотя и не переставъ писать, и даже создалъ такія безподобныя вещи, какъ „Камаринская“ и испанскія увертюры, но о новой операѣ не хотѣлъ и думать. Только 13 лѣтъ спустя, за три года до смерти, онъ попробовалъ при-

няться за оперу („Двумужница"), но попытка оказалась неудачной: онъ оперу не кончилъ и написанное уничтожилъ.

Въ настоящемъ бѣгломъ очеркѣ нѣтъ возможности дать достаточно полную оцѣнку „Руслану" Разбирать это твореніе надо бы тактъ за́ тактомъ, останавливаясь на малѣйшихъ деталяхъ. Изучая его, нельзя достаточно надивиться красотою его мелодій, свѣжихъ и новыхъ еще и понынѣ, разнообразіемъ и техническимъ совершенствомъ гармонизацій, блескомъ и колоритностью инструментовки, остроуміемъ комбинацій и голосоведенія, логичностью построенія отдѣльныхъ сценъ. Въ „Руланѣ" заключаются всѣ главные принципы современной русской школы, которыхъ и въ поминѣ не было въ итальянской оперѣ того времени. Какъ на примѣръ такихъ принциповъ укажу на музыкальную правду и на мелодическій речитативъ.

Музыкальная правда, т. е. согласованіе музыки съ содержаніемъ, составляетъ основной законъ современной оперы, законъ, явившійся реакціей противъ свободы, съ какой распоряжались текстомъ композиторы старой итальянской школы. Законъ этотъ съ особенной настойчивостью проводился русскими композиторами и начало этого надо, конечно, видѣть въ операхъ Глинки. Дѣйствительно и „Жизнь за Царя" и „Русланъ", по силѣ выраженія, принадлежатъ къ числу наиболѣе драматическихъ оперъ, и если въ первой драматизмъ имѣетъ до извѣстной степени начало въ сюжетѣ, то во второй блѣдное, лишенное движенія либретто и плохіе стихи только убиваютъ поэзію сюжета, а вся сила драматизма въ правдивости и выразительности музыки. Достаточно вспомнить изумительную музыкальную характеристику дѣйствующихъ лицъ, особенно же Руслана, Ратмира, Фарлафа, Финна и Наины.

Мелодическимъ речитативомъ, т. е. такимъ, при которомъ, сохраняя правильность драматическаго выраженія фразы, онъ давалъ бы въ то же время извѣстный мелодическій рисунокъ русскіе композиторы послѣ Глинки увлекались до того, что напр. Даргомыжскій написалъ цѣлую оперу, „Каменный гость", исключительно такимъ речитативомъ. Такое увлеченіе неудивительно послѣ тѣхъ дивныхъ образцовъ речитатива, которые щедро разсыпаны въ операхъ Глинки, особенно же въ „Руланѣ".

Позволю себѣ напомнить нѣсколько примѣровъ. Кажется нельзя проще и естественнѣе сказать фразу Руслана „Зачѣмъ же, поле, смолкло ты", и въ тоже время, сколько звучитъ въ этомъ вопросѣ тоски передъ неизвѣстною будущностью.

Узнай, Руслан: твой оскорбитель—
Волшебникъ страшный Черномор".

Эта фраза не только въ высшей степени выразительна, но удивительно характеризуетъ Финна, этого простого и безхитростнаго сына суроваго сѣвера. „Я зналъ, я чувствовалъ заранѣ, что мнѣ лишь суждено свершить столь славный подвигъ". Въ этомъ речитативѣ сказался весь Фарлафъ съ его напыщеннымъ фанфаронствомъ и пустымъ хвастовствомъ.

Клянусь, отецъ, мнѣ небомъ данный,
Всегда хранить въ душѣ моей
Союзъ любви, тобой желанный,
И счастье дочери твоей".

Сколько въ красивой мелодіи этого речитатива широкой русской удали и молодого задора.

Просто не хочется вѣрить, что такіе перлы реализма въ музыкѣ написаны болѣе 60 лѣтъ тому назадъ въ періодъ господства сухого итальянскаго речитатива.

Какъ извѣстно „Жизнь за Царя" имѣла при своемъ появленіи шумный успѣхъ, а „Руслан" напротивъ, потерпѣлъ полное пораженіе и, продержавшись съ трудомъ около трехъ лѣтъ, былъ преданъ забвенію. Причиной этому никакъ не относительныя музыкальныя достоинства обѣихъ оперъ, а съ одной стороны патріотическій, полный драматизма сюжетъ первой оперы и неудачное, лишенное дѣйствія либрето второй, а съ другой большая доступность для современной публики музыки первой оперы. 13 лѣтъ „Руслан" не появлялся на сценѣ и только въ 1858 году, послѣ смерти композитора, благодаря стараніямъ извѣстнаго пѣвца, О. А. Петрова, онъ снова увидѣлъ свѣтъ рампы, чтобы уже болѣе не сходить со сцены. Но и тутъ успѣхъ его выяснился не сразу и только въ концѣ семидесятыхъ годовъ было обращено должное вниманіе на его постановку и исполненіе и онъ сталъ популярнѣйшей и любимѣйшей русской оперой.

V.

Дѣятельность Глинки въ области симфонической музыки не менѣе почтенна. Собственно симфоніи онъ не писалъ; такъ называемая сонатная форма не была въ его характерѣ, онъ предпочиталъ ей форму варіацій, въ которой дошелъ до неподражаемаго совершенства. Тѣмъ не менѣе его, по справедливости, считаютъ творцомъ русской симфонической музыки. Къ этой категоріи сочиненій относятся его испанскія увер-

тюры, „Арагонская хота“ и „Ночь въ Мадридѣ“, музыка къ „Князю Холмскому“, вальсъ „Фантазія“ съ его оригинальнымъ трехтактнымъ ритмомъ, а особенно „камаринская“, эта геніальная шутка, это откровеніе среди оркестровыхъ сочиненій.

Интересенъ отзывъ Чайковскаго объ этомъ произведеніи. Вотъ что онъ пишетъ въ своихъ письмахъ: „Какая поразительно оригинальная вещь „Камаринская“, изъ которой всѣ русскіе композиторы (и я, конечно, въ томъ числѣ) до сихъ поръ черпаютъ самымъ явнымъ образомъ контрапунктическія и гармоническія комбинаціи, какъ только имъ приходится обрабатывать русскую тему плясового характера. Это дѣлается конечно, безъ намѣренія, но оттого, что Глинка сумѣлъ въ небольшомъ произведеніи, сконцетрировать все, что цѣлые десятки второстепенныхъ талантовъ могутъ выдумать и высидѣть цѣною сильнаго напряженія... Такъ, между прочимъ, нисколько не собираясь написать нѣчто, превышающее по задачѣ простую шутливую бездѣлку, этотъ человѣкъ даетъ намъ небольшое произведеніе, въ коемъ каждый тактъ есть продуктъ сильнѣйшей творческой (изъ ничего) силы. Почти 50 лѣтъ съ тѣхъ поръ прошло; русскихъ симфоническихъ сочиненій написано много; можно сказать, что имѣется настоящая симфоническая школа. И что же. Вся она въ „Камаринской“, какъ дубъ въ желудѣ. И долго изъ этого богатаго источника будутъ черпать русскіе авторы, ибо нужно много времени и силъ, чтобы исчерпать все его богатство. Да, Глинка— настоящій творческій геній [1]).

Слѣдующее мѣсто въ ряду сочиненій Глинки по достоинству занимаютъ его романсы; ихъ у него около 85. Форма эта существовала и до него. Достаточно вспомнить Алябьева, автора „Соловья“, Варламова, автора „Краснаго сарафана“, Гурилева и др. Ихъ романсы были, по большей части, мелодраматическія произведенія, своей чувствительностью удовлетворявшія современный невзыскательный вкусъ. Глинка облагородилъ романсъ, ввелъ въ него музыкальную правду и драматизмъ и придалъ ему національный русскій характеръ. Съ тѣхъ поръ русскіе композиторы много работали надъ романсной формой и ушли далеко впередъ. Большинство романсовъ Глинки, по своей простотѣ кажутся намъ теперь наивными наряду со сложными романсами Римскаго-Корсакова, Кюи, Чайковскаго, а особенно современныхъ новаторовъ Аренскаго и Гречанинова. Однако и теперь нельзя не восхищаться классической красотой многихъ изъ нихъ.

[1]) Жизнь П. И. Чайковскаго. Т. II стр. 400, т. III, стр. 254).

Камерныхъ сочиненій у Глинки три: струнный квартетъ, тріо для фортепіано, кларнета и фагота и секстетъ для фортепіано и струнныхъ. Сочиненія эти въ настоящее время быть можетъ устарѣли еще болѣе, чѣмъ романсы. Тѣмъ не менѣе, это были первые опыты русской камерной музыки, и изъ нихъ выработалась современная богатая литература въ этой области.

Для фортепіано Глинка писалъ много; извѣстно около 40 вещей весьма различнаго достоинства. Есть пустыя салонныя сочиненія, настолько мало содержательныя, что не хочется вѣрить, чтобы ихъ могъ написать творецъ „Руслана“, но есть произведенія большого достоинства, каково, напримѣръ, „Баркаролла“. Сочиненія эти, несомнѣнно, послужили началомъ современной русской фортепіанной литературы.

Остается еще упомянуть о духовныхъ сочиненіяхъ Глинки. Самостоятельная духовная музыка существовала въ Россіи задолго до Глинки. Имена его предшественниковъ, Веделя, Бортнянскаго, Турчанинова, Львова хорошо извѣстны до сихъ поръ. Глинка написалъ для церкви „Херувимскую“, „Эктенію“ и „Да исправится“. Однако онъ не былъ ими доволенъ: онъ считалъ, что древнія церковныя мелодіи требуютъ особенной гармонизаціи, свойственной церковнымъ ладамъ. Рѣшившись изучить для этого музыку XVI вѣка, онъ въ 1856 г. отправился въ Берлинъ къ нѣмецкому теоретику Дену, съ которымъ занимался и раньше, чтобы работать подъ его руководствомъ. Въ 1857 году смерть прекратила его дѣятельность и помѣшала ему внести новыя начала въ русскую духовную музыку. Тѣмъ не менѣе онъ уже указалъ правильный путь, по которому слѣдовало идти русскимъ духовнымъ композиторамъ, и они съ успѣхомъ воспользовались этими указаніями.

VI.

Подводя итоги всему сказанному, мы видимъ, что заслуги Глинки передъ Россіей заключаются въ томъ, что онъ первый почувствовалъ и понялъ, въ чемъ состоитъ характеръ народной русской музыки, сумѣлъ въ своихъ сочиненіяхъ провести начала ея и научилъ пользоваться ими позднѣйшихъ композиторовъ; что онъ положилъ начало всѣмъ родамъ современной русской музыки и указалъ правильный путь для русской духовной музыки; что онъ создалъ образцы сочиненій въ различныхъ областяхъ музыкальнаго творчества, которыми руководствовались позднѣйшіе композиторы при созданіи современной русской музыки, причемъ самымъ совершеннымъ изъ этихъ

образцовъ является его „Русланъ и Людмила", это неувядаемое по своей красотѣ и неисчерпаемому богатству твореніе. Пускай нѣкоторыя изъ его произведеній въ настоящее время уже нѣсколько устарѣли, пускай даже со временемъ устарѣетъ самъ „Русланъ", заслуга творчества Глинки отъ этого не уменьшится, потому что, благодаря имъ, создалась современная русская музыка. Кто не знаетъ, что первый паровозъ изобрѣлъ и построилъ Стефенсонъ? Этотъ паровозъ его—дѣтская игрушка сравнительно съ тѣми гигантами, которые насъ возятъ теперь. Однако же имена ихъ строителей знаютъ только спеціалисты, а имя Стефенсона стало достояніемъ исторіи. Во всякомъ дѣлѣ наибольшая заслуга за тѣмъ, кто сдѣлалъ первый шагъ. Точно также достояніемъ исторіи будетъ всегда имя Глинки, какъ основателя русской музыкальной школы.

Въ интродукціи перваго дѣйствія „Руслана" есть пѣснь Баяна съ пророческимъ текстомъ слѣдующаго содержанія:

Есть пустынный край,
Безотрадный брегъ
Тамъ, на сѣверѣ
Далеко.
Солнце лѣтнее
На долины тамъ
Сквозь туманъ глядитъ
Безъ лучей.
Но пройдутъ вѣка,
И на юный край
Доля дивная
Низойдетъ.

Тамъ младой пѣвецъ
Въ славу родины
На златыхъ струнахъ
Запоетъ.
И Людмилу намъ
Съ ея витяземъ
Отъ забвенія
Сохранитъ.
Но недологъ срокъ
На землѣ пѣвцу:
Всѣ безсмертные
Въ небесахъ.

Слова эти имѣли очевидно въ виду Пушкина, который погибъ въ то время, когда Глинка принялся за своего „Руслана". Однако, не относятся-ли они въ одинаковой мѣрѣ и къ Глинкѣ? Имена обоихъ творцовъ „Руслана" одинаково безсмертны.

Пройдутъ вѣка, многія имена ихъ преемниковъ забудутся всѣми на свѣтѣ, но память объ этихъ геніяхъ—основателяхъ цѣлой школы въ русской литературѣ и въ русской музыкѣ, будетъ жить, пока живетъ русская земля.

В. Липинъ.

ОБНОВЛЕНІЕ.

Необходимость преобразованій въ постановкѣ нашего учебнаго дѣла, о которой мы говорили въ одной изъ ближайшихъ книжекъ „Мирнаго Труда“ [1]), едва-ли можетъ подлежать оспариванію. Въ самомъ дѣлѣ, неудовлетворительность положенія нашей школы, низшей, средней и высшей, признается представителями всевозможныхъ общественныхъ воззрѣній: такъ называемые „либералы“ и „консерваторы“ одинаково находятъ, что нужны особыя попеченія и заботы, рядъ цѣлесообразныхъ измѣненій для устраненія такого позорнаго явленія, каковы современные школьные „порядки“. Благодаря бездѣятельности и попустительству власть имущихъ уже давно настала золотая пора торжества для всѣхъ „неуспѣвающихъ“, лѣнтяевъ и праздполюбцевъ. Учителя почти перестали учить, а учащіеся совершенно забыли, что ихъ священная обязанность—учиться. Томительная неопредѣленность требованій подрывала силы даже у тѣхъ, кто привыкъ и хотѣлъ работать; невѣжество и одичаніе подрастающихъ поколѣній уже не вмѣнялись потерявшимъ голову начальствомъ въ вину наставникамъ; все дѣлалось какъ нибудь, лишь бы не выходило непріятныхъ осложненій, могущихъ повредить успѣшной „карьерѣ“; „все обстоитъ благополучно“—эта пустая отговорка, запрещенная мудрымъ распоряженіемъ Государя, по существу осталась руководствомъ для докладовъ и донесеній о положеніи дѣлъ въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ; на многое, требующее немедленныхъ мѣръ для искорененія, смотрѣли сквозь пальцы, притворялись слѣпыми и глухими, а годы шли и цѣлыя тысячи злополучныхъ юношей развращались и гибли духовно, или искали выхода въ различныхъ крайностяхъ. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда не оставалось никакой возможности скрыть или замолчать какую нибудь нелѣпую выходку учениковъ или студентовъ—„принимались мѣры“, другими словами производилось удаленіе немногихъ, якобы „наиболѣе виновныхъ“. Они исключались „навсегда“ или „съ правомъ поступленія въ другія учебныя за-

[1]) См. Мирный Трудъ, 1904 г. № 4.

ведения" немедленно или черезъ болѣе или менѣе продолжительный срокъ, какъ будто, въ другомъ заведеніи „испорченные юноши" превратятся тотчасъ-же въ „невинныхъ барашковъ..." Какъ будто такимъ способомъ предотвращалась самая возможность повторенія „забастовокъ" или нарушеній дисциплины. Обрывали нѣсколько листьевъ, а оставляли въ полной силѣ самые корни и... проходило время—выростали свѣжіе побѣги, которые надо было отсѣкать снова. „Искупительныя жертвы" иногда приносились въ очень обильномъ количествѣ, но обыкновенно втунѣ: рѣдкое сочетаніе малопригодныхъ мѣропріятій съ лишенными почина или злонамѣренными дѣятелями приносило на изумленіе отвратительные плоды. Общество истомилось; отцы и матери ежеминутно дрожали за участь своихъ дѣтей, по отсутствію воспитанія—колеблющихся, словно тростникъ, изъ стороны въ сторону, подпадающихъ легко подъ вліяніе твердыхъ и внушительныхъ наставленій всякихъ добровольныхъ развивателей и печальниковъ о судьбѣ юношества. Большинство преподавателей было сбито съ толку разными слухами, распоряженіями, отмѣнами и тянуло лямку, а призывы къ общественной самодѣятельности не находили живого отклика въ сердцахъ людей 20 числа. Иные „воспитатели" прямо занимались подготовкой будущихъ борцовъ за освобожденіе, глумились надъ нашими святынями, внушали презрѣніе къ Родинѣ и ея строю, издѣвались надъ любовью къ отечеству и проповѣдовали космополитическія и соціалистическія бредни. Понятно, что грядущее сулило безконечную цѣпь смутъ и треволненій, исказившихъ уже давно задачи и дѣятельность нашихъ учебныхъ заведеній. Мы явственно отбивались отъ одного берега, но не пристава̀ли къ другому, а носились въ житейскомъ водоворотѣ „безъ руля и безъ вѣтрилъ". Сердце русскихъ людей сжималось отъ мучительной боли и страхъ передъ будущимъ, опасеніе за судьбы Россіи невольно закрадывалось даже въ самыя жизнерадостныя груди.

Нужна была твердая рука, ясное сознаніе опредѣленной цѣли, умѣнье подойти къ ней и смѣлая готовность вступить въ борьбу съ надвигающимся шкваломъ, чтобъ утлая ладья Министерства Народнаго Просвѣщенія выплыла изъ того лабиринта противоположныхъ теченій, куда ее занесли невзгоды послѣднихъ лѣтъ. Теперь для самаго многоопытнаго кормчаго предстоитъ очень трудная задача: надо указать надлежащее направленіе гребцамъ, впавшимъ въ малодушное отчаяніе и утратившимъ работоспособность, надо исправить многочисленныя поврежденія, выбросить излишній грузъ и подчинить су-

ровой „морской“ дисциплинѣ пассажировъ, пробующихъ навязывать свой уставъ капитану. Конечно, для упорядоченія дѣла потребны годы упорнаго и настойчиваго труда, но, слава Богу, появились нѣкія указанія, что, по крайней мѣрѣ, направленіе хода корабля выбрано безповоротно, привлечены къ управленію имъ люди стойкіе, сознающіе важность и отвѣтственность своей задачи, прямо глядящіе въ глаза опасности и выдвигающіе вполнѣ опредѣленныя, а потому и исполнимыя, требованія.

Монаршею волею лица, засвидѣтельствовавшія свою преданность устоямъ Россіи и готовность работать по указаніямъ ея Державнаго Вождя, поставлены нынѣ во главѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія и вотъ мы слышимъ изъ устъ ихъ отрадныя слова, вносящія успокоеніе въ мятущія души и дающія вполнѣ ясную, простую и осуществимую программу дѣйствій, необходимыхъ для спасенія многихъ тысячъ „неповинныхъ младенцевъ“. Мы имѣемъ въ виду нижеслѣдующую рѣчь, дѣйствительнаго члена Русскаго Собранія, попечителя Оренбургскаго учебнаго округа, Н. Ч. Заіончковскаго, произнесенную имъ при представленіи ему служащихъ въ учебныхъ заведеніяхъ города Оренбурга: мы не можемъ не привести ее цѣликомъ въ виду ея благородной прямоты и опредѣленной откровенности:

„Я чувствую, говоритъ здѣсь новый попечитель, господа, что ваши взоры обращены ко мнѣ съ рядомъ вопросовъ. Это вполнѣ понятно и естественно.

Попечитель учебнаго округа есть, конечно, прежде всего вѣрный исполнитель священной Монаршей воли относительно подвѣдомыхъ ему учебныхъ заведеній и долженъ точно и неуклонно руководствоваться распоряженіями Министерства Народнаго Просвѣщенія, тою же волею опредѣляемыми.

Но, господа, въ нашей живой дѣятельности нѣтъ возможности все предузаконить, предусмотрѣть, все урегулировать общими формулами, дать по каждому вопросу предварительныя распоряженія. Да если бы это и было возможно, то все же самое осуществленіе въ школѣ Верховной Государевой воли, проведеніе въ школьную жизнь законовъ и предписаній отдается въ руки мѣстныхъ дѣятелей, ввѣряется ихъ совѣсти, разумѣнію, сознанію долга, ихъ опытности, такту...

Поэтому на долю каждому изъ насъ приходится не мало самостоятельности, а вмѣстѣ съ ней и много отвѣтственности. Моя доля въ той и другой особенно велики.

Въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ, особенно сослуживцамъ, я люблю полную ясность, точность, прямоту и откро-

вепность, основанную на взаимномъ довѣріи. Это довѣріе я приношу вамъ вмѣстѣ съ увѣренностью, что и вы отнесетесь ко мнѣ довѣрчиво и будете моими добрыми сотрудниками.

Я скоро, въ началѣ же будущаго полугодія, познакомлюсь съ каждымъ изъ васъ на вашихъ урокахъ; я желаю, чтобы и вы узнали меня возможно скорѣе, и съ этою цѣлью выскажу вамъ тутъ же нѣкоторые свои общіе взгляды на предстоящую намъ совмѣстную работу. Изъ нихъ вы усмотрите, чего я потребую отъ васъ.

Не ищите въ моихъ словахъ намековъ на учебныя заведенія нашего округа: я ихъ еще не знаю и говорить о нихъ спеціально не могу.

Я уже сказалъ вамъ, что попечитель учебнаго округа долженъ быть прежде всего вѣрнымъ исполнителемъ Монаршей воли. Такими же исполнителями ея должны быть, конечно, и всѣ вы.

Эта воля относительно школы возвѣщена намъ ясно и опредѣленно въ Высочайшемъ рескриптѣ отъ 10 іюня 1902 г. на имя бывшаго министра народнаго просвѣщенія Г. Э. Зенгера. Вотъ что въ этомъ рескриптѣ начертано:

„*Прежде всего подтверждаю Мое требованіе, чтобы въ школѣ съ образованіемъ юношества соединялось воспитаніе его въ духѣ Вѣры, преданности Престолу и Отечеству и уваженіе къ семьѣ, а также забота о томъ, чтобы съ умственнымъ и физическимъ развитіемъ молодежи пріучить ее съ раннихъ лѣтъ къ порядку и дисциплинѣ. Школа, изъ которой выходитъ юноша съ одними курсовыми знаніями, не сроднен-ный религіозно-нравственнымъ воспитаніемъ съ чувствомъ долга, съ дисциплиной и уваженіемъ къ старшимъ, не только не полезна, но часто вредна, развивая столь пагубныя для каждаго дѣла своеволіе и самомнѣніе*“.

Все, въ этихъ священныхъ словахъ выраженное, прошу васъ хорошо запомнить: это будетъ мною твердо и неуклонно исполняемо въ Оренбургскомъ учебномъ округѣ.

Не скрою, однако, отъ васъ, что я, также какъ и вы, сознаю всю трудность этого исполненія при настоящихъ обстоятельствахъ, которыя требуютъ отъ насъ высшаго напряженія силъ.

Средняя наша школа уже много лѣтъ, начиная съ 1890 г., находится въ неопредѣленномъ, переходномъ, то-есть ненормальномъ, болѣзненномъ состояніи. Кризисъ слишкомъ затянулся.

Нарушеніе равновѣсія въ жизненныхъ функціяхъ главнымъ образомъ одного типа этой школы, какъ это и нужно

было ожидать, отразилось и на другихъ, смежныхъ, ея типахъ, мужскихъ и женскихъ, и не только на нихъ, но и на школѣ высшей и отчасти низшей, ибо вся цѣпь нашихъ школъ съ низу и до верху составляетъ въ извѣстномъ смыслѣ органическое цѣлое.

Вполнѣ понятно и естественно, что въ ослабленномъ болѣзнью школьномъ организмѣ началось усиленное дѣйствіе вредныхъ микроорганизмовъ внутреннихъ; что облегчилось проникновеніемъ въ него заразныхъ началъ и извнѣ.

Въ открытой школѣ есть два главные основные воспитывающіе элемента,—учителя и учебные предметы.

Всѣмъ извѣстно, съ какою энергіей и, надо признать, съ какимъ искусствомъ, шагъ за шагомъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ часть нашего, такъ называемаго „интеллигентнаго", общества и нѣкоторые органы печати, одни не вѣдая, что творятъ, другіе, напротивъ, отлично это вѣдая, подрывали въ глазахъ учащихся авторитетъ какъ учителей, такъ и учебныхъ предметовъ.

Насъ, учащихъ, поголовно объявляли бездушными формалистами, тогда какъ русскій человѣкъ по природѣ не формалистъ, а русскіе учитель и учительница постоянно влагали всю душу въ свое дѣло и сократили, какъ извѣстно, среднюю продолжительность своей жизни до крайнихъ предѣловъ; насъ объявили чуть-ли не врагами нашихъ учениковъ, а преподаваемые въ школѣ предметы—частью безполезными, частью сводомъ вредныхъ, тенденціозно-подобранныхъ побасенокъ, разсчитанныхъ будто бы на задержку „развитія" учащихся.

Вмѣсто нихъ стали рекомендовать предметы ни въ какой культурной средней школѣ неизвѣстные... Въ курсъ русской литературы требовали введенія даже представителей декаденства; изъ преподаванія отечественной исторіи стараются—и, повидимому, кое-гдѣ небезуспѣшно—вытѣснить направленіе національное и патріотическое, замѣнивъ его, во всякомъ случаѣ, сомнительными и недоступными учащимся въ средней школѣ теоріями „естественной эволюціи" и „экономическаго матеріализма". О Законѣ Божіемъ я уже не говорю.

Школа наша попала въ густую, удушливую атмосферу скептицизма и ею пропитывается.

А за тѣмъ, господа, вмѣсто того, чтобы вести борьбу противъ всего этого, многіе и многіе изъ насъ, педагоговъ, малодушествовали, опустили руки. Въ этомъ—уже наша вина.

Мы, напримѣръ, молчаливо приняли извращенное въ большой публикѣ толкованіе благостныхъ, памятныхъ всему рус-

скому народу словъ Государя Императора въ рескриптѣ отъ 25 марта 1901 г. на имя генералъ-адъютанта Ванновскаго о необходимости сердечнаго попеченія школы о своихъ питомцахъ.

На эту нашу вину было указано въ циркулярѣ бывшаго министра народнаго просвѣщенія, Г. Э. Зенгера, отъ 28 іюня минувшаго года.

Оказывается, что мы упразднили самихъ себя въ смыслѣ „нравственнаго воздѣйствія на учащихся, настойчиваго проведенія извѣстной системы требованій, подчиненіе которымъ только и въ состояніи пріучить юношу къ уваженію законности", помочь ему выработать понятія объ обязанностяхъ, чести и долгѣ.

Упразднивъ самихъ себя, мы, будто бы въ цѣляхъ того же сердечнаго попеченія, на самомъ же дѣлѣ крайне безсердечно, упразднили въ школѣ и сколько-нибудь серьезное ученіе: наши недавно еще *учебныя* заведенія обратились въ *неучебныя*, въ какія то фабрики свидѣтельствъ, аттестатовъ, дипломовъ.

Мы забыли, господа, что значитъ праздность для дѣтей и юношей: мы упустили изъ вида, что „природа не терпитъ пустоты".

Тѣ увеселенія учениковъ и учениць, которыми мы думали эту пустоту заполнить и которыя мы стали практиковать наперерывъ другъ передъ другомъ въ самыхъ неумѣренныхъ дозахъ, оказались для этого непригодными.

Мы опять забыли, что „дѣлу время, а потѣхѣ часъ". И вотъ теперь мы пожинаемъ плоды своей слабости и забывчивости: въ школѣ водворилась полная распущенность. Весьма умѣренное еще изображеніе ея въ помянутомъ циркулярѣ Г. Э. Зенгера можетъ повергнуть въ ужасъ каждаго культурнаго человѣка.

А между тѣмъ на наше мѣсто пришли другіе, самозванные, учителя, разные „развиватели"; школьные предметы обученія замѣнились внѣшкольной пропагандой марксизма, соціализма, ницшеанства, босячества и практическими упражненіями въ хулиганствѣ.

Получившіе у насъ свидѣтельства объ окончаніи средней школы, переходя изъ нея въ высшую крайне невѣжественными, безъ интереса къ ученью и любви къ наукѣ, непривыкшими къ труду и недисциплинированными, естественно не въ состояніи заинтересоваться наукой и воспринимать ее въ этой высшей школѣ. Имъ здѣсь не остается ничего дѣлать, какъ— забастовать, изыскивая для этого, конечно, всевозможные и самые невозможные предлоги.

Молодые, нѣжные организмы, особенно въ средней школѣ, не выдерживаютъ той атмосферы, въ которой живутъ. Здѣсь причина увеличивающагося числа самоубійствъ несчастныхъ юношей.

Дальше, господа, въ этомъ направленіи идти уже некуда: передъ нами пропасть, куда есть не мало охотниковъ столкнуть насъ.

Итакъ, надо остановиться, осмотрѣться. Мы, педагоги, должны вернуться на свои мѣста и прежде всего вновь водворить въ школѣ ученіе, серьезное ученіе. Мы обязаны потребовать отъ ввѣренныхъ нашему попеченію дѣтей и юношей неуклоннаго исполненія нашихъ школьныхъ законовъ: только такимъ путемъ мы можемъ развивать въ нихъ чувства законности, долга и отвѣтственности, разумѣется, сами при этомъ являя имъ постоянный живой примѣръ развитія въ насъ самихъ тѣхъ же чувствъ.

Родителей мы должны настоятельно просить помочь намъ, наконецъ, въ надзорѣ за ихъ дѣтьми въ домашней жизни, за ихъ знакомствами, времяпровожденіемъ, занятіями, чтеніемъ.

Серьезное обученіе и ученіе, нравственное и скромное поведеніе, приличное юношеству, строгое исполненіе своего долга и обязанностей какъ учащими, такъ и учащимися,—вотъ что необходимо для упорядоченія средней школы.

Обученіе должно быть воспитывающимъ. Первое мѣсто въ школѣ по воспитательному воздѣйствію на учащихся принадлежитъ въ настоящее время Закону Божію, отечественной исторіи, русскому языку и литературѣ и лицамъ, эти предметы преподающимъ.

Отцы законоучители, къ вамъ обращаю слово!

Вы учители по преимуществу: вы проповѣдники божественнаго ученія, дѣйственнаго самого по себѣ на человѣческую душу, по природѣ христіанку; вы знаете эту душу, раскрывающуюся передъ вами на исповѣди: вы имѣете великую божественную благодать, полученную вами въ таинствѣ священства.

Въ силу всего этого, а не какихъ либо внѣшнихъ средствъ, въ родѣ начальственныхъ распоряженій и предписаній, займите сами первенствующее среди учащихъ мѣсто въ учебномъ заведеніи. Потщитесь насаждать истинную Православную вѣру, христіанское знаніе и христіанскую нравственность въ умы и сердца „малыхъ сихъ".

Г.г. преподаватели отечественной исторіи! Я неуклонно буду требовать отъ васъ преподаванія вашего предмета въ духѣ

исторической правды (Боже насъ сохрани отъ какой-либо неправды!), но въ тоже время въ направленіи строго національномъ и патріотическомъ, какъ этотъ предметъ преподается въ школахъ всего цивилизованнаго міра.

Не скрывайте отъ учащихся нашихъ слабыхъ сторонъ, печальныхъ событій въ исторіи родной земли, но пріучайте ихъ при этомъ относиться къ матери-Россіи и отрицательнымъ въ ней явленіямъ не такъ, какъ Хамъ отнесся къ своему отцу, а такъ, какъ отнеслись къ послѣднему Симъ и Іафетъ.

Старайтесь выяснить своимъ ученикамъ и ученицамъ великую, святую роль въ русской исторіи, въ культурѣ нашего отечества, Православной вѣры. Это весьма важно.

Господа! Россія создалась Самодержавіемъ, она вѣрна ему цѣлые вѣка, мы сами всѣ ему присягали.

Выясните же учащимся его великую историческую роль и значеніе, его необходимость для Россіи. Надъ этимъ вопросомъ поработало не мало русскихъ людей: Карамзинъ, наши славянофилы, Катковъ, Побѣдоносцевъ и многіе другіе, въ послѣднее время Черняевъ.

Покажите юношеству, въ чемъ состоятъ историческія и культурныя заслуги русской народности, какіе она совершила славные, истинно-христіанскіе подвиги на протяженіи своей свыше тысячелѣтней исторіи, на чемъ основано ея право быть хозяйкой въ русской землѣ и владычествовать надъ многочисленными инородцами, входящими въ составъ нашего Отечества. Вдохните, наконецъ, въ своихъ питомцевъ вѣру въ Россію.

Вотъ категорическое требованіе, которое я къ вамъ предъявляю, вотъ моя горячая просьба къ вамъ.

Г.г. преподаватели русскаго языка и словесности! Расшите учащихся въ любви къ родной русской рѣчи, охраняйте въ школѣ ея чистоту, развивайте въ нихъ любовь къ изящной міровой, русской литературѣ и ея національнымъ элементамъ, развивайте самое чувство изящнаго, идеальнаго, чистыя стремленія. Охраняйте молодежь отъ пошлости; старайтесь, чтобы она, воспитанная на высокихъ образцахъ человѣческаго творчества, на глубокихъ, оригинальныхъ мысляхъ, умѣла трезво и критически относиться ко всякой пошлости, литературной въ особенности.

Скажу вамъ всѣмъ, господа, что въ преподаваніи отдѣльныхъ предметовъ, его направленіи, должно быть извѣстное единство: нельзя разрушать на одномъ урокѣ то, что любовно созидается на другомъ.

Если гдѣ надлежитъ обратить особое вниманіе на воспи-

таніе, и именно въ направленіи религіозно нравственномъ и національномъ, то это, несомнѣнно, въ нашихъ женскихъ гимназіяхъ, гдѣ учатся будущія жены и матери русскихъ людей. А между тѣмъ тутъ-то въ этомъ отношеніи едва ли не самое больное наше мѣсто!

Повторяю, что я говорю вообще и отнюдь не имѣя въ виду учебныя заведенія гор. Оренбурга.

Когда говоришь о воспитаніи въ открытой школѣ, то приходится говорить и о взаимодѣйствіи семьи и школы. Господа! За свою службу на Прибалтійской нашей окраинѣ я привыкъ цѣнить на практикѣ это взаимодѣйствіе и ту дѣйствительно незамѣнимую помощь, которую прочная, образованная, культурная семья оказываетъ школѣ, поддерживая въ дѣтяхъ всѣ добрыя навыки, добрую нравственность, уваженіе къ школѣ и ея дѣятелямъ.

Я прошу васъ и здѣсь привлекать семью къ тому же. Я увѣренъ, что добрымъ, сердечнымъ отношеніемъ къ дѣтямъ, вовсе не исключающимъ, однако, твердости и настойчивости въ требованіяхъ, вы привлечете родителей къ тѣсному съ вами союзу. Чаще съ ними видайтесь, чаще бесѣдуйте!

Къ сожалѣнію, надо, однако, сознаться, что встрѣчаются семьи, которыя не только не содѣйствуютъ школѣ, относясь индифферентно къ воспитанію своихъ дѣтей, но даже противодѣйствуютъ ей и смотрятъ на самую школу, какъ на пустую фабрику дипломовъ для ихъ сыновей и дочерей.

Случается, что представители такихъ семействъ пробуютъ чуть не терроризировать учителей и даже начальниковъ учебныхъ заведеній. Будьте въ этихъ печальныхъ случаяхъ тверды, дѣйствуйте по закону и совѣсти, по долгу присяги, и ничего не бойтесь!

Я настаиваю на возможной индивидуализаціи воспитательныхъ пріемовъ. Но прошу васъ не забывать, что есть нѣкоторыя, правда немногія, основныя требованія, которымъ должны подчиняться всѣ учащіеся безъ изъятій.

Г.г. начальствующіе и учащіе въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ! По своей предыдущей службѣ я стоялъ очень близко къ дѣлу народнаго образованія и полюбилъ его всею душой. Но мнѣ приходилось до сихъ поръ работать преимущественно для образованія латышей и эстонцевъ. Я очень счастливъ, что воля Государя Императора привела меня сюда, гдѣ я могу поработать для образованія русскаго сельскаго населенія. Моею задачей будетъ возможное увеличеніе среди него числа школъ. На какія бы средства онѣ не открывались,—казенныя-ли, об-

щественныя (городскія и земскія), или частныя, я буду привѣтствовать ихъ съ одинаковою радостью, ровно любить ихъ.

Но, господа,—я долженъ громко это заявить,—я буду дорожить только школами съ добрымъ направленіемъ обученія и воспитанія. Такихъ школъ, о которыхъ мы недавно читали сообщеніе въ „Правительственномъ вѣстникѣ", послѣ ревизіи ихъ, тайнаго совѣтника Штюрмера, мнѣ вовсе не нужно, и существованія ихъ въ Оренбургскомъ округѣ я не допущу. Дирекція и инспекція народныхъ училищъ обязаны зорко слѣдить за направленіемъ всѣхъ подвѣдомыхъ имъ школъ; онѣ мнѣ за него отвѣчаютъ.

У насъ много школъ инородческихъ. Съ образованіемъ инородцевъ я близко ознакомился въ Рижскомъ округѣ. Но я отнюдь не склоненъ всѣ тамошнія нормы прямо переносить сюда: здѣсь есть много особыхъ условій, съ которыми къ тому же я еще не знакомъ. Въ этой области мнѣ предстоитъ многому поучиться.

Скажу только одно: я глубоко чту память покойнаго Н. И. Ильминскаго и отношусь съ полнымъ уваженіемъ къ его системѣ просвѣщенія нашихъ восточныхъ инородцевъ, но, добавлю, къ его системѣ въ чистомъ ея видѣ.

Мы здѣсь не одни дѣятели на нивѣ народнаго просвѣщенія: съ нами встрѣчаются на ней другія вѣдомства. Нашъ искренній имъ привѣтъ, миръ и любовь! Нива эта широка, а дѣлателей мало: всѣмъ хватитъ мѣста, и никакая междувѣдомственная борьба недопустима, хотя бы уже потому, что каждое вѣдомство дѣлаетъ одно и то же государство и земское дѣло.

Итакъ, господа, всѣ тѣ изъ васъ, которые будутъ прилагать честныя старанія по долгу присяги и совѣсти, воспитывать въ школахъ учащихся въ духѣ Вѣры, беззавѣтной преданности Царю-Самодержцу и въ сыновней любви къ великой Святой Руси будутъ имѣть во мнѣ искренняго, вѣрнаго друга, найдутъ энергичную поддержку. Я твердо увѣренъ, что мы будемъ со всѣми вами лучшими друзьями".

Эта прекрасная, мужественная, простая и ясная рѣчь мастерски очерчиваетъ наши школьные порядки и сжато намѣчаетъ рядъ мѣропріятій, настоятельно необходимыхъ для желаннаго обновленія. Дѣйствительно, „дальше идти некуда" и пора гг. наставникамъ вернуться къ ихъ прямымъ обязанностямъ, выполнять волю, Высочайше выраженную, а не слѣдовать коварнымъ внушеніямъ „свободомыслящей печати", пора на дѣлѣ водворить религіозно-нравственное воспитаніе и внѣдрить въ учащихся уваженіе къ закону, сознаніе долга и обя-

занностей передъ Богомъ, Царемъ и Родиной не безучастно, по приказанію, повторяемыми словесами, а живымъ примѣромъ и безбоязненнымъ служеніемъ правдѣ.

Однако, опытный садовникъ хорошо знаетъ, что никакія удобренія или прививки не помогутъ заброшенному цѣлые годы саду: его надо предварительно „обмолодить" надо на каждомъ захирѣвшемъ и устарѣвшемъ деревѣ тщательно вырѣзать всѣ усохшіе сучья, вычистить гнилыя раны, отпилить безплодныя, покрытыя лишаями вѣтви, удалить „водяные побѣги", непроизводительно тянущіе сокъ. Разъ это сдѣлано, удобрите почву и черезъ нѣсколько лѣтъ обновленное дерево покроется свѣжей зеленой листвой, душистыми цвѣтами и обильными плодами.

Такъ надо поступить и съ покрывающимъ всю Россію садомъ народнаго воспитанія и образованія. Развѣ не нужно освободить нашу школу отъ такихъ „начальниковъ", которые оставляютъ безнаказанными шпородцевъ, позволяющихъ себѣ свистать во время пѣнія народнаго гимна и наглыми выходками оскорблять патріотическія чувства русскихъ учениковъ и ученицъ? Развѣ мыслимы въ какой либо странѣ преподаватели, отказывающіе въ научномъ совѣтѣ юношѣ за то, что онъ открыто выражаетъ свою преданность Престолу и борется съ революціонной пропагандой? Развѣ терпимы въ стѣнахъ учебныхъ заведеній учителя, сравнивающіе народныхъ героевъ, покрывшихъ міровой славой русскій стягъ при Чемульпо, съ „канатными плясунами"? Развѣ можно допускать до отвѣтственныхъ постовъ наблюдателей за юношествомъ, тѣмъ болѣе во время лѣтняго отдыха, лицъ, открыто выражающихъ свое „неодобреніе" къ внутренней политикѣ Правительства, раздающихъ ученикамъ для прочтенія разныя подозрительныя книжонки по „рабочему вопросу", въ ущербъ для правильнаго хода ихъ учебныхъ занятій? Можно было бы предложить великое множество подобныхъ же вопросовъ, навѣянныхъ разными подметными и зарубежными изданіями, восхваляющими подобныя дѣянія и доносящими объ нихъ своему „международному" начальству, но, думается, основная мысль наша уже достаточно намѣчена: обновленіе нашей школы можетъ быть достигнуто только при условіи тщательнаго подбора свѣдущихъ, любящихъ свое дѣло и убѣжденныхъ преподавателей, равно какъ безотлагательнаго удаленія всѣхъ тѣхъ, кто святое дѣло воспитанія и образованія превращаетъ въ средство для проповѣди превратныхъ ученій. Это гнусное дѣяніе пробуютъ оправдывать ссылками на свободу науки. Но надо различать пытливую, творческую работу, напряженное исканіе научнаго изслѣдова-

теля. имѣющаго право на полную „свободу мнѣнія и сомнѣнія“, отъ какого нибудь юношескаго доклада, останавливающаго. напримѣръ. окончательную непригодность „трехъ гнилыхъ стержней“, т. е. Православія. Самодержавія и народности! Нельзя же допускать глумленія надъ святынями, приведенія изродцами текстовъ св. Писанія съ соотвѣтствующими. оскорбительными для вѣрующихъ толкованіями! „Руководитель“, быть можетъ, свѣдущій спеціалистъ. очень часто является круглымъ невѣждою въ богословіи, исторіи и другихъ отрасляхъ знанія, гдѣ онъ только повторяетъ „самыхъ передовыхъ мыслителей“ и подлаживаетъ имѣющимъ модный успѣхъ ученіямъ. вводя въ соблазнъ малоопытныхъ и несвѣдущихъ слушателей. Это уже не наука, а пропаганда. совершенно неумѣстная и недопустимая! Бываетъ и еще хуже: иные преподаватели укоряютъ студентовъ, за то. что тѣ слабо поддерживаютъ „борьбу съ правительствомъ“ и на замѣчаніе юношей. почему же вы сами не выступаете открыто. цинично ссылаются на свои семьи, на возможность лишиться куска хлѣба. Значитъ, позволительно ради партійныхъ цѣлей подставлять подъ послѣдствія уличныхъ безпорядковъ и забастовокъ „малыхъ сихъ“. тогда какъ житейское благоразуміе внушаетъ самимъ держаться въ сторонѣ. Вѣдь этому позорному поведенію имени нѣтъ: понятна сознательная гибель за истину; мученичество за великую идею благородно, но уничтожать надежды цѣлыхъ семействъ. обрекать на неизбѣжныя страданія незнающихъ ни жизни. ни прошлаго юношей. еще не окрѣпшихъ умственно и не могущихъ оцѣнить самостоятельно различныя „идеи“ и потирая руки. твердить. „чѣмъ хуже. тѣмъ лучше“—подстрекать юнцовъ къ ниспроверженію правительства и получать отъ него жалованье, чины и ордена. это—возмутительнѣйшая мерзость. слывущая за самый настоящій „либерализмъ“ и гражданское мужество. Наша многострадальная и обездоленная молодежь должна же. наконецъ, постичь нравственный обликъ такихъ людей и съ презрѣніемъ отвернуться отъ нихъ. какъ лицемѣрныхъ себялюбцевъ. Общество должно единодушно излить свое отвращеніе въ негодующемъ восклицаніи: маски долой губители юныхъ душъ и ненавистники общественнаго благополучія! Оставлять въ рукахъ подобныхъ наставниковъ подрастающія поколѣнія значитъ готовить неисчислимыя бѣды для Россіи и безполезно губить множество юныхъ жизней. Надо строгими и послѣдовательными мѣрами вырвать пропаганду изъ стѣнъ учебныхъ заведеній. превратившихся въ разсадники крамолы, памятуя, однако. что самыя совершенныя программы горю не

помогутъ, ибо будутъ извращены и изгажены недобросовѣстными исполнителями, а хитроумные „руководители общественнаго мнѣнія“ всю неудачу отнесутъ за счетъ „несостоятельныхъ идей“, положенныхъ въ основу тѣхъ или иныхъ уставовъ. Сей же обманъ будетъ горше перваго, ибо широкіе круги не отличаются проницательностью и всегда склонны взваливать отвѣтственность на то или иное учрежденіе, либо на отдѣльныхъ лицъ.

Конечно, установленіе степени пригодности любого преподавателя не можетъ быть предоставлено гг. директорамъ, порою склоннымъ къ разнаго рода „политикѣ“ и укрывательству, и новый попечитель Оренбургскаго округа избираетъ совершенно правильный путь, намѣреваясь въ ближайшемъ будущемъ познакомиться съ *каждымъ наставникомъ на урокахъ*. Это дастъ ему мѣрило для самостоятельной оцѣнки подвѣдомственныхъ ему лицъ. Два—три случая устраненія опустившихся или злонамѣренныхъ и остальные подтянутся, сбросятъ угодничество и заискиваніе передъ „передовыми юношами“ и общественнымъ мнѣніемъ“, представляемымъ обыкновенно какими нибудь крикунами и крикуньями, а честные труженики, безусловно преобладающіе въ рядахъ нашихъ учителей, выйдутъ изъ состоянія оцѣпѣненія и приложатъ усилія къ правильной постановкѣ святого и отвѣтственнаго дѣла воспитанія будущей Россіи.

Всякому ясно, что любое общественное улучшеніе достигается единственно путемъ улучшенія отдѣльныхъ личностей. Разъ каждый изъ насъ будетъ работать надъ самимъ собой, надъ поднятіемъ умственнаго и нравственнаго уровня своей семьи, своихъ дѣтей, обновленіе наступитъ скорѣе, чѣмъ ожидаютъ. Но возложить всѣ упованія на такое подвижничество всѣхъ и каждаго нельзя. Стало быть, нужны извѣстныя цѣлесообразныя мѣропріятія, облегчающія производительную дѣятельность однихъ и ставящія преграду для злонамѣренныхъ козней, о которыхъ молчать не слѣдуетъ. Еслибы надъ нашими учебными заведеніями былъ приподнятъ скрывающій многое *покровъ тайны*, то общество во очію убѣдилось бы, что надо немедленно оздоровить нашъ педагогическій міръ, а не карать только юношей, легковѣрныхъ и увлекающихся: они являются козлами отпущенія, а хищные волки прикрываются овечьей шкурой. Вотъ почему необходимо самое широкое гласное обсужденіе школьныхъ безобразій.

При стойкости, выдержкѣ и настойчивости еще возможно преодолѣть обильныя преграды и привлечь къ обновленію сочув-

ствіе и содѣйствіе положительныхъ общественныхъ силъ и того огромнаго большинства учителей, которые чужды пропагандѣ, но не могутъ по самой обстановкѣ, принести желанную пользу Родинѣ, а потому совершенно правильно г. Заіончковскій совѣтуетъ учителямъ почаще бесѣдовать съ родителями, открывать имъ глаза и привлекать ихъ расположеніе „добрымъ и сердечнымъ отношеніемъ къ ихъ дѣтямъ". Какая мать, какой отецъ не желаютъ „счастья" своему дѣтищу, не хотятъ увидѣть въ немъ полезнаго работника на пользу общую? Разъ они убѣдятся, что школа готовитъ дѣйствительно къ жизни, выпускаетъ зрѣлыхъ умственно и нравственно, разносторонне развитыхъ и воспитанныхъ молодыхъ людей, то все общество всячески будетъ выражать свое сочувствіе и проявитъ полную готовность оказать посильную помощь.

О деревѣ всегда судятъ по плодамъ, а потому наша школа, искалѣчившая столькихъ питомцевъ, должна показать свою дѣятельность въ иномъ свѣтѣ и тогда къ ней не замедлитъ обнаружиться всеобщее уваженіе и довѣріе. Уловки разныхъ „проповѣдниковъ", ихъ совѣты и обличенія только потому встрѣчаютъ вниманіе, что школа наша не можетъ указать на всѣмъ ясныя, осязательныя заслуги свои, на „плоды добрые" своей дѣятельности. При иныхъ условіяхъ всѣ ковы останутся гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, а изобличители „неправедные" встрѣтятъ дружное всенародное неодобреніе.

Само собой понятно, что и общество наше должно вооружиться терпѣніемъ, не требовать немедленнаго устраненія всѣхъ нестроеній въ школьномъ дѣлѣ: вѣдь здоровье приходитъ золотниками и нужно время, чтобъ вылѣчить застарѣлую болѣзнь. Положеніе запущено, но не безнадежно. Національзація русской школы несомнѣнно вдохнетъ въ нее свѣжія силы; больной встанетъ съ одра своего и пойдетъ по предназначенному ему Богомъ пути, разъ русское юношество будетъ спасено изъ цѣпкихъ рукъ поборниковъ насильственныхъ переворотовъ и проповѣдниковъ устраненія изъ школы тѣхъ творческихъ началъ, кои служили свѣтозарной путеводной звѣздой столькимъ поколѣніямъ.

А. Наумъ.

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВЪ.[1]

Въ Русскомъ Техническомъ Обществѣ.

Въ воздухоплавательномъ отдѣлѣ Русскаго техническаго общества *командиръ отдѣла А. М. Кованько сдѣлалъ 3 марта сообщеніе „о значеніи воздухоплавательной службы во время военныхъ дѣйствій"*. Докладчикъ выясняетъ громадную пользу, которую приносили аэростаты даже еще въ тотъ періодъ ихъ развитія, когда каждый полетъ въ сущности былъ только сомнительнымъ, ненадежнымъ опытомъ. Серьезное значеніе было признано за аэростатомъ въ семидесятыхъ годахъ, когда во Франціи образовалась спеціальная школа для изученія условій полета воздушныхъ шаровъ. Германія, Англія и Россія успѣли выработать собственный типъ аэростата для военныхъ цѣлей и постоянно прилагаютъ много усилій и средствъ для развитія этой отрасли военнаго дѣла. Военное воздухоплаваніе поставлено у англичанъ достаточно хорошо и принесло не мало пользы въ ихъ войнѣ съ бурами. Японія тоже стала стремиться развить у себя военное воздухоплаваніе. Первоначально японцы пытались взять за образцы французскій аэростатъ, но выписанные ими изъ Франціи аэростаты оказались никуда негодными; впослѣдствіи японскій принцъ Комацу побывалъ въ Берлинскомъ воздухоплавательномъ отдѣлѣ, подробно изучилъ постановку дѣла въ Германіи и затѣмъ Японія стала разрабатывать свой типъ аэростата, близкій къ нѣмецкому. Роль воздушныхъ шаровъ въ настоящей русско-японской войнѣ громадна. Особенно теперь, когда техника шаровъ усовершенствована и они почти могутъ двигаться по волѣ человѣка, куда угодно. Преимущественно шары назначаются для развѣдочной службы и при ихъ помощи рекогносцировочные отряды могутъ быть сведены къ нулю. Рекогносцировочный отрядъ иногда прекрасно выполняетъ порученіе развѣ-

[1]) См. Мирный Трудъ, № 5

дать мѣстность, расположеніе непріятельскихъ силъ и т. п. Но часто, попадая въ сферу вражескаго огня, гибнетъ. Между тѣмъ, шары недоступны для огня. Если въ нихъ можно попасть, то только изъ дальнобойнаго орудія. Далѣе, воздушные шары незамѣнимы на театрѣ войны съ гористою мѣстностью. Здѣсь они могутъ служить для движенія боевыхъ силъ въ незнакомой мѣстности, среди извилистыхъ тропинокъ,—маяками, указателями точнаго направленія. Въ морѣ непріятельскую эскадру съ шара можно видѣть за 80 верстъ и успѣть передать ея движеніе и направленіе. Затѣмъ А. М. Кованько перешелъ къ выясненію необходимости немедленной посылки полевой воздухоплавательной роты на театръ военныхъ дѣйствій. Русское воздухоплаваніе непремѣнно должно воспользоваться нынѣшнею войною уже для того, чтобы уяснить себѣ ту пользу, которую воздухоплаваніе можетъ принести. Во всякомъ случаѣ можно быть вполнѣ увѣреннымъ, что аэростаты въ этой войнѣ будутъ незамѣнимы на развѣдочной службѣ; въ особенности это важно для нынѣшняго театра военныхъ дѣйствій, происходящихъ въ мѣстности, крайне перерѣзанной, съ плохими дорогами. Путемъ аэростатовъ возможно наиболѣе легко ознакомиться съ мѣстоположеніемъ и дѣйствительными силами непріятеля, съ ихъ укрѣпленіями и передвиженіями войскъ; путемъ фотографированія съ аэростата возможно производить съемки мѣстности; путемъ сигналовъ можно передавать сразу по всей арміи и распоряженія главнокомандующаго. Затрудненія для примѣненія воздухоплавательной службы заключаются къ пересылкѣ аэростатовъ и особенно матеріаловъ для нихъ. Англійскій или германскій способъ доставки готоваго водорода обошелся бы въ громадную сумму Но русскіе воздухоплаватели выработали свой способъ. Пересылается въ трубахъ изъ обыкновеннаго листоваго желѣза ѣдкая щелочь; каждая труба въ 15 минутъ можетъ дать 40 куб. метровъ водорода, не требуя никакихъ сложныхъ приспособленій, и это количество водорода обойдется всего въ 1 р. 25 к. Такимъ образомъ затраты на опыты съ полевыми аэростатами будутъ стоить очень недорого, а между тѣмъ, кромѣ возможной пользы, будетъ выяснено вполнѣ боевое значеніе воздухоплаванія. Русскіе воздушные шары прекрасно выдержатъ свой боевой экзаменъ. По окончаніи сообщенія А. М. Кованько познакомилъ посредствомъ волшебнаго фонаря многочисленную аудиторію съ различными фазами снабженія шара водородомъ и съ различными типами аэростатовъ.

Въ студенческой корпораціи „Денница".

Приватъ-доцентъ А. А. Пиленко сдѣлалъ 11 февраля, сообщеніе „Русско-японская война съ точки зрѣнія международнаго права". Напомнивъ о четырехстолѣтнемъ движеніи русскихъ людей на востокъ, на колонизацію обширныхъ областей Азіатской Россіи, лекторъ указалъ, что созданіе стального сибирскаго мірового по значенію пути требовало выхода въ океанъ, міровой базы. Замерзающій Владивостокъ не могъ удовлетворить этой потребности. Съ 60-хъ годовъ на Востокъ идетъ непрестанная переселенческая волна. За первые 20 лѣтъ мы переселили 100 тысячъ, а за десятилѣтіе съ 1880 по 1890 уже 400 тыс. и съ 1893 по 1899—милліонъ. Выходъ къ теплому морю—наша потребность. Такъ какъ Балтійское не даетъ такого выхода, Черное—закрыто, Персидскій заливъ отъ насъ далекъ, Бѣлое море опять таки не выходъ, то вся масса Россіи какъ бы давитъ къ выходу на Печелійскій заливъ. Послѣ историческаго очерка нашихъ отношеній къ Японіи и Кореѣ, лекторъ коснулся статей „Times" „Русскія нарушенныя обѣщанія" и доказывалъ всю несостоятельность мнѣнія газеты. Разсмотрѣвъ непосредственно предшествовавшіе войнѣ дипломатическіе шаги, лекторъ затѣмъ обсуждалъ съ точки зрѣнія международнаго права волнующій общество вопросъ: „правая" или „не правая" эта война. Въ этой борьбѣ кто будетъ торжествовать? Достаточно сказать, что пять мѣсяцевъ войны поглотятъ весь бюджетъ Японіи. Намъ же надо воевать два съ половиной года, чтобы война поглотила нашъ бюджетъ. Силы явно неравныя и попытка Японіи безумная. Она истощится въ этой борьбѣ, но не одолѣетъ сѣвернаго великана. Докладъ вызвалъ горячее сочувствіе и воодушевленные знаки одобренія молодой аудиторіи.

— *26-го февраля Н. А. Энгельгардтъ сдѣлалъ сообщеніе „Основныя проблемы національнализма".* Намъ необходимо стать убѣжденными непоколебимыми націоналистами. У всѣхъ народовъ Европы на первомъ планѣ національнализмъ, который есть идейная непроницаемая броня. Мы должны сохранять внутреннее единство нашей многоплеменной страны и не быть поглощенными другими національностями; гражданско-политическая свобода личности всегда и всюду развивалась на почвѣ просвѣщеннаго національнализма. Сдѣлавъ историческую справу о развитіи національнализма у различныхъ народовъ въ XIX столѣтіи, докладчикъ

выяснилъ сущность и цѣли національизма: 1) достойное существованіе націи; 2) гарантіи свободнаго развитія культурной самобытности племенъ; 4) гарантіи общественно-политической свободы личности, наконецъ средства національизма—языкъ, школа, судъ и армія.

Въ Петербургскомъ собраніи сельскихъ хозяевъ.

20-го января г. Шиффферсъ сдѣлалъ сообщеніе объ арендномъ землевладѣніи крестьянами дворянскихъ помѣстій. Количество земли, которая можетъ быть обращена въ аренду крестьянахъ, г. Шиффферсъ высчиталъ въ 20 милл. десятинъ. Это тѣ дворянскія помѣстья, которыя совершенно уже фактически оставлены своими владѣльцами и обременены многочисленными залогами и перезалогами По мнѣнію докладчика, государству. при такомъ положеніи этихъ земель, не трудно уже пріобрѣсти ихъ въ собственность для распредѣленія на арендные крестьянскіе участки, что обезпечивало бы безбѣдное существованіе землею. Аренда должна быть долгосрочной и наслѣдственной. Арендная плата можетъ составить 4 процента на земельный капиталъ, и такой процентъ для государства будетъ очень выгоденъ. Въ подтвержденіе своихъ положеній докладчикъ привелъ собственный опытъ. Купивъ въ Рязанской губерніи довольно запущенное имѣніе, г. Шиффферсъ разбилъ его на участки по 20 десятинъ: для каждаго участка отпустилъ надлежащее количество лѣса для усадебныхъ построекъ и снабдилъ участки необходимымъ живымъ инвентаремъ: лошадью, коровой, 2 овцами и 2 свиньями. Заселеніе шло сначала туго, пошли въ аренду самые бѣдные мужики, но уже черезъ 2—3 года блестящіе результаты, достигнутые ими на арендной землѣ, сдѣлали начинаніе г. Шиффферса весьма популярнымъ въ крестьянской средѣ. Количество свота у арендаторовъ удвоилось и даже утроилось; всѣ налоги и подати, также какъ и арендная плата, около 140 р. въ годъ, платятся аккуратно. Бывшіе пролетаріи обратились въ хозяйственныхъ. крѣпко сидящихъ на землѣ, землевладѣльцевъ. Докладъ вызвалъ оживленныя пренія.

Въ Императорскомъ Географическомъ Обществѣ.

28 января состоялось 58-е годовое собраніе. Открывая засѣданіе, членъ государственнаго совѣта П. П. Семеновъ

произнесъ рѣчь, въ которой коснулся теперешняго положенія дѣлъ на Дальнемъ Востокѣ. Японцы начали военныя дѣйствія противъ насъ въ то время, когда еще шли переговоры, долженствовавшіе по безконечному миролюбію нашего Монарха, привести насъ къ мирному разрѣшенію конфликта. Географическое общество не можетъ не выразить негодованія и тѣхъ чувствъ, которыя волнуютъ въ данный моментъ каждое русское сердце. Я думаю, что являюсь выразителемъ общаго настроенія членовъ географическаго общества, если предложу послать телеграмму министру внутреннихъ дѣлъ, съ просьбою повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества Государя Императора наши вѣрноподданнѣйшія чувства. Предложеніе это было встрѣчено громкими аплодисментами. Затѣмъ, секретарь общества А. А. Достоевскій прочиталъ отчетъ о дѣятельности общества въ истекшемъ 1903 году и списокъ присужденныхъ обществомъ наградъ. Въ заключеніе, произведены были выборы.

Въ засѣданіи членовъ Археологическаго Института.

15 января, подъ предсѣдательствомъ профессора Н. В. Покровскаго, *состоялось торжественное засѣданіе членовъ археологическаго института, по случаю 26-й годовщины существованія института.* Прочитанный отчетъ о дѣятельности губернскихъ ученыхъ архивныхъ коммиссій за 1901—1902 г.г. ярко рисуетъ полезную дѣятельность коммиссій по охраненію мѣстныхъ архивныхъ матеріаловъ разныхъ учрежденій отъ уничтоженія, по описанію и изслѣдованію вещественныхъ памятниковъ (раскопкамъ кургановъ и т. п.) и въ то же время указываетъ на крайній недостатокъ матеріальныхъ средствъ для установленія правильныхъ систематическихъ работъ. Коммиссіи, къ сожалѣнію, до сихъ поръ существуютъ лишь на частныя пожертвованія и на небольшія субсидіи, ассигновываемыя отъ времени до времени городами и земствами. Не смотря на неблагопріятныя условія, коммиссіи живутъ (въ теченіе уже 20 лѣтъ), развиваются и крѣпнутъ. Объединенію безкорыстныхъ тружениковъ науки не мало способствуютъ устраиваемые въ послѣдніе годы областные археологическіе съѣзды.

Въ Русскомъ Археологическомъ Обществѣ.

22-го января, проф. В. В. Бартольдъ, въ засѣданіи Восточнаго отдѣленія, *сдѣлалъ сообщеніе о дѣятельности*

вновь возникшаго въ Россіи ученаго учрежденія: „Русскаго комитета для изученія Средней и Восточной Азіи“. Въ число членовъ комитета входятъ какъ русскіе ученые оріенталисты, такъ и представители разныхъ вѣдомствъ. На производство работъ комитету ассигнуется ежегодно 5000 рублей. На изученіе памятниковъ буддійской культуры ассигновано кромѣ того на 5 лѣтъ 40000 руб. Первою задачею комитета является организація сѣти членовъ—корреспондентовъ для производства изысканій на мѣстѣ, а также заботы о сохраненіи письменныхъ памятниковъ старины въ разныхъ пунктахъ Азіи. Дѣятельность комитета обнимаетъ археологію, этнографію, лингвистику и исторію Азіи. Среди работъ, произведенныхъ комитетомъ, отмѣчены были между прочимъ: экспедиціи въ Монголію и Туркестанъ, этнографическое изслѣдованіе племени айновъ и др.

Въ Юридическомъ Обществѣ.

29-го февраля В. К. Случевскій сдѣлалъ сообщеніе „о значеніи опытнаго научнаго и философскаго знанія въ практикѣ судьи“. Научныя и философскія знанія имѣютъ особенное значеніе для судьи въ наше время; для пониманія окружающаго строя нужно изученіе соціологіи и политической экономіи. Не менѣе нужно судьѣ, а особенно уголовному, изученіе психологіи, которая для судьи также важна, какъ фонарь для человѣка, идущаго въ темнотѣ, такъ какъ только благодаря ей человѣкъ постигаетъ обширную область безсознательныхъ поступковъ. Нужны судьѣ и философскія знанія, ибо дѣятельность судьи является не технической, а творческой; онъ призванъ не къ тому, чтобы только примѣнять законы, но и къ тому, чтобы въ нѣкоторыхъ случаяхъ творить ихъ. И въ этомъ второмъ творческомъ элементѣ своей дѣятельности судьѣ не обойтись безъ философіи.

Въ Собраніи Общества Гражданскихъ Инженеровъ.

23 го января инженеръ П. П. Тимофѣевъ сдѣлалъ сообщеніе „о новомъ изобрѣтенномъ имъ матеріалѣ“ Кремнитъ для строительныхъ, техническихъ и всякихъ промышленныхъ назначеній, причемъ демонстрировалъ образцы „Кремнита“ и нѣкоторыя издѣлія изъ него. „Кремнитъ“,—новый строительный, литой и несгораемый матеріалъ, добываемый заводскою переработкою,

весьма простою и несложною, изъ продуктовъ почвы, всюду въ изобилiи находящихся, пригоденъ для отливки изъ него разнаго рода предметовъ, какъ-то: строительныхъ, архитектурныхъ и художественныхъ издѣлiй, желѣзнодорожныхъ шпалъ, всякихъ принадлежностей для электрическаго освѣщенiя, телеграфныхъ, телефонныхъ и прочихъ изоляторовъ, памятниковъ, статуй, предметовъ домашняго и хозяйственнаго обихода и посуды и вообще всѣхъ предметовъ, литыхъ въ форму или прессованныхъ, отъ которыхъ требуется, кромѣ дешевизны, прочность, изящность, долговѣчность и способность сопротивляться атмосфернымъ и химическимъ дѣятелямъ и перемѣннымъ температурамъ.

Въ Соляномъ городкѣ.

Въ педагогическихъ курсахъ при главномъ управленiи военно-учебныхъ завѣденiй *Н. В. Кидниковъ сдѣлалъ сообщенiе „воспитанiе въ общественныхъ школахъ Англiи“*. Тезисы реферата таковы: 1) Два типа школъ Англiи (частныя и общественныя) независимость ихъ отъ правительства, слѣдствiемъ чего является полное разнообразiе ихъ программы и внутренняго порядка; 2) обученiе однообразно-механическое, заучиванiе наизусть составляетъ все и во всемъ. Особенность преподаванiя— „туторство“, т. е. репетированiе учениковъ, жившихъ на хлѣбахъ у воспитателей; 3) съ особой заботой относятся къ физическому воспитанiю; 4) право налагать тѣлесныя наказанiя предоставляется только ректору, къ ученикамъ старшихъ классовъ этотъ видъ взысканiя не примѣнялся; 5) мальчиковъ слѣдуетъ воспитывать въ свободѣ и самостоятельности, и потому имъ нужно предоставить больше свободы и самостоятельности, но предоставленiе свободы сводилось въ большинствѣ случаевъ только къ тому, что ученики оставались безъ всякаго присмотра; 6) учителя, за исключенiемъ ректора, относятся къ своимъ обязанностямъ механически, а потому и не имѣютъ нравственнаго вліянiя на учениковъ; 7) на обязанности ректора ручбiйской школы лежало также и религiозное воспитанiе учениковъ, средствомъ къ этому были его проповѣди; 8) при окончанiи школы Т. Брауномъ въ школѣ, благодаря заботамъ ректора, уже господствуетъ болѣе доброе направленiе. Источникомъ для реферата послужило сочиненiе Т. Гюксъ „Школьные годы Томаса Брауна“. Сообщенiе вызвало оживленныя пренiя. Генералъ А. Д. Бутовскiй, изучавшiй бытъ англiй-

ских школъ за послѣднее время въ самой Англіи, сообщилъ рядъ любопытныхъ свѣдѣній о школьномъ режимѣ послѣднихъ.

— *21-го февраля профессоръ С.-Петербургской духовной академіи А. А. Бронзовъ сдѣлалъ сообщеніе „о безубойномъ питаніи“ человѣка, рѣшаемомъ съ „христіанской точки зрѣнія“.* Приведя историческія данныя, почерпнутыя изъ библейскихъ—ветхозавѣтныхъ источниковъ и новозавѣтныхъ—христіанскихъ толкованій въ пользу проповѣдниковъ „животной“ пищи, лекторъ фактически доказывалъ, что такъ какъ Богомъ повелѣно питаться безубойнымъ способомъ, то человѣчество въ теченіе долгаго періода времени питалось вегетаріанской пищей. Но при Моисеѣ впервые введена пища отъ животныхъ и птицъ. По словамъ докладчика, помимо историческихъ данныхъ, вегетаріанство имѣетъ за собою несравненно больше положительнаго, чѣмъ отрицательнаго, что ясно видно изъ слѣдующаго. Не будучи обуреваемъ эгоизмомъ настолько, чтобы для своего насыщенія требовать смерти живого существа, человѣкъ въ то же время становится болѣе нравственнымъ, менѣе жестокимъ и болѣе сострадательнымъ по отношенію къ ближнимъ. На основаніи цѣлаго ряда данныхъ, докладчикъ рекомендуетъ пищу мясную замѣнить пищей вегетаріанской, что съ гигіенической точки зрѣнія, нисколько не уступаетъ обычной мясной пищѣ.

— *9-го марта профессоръ Н. В. Покровскій, сдѣлалъ сообщеніе „объ Аѳонскихъ монастыряхъ“.* Прежде путешествіе на Аѳонъ являлось истиннымъ подвигомъ. Первый русскій паломникъ на Аѳонъ, Василій Барскій повѣствовалъ о мукахъ голода, жестокихъ штормахъ, разбойничьихъ нападеніяхъ и т. п. Теперь попадаютъ туда изъ Петербурга въ 6 дней, съ комфортомъ. Аѳонскій полуостровъ, покрытый почти вѣчною зеленью лимонныхъ, апельсинныхъ, олеандровыхъ рощъ, сравнительно невеликъ 40—45 верстъ длинною и 8—10 верстъ шириною. Синее небо, море, возвышенные хребты, покрытые орѣховыми и каштановыми деревьями, даютъ Аѳону право считаться однимъ изъ красивѣйшихъ уголковъ земли. Монастырей насчитываютъ до 20, нѣсколько скитовъ и множество разбросанныхъ келій. Всего монаховъ (русскихъ, грековъ и южныхъ славянъ) до 7 тысячъ. Наиболѣе строгіе по уставу (съ богослуженіями по 10—12 часовъ) русскіе монастыри и главный изъ нихъ Пантелеймоновскій. Греческіе монахи, наоборотъ, не обременяютъ себя уставными строгостями

и живутъ на проценты съ капиталовъ, въ разное время собранныхъ съ довѣрчиво-благочестивой Россіи.

— *10-го марта* въ засѣданіи конференціи педагогическихъ курсовъ при главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній *заслушанъ былъ докладъ Л. И. Пальмина на тему „Невнимательное отношеніе воспитателя къ индивидуальнымъ особенностямъ воспитываемаго, какъ причина, вызывающая рѣзкое нарушеніе душевнаго развитія послѣдняго“*. Тезисы доклада слѣдующіе: 1) произведеніе гр. Л. Н. Толстого „Дѣтство и отрочество“ имѣетъ большую важность для воспитателей русскаго юношества, такъ какъ здѣсь и воспитанникъ и обстановка воспитанія берутся изъ русской дѣйствительной жизни, и такія, съ какими мы встрѣчаемся, можно сказать, на каждомъ шагу, самое же произведеніе написано въ высшей степени талантливо и правдиво, будучи чуждо какой либо тенденціи; 2) изъ всѣхъ мыслей, какія невольно напрашиваются на умъ при чтеніи этого произведенія, особенно важной представляется мысль о необходимости въ дѣлѣ воспитанія сообразоваться съ индивидуальными особенностями воспитывающаго; 3) требованіе это особенно нужно помнить въ переходный возрастъ, въ періодъ пробужденія полового чувства, когда и физическая и духовная природа воспитанника необыкновенно чувствительны ко всякимъ впечатлѣніямъ; 4) примѣръ такого душевнаго состоянія представляетъ Николинька Иртеньевъ, а примѣръ невнимательнаго къ нему отношенія его наставникъ.

Въ Обществѣ Охраненія Народнаго Здравія.

Въ засѣданіи отдѣленія общества по гигіенѣ воспитанія и образованія, *23-го февраля, докторъ А. А. Тицнеръ сдѣлалъ докладъ „о половомъ воздержаніи въ юношескомъ возрастѣ“*. Ознакомивъ съ многочисленнымъ процентомъ половыхъ заболѣваній, какой даетъ современная молодежь, авторъ задался цѣлію разобрать вліяніе полового воздержанія на физическую и психическую стороны организма. Ростъ организма прекращается только къ 24—25 годамъ и воздержаніе половыхъ сношеній до такого возраста не влечетъ за собой никакихъ вредныхъ послѣдствій. По заявленіямъ педагоговъ, лица, воздерживающіеся отъ половыхъ сношеній, отличаются болѣе высокими интеллектуальными способностями, большей энергіи и большей склонностью

къ труду. Такъ какъ практика жизни показываетъ, что люди, вступающіе въ бракъ въ возрастѣ 19—20 лѣтъ, имѣютъ вполнѣ здоровое потомство, то предѣлъ обязательнаго воздержанія слѣдуетъ ограничить этимъ возрастомъ. Въ качествѣ мѣръ, облегчающихъ это воздержаніе для юношества, Тицнеръ рекомендуетъ изъять изъ употребленія въ этомъ возрастѣ вино, табакъ, горчицу, перецъ и др. раздражающія вещества, употреблять въ пищу меньше мяса и больше растительныхъ продуктовъ, а также рекомендуетъ ввести въ школьную жизнь обязательное пользованіе холодными душами, которые вообще укрѣпляютъ нервную систему. Въ жизни учащейся молодежи долженъ фигурировать и физическій трудъ, хотя бы въ видѣ разнообразныхъ техническихъ занятій, переноски тяжестей, въ занятіяхъ по хозяйству и проч.

— *8-го марта* въ засѣданіи отдѣленія воспитанія и образованія *д-ръ В. О. Губертъ сдѣлалъ докладъ о вліяніи страха на тѣлесную и духовную сторону организма учащихся.* По существовавшей практикѣ отличительной чертой школьнаго воспитанія является страхъ. Употребляются способы то въ формѣ плохихъ отмѣтокъ, то ставленія въ уголъ, то оставленія безъ обѣда, то отсидокъ въ карцерахъ, то исключеній и проч. Вліяніе страха, съ физической стороны, проявляется въ разстройствѣ физіологическихъ функцій организма. Всѣ физическіе недостатки подъ вліяніемъ страха увеличиваются. Боязливые люди скорѣе заболѣваютъ и гораздо медленнѣе поправляются. Подъ вліяніемъ страха замѣчается безспорное ослабленіе умственныхъ способностей и разстройство памяти и является разслабленіе воли, склонность подчиняться всякому постороннему вліянію, полнѣйшая атрофія самостоятельности. Задачей реформы русской школы должно быть изгнаніе изъ школьнаго обихода метода запугиванія и страха. Покойный министръ народнаго просвѣщенія Ванновскій рекомендовалъ педагогамъ, вмѣсто системы наказаній, сердечное попеченіе объ учащихся.

Въ литературномъ кружкѣ С.-Петербургской Духовной Академіи.

25-го февраля состоялось засѣданіе литературнаго кружка. *В. В. Васильевскій сдѣлалъ сообщеніе на тему—„характеристика декаденства, какъ литературнаго направленія, по произведеніямъ Бальмонта“.* Свобода въ искусствѣ отъ всего—принципъ декаденства. Особенностью декаденской ли-

рики съ точки зрѣнія ея содержанія является ея пессимистическій характеръ—недовольство настоящею жизнью, какъ не цѣльною, и стремленіе къ безконечному Далѣе—индивидуализмъ, полное отсутствіе политико-общественныхъ мотивовъ, влеченіе къ стихіямъ природы и „любовь къ любви", изображеніе неуловимыхъ ощущеній и демоническій элементъ Особенностью лирики съ точки зрѣнія формы—служитъ полная ея непосредственность и вытекающая отсюда искусственность. Декаденство вполнѣ оправдываетъ свое названіе. Докладъ вызвалъ оживленный обмѣнъ мнѣній.

В. М. Стѣловъ.

Обзоръ дѣятельности Русскаго Кружка въ Варшавѣ за апрѣль 1904 года.

Апрѣля 5-го дня профессоръ П. В. Никольскій дѣлалъ сообщеніе „о новомъ направленіи среди русскихъ студентовъ", которое выразилось утвержденіемъ въ нихъ сознанія историческаго роста Россіи на основѣ Православія, Самодержавія и Народности Кружки студентовъ, съ таковымъ направленіемъ, образовались въ Харьковѣ, Петербургѣ, Кіевѣ; такой-же кружокъ хочетъ составиться и въ Варшавѣ въ университетѣ. Лекторъ предложилъ оказать поддержку студентамъ, стремящимся составить въ своей средѣ кружокъ, приглашая желающихъ на членскія бесѣды отдѣла.

По окончаніи доклада были пренія, въ которыхъ принимали участіе А. А. Боголюбовъ, В. П. Никольскій, Н. А. Логановъ, г. Григорьевъ, профессоръ Зиловъ, полковникъ Грановскій и профессоръ Филевичъ. Во время преній выяснилось, что всѣ признали принципіально желательнымъ присутствіе студентовъ на членскихъ бесѣдахъ, расходясь только въ практическомъ примѣненіи предложенія профессора Никольскаго, а потому предсѣдатель кружка, генералъ А. А. Боголюбовъ, послѣ преній предложилъ собранію рѣшить слѣдующіе вопросы: 1) допускать ли студентовъ на членскія бесѣды, подъ отвѣтственностью вводящихъ, съ разрѣшенія предсѣдателя и докладчика, но безъ предоставленія права голоса студентамъ? единогласно рѣшено: допускать; 2) желательно-ли допускать студентовъ (всѣхъ желающихъ) безъ права

голоса на общедоступныя бесѣды единогласно рѣшено: допустить. Послѣ засѣданія состоялась товарищеская трапеза съ отъѣзжающимъ въ городъ Кіевъ, членомъ Совѣта Выборныхъ Кружка, А. А. Сидоровымъ.

Передъ началомъ бесѣды апрѣля 12-го дня прочитаны: 1) адресъ генералу П. Е. Агапѣеву о сочувствіи членовъ Кружка по поводу гибели его сына Ал. Петр. Агапѣева на „Петропавловскѣ"; 2) адресъ князю Голицыну по поводу 25 лѣтія его литературно-общественной дѣятельности; 3) отвѣтная телеграмма В. А. Назаревскаго.

Во время засѣданія былъ поднятъ вопросъ о сближеніи благотворительныхъ обществъ въ Варшавѣ на почвѣ призрѣнія, обученія и воспитанія православныхъ дѣтей г. Варшавы.

Для выполненія этой цѣли рѣшено войти въ соглашеніе съ представителями всѣхъ благотворительныхъ обществъ, русскихъ школъ, пріютовъ, чтобы они при совмѣстномъ ознакомленіи во время засѣданія членовъ кружка выяснили практическій характеръ ихъ дѣятельности и постановки дѣла въ ихъ учрежденіяхъ и 2) рѣшено собрать нѣкоторыя статистическія данныя для полнаго выясненія, въ какой степени эти учрежденія другъ друга дополняютъ и какое могутъ оказывать другъ другу содѣйствіе.

Передъ началомъ бесѣды апрѣля 19-го дня прочитаны: 1) адресъ вдовѣ адмирала К. Н. Макаровой и 2) циркулярное письмо къ общественнымъ учрежденіямъ, вѣдающимъ воспитаніе, обученіе и призрѣніе малолѣтнихъ русскаго мѣстнаго населенія.

Затѣмъ состоялась первая бесѣда изъ ряда предназначенныхъ по вопросу: о призрѣніи и воспитаніи православныхъ дѣтей гор. Варшавы.

Докладъ былъ сдѣланъ профессоромъ В. В. Максимовымъ, главнымъ врачемъ больницы Младенца Іисуса: о дѣтяхъ православныхъ, призрѣваемыхъ въ Варшавскомъ воспитательномъ домѣ.

Изъ доклада выяснилось, что количество поступающихъ православныхъ новорожденныхъ дѣтей въ воспитательный домъ колеблется между 4—6%; количество же дѣтей старшаго возраста, находящихся на попеченіи воспитательнаго дома, не превышаетъ 8—10%, т. е. изъ 320—360 всѣхъ находящихся въ пріютѣ не болѣе 20—30 православныхъ

Новорожденные, поступающіе въ воспитательный домъ, послѣ короткаго въ немъ пребыванія, раздаются польскимъ мамкамъ,

гдѣ ихъ держатъ до 7 лѣтъ. Конечно, православныя дѣти, прибывая къ 7 лѣтнему возрасту въ пріютъ, не только не говорятъ по русски, но и молятся по католическому обряду.

Дальнѣйшее воспитаніе, призрѣваемыхъ въ воспитательномъ домѣ, православныхъ дѣтей было чисто польское. Учатъ по польски и воспитываетъ—полька (сестра милосердія).

Въ настоящемъ году во время поста священникъ при больницѣ „Младенца Іисуса" занимался съ православными дѣтьми пріюта в. д., но обученіе дѣтей молитвамъ и русскому разговору имѣло мало успѣха; дѣти окруженные товарищами, учителемъ и воспитательницей—поляками, быстро забывали выученное.

По окончаніи доклада, предсѣдатель сообщилъ, что имъ уже были ведены переговоры съ Люблинскимъ губернаторомъ В. П. Тхоржевскимъ, о принятіи, семьями православнаго населенія Люблинской губерніи, новорожденныхъ изъ воспитательнаго дома, и что губернаторомъ было обѣщано принять всѣ мѣры для выясненія этого вопроса. Что же касается возвращаемыхъ въ пріютъ воспитательнаго дома къ 7 лѣтнему возрасту, то желательно войти въ согласіе съ русскими благотворительными учрежденіями и школами гвардейскихъ полковъ, чтобы они разбирали по возможности, православныхъ дѣтей возвращающихся въ воспитательный домъ, къ себѣ въ школы.

Апрѣля 26-го дня состоялось второе сообщеніе по вопросу: „о воспитаніи и обученіи православныхъ дѣтей населенія гор. Варшавы. До начала бесѣды были прочитаны: телеграмма отъ К. Н. Макаровой, выражающая благодарность членамъ кружка за адресъ, поднесенный ей по случаю смерти ея мужа и 2) благодарственное письмо князя Голицына, за адресъ, посланный ему по случаю 25-ти лѣтней его литературной дѣятельности. Затѣмъ, профессоръ Троицкій ознакомилъ членовъ кружка съ практической дѣятельностью: 1) дневного пріюта общества содѣйствія воспитанію и образованію дѣтей, который содержится на средства этого Общества. Пріютъ призрѣваетъ 51 ребенка (мальчиковъ и дѣвочекъ). Дѣти, являясь въ пріютъ въ 7 час. утра, проводятъ тамъ день до 5 час. вечера, а нѣкоторые иногда и ночуютъ Въ пріютѣ дѣтей моютъ, одѣваютъ, кормятъ, учатъ молитвамъ, говорить по русски и грамотѣ (русской).

Пріютъ дѣйствуетъ и по праздникамъ. Для досмотра за дѣтьми нанята надзирательница. Обучаютъ дѣтей—члены Общества. Предсѣдатель П. К. Троицкій.

2) Маріинскій пріютъ существуетъ 30 лѣтъ, находится подъ покровительствомъ Русскаго Благотворительнаго Общества, ежегодно призрѣваютъ и обучаютъ 125 человѣкъ дѣтей. Содержаніе дѣтей обходится 2000 руб. въ годъ.

Воспитаніе и обученіе дѣтей въ пріютѣ велось не въ одномъ направленіи, а зависѣло отъ личныхъ взглядовъ попечителей: болѣе способныхъ и дѣтей дворянъ отдавали въ гимназіи (муж. и жен.), а остальные подготавливались къ занятію должностей домашней прислуги. Теперь же отдачу дѣтей въ гимназіи прекращаютъ, а обученіе въ пріютѣ одинаковое для всѣхъ.

Пріютъ предполагается обратить въ ремесленную школу. Воспитаніе въ обоихъ пріютахъ ведется чисто русское, православное.

Э. В.

Впечатлѣнія народника.

„Золото, злото сердце народное“!

I.

На холодныхъ волнахъ Тихаго океана, мирно покачивались грозные великаны-броненосцы, стоя у окрайны родной земли добытой русскою кровью, и вдругъ среди темной ночи вѣроломный врагъ подкрался къ нимъ, какъ тать, и нанесъ имъ тяжелыя раны. Дрогнули, застонали могучіе богатыри, покрылися честною солдатскою кровью, но Богъ сохранилъ ихъ отъ гибели... И пронесся отъ края до края по великой Руси зловѣщій крикъ: „война“.

Встрепенулась вся Русь и грозное „ура“ прокатилось по ней отъ моря до моря и отдалось въ сердцѣ каждаго русскаго человѣка и каждый русскій осѣнилъ себя широкимъ крестомъ, творя молитву за Русь и Царя...

Зазвонили колокола, созывая народъ въ православные храмы, и полились въ нихъ неудержимою волной густыя толпы простыхъ людей;—горячая молитва ихъ понеслась къ небесамъ вмѣстѣ съ колокольнымъ звономъ. Со слезами молилась могучая Русь, прося у Бога помощи въ постигшей отчизну бѣдѣ.

Злобно улыбались враги русскаго народа... Чудилось имъ наступленіе давно желанной бури, но къ ихъ ужасу и досадѣ, русскій людъ сталъ собираться въ разныхъ городахъ и весяхъ и, распѣвая „Народный гимнъ“, двинулся по улицамъ и площадямъ всею громадою, неся впереди изображенія своего державнаго Вождя.

Рухнули надежды тѣхъ, кто кричалъ о себѣ: „мы друзья народа“. Словно оплеванные забились они въ свои гнѣзда, а сотни вѣрившихъ имъ, обманутыхъ ими, пошли вслѣдъ за народомъ, потерявъ вѣру въ своихъ учителей...

Великая Россія сказала свое слово: „да здравствуетъ Царь на страхъ врагамъ“!.. И наши харьковцы, какъ истые дѣти своей матери-Россіи, едва ли не первыми показали достойный примѣръ любви къ Царю и Отечеству.

Лишь только до Харькова долетѣла вѣсть о началѣ военныхъ дѣйствій (27 января), какъ студенческій хоръ И. М. Туровѣрова собрался передъ городскимъ домомъ и запѣлъ „Народный гимнъ“, привлекшій вниманіе прохожихъ. Отъ городского дома хоръ, съ пѣніемъ гимна и въ сопровожденіи уже многихъ обывателей, двинулся къ Николаевской церкви; по мѣрѣ движенія впередъ, толпа все росла и росла и, наконецъ, достигла огромныхъ размѣровъ. Она уже пѣла сама то „Боже, Царя храни“, то „Спаси Господи люди Твоя“, заставляя встрѣчныхъ снимать шапки. До поздней ночи продолжалось это проявленіе народной любви и преданности Престолу. Передъ драматическимъ театромъ народъ по чьему то предложенію сталъ собирать копѣйки и пятаки на телеграмму Государю Императору, которая на другой день и была послана въ Петербургъ исполняющимъ обязанности начальника губерніи. Подъемъ духа харьковцевъ былъ такъ великъ, настолько у нихъ было сильно желаніе выразить передъ всей Россіей свои вѣрноподданическія чувства, хоть чѣмъ-нибудь, что они три дня подрядъ несмотря на дождь и вѣтеръ, ходили по городу, отводя душу въ пѣніи молитвъ и гимна. Изъ всѣхъ театровъ вызывались оркестры для исполненія народнаго гимна...

Не разъ вокзалъ наводнялся народною толпою, которая передъ иконою, находящеюся въ залѣ третьяго класса, горячо молилась за успѣхъ русскаго оружія и долголѣтіе Русскаго Царя... Тысячи людей толпились въ зданіи вокзала, но не было ни одного несчастнаго случая, ни одного посягательства на чужую собственность: самъ народъ поддерживалъ порядокъ во время этихъ, такъ называемыхъ, „массовыхъ гуляній“.

И не только кровные русскіе принимали участіе въ этомъ выраженіи преданности Престолу: Гриккe, Іогансонъ, и Дредеръ выставили въ окнахъ магазиновъ портреты Государя Императора, чѣмъ вызвали неописуемый восторгъ толпы. Эти нѣмцы доказали, что понимаютъ и уважаютъ чувства русскаго народа, которыя харьковцы проявили по собственному почину, руководствуясь только сердечнымъ порывомъ. Другой поддержки у нихъ не было. По газетнымъ извѣстіямъ во многихъ другихъ городахъ военные оркестры шли во главѣ народныхъ толпъ; начальники губерній и командующіе войсками говорили народу прочувствованныя рѣчи, сливаясь съ нимъ душой.

Всюду народъ, какъ одинъ человѣкъ, показалъ всему міру, что онъ имѣетъ свои убѣжденія, что онъ готовъ ихъ защищать отъ всякихъ покушеній и не хочетъ идти на призывы подпольныхъ изданій и мятежныхъ воззваній.

Да здравствуетъ же русскій народъ, сильный своею вѣрою! Да здравствуетъ русскій Царь, сильный своимъ народомъ!

Кто сокрушитъ такую силу? Кто устоитъ противъ нея? Горе ея врагамъ...

Всѣ удары выдержитъ Русь, всѣ невзгоды перенесетъ она: десница Всевышняго укрѣпитъ и сохранитъ ее на многія, многія лѣта...

II.

Какъ отзвуки далекой борьбы долетѣли до насъ печальныя вѣсти о гибели „Варяга“ и „Корейца“. Но Русь не упала духомъ, вмѣсто того, чтобы оплакивать неудачу, она высоко подняла голову: „я горжусь моими сынами, пошедшими на вѣрную смерть ради моей чести и славы; я горжусь ихъ доблестью, проявленной передъ всѣмъ свѣтомъ, на удивленіе и страхъ врагамъ“ думала она.

Но судьба не дала погибнуть завидною смертью всѣмъ этимъ героямъ и вотъ на всемъ пути отъ Одессы и Севастополя до Харькова и Петербурга ихъ проѣздъ былъ торжественнымъ шествіемъ.

Въ день проѣзда героевъ черезъ нашъ городъ съ самаго утра потянулись цѣлыя вереницы пѣшеходовъ со всѣхъ концовъ Харькова къ центральной станціи желѣзной дороги — Всѣ заводы перестали работать; рабочіе переполняли конки, сидя по 5—6 человѣкъ на скамьѣ.

Извозчики и ваньки везли тѣхъ, кто побогаче;—на лицахъ всѣхъ читалось какое то радостное настроеніе. Можно было подумать, что народъ спѣшитъ праздновать какое то великое торжество. Такъ оно и было:

Вѣдь сотни русскихъ возвращались на родину, покрытые славой, доказавъ всему міру, что значитъ русская беззавѣтная отвага!

Поражало только отсутствіе стройныхъ рядовъ всѣхъ учащихся, въ сердцахъ которыхъ слѣдовало бы запечатлѣть неизгладимыми чертами всенародную встрѣчу: это было бы дѣйствительнѣе отвлеченныхъ наставленій въ русскомъ духѣ...

Всѣмъ хотѣлось увидѣть новыхъ чудо-богатырей, но это оказалось невозможнымъ для многихъ. Казаки и солдаты охраняли вокзалъ, выстроившись шпалерами до самой Пушкинской школы, гдѣ городомъ приготовленъ былъ обѣдъ для моряковъ. На станцію пускали только по билетамъ, да и то далеко не всѣхъ: нимъ не помогли и пропуски, тогда какъ счастливцы сумѣли обойтись и безъ билетовъ и проникнуть на платформу.

Вокругъ вокзала толпились тысячи людей, запруживая

всю привокзальную площадь, садикъ и прилегающія улицы. Всѣ рвались впередъ, добиваясь болѣе удобныхъ мѣстъ, но вотъ раздался чей-то голосъ: Поѣздъ подходитъ! Послышался свистокъ. Грохотъ колесъ сталъ приближаться и показался, тихо, тихо двигаясь, огромный поѣздъ, влекомый двумя паровозами.

Все рвнулось на встрѣчу ему. Солдатъ смялъ. Начальство затерялось въ толпѣ, неистово кричавшей: ура!

Матросы, украшенные георгіевскими крестами, выглядывали изъ оконъ вагоновъ, махая платками.

— Ура! Ура! гремѣло въ воздухѣ; толпа бросилась къ вагонамъ, пожимая руки матросамъ. Нѣкоторыя барыни увлекались до того, что цѣловали имъ руки, отдавали свои кольца и деньги.

Сквозь эту толпу съ трудомъ пробиралось начальство вмѣстѣ съ морскими офицерами. Флигель адъютанта Руднева и капитана Бѣляева подхватили на руки и несли до царскихъ покоевъ: дамы осыпали ихъ живыми цвѣтами. Остальные офицеры и матросы высыпали изъ вагоновъ, какъ пчелы изъ улья, и выстроились вдоль поѣзда.

Суровыя, загорѣлыя лица, глядѣли смѣло и увѣренно, но на многихъ изъ нихъ видѣлись слѣды пережитой битвы.

Генералъ Сергѣевскій обратился къ нимъ съ коротенькой рѣчью. Могучее солдатское ура грянуло ему въ отвѣтъ. —Напра-во! раздалась команда одного изъ оставшихся при матросахъ офицеровъ: шагомъ маршъ! и матросы стройно двинулись въ Пушкинскую школу.

На крышахъ, фонаряхъ, телеграфныхъ столбахъ, деревьяхъ, словомъ вездѣ, гдѣ только можно было пріютиться, громоздились сотни людей, привѣтствуя моряковъ, шедшихъ между рядами солдатъ, неистовымъ ура.

Рабочіе паровозостроительнаго завода поднесли морякамъ икону и хлѣбъ-соль на блюдѣ, покрытомъ полотенцемъ; при входѣ моряковъ въ Пушкинскую школу качали матросовъ на рукахъ, а тысячная толпа, окружавшая школу широкою волною, сопровождала это качаніе радостными возгласами. Моряки, подлетая на воздухъ, снимали шапки и кланялись ликующей толпѣ.

Въ зданіе школы тоже попали немногіе избранные, такъ какъ только *нѣкоторые изъ Харьковскихъ обитателей знали о подпискѣ на обѣдъ* и только они получили билеты на входъ за подписью г. купеческаго старосты, однако такое одностороннее проявленіе патріотизма, не помѣшало и другимъ увидѣть, что дѣлалось въ школѣ...

Тамъ гремѣла музыка. За узкими, длинными столами, покрытыми желтымъ картономъ, сидѣли въ два ряда матросы.

Передъ ними стояли пивныя бутылки, сотки водки, пироги, борщъ и мясо. Между столовъ ходили нѣкоторые офицеры, нѣсколько гимназистовъ, дамы и барышни, распрашивая матросовъ о пережитыхъ впечатлѣніяхъ. Охотно отвѣчали молодцы. Съ скромностью и простотою, присущею русскому человѣку, разсказывали они, какъ шли „на видимую смерть".—Мы всѣ порѣшили умереть, а живьемъ не сдаваться. На воздухъ хотѣли взорваться, говорили они, и говорили такъ спокойно, какъ будто повѣствовали о какомъ нибудь, самомъ обыкновенномъ происшествіи. Ни малѣйшаго желанія порисоваться, выказать себя героями: „смотри, молъ, каковъ я!" не было замѣтно въ этихъ людяхъ. Они только сдѣлали то, что слѣдовало сдѣлать —чего же и хвастать,—такъ понялъ я ихъ слова, но я понялъ еще одно, что каждый изъ нихъ *опять* готовъ идти умирать за родину..

Отъ рабочихъ паровозостроительнаго завода обѣдающимъ стали раздавать папиросы въ бумажныхъ портсигарахъ: пока ихъ разносили, обѣдъ кончился.

Въ верхней залѣ послышались крики „ура" и звуки музыки...

Потомъ морскіе офицеры стали отъѣзжать въ городъ. Толпа встрѣчала и провожала ихъ криками „ура". Послѣ офицеровъ вышли матросы. Новые взрывы „ура" встрѣтили ихъ. Многихъ изъ матросовъ обыватели приглашали съ собою и угощали въ ресторанахъ такъ, какъ только угощаютъ русскіе люди русскихъ людей.

Изъ ресторановъ гости шли обнявшись съ хозяевами, крича „ура" и браня японцевъ за ихъ коварство.

Иныхъ изъ гостей везли на извозчикахъ, при чемъ вмѣстѣ съ однимъ гостемъ садилось душъ десять хозяевъ.

Нѣкоторые моряки, какъ кажется, сильнѣе утомились отъ Харьковской ласки, чѣмъ во время боя подъ Чемульпо, но уѣзжая въ пять часовъ вечера изъ Харькова на Сѣверъ, они усердно кланялись и посылали Харьковцамъ воздушные поцѣлуи.

Когда поѣздъ скрылся изъ глазъ, толпа рабочихъ пропѣла „Спаси Господи люди Твоя..." и разошлась по своимъ угламъ.

Навѣрное каждый изъ этой толпы, уходя домой, молилъ Бога о томъ, чтобы Онъ далъ еще разъ встрѣтить русское воинство, встрѣтить еще веселѣе, встрѣтить не только героями но и побѣдителями.

Дай Богъ, чтобы эти думки сбылися!

Пошли, Господи, побѣду русскому оружію, тому оружію, что всегда защищало Вѣру, Царя и Отечество, и помоги русскому воинству отстоять землю обильно политую кровью русскаго народа!

П. Оленичъ-Гнѣненко.

ВОЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ [1].

Открывая военныя дѣйствія, японцы поспѣшили возвѣстить всему міру, какія они поставили себѣ задачи: русскіе должны быть выгнаны изъ Манчжуріи, отброшены за Байкалъ побѣдоноснымъ войскомъ Микадо, мечтающимъ даже о походѣ въ Москву и о мирѣ въ Петербургѣ! нашъ флотъ былъ присужденъ къ полному уничтоженію; Портъ-Артуръ и Владивостокъ должны быть взяты къ назначенному сроку: „позавтракавъ въ Портъ-Артурѣ, японскіе воители собирались „обѣдать“ въ Мукденѣ, разсчитывая быть черезъ три мѣсяца въ Харбинѣ... Но вотъ оканчивается уже *пятый* мѣсяцъ войны, а японцы и ихъ друзья-журналисты все еще ждутъ обѣщаннаго пиршества и пока остаются безъ желанныхъ „завтрака“ и „обѣда“. Эти кичливыя похвальбы необходимо постоянно имѣть въ виду для правильной оцѣнки пресловутыхъ японскихъ „успѣховъ“, соблазнившихъ даже такого боевого человѣка, какъ генералъ М. И. Драгомировъ. Въ своемъ конотопскомъ уединеніи онъ забылъ свой дѣйствительно мудрый совѣтъ [2] не рядить о томъ, что происходитъ за 10,000 верстъ отъ насъ, и выступилъ въ „Развѣдчикѣ“ съ восхваленіями Куроки и тонкимъ, прикровеннымъ осужденіемъ нерѣшительнаго образа дѣйствій нашего главнокомандующаго, находя что „нужно дерзать и идти на „панъ или пропалъ“, лишь бы игра стоила свѣчъ“.

По нашему мнѣнію, подобный рискъ хорошъ на „зеленомъ полѣ“ для зарвавшихся азартныхъ игроковъ, но совершенно не годится на кровавомъ бранномъ полѣ для отвѣтственнаго лица, стоящаго во главѣ сотенъ тысячъ живыхъ существъ: въ данномъ случаѣ „пропалъ“ равносильно десяткамъ тысячъ человѣческихъ жертвъ, непоправимому паденію обаянія Россіи во всемъ мірѣ, вмѣшательству китайцевъ и цѣлому рою политическихъ, дипломатическихъ и общественныхъ осложненій. Слава Богу, что во главѣ русской арміи

[1] См. Мирный Трудъ № 2—5.

[2] Мирный трудъ № 3. Военное обозрѣніе стр. 214.

стоитъ человѣкъ уравновѣшенный, обладающій желѣзной волей и выдержкой, прекрасно понимающій условія современной войны, измѣнившіяся отъ новѣйшихъ изобрѣтеній. Въ доброе старое время еще можно было, пожалуй, рисковать, но постепенно исходъ войнъ сталъ опредѣляться не личнымъ молодечествомъ, не смѣлымъ порывомъ или дерзкой отвагой, а большей подготовленностью и разумной осмотрительностью. Напрасно представители старой школы повторяютъ суворовскія слова: „пуля дура—штыкъ молодецъ"; теперь далеко иныя условія боя и штыковая аттака густыми колонами съ музыкой и развернутыми знаменами отходитъ въ область невозвратнаго прошлаго. Не даромъ полки, пускавшіе въ дѣло „драгомировскіе пріемы", понесли въ настоящей войнѣ наибольшія потери, такъ какъ непріятель не принимаетъ удара въ штыки и предпочитаетъ, отойдя на нѣкоторое разстояніе, разстрѣливать плотные ряды нападающихъ. Уложить цѣлыя тысячи не мудрено при такихъ пріемахъ, но надо считаться съ особенностями врага и пересѣченной мѣстностью, гдѣ битва рѣшается обходами, преимуществомъ артиллеріи и численностью. Всѣ эти данныя приняты во вниманіе генераломъ Куропаткинымъ и въ этомъ его великая, неоспоримая заслуга. Онъ сохранилъ для Россіи армію въ тяжелые дни начала войны, когда неудача какого либо смѣлаго предпріятія, отдавала, дѣйствительно, всю Манчжурію японцамъ, во много разъ превышавшимъ по числу и боевой подготовкѣ наши силы. Даже теперь, по прибытіи 10 и 17 корпусовъ, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ непрерывнаго прилива подкрѣпленій изъ Россіи, японцы имѣютъ перевѣсъ по числу орудій и пѣхоты. Нѣмецкій военный журналъ, обладающій довольно точными свѣдѣніями, Militaer. Wochenblatt, сообщаетъ, что, принимая въ разсчетъ и двѣ резервныя дивизіи казанскаго округа, русскіе имѣютъ въ полѣ 221 баталіонъ и 81 батарею, или 648 пушекъ, а японцы 234 баталіона и 130 батарей, или 780 пушекъ! Необходимо также имѣть въ виду, что японцы, первые во всемъ мірѣ, ввели уже въ свою армію скорострѣльныя *горныя* орудія, тогда какъ у насъ, минувшею зимою, шли только испытанія различныхъ системъ. Въ ущельяхъ и на крутизнахъ южной Манчжуріи наши превосходныя полевыя орудія оказываются слишкомъ тяжелыми и поэтому малоподвижными, тогда какъ японцы могутъ быстро передвигать свои легкія пушки. Правда, онѣ стрѣляютъ медленнѣе русскихъ и предѣльная дальность ихъ выстрѣла короче, чѣмъ у насъ, что объясняетъ неоднократные ихъ уходы, до открытія даже

огня, отъ нашего мѣткаго боя. Но зато, при благопріятныхъ условіяхъ, японцы засыпаютъ шрапнелью наши батареи и полки и изъ груди нашихъ воиновъ вырывается правдивое замѣчаніе: „эхъ кабы побольше пушекъ у насъ было, никогда бы онъ не заставилъ насъ уйти".

Совершенно неблагоустроенныя дороги Манчжуріи и Кореи дѣлаютъ сравнительно удобнымъ передвиженіе только горныхъ орудій, которыя, по послѣднимъ извѣстіямъ, и отправлены изъ Россіи, тогда какъ японцы располагали ими съ самаго начала военныхъ дѣйствій. Значитъ „дерзкое" наступленіе при этихъ условіяхъ было заранѣе обречено на полную неудачу; произошло бы не сраженіе, а кровавая бойня, безсмысленная и безполезная трата человѣческихъ жизней. Вѣдь отъ штыка и пули рѣшающая роль перешла именно къ пушкамъ: прекрасный знатокъ военнаго искусства, преподававшій артиллерію Государямъ Александру III и Николаю II, заслуженный профессоръ, членъ военнаго совѣта и бывшій начальникъ Михайловской артиллерійской академіи, генералъ Николай Афанасьевичъ Демьяненковъ говоритъ: „роль артиллеріи въ современномъ бою чрезвычайно важна. Она была таковой и прежде, но теперь, въ виду дальности выстрѣла, значеніе ея на полѣ битвы усилилось еще больше. Артиллерія дѣйствуетъ такъ губительно и на такомъ далекомъ разстояніи, что разстрѣливаемый противникъ долженъ задуматься: идти ли ему дальше, хватитъ ли силъ приблизиться для аттаки"... „Тактика японцевъ, не принимающихъ штыкового удара, вѣрна: они разстрѣливаютъ аттакующаго, идущаго въ штыки, отступаютъ передъ рѣшительнымъ столкновеніемъ, быть можетъ, чувствуя, что не устоятъ, потомъ опять останавливаются и опять осыпаютъ противника градомъ пуль... Такъ поступали и французы въ крымскую войну. Владимирскій полкъ, въ битвѣ при Альмѣ, по русской привычкѣ, бросился въ штыки, а союзники, не ожидая удара, отходили и вновь останавливались, разстрѣливая полкъ". Теперь эту же тактику усвоили японцы, устраняя рукопашную схватку, не сулящую имъ успѣха, достигаемаго ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ. Значитъ, наличность временныхъ преимуществъ противника выдвигаетъ необходимость сугубой сдержанности и хладнокровія, безусловно не позволяетъ дерзать до прибытія нашихъ горныхъ орудій и подкрѣпленій.

За образъ дѣйствій генерала Куропаткина говоритъ и еще одно очень важное обстоятельство: на нашей сторонѣ имѣется очень крупный перевѣсъ въ кавалеріи: мы располагаемъ

183 прекрасными эскадронами противъ 68 посредственныхъ японскихъ. Но использовать этотъ перевѣсъ къ нашей выгодѣ мѣшаетъ мѣстность, изрѣзанная ущельями, обрывами, подъемами и высотами. Только изрѣдка, напримѣръ, у Вафангоу, можно было налетѣть на врага молодецкимъ наскокомъ и отпустить 3 бѣглецовъ отъ цѣлаго эскадрона! Но на равнинахъ возлѣ Лаояна и Мукдена наша конница найдетъ „большое поле, гдѣ разгуляться есть на волѣ". Всегда полководецъ считается съ своими сильными и слабыми сторонами, равно какъ боевыми качествами непріятеля, а потому отступленіе русскихъ вовсе не обозначаетъ пораженія и страха передъ противникомъ, но обусловливается желаніемъ дать бой въ наиболѣе благопріятной обстановкѣ: равнина для насъ—желанное поле битвы, ибо здѣсь заговорятъ полевыя наши орудія, превышающія по дальнобойности (5000 метровъ) японскія (всего 3500), и наша удалая конница опрокинетъ почти втрое слабѣйшую непріятельскую, да и самое преслѣдованіе разбитаго врага, обезпечивающее длительность и дѣйствительность удара, дѣлается для насъ болѣе удобнымъ, тогда какъ та же кавалерія прикроетъ отступленіе въ случаѣ неудачи.

Если принять во вниманіе настоятельную необходимость обезпечить подвозъ провіанта и боевыхъ снарядовъ, устроить санитарную часть многотысячной арміи, позаботиться о безопасности сношеній съ далекой Россіей, наладить увозъ больныхъ и раненыхъ на родину, разрѣшить тысячи мелкихъ вопросовъ, вызванныхъ войною на далекой окраинѣ и враждебностью части, едвали не большей, мѣстнаго населенія, то намъ совершенно станетъ ясно, что генералъ Куропаткинъ избралъ *единственно* правильный, медленный, но вѣрный путь къ побѣдѣ, путь постепеннаго накопленія силъ, а не отчаяннаго риска. Несмотря на рѣзкую критику, не взирая на предсказанныя имъ „горькія неудачи на сушѣ", гдѣ ждали немедленныхъ побѣдъ, онъ нашелъ въ своей душѣ непреклонныя силы и остался вѣренъ своему первоначальному плану, отложившему начало рѣшительныхъ столкновеній *„если не помѣшаютъ дожди"* до іюня мѣсяца. Стало быть, заранѣе было рѣшено допустить „высадку въ Кореѣ, наступленіе въ Манчжурію для занятія позиціи фронтальной къ Лаояну и фланговой къ пути Лаоянъ-Артуръ, высадку, подъ прикрытіемъ этого заслона, осадной арміи въ Бидзыво и приступъ къ осадѣ Портъ-Артура", т. е. тѣ „успѣхи", за которые осыпаютъ похвалами генерала Куроки, являются лишь выполненіемъ предвидѣнія нашего главнокомандующаго: такъ хорошій игрокъ въ шахматы

заставляетъ противника дѣлать извѣстные ходы поддаетъ ему пѣшки и фигуры для того, чтобъ получить желанное положеніе, опредѣленное расположеніе силъ, позволяющее нанести рѣшительный ударъ. Генералъ Куроки вовсе не обнаружилъ высокихъ „умовыхъ и волевыхъ" качествъ, ибо при перевѣсѣ по числу и вооруженію, весьма значительномъ въ началѣ войны, онъ могъ заставить генерала Куропаткина отступить до Харбина или даже Байкала, если бы не нашелъ помѣхи въ хладнокровномъ и осторожномъ образѣ дѣйствій нашего главнокомандующаго. Первое время, столкновеніе большихъ массъ было выгоднѣе для японцевъ и менѣе осмотрительный начальникъ давно бы уже разстроилъ русскую армію своимъ преждевременнымъ наступленіемъ и тѣмъ только облегчилъ бы очищеніе всей Манчжуріи нашими войсками подъ напоромъ многочисленнаго противника.

Вообще многіе изъ нашихъ „военныхъ обозрѣвателей" обнаруживаютъ какое то изумительное пристрастіе къ японцамъ и полное непониманіе необходимостью вызванныхъ распоряженій генерала Куропаткина. Особенно далеко въ этомъ отношеніи заходятъ „Русскія (по имени) Вѣдомости": ихъ обозрѣватель, силящійся изобразить глубокомысленнаго стратега и многоопытнаго тактика, уже грезитъ плѣненіемъ всей арміи Куропаткина, которому грозитъ новый Седанъ, благодаря обходному движенію геніальнаго Куроки черезъ Саймадзы на Мукденъ или даже Тѣлинъ. Это наступленіе должно отрѣзать русскія войска отъ подкрѣпленій изъ Россіи и отдать ихъ въ руки японцевъ. Вотъ типичный образецъ глубокаго самомнящаго невѣжества въ военномъ дѣлѣ: движеніе на Мукденъ при данныхъ обстоятельствахъ немыслимо и пагубно именно для нашихъ противниковъ, такъ какъ оно чрезмѣрно отдаляетъ ихъ отъ естественной базы-моря и ставитъ пути сообщенія подъ ударъ русской арміи въ Лаоянѣ; мало того, японскій отрядъ, занявшій Мукденъ, попадаетъ въ крайне опасныя условія и можетъ быть совершенно раздавленъ одновременнымъ съ двухъ сторонъ нападеніемъ подходящихъ изъ Россіи подкрѣпленій и выдѣленныхъ изъ Лаояна силъ. Кромѣ того, въ Мукденѣ стоитъ, по иностраннымъ извѣстіямъ, 25 т. и въ Харбинѣ 75 т. русскихъ войскъ. Стало быть, обходное движеніе японцевъ на Мукденъ опасно для нихъ самихъ и ни одинъ сколько-нибудь свѣдущій въ военномъ дѣлѣ человѣкъ не можетъ допустить мысли о подобномъ нарушеніи всѣхъ указаній боевого опыта и научныхъ соображеній. Куроки только дѣлаетъ видъ, что наступаетъ, а потому Саймадзы то и дѣло

переходитъ изъ рукъ въ руки. Главный интересъ сосредоточивается теперь совершенно въ другомъ мѣстѣ—возлѣ узловой станціи Дашичао, откуда идетъ вѣтка на Ньючуангъ въ Китай. Пока она будетъ оставаться за нами, мы имѣемъ выходъ къ морю черезъ Инкоу, возможность сношеній съ Портъ-Артуромъ и наступленія на выручку этой твердыни, тогда какъ занятіе этого стратегическаго узла японцами отбрасываетъ насъ отъ побережья, отдастъ имъ Ньючуангъ, съ устьемъ судоходной Ляохе, сближаетъ съ Китаемъ и совершенно отрѣзываетъ Портъ-Артуръ. Нашему врагу важно закрѣпить за собой весь Ляодунскій полуостровъ и устроить себѣ подвозъ припасовъ и подкрѣпленій по судоходной рѣкѣ Ляохе, идущей параллельно нашей желѣзной дорогѣ, такъ какъ тогда наше положеніе станетъ очень невыгоднымъ, а японцы займутъ житницу Манчжуріи, самую богатую и плодородную ея область. Поэтому столкновенія на южномъ театрѣ военныхъ дѣйствій пріобрѣтаютъ первостепенное значеніе. Здѣсь оба противника имѣютъ передъ собой существенно важныя задачи: японцы должны употребить всѣ усилія, чтобы взять Портъ-Артуръ до перехода къ русскимъ преобладанія на морѣ, которое будетъ неизбѣжно закрѣплено прибытіемъ второй Тихоокеанской эскадры; въ свою очередь русскимъ необходимо всячески смягчить тяжкія условія портъ-артурскаго сидѣнія: если обстоятельства не позволяютъ немедленнаго освобожденія Портъ-Артура, то его положеніе можетъ быть облегчено наступленіемъ нашихъ войскъ къ югу, которое потребуетъ сильнаго заслона и будетъ держать осаждающую армію въ сугубомъ напряженіи, отвлекая ея силы для отпора нашимъ подвигающимся къ квантунскому полуострову отрядамъ. Затѣмъ, поиски владивостокскихъ крейсеровъ также должны помочь Портъ-Артуру, ослабляя эскадру Того, обязанную защищать транспорты и поддерживать блокаду.

Эти два средства и были пущены въ дѣло въ минувшемъ мѣсяцѣ: отрядъ барона Штакельберга придвинулся за Вафангоу и заставилъ японцевъ выдвинуть противъ него значительныя силы, предназначенныя было для дѣйствій противъ Портъ-Артура; смѣлое движеніе на югъ отвлекло нашего противника отъ разрѣшенія главной задачи—взятія нашего тихоокеанскаго флота, и втянуло армію Микадо въ рядъ передвиженій, вызванныхъ выступленіемъ генерала Куропаткина изъ Ляояна. Нашъ главнокомандующій безъ большихъ сраженій добился стратегическаго раздвоенія японской арміи: одна ея часть должна дѣйствовать противъ Портъ-Артура, а другая поставлена въ необходимость считаться съ перенесеніемъ сосредоточенія

русскихъ силъ и главной квартиры въ Хайчепъ, откуда можно удобно наблюдать за Пынхуанченомъ, защищать Дашичао и кинуться на выручку Портъ-Артура. Съ этой точки зрѣнія надо оцѣнивать и двухдневный бой подъ Вафангоу. Здѣсь на отрядъ барона Штакельберга надвинулись превосходныя непріятельскія силы, почти втрое превышающія его численность; горныхъ орудій и пулеметовъ у японцевъ было свыше 200, тогда какъ у насъ дѣйствовало менѣе сотни. Но храбрость и отвага русскихъ воиновъ не считались съ такимъ перевѣсомъ; въ первый день успѣхъ видимо былъ на нашей сторонѣ; часть японцевъ была обращена въ бѣгство и даже бросила свои орудія подъ напоромъ казаковъ. На другой день наши перешли въ наступленіе, обходя японцевъ съ фланга, но противникъ получилъ ночью сильное подкрѣпленіе, разузналъ черезъ шпіоновъ и китайцевъ точное расположеніе нашихъ войскъ и самъ предпринялъ обходное движеніе, направивъ одновременно жестокій огонь противъ нашего центра. Русская батарея была буквально засыпана японскими снарядами, центръ прорванъ и выяснилась необходимость прервать наше побѣдное наступленіе на правый флангъ непріятеля; только неоднократно повторенныя приказанія заставили многія части отступить, такъ онѣ были охвачены увлеченіемъ боя. По японскимъ свѣдѣніямъ наше правое крыло было окружено, но тѣмъ не менѣе оно проложило себѣ путь къ отступленію, облегченному прибытіемъ подкрѣпленій. Нѣкоторые полагаютъ, что приходъ Тобольскаго полка даже рѣшалъ дѣло въ нашу пользу, если бы нами была проявлена большая настойчивость, такъ какъ непріятель понесъ сильныя потери: очевидецъ говоритъ, что наши снаряды и пули вырывали у японцевъ цѣлые ряды; позднѣйшія извѣстія настойчиво сообщаютъ, что японцы разстрѣляли свои снаряды и находились въ затруднительномъ положеніи. Но эти данныя не были извѣстны барону Штакельбергу, тогда какъ врагъ зналъ до мелочей наше расположеніе: довольно того, что онъ стрѣлялъ по скрытой батареѣ, не сдѣлавшей ни одного выстрѣла. Сигналы китайцевъ увѣдомляли о каждомъ нашемъ шагѣ и, понятно, открывали наши слабыя мѣста.

Слѣдствіемъ нашего отступленія былъ захватъ японцами 13 испорченныхъ орудій и около 300 раненыхъ, коихъ не успѣли увезти съ собой, такъ какъ врагъ открылъ огонь по „красному кресту“,

Эти „трофеи“ снова смутили наше нервное и мало освѣдомленное общество, не постигающее назначеніе современной артиллеріи. Въ подкрѣпленіе соображеній, высказанныхъ нами

въ предшествующемъ обозрѣніи, приведемъ слова того же генерала Демьяненкова: „непонимающіе условій артиллерійскаго боя ужасаются количеству брошенныхъ орудій на Ялу, у Цзинь-Чжоу, теперь у Вафангоу... Какъ много бросили пушекъ! Но, вѣдь, бросили ихъ потому, что онѣ исполнили свою задачу. Находясь здѣсь (въ Петербургѣ) мы не можемъ знать плановъ начальниковъ отрядовъ. Можно было приказать артиллеріи отступать заблаговременно, но также вполнѣ возможенъ приказъ держаться на позиціи до послѣдней возможности .. Кутайсовъ, извѣстный знаніемъ артиллерійскаго дѣла, говоритъ, что „задача артиллеріи выполнена тогда, когда послѣдніе два выстрѣла она даетъ въ упоръ непріятелю. Этотъ моментъ, когда противникъ насѣлъ на орудія, и составляетъ эпилогъ артиллерійскаго боя. Артиллерія притомъ не защищается сама; ее защищаютъ другіе роды оружія: пѣхота или конница. И вотъ, когда приказа отступать съ орудіями не было, когда артиллерійскій бой доведенъ до крайности, а увезти орудія нельзя, они бросаются, но бросаются, обыкновенно, испорченными. Такъ поступили въ бояхъ съ японцами и наши герои артиллеристы".

Порча орудій производится вынниманіемъ замка или поврежденіемъ канала, что дѣлаетъ крайне труднымъ ихъ исправленіе: гораздо легче сдѣлать новыя, чѣмъ воспользоваться брошенными, а потому захватъ орудій не увеличиваетъ боеспособность врага, а ихъ убыль покрывается высылаемыми взамѣнъ новыми, которыя изготовляются въ избыткѣ нашими казенными заводами.

Итакъ, нѣтъ никакихъ основаній питать опасенія или впадать въ уныніе отъ захвата орудій японцами: они покупаются слишкомъ дорогою цѣною, цѣною сотенъ убитыхъ и раненыхъ непріятелей, и не имѣютъ боевого значенія; да и „трофеями" ихъ слѣдовало бы перестать считать.

Въ стратегическомъ отношеніи бой у Вафангоу былъ для насъ безусловно выгоденъ и улучшилъ наше положеніе, такъ какъ заставилъ армію Оку двинуться за отрядомъ Штакельберга, вмѣсто того, чтобы идти на штурмъ Портъ-Артура. Кромѣ того для насъ уяснилось расположеніе непріятельскихъ войскъ и опредѣлились мѣры, необходимыя для задержанія ихъ наступленія. Тактическій же пройгрышъ сраженія обусловленъ численнымъ преобладаніемъ врага, измѣною китайцевъ и страшнымъ перевѣсомъ артиллеріи: не даромъ наши солдаты, отступая послѣ двухдневнаго боя, жаловались только на недостатокъ артиллеріи: „кабы намъ пушекъ больше, наша

бы взяла" вотъ ихъ неколебимое убѣжденіе, вынесенное изъ боевого опыта. Отступленіе производилось въ полномъ порядкѣ, возбужденные и отважные солдаты то и дѣло порывались обернуться и львами кинуться на врага. Преслѣдованіе снова не удалось японцамъ, которые на сей разъ задались было болѣе сложными цѣлями: они хотѣли движеніемъ въ тылъ Штакельбергу отрѣзать его отъ главныхъ силъ и истребить его отрядъ до послѣдняго человѣка. Услужливая печать японофиловъ ликовала и предвкушала близкое торжество, но русскіе богатыри мѣрнымъ шагомъ подвигались на сѣверъ, откуда къ нимъ на подмогу были двинуты свѣжія войска. Обходная колона японцевъ гдѣ то затерялась или застряла и весь планъ захвата отступающаго отряда разлетѣлся, какъ мыльный пузырь: генералъ Штакельбергъ соединился съ подкрѣпленіями и начальствуетъ теперь надъ нашимъ авангардомъ, расположеннымъ южнѣе Дашичао.

Важнѣйшимъ и выгоднымъ для насъ послѣдствіемъ битвы при Вафангоу была перемѣна фронта русской арміи, которая стала теперь лицомъ на югъ, имѣя крайнее правое крыло въ Инкоу и занимая концомъ лѣваго окрестности Саймадзы. Такимъ образомъ линія желѣзной дороги приходится перпендикулярно къ фронту, тогда какъ прежде она была параллельной ему, что затрудняло оборону и подвозъ. Затѣмъ, дѣйствія Штакельберга и посылка ему сильныхъ подкрѣпленій выманули Куроки изъ его укрѣпленнаго логовища при Фынхуанченѣ. Японцы двинулись къ слабо защищаемымъ переваламъ черезъ Фын-шулинскій перевалъ и стали подвигаться къ болѣе ровной мѣстности, гдѣ, какъ извѣстно, намъ удобнѣе дать рѣшительное сраженіе. Въ случаѣ его удачнаго исхода русскіе получатъ крупное стратегическое преимущество, такъ какъ Куроки потеряетъ возможность отступленія на Корею и японцы будутъ прижаты къ Квантунскому полуострову и портъ-артурскимъ твердынямъ, заперты въ неблагопріятномъ для прокормленія арміи и сообщеній съ родной мѣстѣ, что чрезвычайно дурно должно отозваться на санитарномъ положеніи противника, войска котораго уже теперь страдаютъ отъ дезентеріи и другихъ повальныхъ болѣзней. Надо принять во вниманіе и грозящій преждевременнымъ наступленіемъ періодъ дождей; удаленіе отъ моря гораздо пагубнѣе теперь для японцевъ, такъ какъ подвозъ запасовъ и отправленіе заболѣвшихъ въ Японію сдѣлаются до чрезвычайности затруднительными, что, несомнѣнно, должно вызвать новое усиленіе заболѣваній. Трудно думать, чтобъ непріятель, дѣйствующій съ огромной

осторожностью, не принялъ во вниманіе этихъ обстоятельствъ и поэтому можно ожидать даже отступленія японцевъ, тѣмъ болѣе, что дѣла на морѣ принимаютъ для нихъ неблагопріятный оборотъ.

Какъ мы и ожидали [1]), наша Владивостокская эскадра предприняла новый удалой поискъ къ берегамъ Японіи и Кореи. Адмиралъ Скрыдловъ раздѣлилъ свои силы на два отряда: одинъ, состоявшій изъ трехъ крейсеровъ—„Россія“, „Громобой“ и „Рюрикъ“, подъ командой вице-адмирала Безобразова, долженъ былъ направиться къ югу и дѣйствовать на сообщенія противника; другой, въ составъ коего вошли миноносцы подъ общимъ начальствомъ капитана Вилоградскаго, былъ посланъ къ сѣверному побережью Японіи. Дѣйствія обоихъ отрядовъ были очень удачны и обогатили исторію русскаго флота новой славной страницей. Адмиралъ Безобразовъ настигъ въ Корейскомъ проливѣ, утромъ 2 іюня, японскій транспортъ Идзуми-мару, на которомъ находились воинскіе чины. Приказавъ транспорту остановиться и спустить команду на шлюпки въ назначенный срокъ, крейсеръ „Громобой“, которому было поручено овладѣть пароходомъ, открылъ огонь, такъ какъ японское судно не останавливалось. Нѣсколько удачно пущенныхъ снарядовъ заставили японцевъ исполнить русское требованіе, но большинство непріятельскихъ войскъ не думало о сдачѣ, начало даже стрѣлять и погибло вмѣстѣ съ кораблемъ, потопленнымъ русскими выстрѣлами. Крейсеръ принялъ къ себѣ лишь 105 чел., въ томъ числѣ 17 офицеровъ. Цѣнный военный грузъ и войска исчезли въ морской пучинѣ. Потопивъ Идзуми мару, „Громобой“ погнался за показавшимся пароходомъ „Хиташимару“, а „Россія“ устремилась на „Садомару“. „Хиташимару“ на всѣхъ парахъ бросился на „Громобоя“, желая его потаранить и цѣною собственной гибели нанести намъ тяжкій ущербъ. Но это намѣреніе было во время замѣчено, крейсеръ перемѣнилъ ходъ и напалъ на транспортъ. Здѣсь находился цѣлый японскій полкъ съ полнымъ обозомъ и какой-то генералъ со своимъ штабомъ. Русскіе снаряды рвались на палубѣ, причиняя большую убыль въ людяхъ, пароходъ накренился; на немъ начался пожаръ. Лишь сравнительно немногіе воспользовались возможностью спастись на шлюпкахъ; остальные пошли ко дну вмѣстѣ съ транспортомъ; знамя было сожжено самими японцами; многіе изъ нихъ покончили самоубійствомъ. Участь „Хиташимару“ устрашила „Садомару“, на которомъ, кромѣ воинскаго груза, находились

[1]) „Мирный Трудъ“, № 5, стр. 201. Военное обозрѣніе.

мастеровые телеграфнаго вѣдомства, кони, понтоны, два милліона іенъ золотой англійской монетой и осадныя орудія. При приближеніи русскихъ ящики съ золотомъ были выброшены въ море; кули (1300 ч.) разграбили запасы вина, пива и водки; пьяные произвели безпорядокъ при спускѣ въ лодки; многіе потонули въ суматохѣ, когда пароходъ остановился по приказанію русскихъ. Однако спокойное море и великодушіе нашихъ дозволили значительному количеству спастись. Сдались 4 иностранца, служившіе на пароходѣ и 25 офицеровъ; остальные чины не пожелали покинуть пароходъ, въ который „Рюрикъ“ выпустилъ двѣ мины, попавшія въ машинное отдѣленіе; „Садомару“ сталъ погружаться; налетѣлъ шквалъ съ дождемъ; поднялся сильный вѣтеръ, сдѣлалось пасмурно, и наши крейсера отправились дальше, покинувъ полузатопленный пароходъ. По послѣднимъ извѣстіямъ „Садомару“ не погибъ вмѣстѣ съ оставшимися на немъ людьми и приведенъ для продолжительной починки въ гавань. Но спасая его, два японскихъ парохода, „Кацутопо-мару“ и „Шикоку-мару“ столкнулись съ военнымъ судномъ „Ямато“ и нанесли другъ другу очень тяжкія поврежденія, выведшія всѣхъ ихъ изъ строя. Причинивъ непріятелю столь значительный ущербъ, нашъ крейсерскій отрядъ на пути къ Сангарскому проливу захватилъ британкій пароходъ „Аллантоунъ“, занимавшійся перевозкой военной контрабанды для японцевъ, и отправилъ его во Владивостокъ съ конвоемъ военной команды подъ начальствомъ лейтенанта Петрова 10. Призовой судъ разобралъ дѣло и призналъ пароходъ подлежащимъ захвату, но владѣлецъ принесъ апелляціонную жалобу.

На обратномъ пути не было замѣчено никакихъ непріятельскихъ судовъ и, такимъ образомъ, отрядъ вице-адмирала Безобразова выйдя изъ Владивостока 30 мая, возвратился 7 іюня, „не имѣя ни потерь въ людяхъ, ни поврежденій“.

Набѣгъ нашихъ крейсеровъ удался на славу и даже враждебно настроенные англичане восторгаются этимъ лихимъ поискомъ, завершившимся съ такимъ рѣдкимъ благополучіемъ. Всѣ слухи о морскомъ боѣ оказались пустыми вымыслами и только одинъ крейсеръ „Нитака“ издали слѣдилъ за гибелью своихъ соотечественниковъ, посылая во всѣ стороны тревожную вѣсть о появленіи русскихъ. Адмиралъ Камимура, получивъ свѣдѣнія о выходѣ владивостокскихъ крейсеровъ, сталъ, по старой памяти, искать ихъ возлѣ Гензана, гдѣ въ апрѣлѣ погибъ „Киншіомару“. Но русскіе пошли другимъ путемъ и японцамъ пришлось ссылаться на туманъ и непогоду, покро-

вительствующіе русскимъ. Неудача Камимуры объясняется, кромѣ его упорной вѣры въ то, что русскіе могутъ ходить по водному простору только одной тропой, еще и распоряженіями главнаго японскаго начальства, приказавшаго, послѣ гибели угольщика „Киншіомару", военнымъ судамъ самимъ ходить въ Сасебо за углемъ. Стало быть, въ то время, когда японцы запасаются углемъ, ихъ транспорты должны или прерывать движеніе, или дрожать за свою участь. Затѣмъ русскіе прекрасно воспользовались своими могучими крейсерами, для которыхъ не страшна непогода, такъ какъ огромные размѣры позволяютъ имъ бороться съ бурями и брать весьма значительные запасы угля, не менѣе какъ на три недѣли плаванія, тогда какъ Камимура долженъ каждыя двѣ недѣли отправляться въ Сасебо. Да и настоятельная необходимость сосредоточить подъ Портъ-Артуромъ главныя силы мѣшаетъ японцамъ, потерявшимъ для дѣйствія на морѣ множество погибшихъ или починяемыхъ судовъ, охранять свое обширное побережье. Это доказалъ успѣшный набѣгъ нашихъ миноносцевъ на берега Японіи: они подходили къ самому порту Іезаги на островѣ Хоккаидо, захватили и уничтожили нѣсколько промысловыхъ и перевозныхъ шкунъ, нагруженныхъ рыбой и рисомъ для Сасебо и Симоносеки, а одну изъ нихъ привели съ собой 7 іюня во Владивостокъ, куда прибыли молодецки справившись съ бурею.

Естественно, что эти потери возбудили вниманіе всего міра къ нашимъ удалымъ морякамъ, а японцы озлобились на злополучнаго Камимуру, которому газеты предлагаютъ покончить съ собой хара-кири (вскрывъ животъ), а чернь разрушила его домъ. Таковы „цивилизованные" дикари, требующіе отъ своихъ начальниковъ только непрерывныхъ успѣховъ! Можно ожидать крупнаго народнаго движенія въ Японіи при пораженіи на сушѣ, такъ какъ война вызвана главнымъ образомъ чиновничествомъ и дворянствомъ, которое, не имѣя ни земель, ни капиталовъ, мечтаетъ объ обогащеніи на счетъ корейцевъ и русскихъ цѣною крови своихъ собственныхъ соотечественниковъ. Только „побѣды" поддерживаютъ воинственный пылъ въ Японіи и удачное наступленіе русскихъ сулитъ большія внутреннія осложненія въ „имперіи" микадо. Японцы немного успокоились, когда узнали, что нашимъ крейсерамъ надо затратить около мѣсяца на очистку дна отъ ракушекъ и другія исправленія. Но слухъ этотъ оказался ложнымъ, ибо уже 17 іюня нашъ транспортъ „Лена" и миноносцы (10) появились передъ Гензаномъ. Въ самую гавань вошло 6 мино-

носокъ и потопило пароходъ „Каунмару“ и парусное судно „Сетзумару“ уничтоживъ множество японскихъ шаландъ. По городу былъ открытъ огонь, причинившій, по японскимъ извѣстіямъ, лишь небольшой ущербъ. Но телеграфное сообщеніе Гензана съ Японіей было прервано. Затѣмъ русскіе удалились. По телеграммѣ Рейтера изъ Токіо адмиралъ Камимура снова не нашелъ ихъ и послѣ безполезныхъ поисковъ вернулся обратно; по свѣдѣніямъ изъ Іокогамы русскіе снова (?) атаковали японскую эскадру къ юго-западу отъ Окиношима и преслѣдуютъ ее въ сѣверо-восточномъ направленіи. Повидимому, первая встрѣча произошла вечеромъ 18 іюня, когда русскіе находились къ сѣверу отъ Икишимы, а японцы были къ югу отъ Цусимы. Японцы, по ихъ сообщеніямъ, на всѣхъ парахъ устремились на уходившихъ русскихъ, которые стрѣляли по приблизившимся миноносцамъ, потопили двухъ изъ нихъ, а затѣмъ потушили огни и исчезли въ темнотѣ, подъ покровомъ тумана и ливня.

Иностранныя газеты сообщаютъ о потопленіи нашими крейсерами нѣсколькихъ транспортовъ, и захватѣ ими судовъ съ военной контрабандой. Японцы пока молчатъ. Необходимо однако принять во вниманіе, что послѣднія извѣстія изъ японскихъ источниковъ отличаются полной недостовѣрностью. Въ особенности богаты извращеніемъ дѣйствительности донесенія адмирала Того: такъ онъ сообщаетъ отъ 10/23 іюня, что русскій флотъ вышелъ изъ Портъ-Артура въ количествѣ 6 броненосцевъ, 5 крейсеровъ и 14 контръ-миноносцевъ и былъ атакованъ почью японскими миноносцами: „*по крайней мѣрѣ* одинъ броненосецъ типа „Пересвѣтъ“, *какъ кажется*, потонулъ, одинъ броненосецъ типа „Севастополь“ и одинъ крейсеръ типа „Діана“ были введены на буксирѣ въ гавань *какъ будто* съ серіозными поврежденіями“. Англійская печать, яростно хватающаяся за всякій поводъ, чтобъ изобразить торжество японцевъ, жадно набросилась на это донесеніе и раскрасила его вымышленными подробностями о гибели кн. Ухтомскаго (его флагманское судно „Пересвѣтъ“) и 700 человѣкъ экипажа. Злорадство и наглость выдумокъ были омерзительны, такъ какъ всякій безпристрастный человѣкъ обратитъ вниманіе на „какъ будто“ и „какъ кажется“ въ похвальбѣ Того, сводящія на нѣтъ его величественное „по крайней мѣрѣ одинъ“. Но оказалось, что въ дѣйствительности ни одинъ изъ русскихъ крейсеровъ не потерпѣлъ поврежденій, такъ какъ контръ-миноносецъ „Лейтенантъ Бураковъ“ принесъ изъ Портъ-Артура въ Инкоу совершенно точныя свѣдѣнія, которыя и

сдѣлались достояніемъ всего читающаго міра, благодаря депешѣ генералъ-адъютанта Алексѣева, основанной на рапортѣ вице-адмирала Витгефта: съ сердечной радостью мы узнали, что измѣнически раненые богатыри-броненосцы Цесаревичъ и Ретвизанъ, пострадавшая 31 марта „Побѣда", „Севастополь", „Пересвѣтъ", „Полтава", крейсера „Новикъ", „Діана", „Аскольдъ", „Баянъ" и „Паллада", словомъ вся портъ-артурская эскадра, приведенная, наконецъ, въ боевую готовность, вышла на внѣшній рейдъ, а затѣмъ выступила въ море; впередъ были посланы мелкія суда, тянущія толстый канатъ (тралъ) съ особыми крючьями для удаленія японскихъ заграждeній. Эта мѣра предосторожности оказалась вполнѣ цѣлесообразной, такъ какъ нами было найдено и взорвано до 10 минъ, поставленныхъ предшествующей ночью. Русскій флотъ, отпустивъ тралящія суда, прошелъ 20 миль въ южномъ направленіи, вѣроятно, въ поискахъ военныхъ транспортовъ, которые подвозятъ японцамъ подкрѣпленія и провіантъ для дѣйствій противъ Гайджоу. Да и эскадра японская оказывала уже поддержку арміи Оку, а потому необходимо было заставить ее обратить силы въ другую сторону, что удалось вполнѣ. Непріятель все время наблюдалъ за нашимъ движеніемъ и по безпроволочному телеграфу оповѣстилъ свои разсѣянныя суда, выдвинувъ противъ насъ значительно превосходящія силы: 4 броненосца перваго ранга, 7 крейсеровъ второго ранга, 5 крейсеровъ третьяго ранга, тридцать миноносцевъ и нѣсколько мелкихъ судовъ. Адмиралъ Того питалъ намѣренье отрѣзать отрядомъ крейсеровъ и миноносокъ эскадру отъ берега, чтобы ночью пустить въ дѣло свои многочисленные миноносцы и, выведя изъ строя нѣсколько нашихъ судовъ, довершить разгромъ открытымъ нападеніемъ всѣхъ своихъ сосредоточенныхъ силъ. Положеніе было опаснымъ, такъ какъ эскадра, находящаяся ночью въ открытомъ морѣ, представляется болѣе доступной минной атакѣ. Адмиралъ Витгефтъ рѣшилъ возвратиться въ Портъ-Артуръ, вполнѣ основательно считая, что такой образъ дѣйствій грозилъ меньшими потерями. Въ 7 часовъ вечера наша эскадра пошла обратно, но непріятель не пытался помѣшать отступленію, или даже приблизиться на разстояніе выстрѣла. Около 10 часовъ вечера суда прибыли къ Портъ-Артуру, но не могли укрыться въ его внутренней гавани, такъ какъ узкій проходъ, соединяющій ее съ моремъ, не глубокъ и доступенъ военнымъ кораблямъ только во время прилива, причемъ большіе броненосцы могутъ проходить только въ теченіе одного часа, когда приливъ достигаетъ наивысшей степени. Необходимо принять

во вниманіе, что проходъ былъ еще болѣе суженъ и сдѣланъ извилистымъ адмираломъ Макаровымъ, затопившимъ два русскихъ парохода, съ цѣлью затруднить брандерамъ и миноносцамъ доступъ во внутренній рейдъ. Да и донныя мины, поставленныя нами, требуютъ особой осмотрительности и осторожности, чтобъ не сдѣлаться жертвой собственныхъ заграждений. Поэтому русскимъ пришлось започевать во внѣшнемъ рейдѣ, доступномъ минным нападеніямъ. Обстоятельства благопріятствовали японцамъ и подъ покровомъ наступающей ночи они дважды атаковали наши концевые корабли еще на ходу. Когда же наши стали на якорь, то представили неподвижную цѣнь, еще болѣе удобную для миннаго выстрѣла, а маневрировать на небольшомъ пространствѣ, вдобавокъ имѣющемъ подводныя загражденія, представляло опасность и грозило столкновеніемъ между судами. Вся надежда была на бдительную зоркость и мѣткій огонь, способный помѣшать приближенію на вѣрный выстрѣлъ. Японцы всю ночь до самаго разсвѣта производили нападенія, пускаясь въ аттаку 8 разъ группами миноносцевъ. Но лунная ночь и свѣтъ береговыхъ прожекторовъ облегчали наблюденія за противникомъ, котораго не подпускали ближе 12 кабельтовъ, осыпая его снарядами съ судовъ и нѣкоторыхъ береговыхъ батарей. Японцевъ постигла полная неудача, такъ какъ при такихъ условіяхъ было очень мудрено попасть въ обращенные носомъ къ морю корабли, представляющіе узкую цѣль, на что наивно жалуется адмиралъ Того. На утро вблизи судовъ у береговъ было найдено 12 минъ Уайтхеда и выброшенные трупы японскаго офицера и двухъ матросовъ. Самъ Того признаетъ, что нѣсколько его миноносцевъ было повреждено нашимъ огнемъ, русскіе же полагаютъ, что потопили не менѣе двухъ. Опасная ночь прошла благопріятно для насъ, такъ какъ „утромъ полной водой *всѣ суда* вошли въ гавань“. Стало быть, у японцевъ не хватило храбрости и умѣнья воспользоваться удобнымъ случаемъ и нанести русской, едва подлѣчившей свои раны, эскадрѣ очень чувствительныя потери смѣлой и отчаянной аттакой своихъ многочисленныхъ миноносокъ. Вмѣсто того, чтобъ съ рискомъ приблизиться на вѣрный выстрѣлъ, они пускали мины прямо на удачу. Вообще за послѣднее время пылъ японцевъ поубавился и они не обнаруживаютъ прежней дерзостной отваги, уклоняются отъ боя даже при такомъ значительномъ перевѣсѣ силъ и разсчитываютъ на случайность, какъ будто она имъ вѣчно будетъ благопріятствовать.

Само собою понятно, что выходъ портъ-артурской эска-

дры, совпавшій съ удалымъ поискомъ владивостокскихъ крейсеровъ, нанесъ весьма чувствительный ударъ японскому самолюбію: подлое нападеніе въ темную январскую ночь, многочисленные брандеры, стоившіе милліоны, гибель столькихъ отчаянныхъ храбрецовъ, разбрасываніе минъ—всѣ ухищренія и увѣренія, что нашъ флотъ закупоренъ въ Портъ-Артурѣ и является несомнѣнной военной добычей, все хитроумное зданіе, сплетенное изъ лжи и коварства, разсыпалось въ прахъ: четырехмѣсячныя усилія погубить флотъ привели Того лишь къ удовольствію видѣть его грознымъ, мощнымъ и отважнымъ. И вотъ японскій адмиралъ раскрашиваетъ мрачную для его соотечественниковъ дѣйствительность яркими цвѣтами восточнаго воображенія: свои пылкія мечты онъ выдаетъ за правду и описываетъ, какъ загорѣлся, накренился и потонулъ двухбашенный броненосецъ съ 3 трубами, типа „Пересвѣтъ", какъ получили опасныя поврежденія другія суда. Послѣдовало народное ликованіе и безпорядки, начавшіеся было въ нѣсколькихъ мѣстахъ Японіи, стихли. Но полученныя иностранными газетами свѣдѣнія и донесеніе адмирала Витгефта разорвали тонкую паутинку лживаго Того.

Въ Англіи и Германіи печать стала высказывать негодованіе по поводу такого наглаго искаженія правды, заявляя, что отнынѣ утрачиваетъ довѣріе къ японскимъ оффиціальнымъ сообщеніямъ и что Того можно вѣрить только тогда, когда его извѣстія находятъ поддержку въ русскихъ источникахъ. Въ концѣ концовъ, сами японцы вынуждены были заявить: *„весьма возможно,* что ни одно изъ русскихъ судовъ не потонуло". Значитъ, глаза очевидца Того плохо ему служатъ, какъ онъ и признается. Въ послѣднее время появились указанія, что наша эскадра снова вышла въ море и вступила тамъ въ бой съ противникомъ. Это не представляется невѣроятнымъ, такъ какъ Того не можетъ все время держать свои суда сосредоточенными въ виду сложности и многообразія преслѣдуемыхъ задачъ, а потому русскимъ открывается возможность нападенія тѣмъ болѣе, что безпроволочный телеграфъ позволяетъ сноситься обоимъ нашимъ эскадрамъ, а „Лейтенантъ Бураковъ", снова ушедшій въ Портъ-Артуръ, долженъ доставить туда множество драгоцѣнныхъ свѣдѣній и указаній для совмѣстнаго дѣйствія арміи и флота. Если же подтвердится слухъ объ отбытіи на этомъ удалomъ контръ-миноносцѣ адмирала Скрыдлова или какого-либо другого начальствующаго лица, то можно ожидать энергичныхъ мѣропріятій, особенно опасныхъ для японцевъ въ виду наступленія дождливаго времени.

Итакъ, несомнѣнно нашъ боевой флотъ возродился и мы можемъ ждать отъ него крупныхъ услугъ вопреки увѣреніямъ нашихъ недруговъ, насчитавшихъ, что за 20 недѣль войны у насъ погибло 78 броненосцевъ типа „Ретвизанъ", 38 типа „Петропавловскъ", 145 броненосныхъ крейсеровъ, 411 эскадренныхъ миноносцевъ и 1,487 миноносцевъ!!

Вообще надо признаться, что такъ называемая „цивилизація" не увеличила достовѣрности нашихъ свѣдѣній; наоборотъ, правдивость пошла явственно на убыль и добросовѣстность не въ почетѣ у современныхъ „руководителей общественнаго мнѣнія", представителей шестой великой державы—печати. Они превратились, въ огромномъ большинствѣ, въ простыхъ поставщиковъ новостей. Погоня за какими-нибудь съ ногъ сшибательными извѣстіями ведетъ къ торжеству лживой изворотливости и наглой изобрѣтательности. Очень жаль, что эти сомнительныя свѣдѣнія „газетнаго производства" засоряютъ и наши повременныя изданія, ставя читателя въ крайне затруднительное положеніе и заставляя его глотать цѣлые ушаты глупыхъ, разсчитанныхъ на легковѣріе и бьющихъ по нервамъ новостей. Наша печать должна или вовсе не помѣщать разныхъ тревожныхъ, противорѣчивыхъ извѣстій до ихъ подтвержденія оффиціальнымъ путемъ, или дѣлать соотвѣтствующія оговорки, освѣщая ложь и соединяя разрозненныя черточки въ возможно стройную картину. А то иной городской или деревенскій обыватель и вправду повѣритъ, что „по самымъ достовѣрнымъ телеграммамъ Портъ-Артуръ былъ взятъ приступомъ уже 12 разъ, а 6 разъ его горнизонъ сдавался добровольно, или что генералъ Ма скоро будетъ имѣть военноплѣннымъ генерала Куропаткина, такъ какъ японцы вотъ вотъ отбросятъ русскихъ въ нейтральный Китай, гдѣ намъ остается только сдаться китайцамъ! Въ дѣйствительности, конечно, нѣтъ никакихъ признаковъ такой страшной опасности, смущающей души и сердца простодушныхъ сыновъ народа и дающихъ пищу для разныхъ злонамѣренныхъ лицъ и волнующихъ умы слуховъ. Во время послѣдней мобилизаціи въ одномъ изъ уѣздныхъ городковъ Харьковской губерніи, вздумали было поселить тревогу извѣстіемъ о плѣненіи Куропаткина. Запасные плакали и твердили „какъ же намъ не идти на войну, когда самого Куропаткина забрато въ плѣнъ"! Положимъ, на этотъ разъ получился результатъ, не соотвѣтствующій ожиданіямъ смутьяновъ, но зачѣмъ же подавать поводъ къ подобнымъ нелѣпымъ сплетнямъ, зачѣмъ разстраивать нервы и бить по сердцамъ неопытныхъ и малосмыслящихъ людей? Лишніе

пятачки—не оправданіе, а только позорное, усугубляющее вину обстоятельство и да будетъ стыдно тѣмъ, кто бросаетъ плевелы въ душу народную, кто дастъ камень измышленій вмѣсто хлѣба правды!

Больше всего слуховъ носится возлѣ осажденнаго Портъ-Артура, такъ какъ оттуда только изрѣдка получаются точныя свѣдѣнія и тѣмъ открывается полное приволье для всевозможныхъ выдумокъ. Можно, однако, признать вполнѣ точнымъ, что за послѣднее время происходилъ рядъ мелкихъ стычекъ изъ за различныхъ позицій передъ крѣпостью; осадныя орудія еще не установлены японцами, которые еще далеки отъ главныхъ укрѣпленій; русскіе совершаютъ вылазки, увеличиваютъ недоступность (напр. вырытіемъ новаго рва въ 8 миль длинною, 10 фут. глубины и ширины), и зорко слѣдятъ за врагомъ, готовясь къ продожительной осадѣ; съ этой цѣлью изъ Портъ-Артура удаляютъ женщинъ, дѣтей, иностранныхъ подданныхъ, зачисляютъ въ оборону всѣхъ жителей, способныхъ носить оружіе и т. п. Сообщенія съ Чифу и Ньючуангомъ не отрѣзаны совершенно; получается свѣжая провизія; храбрецы пробираются черезъ блокаду и приносятъ точныя данныя, свидѣтельствующія, что въ крѣпости настроеніе бодрое, особой дороговизны нѣтъ, даже „Новый Край“ издается и будетъ доставленъ подписчикамъ! Правда, японцы назначили на 27 іюня доставить въ Портъ-Артуръ для русскихъ военноплѣнныхъ, 10 тысячъ пудовъ муки, подъ страхомъ неустойки, но вѣдь еще на 2 іюня были приглашены корреспонденты и иностранные агенты, чтобъ полюбоваться и прославить на весь міръ взятіе приступомъ портъ-артурскихъ твердынь, стало быть и тутъ нечего бить тревогу: надѣлала синица шума, а моря не зажгла“! Разъ русскіе исправили свои суда и усилили укрѣпленія, то японцамъ рано еще трубить о своей побѣдѣ, такъ какъ знатоки военнаго дѣла высказываются за невозможность взятія Портъ-Артура приступомъ, и единогласно указываютъ на необходимость продолжительнаго артиллерійскаго боя и предварительной побѣды осадныхъ орудій надъ крѣпостными. Припомнимъ, сколько дней японцы провозились у Ялу и Цзинь-Чжоу, и тогда истинная цѣнность всей этой похвальбы предстанетъ ясно передъ нашими глазами: вѣдь Портъ-Артуръ и неизмѣримо лучше укрѣпленъ, снабженъ дальнобойными пушками и многочисленнымъ гарнизономъ, т. е. сила его сопротивленія, во всякомъ случаѣ, потребуетъ мѣсяцевъ упорныхъ усилій отъ слишкомъ самоувѣреннаго врага.

Равнымъ образомъ, нечего трепетать и за участь нашей

Манчжурской арміи. Движеніе японцевъ на Лаоянъ и Мукденъ не можетъ быть опаснымъ для насъ, такъ какъ Куроки не осмѣлится, въ особенности во время дождей, подставить свои сообщенія, насущно для него необходимыя, подъ огонь русскихъ: двадцатитысячный отрядъ, брошенный на далекій сѣверъ, производитъ демонстрацію для отвода глазъ отъ сосредоточенія противъ Гайчжоу и Дашицяо. Только двѣститысячная армія, идущая на Мукденъ, при сильныхъ отрядахъ по всему фронту отъ Саймадзы до Ляодунскаго залива, могла послужить угрозой, да и то при лучшихъ путяхъ сообщенія. Начало дождей мѣшаетъ наступленію обоихъ противниковъ и требуетъ, прежде всего, заботъ о санитарныхъ нуждахъ войскъ. Послѣднія телеграммы подтверждаютъ развитіе дезинтеріи и холеры у японцевъ: сырость, недостаточность питанія неминуемо произведутъ страшное опустошеніе въ ихъ рядахъ. Прежняя вѣра въ успѣхъ, видимо, стала колебаться у японскихъ солдатъ и они начинаютъ снимать маски „цивилизованныхъ“ людей: надъ нашими ранеными продѣлываются дикія звѣрства: вырѣзаютъ языки, перехватываютъ ножами горло, полосуютъ спины ударами въ шахматномъ порядкѣ, ломаютъ ребра, выворачиваютъ руки, наносятъ десятки штыковыхъ ранъ убитымъ и полуживымъ, стрѣляютъ въ упоръ въ раненыхъ. Всѣ эти омерзительныя дѣянія прочно установлены показаніями не только русскихъ, но и свидѣтельствомъ иностранныхъ военныхъ агентовъ, фотографическими снимками съ изувѣченныхъ мучениковъ... Случаи нападенія на Красный Крестъ, на врачей и санитаровъ, разстрѣливаемыхъ при выполненіи ихъ священныхъ обязанностей, попадаются теперь чуть не ежедневно. Это ли не признаніе безсильной злобы, это ли не вѣщій показатель сознанія своей слабости, это ли не проявленіе грубой дикости?

Мощный человѣкъ, истинно одаренный разумомъ и развитымъ чувствомъ, никогда не унизится до надругательства надъ неспособнымъ сопротивляться врагомъ или даже его бездыханнымъ трупомъ. Японцы все дѣлаютъ на показъ, ради похвальбы, ради міровой рекламы. На глазахъ иностранцевъ они кормятъ, поятъ, ухаживаютъ за ранеными, а втихомолку прирѣзываютъ, чтобъ „не кормить лишнихъ ртовъ“; передъ корреспондентами устраиваютъ торжественные похороны и отдаютъ боевыя почести героямъ „Варяга“, а оставшись одни, просто выкидываютъ тѣла въ море, завязавъ ихъ въ грязный мѣшокъ.

И такой народъ, „освободитель отечества“, Петръ Струве вмѣстѣ съ дышащими ненавистью инородцами ставятъ въ при-

мѣръ русскимъ, восхваляютъ его дивныя качества, суллтъ ему великое будущее... Нѣтъ! Разъ японцы проявляютъ большее варварство, чѣмъ башибузуки, щадившіе „Красный Крестъ", то не имъ быть образцомъ для многострадальнаго, долготерпѣливаго нашего народа. Эти безцѣльныя и злобныя звѣрства только окрылятъ новыми силами нашихъ воиновъ, вселятъ въ нихъ жажду скорой побѣды надъ хитрымъ, но неблагороднымъ противникомъ. Всемогущій Богъ воздастъ врагу за муки несчастныхъ страдальцевъ, за слезы и горе обездоленныхъ семействъ. Уже звенитъ туго натянутая тетива и словно стрѣла, далеко отведенная, ринется наше христолюбивое воинство съ несокрушимой силой на свирѣпыхъ язычниковъ. Близокъ часъ желаннаго наступленія и не спасетъ злоба и коварство отъ заслуженнаго возмездія, не поможетъ и сочувствіе нашихъ многочисленныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ недруговъ, хотя и связываетъ ихъ съ японцами общая цѣль—подкопаться подъ міровое могущество русской державы; роднятъ и избираемыя для достиженія завѣтныхъ стремленій средства. Давно уже на Руси пущены въ ходъ поджоги, покушенія, убійства и другіе столь же благородные пріемы. Японцы идутъ по хорошо проторенной тропѣ и слѣдуютъ самымъ передовымъ образцамъ: то въ Кронштадтѣ вспыхиваютъ возлѣ складовъ пироксилина облитыя керосиномъ щепки, то въ трюмѣ броненосца въ углѣ находятъ динамитный патронъ, то отъ вынутыхъ невѣдомою рукою болтовъ погружается на дно только что стянутый съ мели „Орелъ", то сгораетъ минный складъ и отъ взрыва тонетъ новый миноносецъ „Дельфинъ". Не только на мостахъ и у тоннелей Сибирской дороги, но и внутри Россіи приходится держать охрану, напр. у сызранскаго моста, оберегать въ Одессѣ суда Добровольнаго флота, остерегаться японцевъ укрывающихся де въ финляндскихъ шхерахъ. Какъ „выходцы" изъ Россіи, „непризнанные благодѣтели" всѣхъ и вся поднимаютъ противъ насъ, такъ и японскіе агенты появляются въ Австріи, Швеціи, Румыніи, Турціи, а тифлисскій агентъ *до* покушенія на князя Голицына сообщаетъ своему правительству объ этомъ злодѣяніи! Пожалуй, то же самое узнаемъ и о гнусномъ убійствѣ генерала Бобрикова, пожарахъ въ Минскѣ, неурядицѣ въ Варшавѣ и другихъ мѣстахъ. Вѣдь рука руку моетъ и „доморощенные японцы" не даромъ разливаются въ похвалахъ жителямъ страны Восходящаго Солнца: древняя пословица вѣщаетъ: подобный подобнаго обожаетъ. Атеисты, анархисты и соціалисты во всемъ мірѣ не даромъ рукоплещутъ „успѣхамъ" Японіи. У насъ появилось надежное мѣрило для

правильной оцѣнки истинныхъ благожелателей и народныхъ печальниковъ. Какъ японскіе „бароны“ не прочь избавить насъ отъ Манджуріи, такъ и наши подпольные литераторы и ихъ единомышленники кричатъ, что намъ не нужны новыя земли, а народъ задыхается отъ земельной тѣсноты, заработная плата понижается. Международные капиталисты жаждутъ дешевыхъ рукъ и обезземеленья крестьянства, а потому стремленіе Россіи устроить избытокъ населенія у свободнаго моря и вызываетъ такое ожесточенное противодѣйствіе плутократовъ и ихъ покорныхъ или близорукихъ прислужниковъ. Вотъ въ чемъ заключается міровое значеніе русско-японской войны, ея отличіе отъ предшествующихъ войнъ и настоятельная необходимость нашей побѣды, непостигаемыя все еще многими. Такъ „великій“, когда-то, „писатель земли русской“ опозорилъ только что свои сѣдины, помѣстивъ въ „Times“ письмо, требующее мира съ японцами, хотя бы они завладѣли Петербургомъ или Москвой! Почему же не „Ясной Поляной“ прежде всего? Какъ Герценъ утратилъ свое обаяніе, благодаря поддержкѣ польскихъ притязаній, такъ Левъ Толстой послѣдней выходкой произнесъ надъ собой отходную. Вотъ уже, слава Богу, и благопріятный плодъ русско-японской войны!

24 іюня. *Н. Чернявскій.*

БИБЛІОГРАФІЯ.

Военный Русско-японскій Толмачъ и краткій систематическій словарь. Петербургъ 1904 г. Типографія Министерства Финансовъ. Цѣна 50 коп.

Естественно, что война вызвала необходимость хотя бы самаго бѣглаго знакомства съ японскимъ языкомъ, знаніе котораго у насъ совершенно не распространено, а пособія для изученія заставляютъ желать очень многаго. Такъ руководство къ изученію японскаго языка, составленное іеромонахомъ Дмитріемъ Смирновымъ, признано совершенно негоднымъ такимъ свѣдущимъ судьею, какъ профессоръ Ивановскій (см. Записки Восточнаго отдѣленія Императорскаго русскаго археологическаго общества т. VII). Тщательные и добросовѣстные „Переводчики“ г.г. Старчевскаго и Волошинова не указываютъ удареній, тогда какъ въ японскомъ языкѣ очень много словъ одинаковаго начертанія, отличающихся единственно удареніемъ. Этотъ пробѣлъ, конечно, ставитъ большія затрудненія удачному примѣненію почерпнутыхъ изъ этихъ „переводчиковъ“ свѣдѣній. Русско-японскій словарь Гошкевича совершенно недоступенъ для пользованія лицъ, незнакомыхъ съ японской азбукой и іероглифами. Брошюрка „Русскій въ Японіи“ смѣхотворна и вполнѣ непригодна. Въ настоящее время при содѣйствіи Министерствъ Финансовъ и Морского издается первый „Самоучитель японскаго языка“, который долженъ вскорѣ выйти въ свѣтъ. Составителямъ этого самоучителя мы обязаны появленіемъ на рынкѣ и разсматриваемой книжки. Она даетъ напечатанныя русскими буквами японскія фразы, причемъ матеріалъ толково сосредоточенъ по слѣдующимъ отдѣламъ: „требованіе проводника, развѣдки, переговоры съ жителями, фуражировка, сборъ рабочихъ, подводъ, лодокъ, матеріала, опросы перебѣжчика, языка, плѣннаго, парламентера, справка о возстаніи, команда въ аттаку. Морская развѣдка. Раненый; докторъ. Кромѣ того имѣется въ книжкѣ и систематическій словарь: общій отдѣлъ, топографія, военный отдѣлъ съ рядомъ мелкихъ подраздѣленій. Несмотря на небольшой объемъ, дается значительный запасъ словъ и выра-

женій, обезпечивающихъ въ извѣстныхъ предѣлахъ, такъ сказать, военный обиходъ. Къ сожалѣнію, составители допустили значительное упущеніе, затрудняющее усвоеніе правильнаго произношенія японскихъ словъ: въ своемъ введеніи они предваряютъ, что въ японскомъ языкѣ существуетъ 5 ударевій: твердое, мягкое, глухое, протяжное и долгопротяжное. Такъ о произносится рѣзко, *твердо*, о̆ *мягко*, и нѣсколько глуше, чѣмъ просто „о“; о̆ совсѣмъ *глухо*, еле, еле; o̅ *протяжно*; o̅o̅, какъ одно „о“ *долгопротяжно* и о безъ ударенія, какъ „о“ *по русски*. Дѣло въ томъ, что прежде всего, „о“ *по русски* произносится далеко не одинаково, напримѣръ въ словѣ „тонъ“ слышится болѣе широкое о, въ словѣ „конь“, болѣе узкое, въ словѣ „вода“ о обозначаетъ неясное „а“ и т. д. Стало быть, послѣднее указаніе ровно ничѣмъ дѣлу не помогаетъ; затѣмъ какъ отличить самоучка пять ударевій? Необходимо было привести примѣры, соотвѣтствующіе произношенію различныхъ японскихъ о, изъ русскаго и другихъ европейскихъ языковъ (напр. нѣмецкое о въ словахъ so и stock совершенно неодинаково). Вѣдь сами же составители были на правильной дорогѣ, когда пояснили, что два к,'к произносятся отрывисто, какъ въ *русскомъ* выраженіи „экъ какъ!“ Умѣлый подборъ примѣровъ существенно облегчилъ бы примѣненіе въ разныхъ житейскихъ случаяхъ „переводчика“, а то каждый самообучающійся будетъ читать „глухіе“ и „долгопротяжные“ и т. п. *по своему* и даже русскіе не поймутъ японскихъ фразъ, обращенныхъ другъ къ другу по книжкѣ, а о недоумѣніяхъ настоящихъ японцевъ и говорить нечего. Даже грамотность японцевъ не поможетъ дѣлу, ибо слова написаны только русскими буквами, хотя іероглифы, приведенные, положимъ, только въ нѣкоторыхъ особо важныхъ случаяхъ, были бы не лишними, такъ какъ можно было бы дать японцу *прочитать* тотъ или иной вопросъ, и тѣмъ исправить недостатки *произнесенной* русскими и неизбѣжно исковерканной ими фразы. Составители опять остановились на полдорогѣ, такъ какъ привели іероглифы только японскихъ цифръ.

Если принять во вниманіе и отличія японскихъ діалектовъ, то затрудненія при пользованіи „переводчикомъ“ придется признать существенными и трудно преодолимыми. Пожелаемъ же, чтобы въ дальнѣйшихъ изданіяхъ недочеты были исправлены и книжка, 10% отъ продажи которой идетъ Красному Кресту, получила бы заслуженно широкое распространеніе. *Н. Ч.*

Н. Родзевичъ. „Изъ за чего началась Русско-японская война“ Одесса 1904 г. Цѣна 5 коп. Весь чистый доходъ отъ изданія поступитъ на усиленіе русскаго флота.

Въ настоящее время вниманіе всей Россіи приковано къ Дальнему Востоку; всѣ ловятъ напряженно каждую вѣсточку и простой народъ даже охотно покупаетъ газеты и телеграммы на свою трудовую копѣйку, но пестрая смѣсь лживыхъ измышленій и вѣрныхъ сообщеній позволяетъ ему только чутьемъ угадывать смыслъ и значеніе не нами начатой войны. Вдобавокъ, злые недруги въ подметныхъ письмахъ и подпольныхъ изданіяхъ, въ бесѣдахъ и мимолетныхъ разговорахъ всячески стараются исказить и безъ того смутныя народныя представленія цѣлымъ потокомъ клеветы, наглыхъ вымысловъ и позорныхъ сплетенъ. Наивные и сердобольные „господа“ также вносятъ свою долю превратныхъ сужденій, толкуя о необходимости мира въ что бы то ни стало, о „ненужной Манджуріи“, лишнемъ городѣ Дальнемъ и Портъ-Артурѣ, о безполезномъ кровопролитіи и т. д. Необходимъ противовѣсъ, необходимо распространеніе трезвыхъ и точныхъ данныхъ о причинахъ вооруженнаго столкновенія и важности для Россіи тихоокеанскаго побережья съ его незамерзающими портами. Изъ попытокъ удовлетворить эту насущную потребность слѣдуетъ отмѣтить вышедшую въ Кіевѣ небольшую книжку г. *В. Правда о русско-японской войнѣ* и, въ особенности, трудъ г Родзевича, заглавіе коего нами приведено выше. Здѣсь обстоятельно, толково, ясно и просто, въ вполнѣ общепонятныхъ выраженіяхъ, разсказывается въ связи съ прошлымъ, что привело Россію къ необходимости занять Портъ-Артуръ, устанавливается значеніе нашей Сибирской желѣзной дороги и незамерзающей гавани у свободнаго моря, раскрываются культурныя мѣропріятія Россіи, въ дикой но плодородной Манджуріи, богатой всякими дарами природы, и указывается на значеніе Уссурійскаго края и другихъ мѣстностей для устройства избытка населенія коренной Руси. Великія затраты и кровь, пролитая во время нападенія китайцевъ на желѣзную дорогу и русскія владѣнія (1900 г.). освящаютъ права Россіи, которая подошла, наконецъ, къ разрѣшенію многовѣковой задачи. г. Родзевичъ останавливается на притязаніяхъ Японіи на Корею и показываетъ ихъ несовмѣстимость съ кровными русскими интересами. Отмѣтивъ давнія подготовленія нашего врага къ войнѣ и долготерпѣливое миролюбіе Государя, равно какъ пропски иноземныхъ враговъ Россіи, приведшіе къ

началу военныхъ дѣйствій безъ объявленія войны, составитель заканчиваетъ свою прекрасную книжку такими словами: „Много и долго, можетъ быть, придется воевать, но теперь вы знаете, что не изъ-за пустяковъ война ведется. Нѣкоторые говорятъ: „зачѣмъ столько крови проливать? не лучше-ли было отдать и Портъ-Артуръ и Манджурію?“. Такъ могутъ говорить только неразумные, которые дѣла не знаютъ, или злые люди, которые нарочно народъ смущаютъ въ угоду нашимъ врагамъ. А о томъ подумать не хотятъ, что если теперь и тысячи погибнутъ, за то милліонамъ потомъ спокойно и счастливо жить будетъ на новыхъ мѣстахъ. За народное дѣло наши братья теперь сражаются. Пожелаемъ же отъ всего сердца успѣха нашему Государю и побѣды нашимъ славнымъ войскамъ, а сами, чѣмъ можемъ, по собимъ имъ“.

Книжка г. Родзевича заслуживаетъ самаго широкаго распространенія, такъ какъ всесторонне освѣщаетъ затронутый вопросъ, совершенно чужда самомнѣнія и желанія создать озлобленіе противъ врага, и читается, говоримъ по опыту, съ большой легкостью и интересомъ тѣми, кому она предназначается. Ея дешевизна и употребленіе всего дохода на усиленіе нашего флота заставляютъ желать ей заслуженнаго успѣха въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. *Н. Ч—овъ.*

Вышла Майская книга журнала искусства, литературы и общественной жизни „ПРАВДА“.

Содержаніе: I. С. **Разумовскій**—Пульчинело. Драматическая фантазія въ 3 картинахъ, съ иллюстраціями. II. В. **Михеевъ**—Кумиры. III. **Жоржъ Роденбахъ**—Стихи. Перев. М. В. Веселовской. IV. В **Фишеръ**—Изъ Чайльдъ Гарольда. Гроза въ Альпахъ (Стихи). V. А. В.—Весеннія иллюзіи. VI Г **Галина**—Стихи. VII. **Ангаринъ**—Мудрость (сонетъ). VIII. **Пьеръ Лоти**—Азіядэ Перев Т И. IX Н. **Крашенинниковъ**—Сказка про Антона Ивановича. X. **Гуго фонъ Гофмансталь**—Свадьба Зобеиды. Драматическое стихотвореніе Перев. Сергѣя Орловскаго (окончаніе) XI. **Портретъ М. И. Глинки.** XII. Н **Финдейзенъ**—Русскій романсъ (продолженіе). XIII. **Другъ**—Изъ Костромской губерніи. XIV. ***—Иваново-Вознесенскъ XV. Е. **Орловъ**—Лондонъ XVI. **Морисъ Метерлинкъ**—Правосудіе (окончаніе). XVII **Николай-евъ**—Ученое пустомысліе (Соціальная философія Рудольфа Штаммлера). XVIII. Ю **Адамовичъ**—Представляетъ ли интеллигенція общественный классъ? XIX. А. **Луначарскій**—Метаморфоза одного мыслителя (продолженіе). XX. И. **Джонсонъ**—Чеховъ и его разсказъ „Невѣста“. XXI. В. **Потемкинъ**—Нѣчто о западно-европейской литературѣ и о „предшественникахъ“ г. П. Когана XXII. **Библіографія**—о книгахъ: С А. Котляревскаго. Филиппа Монье, Герхардъ и Симонъ и друг. XXII. **Внутреннее обозрѣніе**—Законъ 2 іюня 1903 г. и примѣненіе его на практикѣ. Инструкція чинамъ надзора. Общія условія коллективнаго страхованія. Коммерческія страховыя общества и законъ. Организація обществъ взаимнаго страхованія. Агитація предпринимателей противъ новаго закона. XXIV. В. И М.—Вопросъ о мелкой земской единицѣ (письмо изъ Ярославской губерніи). XXV.—Объявленія. Цѣна майской книги 1 р Книги за первую четверть года израсходованы Печатается второе изданіе. Новые подписчики будутъ удовлетворены безъ замедленія Условія подписки: Годъ—8 р (безъ дост 7 р. 50 к), полгода - 4 р, 3 мѣс.—2 р. Годовымъ подписчикамъ—разсрочка Желающимъ высылаются подробныя объявленія. Адресъ редакціи: Москва, Кудрино, 1, 20.

Редакторъ-издатель *Вал. Кожевниковъ*

„ФИЗИКЪ-ЛЮБИТЕЛЬ“. Журналъ по опытнымъ и прикладнымъ физическимъ наукамъ выходящій ежемѣсячно (за исключеніемъ іюня и іюля) выпусками въ 24—32 страницы съ чертежами и рисунками.

Отдѣлы журнала: 1) Изъ жизни выдающихся экспериментаторовъ 2) Старое и новое изъ области физическихъ наукъ. 3) Кабинеты и лабораторіи физическихъ наукъ въ средней школѣ 4) Любительская фотографія и волшебный фонарь. 5) Электричество и другіе виды энергіи въ домашнемъ быту. 6) Физика безъ приборовъ и химія безъ лабораторіи. 7) Открытія, изобрѣтенія,

усовершенствованія (велосипедъ, автомобиль, граммофонъ, кинематографъ и пр.). 8) Обзоръ книгъ и журналовъ 9) Отвѣты подписчикамъ 10) Объявленія Подписная плата: за годъ (10 номеровъ)—3 р., за полгода (5 номеровъ)—1 р 50 к., отдѣльный номеръ 30 к., съ пересылкой 35 к. Первый номеръ выйдетъ 15 го августа 1904 года. Подписка для иногородныхъ принимается въ редакціи журнала г. Николаевъ (Херс губ.) Спасская 7. Для городскихъ подписчиковъ—въ Русской типо-литографіи, уг. Соборной и Спасской Можно выписывать открытымъ письмомъ, наложеннымъ платежемъ на первую книжку журнала, въ размѣрѣ годовой или полугодовой платы съ прибавкою 10 коп. При коллективной выпискѣ 10 экземпляровъ, одиннадцатый по указанному адресу будетъ высылаться безплатно.

Редакторы-издатели: { Кандидатъ Моск. Универс. *К. А. Чвонышевъ.*
Инженеръ-Технологъ *В. В. Рюминъ.*

Принимается подписка на „РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ“ въ 1904 году. (Сорокъ девятый годъ изданія).

Содержаніе іюньской книжки (№ 6):—I. Разсвѣтъ. (Предки въ трудное время). Историческій романъ, изъ эпохи Петра Великаго Часть вторая. I—IX. Романъ. **В. Л. Маркова**—II. Горный орелъ. Стих. **Н. Б. Хвостова.**—III Современное декадентство предъ судомъ вѣковѣчныхъ идеаловъ **А. И. Покровскаго**—IV. I. Я видѣлъ странный сонъ, за жизнь его считая ..—II Звѣздамъ угасшимъ. Стих. **В. Хрусталева**—V. Лукьяновскій пріютъ LXVIII—LXXXII. **І. І. Ясинскаго.**—VI. Къ ночи II. Наводненіе. Стих. **Л. Кологривовой**—VII. А. С. Хомяковъ, какъ мыслитель **Н. М. Соколова**—VIII. Письма о деревнѣ. **С. А. Короленко.**—IX Къ вопросу о реформѣ нашей средней школы. **Графа А. Мусина Пушкина**—X. Письма изъ Чехіи. **І. Голечка.**—XI. Библіографія **Н. М. Соколова С. К., М. М-ва**—XII. Максимъ Горькій **Н. Я. Стечькина**—XIII. Изъ иностранной печати. **М. М—ва**—XIV. Журнальное обозрѣніе **Н. Я. Стародума.**—XV. На театрѣ военныхъ дѣйствій **Ю. Ельца.** XVI СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ—I. Внутреннее обозрѣніе. Наша неподготовленность къ войнѣ, какъ послѣдствіе недостаточности нашего военнаго бюджета.—Вліяніе войны на наше финансовое и экономическое положеніе—Предположеніе г. Спасовича полонизировать Россію. **С. А. К.**—Обзоръ внѣшнихъ событій—Посредничество державъ. **В. А. Теплова.**—XVII. Военно-политическіе отголоски. **Н. Соколова.**—XVIII. На полѣ славы. **Г. Сенкевича.**

Цѣна на годъ съ достав. и перес. въ Россіи 16 р., на 6 мѣс. 8 р., на 3 мѣс. 4 р., за границу 20 руб.

Адресъ конторы и редакціи: С.-Петербургъ, Невскій, 136.

Редакторъ-издатель В. В. КОМАРОВЪ.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

„НОВАГО ВРЕМЕНИ“

А. С. СУВОРИНА

Харьковъ, Екатеринославская ул., № 1-й

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

Русско-японская война на сушѣ и на морѣ. Художеств. альбомъ съ текстомъ. Выходитъ выпусками по мѣрѣ развитія хода военныхъ дѣйствій. Подъ редакціей капит. фонъ-Критъ. Морской отдѣлъ подъ редакціей капит. Кладо. Вышли выпуски 1-й и 2-й по 1 руб. 50 коп.

Лѣтопись войны съ Японіей. Художественно-иллюстриров. изданіе подъ ред. полк. Дубенскаго. Выходитъ еженедѣльно. Подписная цѣна на 3 мѣс. 3 руб.

Богуславскій. Японія. Военно-географич. и статистич обозрѣніе. Съ картою. Изд. 2-е. Цѣна 3 р.

Дюмоларъ. Японія. Политическое, экономическое и соціальное положеніе Цѣна 80 коп.

Де-Волланъ. Въ странѣ восходящаго солнца. Очерки и замѣтки о Японіи. Цѣна 2 р. 50 к.

Пеликанъ. Очерки современной Японіи. Очеркъ I. Религіозны-ли японцы? Цѣна 40 коп.

Гамильтонъ. Корея. Переводъ съ англійскаго. Цѣна 1 р. 50 к.

Поджіо. Очерки Кореи Ц. 2 р. 50 к.

Кравченко. Въ Китаѣ. Путевые наброски художника. Цѣна 4 р.

Военные флоты и морская справочная книжка на 1904 г. съ альбомомъ снимковъ военныхъ судовъ. Изд. В. К. А. М. Цѣна 4 р.

Гг. иногороднихъ высылается съ наложеннымъ платежемъ.

ВНОВЬ ОТКРЫТЫЙ МАГАЗИНЪ
бриліантовыхъ, золотыхъ, серебряныхъ изд. драгоцѣнныхъ вещей

„Старина и Роскошь“

Харьковъ, Московская ул., № 22, противъ Гельф.-Саде,
продаетъ по крайне умѣреннымъ цѣнамъ въ громадномъ выборѣ:

ЧАСЫ всякаго рода; **БРИЛЛІАНТОВЫЯ**, золотыя и серебряныя вещи; **МЕЛХІОРОВЫЯ**, бронзовыя, фарфоровыя и **старинныя** рѣдкости.

ПРІЕМЪ ВСЯКИХЪ ПОЧИНОКЪ подъ наблюденіемъ опытныхъ мастеровъ.

ПОКУПКА и пріемъ на **комиссію старыхъ** золотыхъ, серебряныхъ вещей, бриліантовъ, жемчуга, драгоцѣн. камней, бронзы, фарфора, хрусталя, картинъ и разныхъ **монетъ**.

КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ

В. П. НЕХАЕНКО

Харьковъ, Екатеринославская, 24.

Продажа тетрадей изъ лучшей бумаги.

ПИСЬМЕННЫЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ.

Бумага для цвѣтовъ, кройки и рисованія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1904 годъ,

ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ,

„Южный Край"

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ

Выходитъ ежедневно безъ предварительной цензуры.

Редакція ежедневно получаетъ извѣстія изъ столицъ и провинцій отъ собственныхъ корреспондентовъ.

Корреспонденціи изъ Франціи, Англіи, Германіи, Австро-Венгріи, Италіи, Турціи, Швейцаріи, Персіи, Малой Азіи и другихъ странъ.

Въ „Южномъ Краѣ" помѣщаются портреты Особъ Императорской Фамиліи, историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и политипажи, имѣющіе отношеніе къ текущимъ событіямъ

Подписная цѣна на 1904 годъ:

Съ доставкою въ Харьковѣ:

На 12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.
10 —	9 50	9 —	8 25	7 50	6 75	6 —	5 25	4 50	3 40	2 40	1 20.

Съ пересылкою иногороднимъ:

11 —	10 50	10 —	9 20	8 50	7 80	7 —	6 —	5 —	—	3 —	1 50.

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ конторой. Подписка и объявленія принимаются въ ХАРЬКОВѢ—въ главной конторѣ газеты „Южный Край" на Сумской ул., въ домѣ А. А. Іозефовича, № 13.

„Южный Край" печатается на ротаціонной машинѣ Маринони, полученной изъ Парижа которая даетъ до 20,000 оттисковъ въ часъ.

Редакторы: А. А. Іозефовичъ.
Н. Н. Окуловъ.

Издатель А. А. Іозефовичъ.

ГОДЪ ВТОРОЙ 1904 г.

„МИРНЫЙ ТРУДЪ“

ГОДЪ ВТОРОЙ 1904 г.

(современное научно-литературное и общественное изданіе)

выходитъ десять разъ въ годъ (за исключеніемъ Іюля и Августа) ежемѣсячными выпусками не менѣе 100 листовъ въ годъ.

Признавая мирный трудъ единственнымъ средствомъ для осуществленія столь необходимыхъ общественныхъ преобразованій, редакція ставитъ своей задачею посильное содѣйствіе пробужденію чуждаго всякой нетерпимости, *русскаго національнаго самосознанія*, усиленію *культурнаго общенія со славянствомъ*, изученію *созидательной* работы Запада и росту *общественной самостоятельности*, оцѣнивающей свое и чужое, независимо отъ партійныхъ соображеній и указокъ.

Въ журналѣ принимаетъ постоянное участіе рядъ профессоровъ и преподавателей высшихъ учебныхъ заведеній.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ:

1) Романы, повѣсти, разсказы и стихотворенія, 2) Беллетристическія новости, 3) Литературная критика, 4) Искусство, театръ и музыка, 5) Вопросы воспитанія и обученія, 6) Внутреннее обозрѣніе, 7) Политическая лѣтопись, 8) Статьи по разнымъ отраслямъ наукъ, 9) Обозрѣніе научныхъ журналовъ, 10) Дѣятельность ученыхъ обществъ, 11) Научныя мелочи, 12) Критическій разборъ научныхъ изслѣдованій, 13) Библіографія, 14) Объявленія.

Постоянно сообщаются свѣдѣнія о дѣятельности Русскаго Собранія и его Отдѣловъ, ускатривающихъ въ сознательномъ служеніи творческимъ началамъ Православія, Самодержавія и Народности основу благоденствія и развитія Россіи, залогъ избавленія отъ внѣшнихъ и внутреннихъ опасностей.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: для городскихъ (харьковскихъ) подписчиковъ 5 руб. въ годъ, для иногородныхъ съ пересылкой 6 руб. на полгода 3 р. Отдѣльная книжка 1 р. съ пересылкой.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ, удерживающихъ за коммиссію и пересылку денегъ по 30 коп. съ годового экземпляра, и въ редакціи журнала (Дѣвичья, № 14. Харьковъ).

Журналъ Мирный Трудъ Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ одобренъ для фундаментальныхъ библіотекъ духовно-учебныхъ заведеній, и Учебными Комитетами Министерства Народнаго Просвѣщенія и Министерства Финансовъ допущенъ къ пріобрѣтенію въ фундаментальныя библіотеки учебныхъ заведеній обоихъ вѣдомствъ.

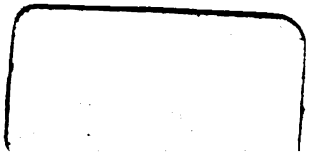
ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ:

20 рублей за полную страницу, 10 рублей за половину и 5 руб. за четверть страницы.

Въ редакціи продаются книжки „Мирнаго Труда“ за 1902—3 г. (первый годъ изданія) по 5 рублей съ пересылкой за годовой экземпляръ.

Редакторъ-издатель проф. *А. Вязигинъ*.

6045
43



2044 092 939 792